На небосводе популярной культуры информационного века Уильям Гибсон — ярчайшая звезда.

The San Diego Union-Tribune

УИЛЬЯМ ГИБСОН

Нулевое досье

Впервые на русском языке!

Издательство "Азбука"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Уильям Гибсон прославился трилогией «Киберпространство» («Нейромант», «Граф Ноль», «Мона Лиза овердрайв»), ставшей краеугольным камнем киберпанка и определившей лицо современной литературы на десятилетия вперед. Но очень быстро жанровому революционеру стали тесны рамки любого жанра – и за совместной с Брюсом Стерлингом стимпанк-эпопеей «Машина различий» последовали «Трилогия Моста», действие которой происходит в своего рода альтернативном настоящем, и «Трилогия „Синего муравья“», начатая романом «Распознавание образов», продолженная «Страной призраков» и завершенная «Нулевым досье». Итак, уже знакомая нам героиня «Страны призраков» Холлис Генри – бывшая рок-певица, а теперь журналист – снова оказывается в поле притяжения Губерта Бигенда, магната-визионера от рекламы. Бигенд обнаружил, что кто-то использует вирусный маркетинг хитроумнее и эффективнее самого Бигенда, – и поручает Холлис найти неуловимого дизайнера секретного бренда «Габриэль Хаундс» («Гончие Гавриила»)…

Впервые на русском!

- Уильям Гибсон
  - ○
  - ○
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18

- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62

- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- Благодарности

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60

Уильям Гибсон
Нулевое досье

© Е. Доброхотова-Майкова, перевод, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Моему редактору Сьюзен Аллисон

1
«Кабинет»

Сколько она помнила этот город, такси здесь всегда были черными.

То, что остановил для нее Инчмейл, выглядело аэродинамическим симулякром черных таксомоторов-пращуров. По серебристо-перламутровому корпусу – берлинской лазурью реклама чего-то немецкого: не то банка, не то бухгалтерского софта. Искусственная кожа сидений – ортопедически-бежевая.

– Тяжелые у них деньги. – Инчмейл высыпал ей в ладонь пригоршню монет по фунту. – Гуляй не хочу.

Монеты еще хранили тепло игрового автомата, у которого он на секунду притормозил на выходе со станции Кингз-что-то-там.

– У кого у них?

– У моих соотечественников. От щедрот.

– Не надо. – (Пытаясь отдать деньги.)

– На такси. – (Называя таксисту адрес на Портман-Сквер.)

– Ой, Редж. Все не так плохо. У меня есть. В акциях.

– Хуже некуда. Позвони ему.

– Нет.

– Позвони. – Инчмейл (борода, широкие плечи, японская куртка из рубчатого гортекса в елочку, со сложными по́лами, застегнута на множество контринтуитивных пряжек) захлопнул дверцу такси.

Она смотрела через заднее стекло, как он, в первом часу ночи, уходит по Грик-стрит в студию – ломать упрямого Клэмми из «Тумб». Двигать искусство и зарабатывать деньги.

Затем она провалилась в себя и очнулась только за «Селфриджем», когда таксист повернул направо.

Вот и северная сторона Портман-Сквер. Холлис расплатилась с таксистом и, спеша избавиться от денег Инчмейла, дала щедрые чаевые.

Клуб, ультрамодный и современный, назывался «Кабинет», что подразумевало: «кабинет диковин». Инчмейл вступил в него вскоре после того, как они, трое оставшихся участников «Ночного дозора», продали китайскому автозаводу права на «Такой быть сложно». Инчмейл – он уже продюсировал один альбом «Тумб» в Лос-Анджелесе и собирался с Клэмми в Лондоне записывать второй – рассудил, что членство в клубе обойдется дешевле гостиницы. Холлис предполагала, что он не прогадал, но только в сравнении с очень дорогой гостиницей.

Сейчас она снимала номер в этом же клубе. Судя по ситуации на биржах и разговорам с нью-йоркским бухгалтером, надо было срочно подыскать местечко поскромнее.

«Кабинет» втиснули по вертикали в половину георгианского особняка из тех, чьи фасады напоминали ей лицо задремывающего в метро пассажира. Вторую, западную, половину здания занимала неведомая организация, с которой клуб делил богато, но строго отделанный вестибюль. У Холлис было смутное ощущение, что это какой-то фонд, возможно благотворительный. Или в поддержку гипотетического мира на Ближнем Востоке. Так или иначе, посетители туда не ходили – по крайней мере, Холлис их ни разу не видела.

Никакой таблички у организации не было, ни на фасаде, ни на двери, как, впрочем, и у «Кабинета».

В первый же день Холлис заметила в баре исландских двойняшек, абсолютно неотличимых, с идентичным мельхиоровым пушком на голове: обе через соломинку тянули красное вино из больших пивных стаканов. «Ирландские понты», – заметил Инчмейл и счел нужным добавить, что исландки – не члены клуба. Члены клуба до звездности не дотягивали. Холлис это вполне устраивало, Инчмейла, видимо, тоже.

Он говорил, что купился на декор, и это очень походило на правду. Их – Инчмейла и декор – роднил элемент безумия.

Она толкнула дверь, в которую можно было бы, не пригибаясь, проехать на лошади.

– Добрый вечер, мисс Генри.

– Добрый вечер, Роберт.

Главной обязанностью Роберта – крупного молодого человека в добротном костюме из темной ткани в тончайшую серую полоску – было ненавязчиво приглядывать за входной дверью.

Интерьер вестибюля не производил впечатления полностью и бесповоротно сумасшедшего, в том смысле, что здесь декораторы еще не окончательно пошли вразнос. Напротив входной двери высился огромный стол красного дерева, украшенный богатой резьбой, на которой в сплетении виноградных лоз происходило что-то смутно порнографическое. За столом дежурил служащий клуба, обычно тот или иной молодой человек в очках с черепаховой оправой (Холлис подозревала, это те черепаховые оправы, которые из настоящих черепах).

На столе умиротворяюще несовременно громоздились кипы бумаг, дальше плавно изгибались две симметричные полукруглые лестницы на первый этаж, который, как и все выше вестибюля, делился на несообщающиеся царства таинственного фонда и

«Кабинета». С кабинетовской стороны по лестнице низвергались звуки коллективной попойки: разговоры и смех звонким эхом отлетали от мрамора оттенков старого меда, вазелина и табачных смол. Сбитые ступени кое-где залатали прямоугольниками заурядного бледно-прозаического материала. Холлис старательно избегала на них наступать.

Молодой человек в черепаховых очках, не дожидаясь просьбы, протянул ей ключи.

– Спасибо.

– Пожалуйста, мисс Генри.

За аркой между лестницами план здания выказывал признаки неуверенности, – видимо, необходимость разделить особняк пополам потребовала определенных жертв. Холлис нажала затертую, но регулярно начищаемую бронзовую кнопку и вызвала самый старый лифт, какой ей случалось видеть где бы то ни было – даже в Лондоне. Кабина размером с неглубокий стенной шкаф степенно двигалась за черной стальной сеткой.

Справа от Холлис, в тени, стояла витрина с чучелами, подсвеченная изнутри эдвардианской музейной лампой. Птиц (по большей части дичь – фазана, нескольких куропаток и еще каких-то незнакомых) установили на выцветшем бильярдном сукне, словно поймав в движении. Тусклый и несколько облезлый вид вполне соответствовал антикварному возрасту. За ними, в человеческой позе, сомнамбулически вытянув передние лапы, застыл поеденный молью хорек. Его зубы всегда казались Холлис нереалистически большими; она подозревала, что они деревянные и покрыты лаком. Нос и губы точно были подкрашены, что придавало хорьку вид зловещей дамочки, с которой не хотелось бы встретиться на рождественской вечеринке. Инчмейл посоветовал Холлис объявить хорька своим тотемом, духом-покровителем, добавив, что сам уже так сделал и немедленно обрел способность вызывать у топ-менеджеров музыкальных лейблов межпозвоночную грыжу – источник адской боли и мучительной беспомощности.

Пришел лифт. Холлис жила в клубе не первый день, так что с металлической дверью-гармошкой справлялась почти легко. Переборов желание кивнуть хорьку, она вошла в кабину и медленно поплыла на третий этаж.

Этаж узких, выкрашенных темно-зеленой краской, петляющих коридоров. Чтобы попасть в номер четвертый, надо было открыть несколько дверей, по виду – пожарных (они были толстые, тяжелые, самозахлопывающиеся). На зеленых стенах висели маленькие акварельные пейзажи без людей, каждый – с архитектурным капризом на заднем плане. Причем каприз был

один и тот же, независимо от изображенной местности. Холлис не говорила об этом Инчмейлу, чтоб избежать вопросов: ему бы они доставили удовольствие, ей – нет. Что-то тут было слишком пограничное, на самом пороге восприятия. Лучше не думать. Жизнь и без того сложна.

Ключ на массивном бронзовом кольце с толстой плетеной кисточкой пурпурного шелка плавно повернулся в огромном замке. Холлис вдавила перламутровую серединку невзрачной гуттаперчевой кнопки, и свет выхватил из темноты все концентрированное безумие художников-оформителей «Кабинета».

Чересчур высокий потолок, – наверное, тут был целый зал, который разделили на номера. Холлис подозревала, что ванная больше самой комнаты. Хотя, возможно, это была оптическая иллюзия.

Декораторы еще подчеркнули высоту потолков за счет белых, по спецзаказу отпечатанных обоев с черными картушами, в которых, если всмотреться, угадывались увеличенные фрагменты энтомологических гравюр. Зазубренные жвалы, волосатые ножки, тонкие крылышки каких-то (Холлис предполагала – майских) жуков. Два предмета составляли почти всю обстановку номера четвертого. Первый – массивная кровать, сплошь облицованная резной моржовой костью, стояла у стены под исполинской нижней челюстью гренландского кита, почти клерикальной в своей строгой белизне. Второй – птичью клетку, такую большую, что Холлис при желании втиснулась бы в нее целиком, – декораторы подвесили к потолку. Минималистские галогеновые светильники на прутьях целенаправленно освещали различные артефакты в номере. В клетке лежали книги – не бутафорские, как с гордостью указал Инчмейл. Художественные и нехудожественные, они, похоже, все были про Англию. Пока Холлис прочла часть «Английских эксцентриков» Эдит Ситуэлл и взялась за «Одинокого волка» Джеффри Хаусхолда[1].

Она повесила плащ на мягкие, обтянутые атласом плечики, убрала в шкаф и села на край кровати развязать шнурки. «Ложе полярного психоза», назвал эту кровать Инчмейл. «Сильнейшая истерия, – процитировала сейчас Холлис на память, – депрессия, копрофагия, нечувствительность к холоду, эхолалия». Она бросила туфли в направлении открытой двери гардероба и добавила: «Вот только копрофагии не надо». Полярный психоз, он же пиблокто, он же арктическое безумие. Этноспецифическое умственное расстройство. Возможно, связанное с питанием. Конкретно с токсичностью витамина А. Инчмейл постоянно выдавал такого рода сведения, особенно в студии. Скорми

Клэмми тазик витамина А, посоветовала тогда Холлис, ему не помешает.

Взгляд упал на три нераспечатанные картонные коробки слева от шкафа. В них лежали затянутые в пленку экземпляры британского издания ее книги. Книги, которую она писала в гостиничных номерах, пусть не таких примечательных, как этот. Холлис засела за работу сразу как пришли деньги от китайской рекламы. Поехала в «Стейплс» в Западном Голливуде и купила три китайских стола: раскладывать рукопись и бесконечные иллюстрации в угловом номере отеля «Мармон». Сейчас казалось, это было сто лет назад. И она не знала, куда девать авторские. Коробки с американским изданием так и остались в камере хранения «Трайбека-гранд-отеля».

– Эхолалия, – сказала Холлис, встала, сняла свитер и, сложив, убрала в ящик шкафа – аккуратно, чтобы не задеть маленькое шелковое саше с ароматической смесью. (Эту мину подложили в ящик служащие «Кабинета», но Холлис знала: если саше не трогать, оно не воняет.) Затем надела бежеватый кабинетовский халат, скорее бархатный, чем махровый, хотя странным образом без того, чем обычно раздражали ее бархатные халаты. Особенно мужчины почему-то выглядели в них поганцами.

Зазвонил телефон. Он являл собой коллаж: капитанского вида трубка из обтянутой резиной бронзы покоилась в кожаном гнезде на палисандровом кубе с бронзовыми уголками. Звонок был механический, дребезжащий – как будто велосипедный, и не здесь, а далеко внизу на пустой улочке. Холлис минуты две гипнотизировала телефон, надеясь, что он умолкнет.

– Сильнейшая истерия, – сказала она.

Телефон продолжал звонить.

Три шага, и ее рука легла на трубку.

Трубка была все такая же несуразно тяжелая.

– Копрофагия, – объявила Холлис тоном больничной медсестры, называющей отделение.

– Здравствуйте, Холлис.

Она взглянула на трубку, увесистую, как старый молоток, и почти такую же побитую. Толстый провод, оплетенный винно-красным шелком, касался голой руки.

– Холлис?

– Да, Губерт.

Она вообразила, что бьет трубкой по хрупкому антикварному палисандру, давит престарелого электромеханического сверчка. Поздно. Он уже умолк.

– Я видел Реджа.

– Знаю.

– И просил его передать, чтобы вы позвонили.

– Он передал.

– Рад снова слышать ваш голос.

– Время позднее.

– Ну тогда ложитесь, выспитесь, – бодро произнес он. – Я буду к завтраку. Мы с Памелой едем на машине.

– Где вы?

– В Манчестере.

Она вообразила, как рано утром вызывает такси. Улица перед «Кабинетом» пуста. Паддингтонский вокзал. Экспресс до Хитроу. Самолет. Другой номер в другой гостинице. И снова звонит телефон. Его голос.

– Манчестер?

– Норвежский черный металл.

Холлис представила норвежские этноукрашения и тут же поправила себя: музыкальный жанр. Голос в трубке говорил:

– Редж сказал, меня может заинтересовать.

Так вам и надо, подумала она. Субклинический садизм Инчмейла порой находил достойную жертву.

– Я собиралась спать допоздна, – сказала Холлис, просто чтобы не соглашаться сразу, хотя знала: теперь от него не уйти.

– Значит, в одиннадцать. Жду встречи.

– Доброй ночи, Губерт.

– Доброй ночи, Холлис.

Она положила трубку. Аккуратно, чтобы не ушибить скрытого сверчка. Он не виноват.

И она тоже.

Может, вообще никто не виноват.

2
«Предместье»

Милгрим разглядывал собакоголовых ангелов в магазине подарков «Голубой дельфин».

Их головы размером чуть больше половины натурального были из той же гипсовой массы, что аляповатые настенные украшения недавнего прошлого: пираты, мексиканцы, арабы в тюрбанах. Наверняка их тоже можно было сыскать здесь, в самой богатой сокровищнице американского сувенирного китча на его памяти.

Тела у ангелов под блестками и белым атласом были гуманоидные, неустойчиво прямые и вытянутые на манер Модильяни, лапы сложены молитвенно, как у средневековых статуй, крылья – от непомерно больших елочных игрушек.

Очевидно, решил Милгрим, глядя через стекло на полдюжины разных морд – бульдогов, эрделей, пуделей, – они служили памятью об усопших любимцах.

Держа руки в карманах, он перевел взгляд на соседнюю витрину и подивился обилию конфедератской символики. Кружки, магниты, пепельницы, статуэтки. Садовый жокей[2] в полметра высотой держал вместо традиционного кольца маленький поднос. Лицо и руки у него были ядовито-марсиански-зеленые (вероятно, из соображений политкорректности). Вокруг теснились пластмассовые орхидеи, кокосовые орехи с прорезанными дикарскими глазами и ртами, коллекции минералов в стеклянных коробочках. Милгрим чувствовал себя внутри великанского автомата с игрушками, в котором невытащенные призы копились десятками лет. Он поднял голову, почти ожидая увидеть безжалостный исполинский захват, но там висела лишь большая лакированная акула, похожая на фюзеляж игрушечного самолета.

Интересно, сколько лет магазину, если в названии «голубой» без всякой задней мысли? Наверняка часть сувениров сделана еще в оккупированной Японии.

Получасом раньше по другую сторону Норт-Оушен-бульвара Милгрим смотрел, как бритые мальчишки-новобранцы в скейтбордистской экипировке, еще блестящей от фабричной смазки, жадно таращатся на китайские мечи для истребления орков – шипастые и зазубренные, как челюсти вымершего хищника. Тут же висели карнавальные бусы, пляжные полотенца с конфедератскими флагами, поддельная атрибутика «Харли

Дэвидсон». Милгрим подумал, сколько же ребят гуляет по Миртл-Бич накануне отправки в очередную горячую точку, по набережным и по выметенной ветром песчаной полосе вдоль океана.

Он проходил мимо старых – старше его – игровых автоматов. Какие-то духи-хранители, определенно не лучшие, шептали о культуре наркотиков, въевшейся в жирный карнавальный налет этого места: волдыри от солнечных ожогов, блеклые татуировки, глаза, как у чучел на провинциальной бензоколонке.

У него была назначена встреча.

Он пришел якобы один. На самом деле – нет. Где-то неподалеку Оливер Слейт следил за точкой-Милгримом на экране телефона «нео», такого же, как у самого Милгрима. Он передал Милгриму «нео» в самолете Базель – Хитроу и велел постоянно носить с собой. Выключать только на борту коммерческих рейсов.

Сейчас он двинулся прочь от собакоголовых ангелов, от акульей тени. Мимо товаров для юного натуралиста: морских звезд, морских ежей, завитых раковин. Вверх по широким ступеням к Норт-Оушен-бульвару, пока не уткнулся взглядом в пупок молодой, глубоко беременной женщины. На женщине были джинсы с эластичными вставками, химически затертые в самых причудливых местах, и облегающая розовая футболка. Голый живот с вывернутым наружу пупком пугающе напоминал исполинскую грудь.

– Это вы? – Женщина прикусила нижнюю губу. Блондинка. Лицо, которое забудется через минуту. Большие темные глаза.

– У меня тут назначена встреча. – Милгрим снизу вверх смотрел ей в лицо, но не мог прогнать чувство, что обращается к пупку, или соску, прямо перед своим ртом.

Глаза у нее расширились.

– Вы не иностранец?

– Нью-Йорк, – признался Милгрим, вполне допуская, что это равносильно ответу «да».

– Просто не хочу, чтобы он вляпался, – проговорила женщина мягко и яростно одновременно.

– Мы все не хотим, – торопливо заверил он. – Никому этого не надо. – Его натужная улыбка ощущалась так, будто он давит резиновую игрушку. – А вы?..

– На восьмом месяце, – тоном глубокого благоговения перед собственной беременностью. – Он не здесь. И ему это сильно не нравится.

– Нам всем это не нравится, – ответил Милгрим и тут же засомневался, так ли стоило говорить.

– У вас есть навигатор?

– Да, – сказал он.

Вообще-то, Слейт объяснил, что в «нео» две системы навигации, американская и русская. Потому что американская сильно завязана на политику и вблизи некоторых объектов исключительно ненадежна.

– Он будет там через час. – Женщина передала Милгриму чуть влажный сложенный листок бумаги. – Вам стоит выехать прямо сейчас. И вы должны быть один.

Милгрим набрал в грудь воздуха:

– Извините, но если надо ехать на машине, я не смогу быть один. У меня нет прав. Придется просить друга. У него «форд-таурус-экс».

Она заморгала:

– Правда ведь, «форды» стали фигней со времени фиговых названий?[3]

Он сглотнул.

– У моей матери был «фристайл», – сообщила женщина. – Коробка передач – полное говно. Если в компьютер попадает вода, машина встает намертво. Надо его отсоединять. Тормозные колодки изнашивались за две недели. И вообще очень противно визжали.

Впрочем, воспоминание о чем-то привычном, связанном с матерью, ее успокоило.

– Натурально, – ответил Милгрим и сам удивился выражению, которого от себя не ждал. Он, не глядя, спрятал бумажку в карман и обратился к животу: – Вы могли бы сделать мне одолжение? Предупредить по телефону, что меня отвезет друг?

Женщина вновь закусила нижнюю губу.

– Мой друг богатый, – сказал Милгрим. – Ему не трудно.

> > >

– И она позвонила? – спросил Слейт, сидя за рулем «тауруса-Х».

Голос шел из бородки, которую Слейт регулярно подравнивал по трафарету, зажатому между зубами.

– Обещала, – ответил Милгрим.

– Обещала.

Они ехали от океана, к городу Конуэй, через местность, напоминавшую Милгриму самые несимпатичные окрестности Лос-Анджелеса. К многорядному шоссе с обеих сторон

подступали аутлеты, «Хоум-Депо» размером с океанский лайнер, тематические рестораны. Уцелевшие магазинчики-старожилы по-прежнему держали связь с морскими промыслами и выращиванием табака. Легенды додиснейлендовских времен. Милгрим выискивал взглядом эти осколки прошлого. Ворота с надписью: «Продажа садового грунта». Четырехэтажный универмаг с двумя ломбардами. Магазинчик пиротехники с собственной бейсбольной площадкой. Мгновенные займы под залог ваших документов на автомобиль. Шеренги некрашеных садовых скульптур.

– Что там у вас за программа в Базеле? Двенадцать шагов? – спросил Слейт.

– Нет вроде бы, – ответил Милгрим, думая, что Слейт спрашивает, сколько раз ему переливали кровь.

> > >

– Насколько близко к месту приведут эти цифры? – спросил Милгрим.

Слейт, прежде чем тронуться, вбил числа с бумажки в свой телефон, который теперь лежал у него на коленях.

– Довольно близко. Похоже, сейчас свернем направо и будем у цели.

Они уже миновали Конуэй, во всяком случае, скопление торговых центров по окраине этого самого Конуэя. Здания поредели, в пейзаже проступали реликты бывших полей.

Слейт повернул направо, на дорогу, засыпанную дробленым серым известняком.

– Деньги под вашим сиденьем, – сказал он.

Хрустя гравием, они выехали к белому дощатому дому под нависающей крышей, но без крыльца. Придорожная архитектура минувшей эпохи, утилитарность без красоты. Рамы в четырех окошках заменили на пластиковые.

Милгрим зажимал между коленями тубус с калькой, в правом кармане слаксов лежали два завернутых в салфетку графитовых бруска. На заднем сиденье валялся пенопластовый рисовальный планшет формата А2 на случай, если понадобится ровная поверхность. Милгрим выудил из-под сиденья ярко-синий виниловый кармашек А5 на молнии и с тремя дырками под скоросшиватель. Пачка соток внутри придавала папке вес небольшого словаря.

Хруст гравия смолк. Они остановились чуть в стороне от здания. Примитивную вывеску на двух серых столбах замыло

дождем до полной нечитаемости: Милгрим разобрал лишь слово «СЕМЕЙНЫЙ» голубым курсивом с засечками. Других машин на гравийной площадке не было.

Милгрим вылез из машины, мгновение помедлил в задумчивости, затем снял с красного тубуса крышку, вытащил кальку, прислонил тубус к сиденью, взял деньги и захлопнул дверцу. Рулон прозрачных листов выглядел менее угрожающе.

Мимо по трассе проезжали машины. Милгрим, хрустя гравием, прошел десяток шагов до вывески. Над «СЕМЕЙНЫЙ» он разобрал «ПРЕДМЕСТЬЕ» осыпавшейся красной краской и, ниже, «РЕСТОРАН». В левом нижнем углу черной краской были когда-то нарисованы детские силуэты трех домов, в правом, синей – условные очертания холмов и, возможно, озера. И черная, и синяя краска выцвели почти полностью. Видимо, ресторан располагался за официальной чертой города, отсюда и название.

В тихом и по виду запертом здании кто-то трижды быстро стукнул по стеклу – возможно, кольцом.

Милгрим послушно подошел к входной двери, неся свернутую кальку как скромный скипетр, а другой рукой прижимая к боку виниловую папку.

Дверь открылась внутрь. За ней стоял регбист с порнографической прической восьмидесятых годов. Или не регбист, но такого же телосложения: высокий, длинноногий, невероятно широкоплечий. Он отступил на шаг, приглашая Милгрима войти.

– Здравствуйте, – сказал Милгрим, вступая в теплый неподвижный воздух.

В доме пахло сильным дезинфектантом и застарелой готовкой.

– Я привез деньги, – продолжал Милгрим, показывая виниловую папку.

Не используемый, но готовый к использованию ресторан. Законсервированный, как стратегический бомбардировщик B-52 в аризонской пустыне. Милгрим приметил в углу пустой стеклянный шар автомата для продажи жевательной резинки.

– Положите на стойку, – скомандовал молодой человек.

На нем были голубые джинсы и черная футболка – и то и другое, по виду, с каким-то процентом спандекса, и дутые черные кроссовки. На правом шве джинсов, довольно низко, располагался длинный узкий карман. Стальная клипса удерживала в нем большой складной нож.

Милгрим положил деньги на стойку. Она была из бирюзового пластика, табуреты перед ней – хромированные, с потертой искусственной кожей того же бирюзового цвета.

– Мне надо будет сделать прориси, – сказал он, чуть приоткрывая папку. – Так лучше всего видны детали. А сперва сфотографирую.

– Кто в машине?

– Мой друг.

– Почему вы без прав?

– Вождение в состоянии интоксикации, – ответил Милгрим. Что в некоем философском смысле было почти правдой.

Регбист молча обогнул пустую стеклянную витрину, где когда-то лежали сигареты и шоколадки. Оказавшись напротив Милгрима, он нагнулся и вытащил из-под стойки что-то в мятом полиэтиленовом пакете. Пакет положил на стойку, а виниловую папку придвинул к себе с таким видом, будто его накачанное спортивное тело действует само по себе, а он лишь безучастно наблюдает.

Милгрим открыл пакет и вытащил сложенные неглаженые штаны. Они были того песчано-бежевого оттенка, который, он знал, называется «койот». Милгрим разложил их на пластиковой стойке, достал из кармана фотоаппарат и начал снимать со вспышкой. Сделал шесть снимков спереди, затем перевернул штаны и сделал шесть снимков сзади. Отдельно сфотографировал каждый из четырех оттопыренных накладных карманов. Положил аппарат, вывернул штаны наизнанку и щелкнул еще несколько раз. Затем убрал аппарат в карман, аккуратнее расправил вывернутые штаны на стойке, расстелил поверх первый лист кальки и начал делать натирку грифельным бруском.

Ему нравилась эта работа – она как-то особенно умиротворяла. Его отправили в Хэкни к портному, который подгоняет одежду по фигуре, и тот целый вечер показывал, как правильно делать натирку. Милгриму отчего-то приятно было сознавать, что этот метод промышленного шпионажа освящен веками. Как будто перетираешь рисунок с мраморного надгробья или с бронзовых церковных дверей. Грифель НВ, если правильно его двигать, запечатлевал все детали швов и отстрочек, необходимые конструктору, чтобы изготовить лекала и воспроизвести модель.

Молодой человек тем временем открыл виниловую папку и пересчитал сотки.

– Им нужны ластовицы, – сказал он, закончив считать.

– Простите? – Милгрим поднял голову от работы.

– Ластовицы в шаговом шве, – сказал молодой человек, убирая деньги обратно в папку. – Они тянут при спуске дюльфером.

– Спасибо, – ответил Милгрим и показал измазанные

графитом руки. – Переверните штаны, пожалуйста. Боюсь их запачкать.

> > >

– «Дельта» до Атланты, – сказал Слейт, вручая Милгриму пухлый конверт.

Он снова был в мерзопакостном костюме с нелепо короткими брюками, который для поездки в Миртл-Бич сменил на менее раздражающий.

– Бизнес?

– Эконом, – злорадно ответил Слейт и вручил Милгриму второй конверт. – «Бритиш мидленд» до Хитроу.

– Эконом?

Слейт нахмурился:

– Бизнес.

Милгрим улыбнулся.

– Он ждет на встречу сразу из аэропорта, – добавил Слейт.

Милгрим кивнул.

– До свиданья, – сказал он и пошел к стойке регистрации – в руке сумка, под мышкой красный тубус.

Прямо над головой у него был флаг штата Южная Каролина, странно исламский со своими пальмой и полумесяцем.

3
Пыльная бахрома

Через многочисленные слои занавесок пробивался серый свет. Холлис некоторое время лежала и смотрела на повторяющиеся энтомологические картуши, которые к потолку становились все меньше и сплющеннее. Полки с экспонатами кунсткамеры. Разновеликие головы из мрамора, бронзы, слоновой кости. Черное круглое дно запертой в клетку библиотеки.

Глянула на часы. Начало десятого.

Встала – в футболке «Тумб» размера XXL, надела небархатный халат и пошла в ванную, глубокую и высокую пещеру бежеватой плитки. Столетние краны циклопического викторианского душа, как всегда, поворачивались с трудом. Толстенные никелированные трубы для сушки полотенец огораживали его с трех сторон, к ним крепились стеклянные панели в дюйм толщиной (современные). Историческая лейка душа прямо над головой имела в диаметре дюймов тридцать. Холлис сбросила халат и футболку, надела одноразовую шапочку, встала под душ и намылилась кабинетовским мылом ручной работы, от которого слегка пахло огурцом.

Снимок этого душа она хранила в телефоне. Он напоминал ей машину времени Герберта Уэллса. Возможно, душ уже работал в те годы, когда Уэллс печатал в журнале главы того, что впоследствии стало его первым романом[4].

Вытираясь и намазываясь кремом, она слушала Би-би-си из-за узорчатой бронзовой решетки. Ничего особенно катастрофического со вчерашнего дня. Повседневный будничный подтекст вхождения в штопор смикширован до фона.

Осталось снять шапочку и тряхнуть волосами – они еще отчасти сохранили сделанную в «Селфридже» укладку. Холлис любила перекусывать в ресторанном дворике «Селфриджа»; сбега́ть оттуда через заднюю дверь, пока не захватил коллективный транс шопинга. Хотя дальше транса дело обычно не заходило. Куда большую опасность таили мелкие магазинчики, особенно в Лондоне. Взять хоть японские джинсы, которые она натягивала сейчас. Купленные неделю назад за углом от студии Инчмейла. Дзенская пустота, чаши с осколками застывшего индиго. Продавщица, немолодая миловидная японка, в костюме из «В ожидании Годо».

Надо держать себя в руках. Деньги.

Чистя зубы над мраморной раковиной, Холлис заметила

между косметикой фигурку синего муравья: четыре лапки в боки, ухарская ухмылка. Ты меня подвел, мысленно упрекнула она. Со времен знакомства с Бигендом у нее сохранилось совсем немного вещей: кой-какая ювелирка и вот этот муравей. Холлис пыталась отделаться от него по меньшей мере один раз, да как-то не вышло. Она думала, что оставила муравья в ванкуверском пентхаусе Бигенда, но, приехав в Нью-Йорк, обнаружила его у себя в сумке. Ей пришла странная фантазия считать его оберегом. Мультипликационный торговый знак фирмы, он должен был тайно напоминать о нежелании связываться с этой конторой впредь.

Она надеялась, что муравей защитит ее от Бигенда.

У тебя не так-то много другой собственности, напоминала она себе, полоща зубы. Спасибо краху доткомов и неудачной попытке вложиться в продажу виниловых пластинок еще до встречи с Бигендом. Сейчас дела были не так плохи, но, по словам бухгалтера, на последнем биржевом обвале она обеднела почти вдвое. И в этот раз даже не по собственной вине. Никаких акций в стартапах, никаких донкихотских музыкальных магазинчиков в Бруклине.

Все ее нынешнее имущество находилось в этой комнате. Не считая обесцененных акций и коробок с авторскими экземплярами в «Трайбека-гранд-отель». Холлис выплюнула жидкость для полоскания в раковину.

У Инчмейла не было того страха перед Бигендом, что у нее. Но Инчмейл, при всем своем феноменальном уме, был наделен некой полезной душевной толстокожестью. Он считал Бигенда занятным. Впрочем, для Инчмейла «жутковатое» и «занятное» понятия вполне совместимые. В его глазах Бигенд не такая уж исключительная аномалия. Неприлично богатый и до опасного азартный любитель поиграть со скрытой архитектурой мира.

Абсолютно невозможно внушить такой природной сущности, как Бигенд, что ты не хочешь иметь с ним дела. Это только больше его раззадорит. Ей уже случилось поработать на Бигенда: короткий и чрезмерно насыщенный период жизни. Холлис оставила его позади и занялась книгой, которая естественно выросла из того, что она делала (или думала, что делает) для Бигенда.

Однако же, напомнила она себе, застегивая лифчик и натягивая футболку, деньги, которые сократились почти вдвое, получены от «Синего муравья». Как ни крути. Она надела поверх футболки черный мохеровый свитерок, разгладила его на боках и подтянула рукава. Села на край кровати, завязала шнурки. Вернулась в ванную нанести макияж.

Сумочка, айфон, ключ с шелковой кистью.

Коридорами мимо одинакового архитектурного каприза в разных пейзажах. Нажать кнопку, дождаться лифта. Холлис прижалась лицом к стальной сетке, чтобы видеть, как снизу ползет кабина с невероятным электромеханическим Тесла-агрегатом на крыше – аутентичным, не дизайнерской репликой. Всякий раз Холлис не без тайного удовольствия отмечала на нем жирную бахрому пыли – такой родной в стерильной обстановке «Кабинета». И даже несколько окурков – англичане в этом смысле полные свиньи.

Вниз на лифте, на этаж над вестибюлем, где уже убрали все следы ночного гудежа. Служащие клуба, на удивление здравые среди безумия его интерьеров, деловито сновали между столиками. Холлис села у стены под инкрустированной деревянной конструкцией, которая прежде, вероятно, служила стойкой для ружей. Теперь на ней красовались бивни нарвала.

Молодая итальянка, не дожидаясь заказа, принесла ей кофе в серебряном кофейнике, кувшинчик горячего молока и «Таймс».

Холлис только налила себе вторую чашку («Таймс» она даже не развернула), когда на лестнице в другой стороне ресторана показался Губерт Бигенд в широком, песочного цвета тренчкоте.

Он безусловно принадлежал к типу мужчин, который ассоциировался у Холлис с бархатными халатами. И даже выглядел как в халате, когда шел к ней через весь зал, расстегивая на ходу пояс и разводя крымские лацканы[5], за которыми она увидела – первый и наверняка последний раз в жизни! – костюм цвета «Международный синий Кляйна»[6]. Почему-то при каждой новой встрече ей казалось, будто Бигенд заметно раздался вширь, ничуть при этом не располнев. Просто стал еще больше. Возможно, это было как-то связано со *сближением*.

Люди за столиками вжимали голову в плечи, не столько из страха, что Бигенд заденет их развевающимися полами, сколько от ощущения, что он их не видит.

– Холлис, вы великолепны.

Она встала, и он поцеловал воздух рядом с ее щекой. Вблизи Бигенд всегда казался чересчур полнокровным. Поросячьи розовым. Теплее обычного человека. И пахло от него каким-то древнеевропейским лосьоном.

– Сомневаюсь, – ответила она. – Посмотрите на себя. На свой костюм.

– Мистер Фиш[7], – объявил Бигенд.

Он выбрался из тренчкота, бренча люверсами и D-образными пряжками. Его галстук был почти точно в тон светло-золотистой

рубашке.

– Он замечательный, – сказала Холлис.

– Он не умер, – улыбнулся Бигенд, усаживаясь в кресло напротив.

– Не умер? – Холлис тоже села.

– Очевидно, нет. Просто очень хорошо прячется. Я нашел его закройщика. На Сэвил-роу.

– Это же синий Кляйна, да?

– Конечно.

– Выглядит радиоактивно. В костюме.

– Выбивает собеседника из колеи.

– Надеюсь, вы надели его не ради меня.

– Само собой. – Бигенд снова улыбнулся. – Я ношу его, потому что он мне нравится.

– Кофе?

– Черный.

Холлис подозвала итальянскую официантку.

– Как вам черный металл?

– Рычаг тремоло, – ответил Бигенд тоном легкого беспокойства, – сдвоенная педаль басовой бочки. Редж считает, в них что-то есть. – Он чуть склонил голову набок. – А вы?

– Я не слежу. – Холлис налила себе в кофе молока.

Подошла итальянка. Холлис заказала мюсли, Бигенд – полный английский завтрак.

– Мне понравилась ваша книга, – сказал он. – И пресса вроде была хорошая. Особенно статья в «Вог».

– «Бывшая рок-звезда опубликовала книгу фотографий»?

– Нет, не так. Действительно хорошие отзывы. – Он отряхнул тренчкот, который повесил на ручку кресла. – Работаете сейчас над чем-нибудь?

Она отпила кофе.

– Вам есть смысл продолжить, – сказал он.

– Сомневаюсь.

– Общество редко позволяет знаменитости в одной области прославиться в другой. Исключая скандалы, разумеется.

– Я не хочу быть знаменитостью.

– Вы уже знаменитость.

– Была. И довольна мелкая.

– Уровень безусловной славы, – произнес Бигенд тоном врача, объявляющего самоочевидный диагноз.

Некоторое время они сидели молча. Холлис делала вид, будто просматривает первые страницы «Таймс». Наконец появилась итальянка и такой же симпатичный темноволосый юноша, принесли завтрак на деревянных подносах с бронзовыми

ручками.

Бигенд проводил взглядом округлый зад итальянки и сказал:

– Обожаю полный английский завтрак. Требуха. Кровяной пудинг. Бобы. Бекон. Вы бывали здесь до новомодной кухни? Наверняка бывали.

– Да. В ранней молодости.

– Уже тогда полный английский завтрак был гениальным. – Бигенд резал колбаску, что-то похожее на хаггис, сваренный в кишке мелкого животного вроде коалы. Он подцепил кусок на вилку и, прежде чем отправить в рот, объявил: – Вы кое-чем могли бы нам помочь.

– Нам.

Он прожевал, кивнул, проглотил.

– Как вы наверняка знаете, мы не просто рекламное агентство. Мы занимаемся трансляцией образа бренда, прогнозом тенденций, управлением поставщиками, прощупыванием молодежной аудитории, стратегическим планированием в целом.

– Почему тот ролик так и не вышел? Для которого вы заплатили нам столько денег за «Такой быть сложно»?

Бигенд обмакнул хлебец в жидкий желток глазуньи, откусил половину, прожевал, проглотил, вытер губы салфеткой.

– А вам это важно?

– Сумма была огромная.

– Это Китай, – сказал Бигенд. – Машина, для которой готовили рекламу, так и не вышла на рынок.

– Почему?

– Изъяны конструкции. Фундаментальные. Правительство решило, что с этой машиной нельзя выходить на международный рынок. Особенно в свете нескольких скандалов с вредными добавками в пищевых продуктах.

– Машина была настолько плоха?

– Бесповоротно. – Бигенд принялся нагребать на хлебец бобы. – Песня ваша не понадобилась. Чиновники, занимавшиеся проектом, насколько я знаю, по-прежнему живы-здоровы. Вполне себе оптимальный исход для всех заинтересованных лиц.

Он принялся за бекон. Холлис ела мюсли с фруктами, поглядывая на Бигенда. Тот ел быстро, методично заправляя горючим тот метаболизм, который позволял ему работать на повышенных оборотах. Холлис никогда не видела его усталым или сонным после долгого перелета. Он как будто жил в собственном часовом поясе.

Бигенд доел раньше нее и дочиста вытер тарелку последним треугольничком поджаренного хлеба.

– Трансляция образа бренда, – сказал он.

– Да? – Холлис подняла бровь.

– История. Покупают не столько продукт, сколько связанную с ним историю.

– Это что-то старое, – сказала Холлис. – Потому что я это уже слышала.

Она отпила глоток остывшего кофе.

– В некоторой степени идея стала самоисполняющимся пророчеством. Дизайнеров учат придумывать персонажей с историей – тех, для кого разрабатывается продукт, или их окружения. Стандартная процедура. Есть сходные процедуры в брендинге вообще, в создании новых продуктов, новых компаний, всего такого.

– И что, работает?

– Да. Но поскольку работает, стало фактом. Как только придумывается новый способ что-то делать, передний край сдвигается. Куда-то.

– Куда?

– Вот тут-то в этой истории появляетесь вы, – сказал Бигенд.

– Ничего подобного.

Он улыбнулся. У него, как всегда, было слишком много слишком белых зубов.

– У вас на зубах бекон, – соврала Холлис.

Прикрыв рот белой льняной салфеткой, Бигенд попытался отыскать несуществующий кусочек бекона. Потом опустил салфетку и оскалился.

Холлис сделала вид, будто вглядывается в его зубы.

– Мне показалось, там был бекон, – с сомнением произнесла она. – И меня не интересует ваше предложение.

– Вы – человек богемы, – сказал он, складывая салфетку.

– В каком смысле?

– Вы никогда не работали в штате. Вы фрилансер. И всегда были фрилансером. Не завели недвижимость.

– И не только от нежелания.

– Да, – сказал он. – Но когда вы пытаетесь заработать, ваше сердце к этому не лежит. Я сам – человек богемы.

– Губерт, вы, наверное, самый богатый из всех моих знакомых.

Говоря, Холлис сообразила, что это не совсем правда. Она встречала людей богаче Бигенда, но все они были куда скучнее. Он был, наверное, самым неординарным богачом, какого ей довелось знать.

– Это побочное следствие, – ответил он. – В частности, побочное следствие того, что мне глубоко безразличны деньги.

Как ни странно, Холлис ему верила – по крайней мере, в

этом. Капиталы Бигенда были как-то связаны с готовностью рисковать. С той самой готовностью рисковать, которая делала его таким опасным знакомцем.

– Моя мать принадлежала к богеме, – продолжал он.

– Федра, – неожиданно для себя вспомнила Холлис.

– Я постарался сделать ее старость как можно более обеспеченной. У людей богемы так бывает не всегда.

– Вы хороший сын.

– Редж – образец успешного человека богемы, не так ли?

– Да, наверное.

– Он постоянно что-то делает. Постоянно. Всегда что-то новое. – Бигенд глянул на нее поверх тяжелого серебряного кофейника. – А вы?

Тут он ее поймал. Заглянул прямо внутрь.

– А я – нет, – ответила она, поскольку ничего другого не оставалось.

– Вам надо что-нибудь делать. Причем не важно что. В этом-то главный секрет. Поскольку вы – человек творческий, любое дело выльется во что-нибудь по-настоящему ваше. Ведь так было прошлый раз, верно? Вы написали книгу.

– Но вы мне солгали, – сказала она. – Говорили, что у вас есть журнал и мне в него заказана статья.

– У меня был журнал, потенциально. Были сотрудники.

– Один!

– Два. Считая вас.

– Я не могу так работать. Не могу!

– На этот раз будет иначе. Гораздо менее… рискованно.

– АНБ прослушивало ваш телефон. Читало вашу электронную почту.

– Теперь мы знаем, что оно прослушивало всех. – Он ослабил светло-золотистый галстук. – Тогда не знали.

– Вы знали. Либо догадались, либо как-то выяснили.

– Некто, возможно, разрабатывает потенциально новый подход к трансляции образа бренда.

– Вы выражаетесь очень осторожно, – заметила Холлис.

– Некое абсолютно провокационное использование негативного пространства, – проговорил он как будто бы даже с огорчением.

– Кто?

– Не знаю. Не смог выяснить. Такое чувство, будто кто-то прочел и понял мой сценарий. А возможно, и расширил его.

– Так поручите дело Памеле, – сказала Холлис. – Она в таком разбирается. Или кому-нибудь еще. У вас наверняка целая армия людей, которые в таком разбираются.

– Но в том-то и дело. Те, кто разбирается, не нащупают переднего края. Не нащупают нового. Хуже того, они невольно затопчут новое, просто в силу некой узости, присущей профессионализму. – Бигенд промокнул губы сложенной салфеткой, хотя в этом не было нужды. – Мне нужна неизвестная величина. То есть вы.

Он откинулся в кресле и посмотрел на нее, в точности как смотрел недавно на аккуратную попку официантки, хотя Холлис знала, что сейчас его мысли далеки от секса.

– Господи! – невольно выдохнула она, и ей сразу захотелось стать очень маленькой. Такой маленькой, чтобы спрятаться в бахроме пыли на крыше стимпанковского лифта, между бежевыми сигаретными фильтрами.

– Название «Габриэль Хаундс» вам что-нибудь говорит?

– Нет, – ответила она.

Он довольно улыбнулся.

4
Парадоксальный антагонист

Свет в самолете был приглушен. Милгрим лежал без сна под тонким пледом «Бритиш мидленд», чувствуя под боком картонный тубус.

Таблетки он принял пятнадцать минут назад. Время пришлось пересчитывать ручкой на задней обложке рекламного журнала авиалиний. Трудная задача – не спутать расписание приема при смене часовых поясов, особенно когда тебе не говорят, что́ ты принимаешь. Таблетки выдавали базельские врачи, всегда без фабричной упаковки. Ему объяснили, что это важная часть лечения. Все препараты были переупакованы в белые желатиновые капсулы, отличающиеся только размером. Вскрывать капсулы не разрешалось.

Милгрим затолкал пустой блистер вместе с рукописной инструкцией (день, час – все мелким почерком лиловыми чернилами) в карман на задней спинке переднего кресла, поглубже. Они останутся в самолете в Хитроу. Через таможню велено ничего не проносить.

Паспорт лежал на груди, под рубашкой, в чехле Фарадея – для защиты информации в RFID-метке. Перехват RFID-меток был манией Слейта. Метки радиочастотной идентификации. Их сейчас клеят куда угодно и точно в последние американские паспорта. Слейт сам обожал перехватывать RFID-метки, оттого, наверное, так параноил по их поводу. Можно сидеть в вестибюле гостиницы и удаленно собирать информацию из паспортов американских бизнесменов. Чехол Фарадея не пропускает радиосигналы, а значит, не дает считать метку.

Телефон «нео» – еще одно доказательство, что Слейт помешан на идее безопасности и, как подозревал Милгрим, контроля. У телефона была микроскопическая экранная клавиатура – пальцем не нажмешь, только стилусом. В клинике сказали, что координация глаз-рука у Милгрима хорошая, и все равно, набирая эсэмэски, он каждый раз чувствовал себя ювелиром. Что еще хуже, Слейт установил засыпание телефона через тридцать секунд простоя, и если задуматься больше чем на двадцать девять секунд, приходилось заново вводить пароль. На жалобы Слейт объяснил, что это ограничивает окно потенциального взлома полминутой и что в любом случае админских прав он Милгриму не даст.

«Нео», как постепенно понял Милгрим, был не столько

телефоном, сколько *tabula rasa*, на которую Слейт мог удаленно, без ведома и согласия Милгрима, ставить и удалять приложения. Еще «нео» был подвержен тому, что Слейт называл «паникой ядра»: зависал и ни на что не реагировал до перезагрузки. Это состояние Милгрим хорошо знал по себе.

Впрочем, последнее время Милгрим реже впадал в панику, а если впадал, то перезагружался собственными силами. Как объяснила психотерапевт в клинике, это побочный эффект того, что он действует не на автопилоте. Милгрим предпочитал не очень замечать такие побочные эффекты, чтоб не сглазить. Психотерапевт говорила, что главное для него, в смысле побочных эффектов уменьшенной тревожности, – отказ от регулярного приема бензодиазепинов.

Он, по-видимому, сейчас не принимал их совсем после очень постепенной отмены в клинике. Милгрим не знал, когда именно перестал получать бензодиазепины: одинаковые капсулы не позволяли определить. А капсул он принимал много, некоторые – с пищевыми добавками: клиника была с натуропатическим уклоном, что-то такое типично швейцарское. Впрочем, в остальном лечение было вполне агрессивное, начиная с неоднократных переливаний крови и заканчивая препаратом, который врачи называли «парадоксальный антагонист». Он вызывал особо странные сны: в них Милгрима преследовал Парадоксальный Антагонист – загадочный субъект, который почему-то ассоциировался у него с цветовой гаммой американской рекламы пятидесятых годов.

Милгрим скучал по психотерапевту. Так приятно говорить по-русски с интеллигентной женщиной. В переводе на английский это было бы совсем не то.

Он пробыл в клинике восемь месяцев, дольше всех остальных пациентов. Каждый при возможности тихонько спрашивал его, что за фирма. Милгрим поначалу отвечал произвольно, называя тот или иной культовый бренд своего детства: «Кока-кола», «Дженерал моторс», «Кодак». У слушателей расширялись глаза. Под конец он стал называть «Энрон»[8]. Глаза у слушателей суживались. «Энрон» появился оттого, что психотерапевт велела ему ознакомиться с событиями последних десяти лет. Которые, как она справедливо заметила, он полностью пропустил.

> > >

Ему снится высокая белая комната с полом мореного дуба. Высокие окна. За ними идет снег. Мир снаружи абсолютно

безмолвный, плоский. Свет рассеянный.

– Где вы учили русский, мистер Милгрим?

– В Колумбии. В смысле, в Колумбийском университете.

У нее бледное лицо. Темные волосы расчесаны на прямой пробор и туго стянуты назад.

– Вы описывали свое предыдущее положение как неволю. Это было после университета?

– Да.

– Считаете ли свое нынешнее положение таким же?

– Считаю ли я его неволей?

– Да.

– Не в том же смысле.

– Ваше лечение здесь сто́ит очень больших денег. Знаете ли вы, почему их готовы на вас тратить?

– Нет. А вы?

– Даже догадок нет. Знаете ли вы, что такое врачебная тайна в моей профессии?

– Вы не должны никому пересказывать наши разговоры?

– Да. А как вы думаете, я ее сохраню?

– Не знаю.

– Сохраню. Когда я согласилась приехать сюда и работать с вами, я сразу поставила такое условие. Я здесь ради вас, мистер Милгрим. Не ради них.

– Приятно слышать.

– Но поскольку я здесь ради вас, мистер Милгрим, я о вас тревожусь. Это так, будто вы заново родились на свет. Вам понятно?

– Нет.

– Вы были ущербны, когда вас сюда привезли. Сейчас вы менее ущербны, однако восстановление – комплексный органический процесс. Если вам повезет, он будет продолжаться до конца вашей жизни. «Восстановление», возможно, неудачный термин. Да, вы восстанавливаете некоторые аспекты своей личности, но куда важнее то, чего у вас раньше не было. Первичные аспекты развития. У вас в определенном смысле произошла задержка в развитии. Теперь вы получили возможность расти.

– Но это ведь хорошо?

– Хорошо? Да. Приятно? Не всегда.

> > >

В Хитроу его ждал высокий бритоголовый негр с табличкой, на которой красным маркером средней толщины было выведено:

«мИЛгРИм».

– Милгрим, – сказал Милгрим.

– Анализ мочи, – ответил негр. – Сюда.

Ему с самого начала очень твердо объяснили, что сдавать анализы по случайному графику – условие непременное. Типа не хочешь – до свидания. Условие угнетало бы его меньше, если бы анализ брали в менее неловких ситуациях. Хотя, видимо, в неудобности и был главный смысл.

Негр повел Милгрима в заранее выбранный туалет, на ходу комкая и убирая в карман листок с красной фамилией.

– Сюда, – проговорил он, быстро идя вдоль ряда дверец.

Типичный британский туалет: не просто перегородки между унитазами, а каждый в отдельной кабинке с настоящей дверью. Первое культурное различие, которое Милгрим замечал после перелета. Наверное, англичанам американские туалеты кажутся уж слишком общественными. Негр указал Милгриму на пустую кабинку, обернулся и быстро шагнул следом. Потом запер дверь и протянул пластиковый гермопакет с баночкой. Милгрим аккуратно поставил красный тубус в угол.

Он понимал, что наблюдатель необходим. Иначе легко подменить баночку. Даже «пописать» из специального искусственного пениса. В нью-йоркской газете писали.

Милгрим вынул баночку из пакета, свинтил синюю крышку и совершил требуемое – на ум пришла фраза: «без дальнейших церемоний». Потом закрыл баночку, убрал в пакет и протянул негру – тренированным движением, так, чтобы тому не пришлось коснуться баночки с теплой мочой. Негр бросил все в бумажный пакет, который свернул и убрал в карман куртки. Милгрим повернулся и продолжил журчать, а негр открыл дверцу и вышел из кабинки.

Когда Милгрим тоже вышел, негр мыл руки, его бритая голова сияла отраженным люминесцентным светом.

– Как погода? – спросил Милгрим, намыливая руки под бесконтактным диспенсером.

Красный тубус стоял рядом на забрызганном искусственном граните.

– Дождь, – ответил негр, вытирая руки.

Вымыв и вытерев руки, Милгрим провел сырым бумажным полотенцем по нижней пластиковой крышке тубуса.

– Куда мы едем?

– Сохо, – ответил негр.

Милгрим вышел следом за ним, неся дорожную сумку через плечо, а красный тубус – под мышкой.

Тут он вспомнил про «нео».

Включил телефон, и тот сразу зазвонил.

5
На дороге не валяются

Холлис смотрела, как Бигенд, по-вампирски подняв ворот, спускается в вестибюль, скачками исчезая из виду с каждой ступенькой. Потом запрокинула голову и уставилась на витые копья нарвальих бивней.

Через минуту она выпрямилась и попросила кофе с молоком – чашку, не кофейник. Постояльцы клуба в основном позавтракали и ушли. Остались Холлис и двое русских в темных костюмах, похожие на статистов из фильма Кроненберга[9].

Она вытащила айфон и загуглила *«Gabriel Hounds»*.

К тому времени, когда принесли кофе, она уже знала, что это роман Мэри Стюарт «Гончие Гавриила», название по меньшей мере одного компакт-диска и как минимум одной рок-группы.

Практически любое знакомое ей сочетание слов было названием какого-нибудь диска или группы. Вот почему у всех групп за последние двадцать лет такие незапоминающиеся названия, даже если участники гордились своей оригинальностью.

Однако изначальные гончие Гавриила, как выяснилось, были из народной легенды. В ветреные ночи люди слышали, как они гонят дичь высоко в небе. Дальние родичи Дикой охоты. Легенда абсолютно в духе Инчмейла, причем у нее были и более жуткие варианты. В них фигурировали псы с человечьими головами или даже с головами человечьих младенцев. Это связывали с верой, что гончие Гавриила охотятся на души младенцев, умерших без крещения. Язычество под маской христианства. В некоторых старых вариантах они назывались гаркавые выжлецы. Чистой воды инчмейловщина. Он бы тут же назвал подходящую группу «Гаркавые выжлецы».

– Принесли для вас, мисс Генри.

Итальянка протянула ей блестящий бумажный пакет, желтый, без надписей.

– Спасибо.

Холлис отложила айфон и взяла пакет. Он был запечатан степлером. Холлис вспомнила огромный степлер в виде головы турка на порнографическом столе. Ручки соединялись двумя прошитыми визитными карточками. ПАМЕЛА МЭЙНУОРИНГ, «СИНИЙ МУРАВЕЙ».

Холлис оторвала карточки и раскрыла пакет, разрывая бумагу степлерными скобами.

Очень тяжелая джинсовая рубашка. Холлис разложила ее на коленях. Нет, не рубашка. Куртка. Темнее ее японских джинсов, ближе к черному. И от ткани пахло индиго, сильно. Землистый дух джунглей, знакомый по японскому магазинчику. Пуговицы-кнопки, черные, чуть шероховатые, без блеска.

Никаких логотипов снаружи. Ярлык под воротником внутри, из некрашеной кожи, толщиной как у среднего ремня. На нем выжжено не название, а неопределенный и смутно пугающий контур, в котором вроде бы угадывалась собака с младенческой головой. Клеймо, по всей видимости, согнули из одного куска проволоки, раскалили и вдавили в кожу, оставив на ней подпалины. Под нижним краем кожаного ярлыка была пришита сложенная белая тесьма с машинной вышивкой: три круглые точки треугольником. Размер?

Клеймо с условной головой пупса так и притягивало взгляд.

> > >

– Двадцать унций[10], – объявила элегантно седовласая профессор джинсоведения, разложив куртку «Габриэль Хаундс» на полированной деревянной плите толщиной в фут, которая опиралась на чугунные ноги какого-то фабричного станка. – Слабби[11].

– Что-что?

Женщина провела пальцами по рукаву куртки:

– Фактура ткани. Видите, какое грубое плетение?

– Это японский деним?

Женщина подняла брови. Сегодня на ней был колючий твидовый пиджак, брюки х/б, застиранные до неопределенного оттенка, рубашка из домотканого оксфорда и два широких (но разной формы) галстука в огурцах.

– Американцы разучились делать такую ткань. Может, японский. Может, нет. Где вы добыли эту куртку?

– Взяла у знакомого.

– Вам нравится?

– Я еще не мерила.

– Что же так?

Женщина обошла Холлис, помогла ей снять плащ и надеть куртку.

Холлис взглянула в зеркало. Расправила плечи. Улыбнулась.

– Неплохо. – Она подняла воротник. – Лет двадцать уже таких не носила.

– Сидит замечательно. – Женщина двумя руками провела по

спине Холлис ниже лопаток. – Две плечевых складки-гольф[12] для свободы движений. Укрепленные изнутри эластичной тесьмой. Это детали «куртки механика» Генри Дэвида Ли, начало пятидесятых.

– Если ткань японская, то и шили в Японии?

– Возможно. Пошив, обработка деталей – все самого лучшего качества, но… Япония? Тунис? Даже Калифорния.

– Вы не знаете, где купить такую же? Или другую вещь той же фирмы? – Холлис почему-то не хотелось произносить название вслух.

Их взгляды в зеркале встретились.

– Слышали про секретные бренды?[13] Знаете, что это?

– Наверное, – неуверенно ответила Холлис.

– Это очень секретный бренд, – сказала женщина. – Ничем не могу вам помочь.

– Но вы уже помогли. Спасибо.

Внезапно Холлис захотелось выбежать из восхитительно минималистского магазинчика, из мускусной атмосферы индиго.

– Спасибо большое. – Она надела плащ поверх куртки «Габриэль Хаундс». – Спасибо. До свидания.

По Аппер-Джеймс-стрит быстро шел молодой человек в надвинутом до глаз полушарии тонкой черной шерсти. Черный с ног до головы, за исключением белого небритого лица и белых от уличной пыли подошв.

– Клэмми! – машинально окликнула Холлис.

– Блин, – отозвался Клэмми с недавно приобретенным западно-голливудским акцентом. Его передернуло, словно от долго сдерживаемого напряжения. – Ты-то здесь как?

– Джинсовку ищу. – Холлис обернулась на магазинчик, потому что не помнила названия. И обнаружила, что у него нет вывески. – «Габриэль Хаундс». У них нет.

Клэмми, возможно, поднял брови – под черной лыжной шапочкой было не видно.

– Вот такую. – Холлис распахнула плащ.

Клэмми сузил глаза:

– Где достала?

– У знакомого.

– Их, по ходу, хрен раздобудешь, – веско объявил Клэмми. Как будто впервые принял Холлис всерьез.

– Кофе?

Клэмми поежился.

– Я болею. – Он громко хлюпнул носом. – Свалил со студии.

– Травяной чай. И лекарство, которое я пью для иммунитета.

– У тебя с Инчмейлом было? Тогда, в группе. Ребята говорят,

да.

– Нет, – твердо ответила она. – Ни плотски, ни платонически.

Непонимающий взгляд.

– Все уверены, что солистка должна спать с гитаристом, – пояснила она.

Клэмми насморочно ухмыльнулся:

– Угу. Про меня с Артуром так пишут.

– Вот-вот, – сказала Холлис. – Канадское лекарство на основе женьшеня. Добавка к травяному чаю. Точно не повредит.

Клэмми снова хлюпнул носом и кивнул.

> > >

Она надеялась, что у него и правда простуда. Иначе это была бы первая стадия героиновой ломки. Но, возможно, все-таки простуда плюс неизбежный стресс от работы с Инчмейлом.

Холлис заставила Клэмми проглотить пять капсул Колд-FX и сама приняла три для профилактики. Обычно они не помогали, когда уже совсем разболеешься, только если зацепить простуду в самом начале, но ради лекарства Клэмми согласился зайти в «Старбакс» на Голден-сквер, сразу за углом, и Холлис надеялась на эффект плацебо. Инчмейл, считавший Колд-FX очередным фуфломицином, утверждал, что у него другого эффекта и нет.

– Принимай и дальше, – сказала Холлис, ставя пластиковый пузырек перед Клэмми рядом с бумажным стаканом горячей ромашки. – На инструкцию не смотри. Пей по три капсулы три раза в день.

Клэмми пожал плечами.

– Где ты, говоришь, оторвала «хаундсовский» куртяк?

– Взяла у знакомого.

– А он где добыл?

– Я не спрашивала. Мне сказали, это «секретный бренд».

– Не такой уж секретный, если знать. Просто найти трудно. «Хаундсы» на дороге не валяются.

– Он уже говорит, что надо перезаписать минусовки? – Холлис решила сменить тему. Тогда, если Клэмми сам вернется к джинсовке, она сможет поддержать разговор, не выдавая чрезмерную заинтересованность.

Клэмми поежился и кивнул.

– Предлагал писать в Тусоне?

Клэмми наморщил скрытый под шапочкой лоб.

– Вчера. – Он глянул через окно на опустевший из-за дождя Голден-сквер.

– Там есть одна студия. Его секрет. Соглашайся. И если потом он захочет заново писать вокал – тоже соглашайся.

– Тогда какого хера он выкручивает мне яйца сейчас?

– Его метод работы.

Клэмми закатил глаза – к потолку или к черной шапочке, – затем снова посмотрел на Холлис.

– «Хаундсы». – Джинсы на нем были черные, очень узкие. – Двадцать унций. Тяжелые, как зверь.

– Слабби?

– Ты слепая?

– Где ты их нашел?

– В Мельбурне. Там одна знала, где и когда.

– В магазине?

– В магазинах их не бывает. Только в секондах, да и то вряд ли.

– Я гуглила. Нашла роман Мэри Стюарт, рок-группу и диск другой группы…

– Посмотри следующие страницы выдачи, найдешь *eBay*.

– «Хаундсы» на *eBay*?

– Все паленые. Почти все. Китайские.

– Китайцы их подделывают?

– Китайцы, по ходу, подделывают все, – сказал Клэмми. – Если на *eBay* выплывают тру-«хаундсы», кто-то сразу предлагает столько, что торг прекращают. Ни разу не видел, чтобы «хаундсы» ушли с аукциона.

– Это австралийский бренд?

У него стало то же брезгливое выражение лица, что при их прежних встречах.

– Да нет же. Это *«хаундсы»*.

– Расскажи мне про них, Клэмми, – попросила Холлис. – Мне надо знать.

6
Развязка

Пластиковый чехол «нео» напоминал Милгриму детекторы неоднородностей, какие продают в строительных магазинах. То же сочетание простоты и неудобства.

– Ластовицы? – спрашивал Рауш в телефоне.

– Он сказал, нужны. В шаговом шве.

– Что это такое?

– Тканевая вставка между двумя швами. Обычно треугольная.

– Откуда вы это знаете?

Милгрим задумался.

– Мне нравятся детали.

– Как он выглядел?

– Похож на регбиста, – ответил Милгрим. – С каскадом.

– С чем?

– Я не могу говорить, – сказал Милгрим. – Развязка близка.

– Что…

Милгрим нажал отбой.

Убирая «нео» в карман, он сел прямее, и ему передалась мощная сосредоточенность хирургически пересаженного мотора. Бронированная четырехдверная «тойота-хайлюкс» застыла на светофоре перед въездом на круговую развязку Хангер-лейн, самую большую в Англии и построенную не для слабонервных: семь полос машин, целеустремленно мчащих к семи разным съездам.

По словам Олдоса, другого водителя «Синего муравья», от них требовали ездить из Хитроу этим маршрутом, далеко не оптимальным, чтобы сохранить навыки, которые быстро теряются на лондонских улицах.

Внутренне собравшись для разгона с нуля на безопасных шинах, Милгрим глянул вправо, вниз, увидел колено водителя в соседнем ряду, обтянутое серой тканью в тонкую белую полоску, и пропустил момент, когда зажегся зеленый.

И вот они уже несутся по круговому шоссе, водитель умело бросает махину «хайлюкса» вбок, встраиваясь в крошечные просветы на соседней полосе.

Милгрим понятия не имел, отчего это доставляет ему такой кайф. До Базеля он бы всю развязку просидел зажмурясь, а если бы знал про испытание загодя – повысил дозу препарата. А сейчас сидел, ухмыляясь, и держал зажатый между колен тубус двумя руками, как джойстик.

Они выехали с развязки. Милгрим блаженно выдохнул и почувствовал на себе взгляд водителя.

Этот был не такой разговорчивый, как Олдос. Хотя, может, просто из-за анализа мочи. Олдосу ни разу не пришлось забирать анализ и ехать в Лондон с остывающей баночкой в кармане.

Олдос рассказал Милгриму про «тойоту-хайлюкс»: про янкелевскую броню[14], пуленепробиваемые окна, боестойкую ранфлетовскую резину. «Защита уровня наркокартеля», – сказал Олдос. Зачем потребовался такой уровень безопасности, Милгрим не спросил, подозревая, что вопрос деликатный. В любом случае для Лондона их серебристо-серый пикап был явно нехарактерен.

После куда менее занимательного отрезка пути началась Юстон-роуд, а с ней и образ Лондона как такового.

Словно вхождение в игру: плоский лабиринт, фрактально составленный из мастерски проработанных, но не вполне реальных зданий, быть может слегка перетасованных с прошлого раза. Знакомые пиксели лишь предварительно намечены: сундук фокусника, нечто протеевское, потенциально даже неопасное.

Из-за ранфлетовских шин на битуме трясло сильно, на брусчатке вытряхивало душу. Милгрим откинулся на спинку сиденья и крепко ухватился за тубус. Водитель бесконечно крутил, держась, надо думать, примерно параллельно Тотнем-Корт-роуд. Направляясь в центр города, к Сохо.

> > >

У входа в «Синий муравей» ждал Рауш (водитель позвонил ему, пока они ползли в пробке на Бик-стрит). Сеял мелкий дождик, и Рауш прикрыл голову журналом. Полупрозрачный ежик темных волос, словно напыленных из баллончика, ершился очень по-раушевски: в нем, как и во всем облике, читалось стремление к небрежной простоте, нелепое в своей натужности. Узкий черный костюм был помят, колени висели мешками, белая рубашка со стороны поднятой руки вылезла из-под ремня. Очки в раскосой оправе не мешало бы протереть.

Водитель нажал кнопку и разблокировал пассажирскую дверь.

– Спасибо, – сказал Милгрим.

Водитель не ответил.

Перед ними было черное такси – пришлось подождать еще минуту, пока оно проедет.

Когда Милгрим толкнул тяжелую дверцу, она распахнулась с пугающей скоростью и, наверное, по инерции сорвалась бы с

петель, не останови ее две крепкие нейлоновые стропки. Милгрим спрыгнул на асфальт, на миг уперся взглядом в красный огнетушитель под пассажирским сиденьем и, держа сумку и тубус, попытался захлопнуть дверцу плечом. «Ух», – сказал он, поставил сумку на тротуар, зажал тубус под мышкой и свободной рукой защелкнул бронированную махину.

Рауш нагнулся поднять сумку.

– Баночка у него. – Милгрим кивнул на пикап.

Рауш брезгливо поморщился:

– Да. Он отвезет в лабораторию.

Милгрим кивнул и принялся разглядывать толпу пешеходов в Сохо – она всегда его занимала.

– Они ждут, – напомнил Рауш.

Милгрим вслед за ним вошел в помещение «Синего муравья». Рауш приложил свой бейдж к стальной пластине, и дверь – двухдюймовая плита зеленоватого стекла – беззвучно открылась.

Вестибюль походил одновременно на очень дорогую частную школу искусств и на правительственное оборонное учреждение, – по крайней мере, как воображал их Милгрим. Люстра из тысячи очков с диоптриями отлично вписывалась в образ частной художественной школы; труднее сказать, что создавало впечатление Пентагона (или Уайтхолла?). Пять или шесть плазменных экранов демонстрировали последние достижения «Синего муравья», по большей части рекламные ролики европейских и японских автомобилей с бюджетом побольше иных полнометражных кинокартин; под ними двигались люди с такими же бейджами, как у Рауша. Их носили на шее на лентах разных цветов, иногда – с повторяющимся логотипом бренда или проекта. Пахло очень хорошим кофе.

Милгрим послушно смотрел на красный крест за стеклом бюро пропусков, пока глазок камеры медленно двигался в квадратном окошке, словно некое техническое устройство в террариуме. Фотография, которую ему вручили через минуту, была в очень низком разрешении и на ядовито-салатовой ленте без всяких логотипов. Как всегда, у него возникло смутное подозрение, что по крайней мере одно из назначений бейджа – служить мишенью, буде возникнет такая надобность.

– Кофе, – сказал он.

– Нет, – ответил Рауш, – они ждут.

Однако Милгрим уже шел к стойке с кофе – источнику дивных запахов.

– Маленький капучино, пожалуйста, – обратился он к бариста – блондинке с ежиком чуть длиннее, чем у Рауша.

– Они ждут, – нетерпеливо повторил Рауш с нажимом.

– Мне надо будет говорить. Без кофе никак, – ответил Милгрим.

Блондинка налила кофе в белую чашку, взбила молоко и изобразила им аккуратное сердечко, как с валентинки.

– Спасибо, – сказал Милгрим.

В лифте на четвертый этаж Рауш беззвучно исходил нетерпением. Милгрим был занят главным образом тем, чтобы ровно держать блюдце с чашкой.

Двери лифта открылись. За ними стояла Памела Мэйнуоринг. Милгриму подумалось, что вся она, начиная с великолепной челки на платиновых волосах, – идея зрелой женщины в представлении порнографа с очень хорошим вкусом.

– С возвращением, – сказала Памела, не замечая Рауша. – Как Южная Каролина?

– Все хорошо. – Милгрим (красный картонный тубус в правой руке, чашка с капучино в левой) чуть приподнял тубус. – Привез.

– Отлично. Идемте.

Милгрим прошел за нею в длинное помещение с большим конференц-столом посередине. Бигенд сидел за дальним концом стола, спиной к окну. В первый миг Милгрим подумал, будто там что-то не так с компьютером, потом сообразил, что кобальтово-синее пятно – это костюм Бигенда.

– С вашего позволения, – сказала Памела.

Она взяла тубус и передала любимице Милгрима в модельерской команде Бигенда – молодой француженке, которая на сегодняшнее заседание пришла в шотландской юбке и кашемировом свитере.

– Фотографии есть? – спросила Памела.

– В сумке, – ответил Милгрим.

Покуда сумку ставили на стол и открывали, на окнах бесшумно опустились автоматические жалюзи. Сверху зажглись лампы, Милгримовы кальки аккуратно развернули на освещенном столе. Фотоаппарат, лежавший в сумке поверх одежды, теперь передавали вдоль стола из рук в руки.

– Ваше лекарство, – сказала Памела, вручая ему упаковку.

– Прошу садиться, – произнес Бигенд, вставая.

Милгрим сел справа от Памелы. Кресла были суперэргономичные, то ли швейцарские, то ли итальянские. Соблазн понажимать торчащие из-под сиденья рычажки был очень велик, но Милгрим сдержался.

– Похоже на бундесверовскую натовскую форму, – заметил кто-то. – Штанины – типичные пятьсот первые «ливайсы».

– Но не верх, – возразила девушка в шотландской юбке и кашемировом свитере. – Двух защипов нет, посадка ниже.

– Фотографии, – произнес Бигенд (он стоял у француженки за спиной).

На плазменном экране в полутьме лондонского конференц-зала появилась бирюзовая пластиковая стойка семейного ресторана «Предместье» и на ней – штаны цвета «койот».

– Карманов для наколенников нет, – произнес молодой человек, американец.

– Нам сообщили, у них новая система крепления наколенников, – с медицинской серьезностью проговорила француженка. – Но я ее здесь не вижу.

Все молча смотрели на меняющиеся слайды.

– В какой мере они тактические? – спросил Бигенд, когда первая фотография появилась во второй раз. – Это модель для контракта с министерством обороны?

Тишина. Затем:

– Уличная одежда.

Говорила французская девушка, и говорила уверенно.

– Если это для военных, то не для американских, – добавила она.

– Он сказал, нужны ластовицы, – вставил Милгрим.

– Что? – мягко спросил Бигенд.

– В шаговом шве. Чтобы не тянули при спуске дюльфером.

– Вот как, – сказал Бигенд. – Отлично. Просто отлично.

Милгрим осторожно отпил первый глоток кофе.

7
СВЧ-пушка на Фрит-стрит

Бигенд рассказывал свою историю в людном тапас-баре на Фрит-стрит (у Холлис было смутное ощущение, что она здесь не первый раз). История была о том, как кто-то с помощью СВЧ-пушки сжег чужой диск в соседнем здании в Москве. Пока что хорошего в ней было только то, что Бигенд называл жесткий диск винчестером и Холлис рисовалась уже совсем киношная картинка с пушками и ковбойскими ружьями. СВЧ-пушка, объяснил Бигенд, – генератор, который помещается в рюкзаке и вырабатывает шестнадцатимегаваттные импульсы. Холлис вдруг испугалась, что это такой мужской юмор и закончится история тем, что кого-то нечаянно поджарили через стену.

– Пострадали ли животные при создании этого анекдота? – спросила она.

– Я люблю животных, – объявил Милгрим, американец, с которым Бигенд познакомил ее в «Синем муравье». Сказано это было удивленно, как будто Милгрим обнаружил за собой любовь к животным только сейчас; имени его Бигенд не назвал, только фамилию.

После того как Клэмми затолкал белый пластиковый пузырек Колд-FX в карман узких «хаундсов» и вышел из «Старбакса» под ненадолго проглянувшее солнышко (он решил вернуться в студию), Холлис немного постояла на мокром Голден-Сквер, затем – бесцельно, как уверяла себя, – побрела по Аппер-Джеймс в сторону Бик-стрит. Справа за первым перекрестком она увидела здание «Синего муравья» в точности там, где помнила, и вдруг поняла, что тайно надеялась не обнаружить его на месте.

Она нажала кнопку домофона. «Да?» – ответили круглые дырочки над кнопкой.

– Холлис Генри, к Губерту.

Дырочки поинтересовались, назначена ли ей встреча.

– Нет.

Толстая стеклянная дверь открылась почти мгновенно. За ней стоял симпатичный бородатый мальчик в спортивной вельветовой куртке по виду заметно старше него.

– Меня зовут Джейкоб. Мы пытаемся его разыскать. – Он протянул руку.

– Холлис.

– Заходите, пожалуйста. Я фанат «Ночного дозора».

– Спасибо.

– Хотите кофе, пока ждете?

Он указал на подобие караульной будки в искусно состаренную диагональную желтую и черную полосу. В будке очень коротко стриженная блондинка начищала кофемашину, похожую на гоночный автомобиль.

– Из Турина, – похвастался Джейкоб. – Три сотрудника фирмы приезжали ее устанавливать.

– Разве меня не должны сфотографировать? – спросила Холлис.

Когда они первый раз пришли подписывать контракт, Инчмейла здорово разозлила здешняя система безопасности.

Тут телефон в правой руке Джейкоба заиграл «Ящик 1 из 1», самую ее нелюбимую дозоровскую песню. Холлис сделала вид, будто не замечает.

– В вестибюле, – сказал Джейкоб в телефон.

– Давно вы в «Синем муравье»? – спросила Холлис.

– Два года. Я, вообще-то, работал над вашим роликом. Мы были совершенно убиты, когда он не пошел. Знаете Дэмиена?

Дэмиена Холлис не знала.

– Режиссер. Убиты наповал.

Тут появился Бигенд в ультрамариновом костюме и накинутом на плечи тренчкоте размером с хорошую походную палатку. С ним шли Памела и неприметный мужчина в хлопковой спортивной куртке и мятых слаксах. Мужчина был небрит; через плечо у него висела черная нейлоновая сумка.

– Милгрим. Холлис Генри, – сказал Бигенд.

Мужчина поздоровался и потом почти не открывал рта.

– Каких животных? – спросила она сейчас, чтобы не дать Бигенду вернуться к рассказу.

Милгрим сморгнул.

– Собак, – ответил он быстро, словно его поймали на чем-то стыдном.

– Вы любите собак? – спросила Холлис.

Она была уверена, что человек, применивший СВЧ-пушку, был у Бигенда на жалованье, хотя тот без особых причин не скажет этого прямо.

– Я познакомился с милой собакой в Базеле, в… – (микровыражение тревоги), – в доме друзей.

– Собака ваших друзей?

– Да. – Милгрим напряженно кивнул, отпил глоток кока-колы и, моргая, сказал Бигенду: – Вы могли бы применить искровой генератор. Делается из видеомагнитофона. Они меньше.

– Кто вам сказал? – спросил Бигенд с каким-то новым вниманием.

– Э… сосед по комнате. – Милгрим указательным пальцем тронул стопку белых овальных тарелочек для тапас, словно проверяя, что они ему не мерещатся. – Он такого боялся. Все время говорил, что боится. И злился.

Он виновато взглянул на Холлис.

– Понятно, – ответил Бигенд, хотя Холлис решительно ничего не поняла.

Милгрим достал из кармана сложенную аптечную упаковку, развернул и сосредоточенно наморщил лоб. В упаковке были белые капсулы разного размера. Милгрим аккуратно вытащил три, закинул в рот и запил кока-колой.

– Вы наверняка очень устали, – сказала ему Памела, сидевшая рядом с Холлис. – У вас же сейчас по американскому времени ночь.

– Ничего страшного, – ответил Милгрим, пряча в карман упаковку.

Холлис подумала, что в его чертах есть какая-то странная неопределенность, как у подростка, хотя на вид она дала бы ему тридцать с небольшим. Казалось, он не совсем освоился с собственным лицом и чувствует себя в нем немного стесненно. И не до конца верит, что это именно он сидит в кафе на Фрит-стрит, ест устриц, кальмаров и хамон.

– Олдос отвезет вас в гостиницу, – сказала Памела.

Олдосом, как догадывалась Холлис, звали одного из двух высоких негров, которые провожали их от «Синего муравья», неся на случай дождя зонты-трости с длинными лакированными ручками. Оба остались на улице и стояли молча, на расстоянии в несколько футов друг от друга, глядя на Бигенда через окно.

– Это где? – спросил Милгрим.

– В Ковент-Гардене, – ответила Памела.

– Мне там нравится. – Милгрим сложил салфетку и опустил ее рядом с башней из тарелочек. Посмотрел на Холлис: – Рад был познакомиться. – Кивнул сперва Памеле, затем Бигенду. – Спасибо за обед.

Потом отодвинул стул, нагнулся за сумкой, выпрямился, закинул ее на плечо и вышел.

– Где вы его нашли? – спросила Холлис, наблюдая, как за окном Милгрим разговаривает с высоким негром – надо полагать, Олдосом.

– В Ванкувере, – ответил Бигенд. – Через несколько недель после вашего отъезда.

– И что он делает?

– Переводит. Синхронно и письменно. С русского. В идиомах просто бог.

– Он… здоров? – Холлис не знала, как иначе сформулировать.

– Поправляется, – сказал Бигенд.

– Он переводит для вас?

– Да. Хотя сейчас мы видим, что он может быть полезнее в других областях.

– В каких?

– Он отлично примечает детали, – сказал Бигенд. – Мы начали использовать его по части одежды.

– Как-то он не похож на модника.

– И это, на самом деле, плюс.

– Он заметил ваш костюм?

– Не сказал. – Бигенд глянул на лацкан цвета «Международный синий Кляйна», выкроенный с размахом и широтой свингующих шестидесятых. Затем выразительно посмотрел на Холлис в ее «хаундсовской» куртке. – Что-нибудь выяснили?

В ожидании ответа он скатал в рулетик кусок прозрачного хамона и аккуратно – словно боясь укусить себя за пальцы – убрал в рот. Принялся жевать.

– Это то, что японцы называют «секретным брендом», – ответила Холлис. – Только еще секретнее. Ни постоянных розничных точек, ни каталогов, ни интернет-ресурсов, если не считать нескольких загадочных упоминаний в блогах о моде. На *eBay* тоже нет. Китайцы уже начали подделывать, но халтурно. Если на *eBay* появляются настоящие, кто-то сразу делает предложение, после которого продавец закрывает аукцион. – Она повернулась к Памеле: – Где вы достали эту куртку?

– Мы дали объявления. Главным образом на форумах о моде. Нашли дилера в Амстердаме и согласились на его цену. Он, вообще-то, специализируется на неношеной рабочей одежде середины двадцатого века от малоизвестных фирм.

– На нее есть спрос?

– Это примерно как коллекционирование редких почтовых марок, только еще и носить можно. Среди его клиентуры есть поклонники «Габриэль Хаундс», хотя мы предполагаем, что в глобальной аудитории бренда они составляют меньшинство. По нашим данным, активная узнаваемость марки сейчас невысока: люди, готовые ради покупки на значительные усилия, уже есть, но максимальной численностью не более нескольких тысяч.

– А где купил куртку дилер?

– Говорит, что приобрел ее вместе с партией неношеной винтажной одежды у скупщика и поначалу думал, это качественная японская подделка под винтаж, которую будет

несложно перепродать.

– Кто такой скупщик?

– Человек, который ищет вещи для продажи дилеру. Дилер сказал, скупщик был немец, незнакомый. Рассчитывались наличными. Фамилию якобы не запомнил.

– Не может быть, чтобы бренд был уж настолько секретным. Сегодня после завтрака я нашла двух людей, знающих по меньшей мере то, что я вам и пересказала.

– И кто они? – подался вперед Бигенд.

– Продавщица в очень дорогом джинсовом магазине недалеко от «Синего муравья».

– А… – с нескрываемым разочарованием протянул он.

– И молодой человек, купивший такие джинсы в Мельбурне.

– Вот как? – Бигенд сразу просветлел. – И он сказал, у кого их купил?

Холлис взяла ломтик прозрачного хамона, свернула, обмакнула в оливковое масло.

– Нет. Но, думаю, скажет.

8
Кюретаж

Милгрим чистил зубы в ванной маленького, но безусловно фешенебельного номера под яркой и в то же время мягкой лампой и думал про Холлис Генри, женщину, которую Бигенд взял в ресторан. Она казалось смутно знакомой, хотя и не по «Синему муравью». Воспоминания последних лет десяти были обрывочны и путались во времени, но вроде бы Милгрим с ней раньше не общался. Но точно где-то видел. Он сменил мини-насадку на зубной щетке и начал чистить между верхними коренными. Пусть мысль о Холлис Генри утрясется. Утром он вспомнит, кто она. А нет – в вестибюле гостиницы есть макбук. Лучше гуглить в нем, чем в телефоне. Вообще-то, она приятная, Холлис Генри. Только не с Бигендом. Бигенд ей явно не по душе. За недолгое знакомство Милгрим успел это понять.

Он снова сменил насадку – взял ту, в которой на одноразовой пластмассовой вилке было натянуто полдюйма зубной нити. В Базеле ему вылечили зубы, а потом отправили его к парадонтологу. Кюретаж. Процедура довольно болезненная, зато теперь он чувствовал, что у него новый рот, правда требующий постоянного тщательного ухода. Лучшим в визитах к парадонтологу (помимо нового рта) была возможность по дороге хоть немного посмотреть Базель. Иначе он бы просидел в клинике безвылазно, как обещал с самого начала.

Закончив с нитью, Милгрим почистил зубы электрической щеткой и прополоскал жидкостью из флакона. Темно-синее стекло напомнило про костюм Бигенда. Пантон-286, сказал себе Милгрим, но не совсем. Похоже, Бигенду в его костюме особо нравилось (помимо способности раздражать людей), что цвет нельзя точно воссоздать на большей части компьютерных экранов.

Жидкость для полоскания заканчивалась. Она была особая, с чем-то, что добавляют в самолетах к водопроводной воде. Багаж Милгрим не сдавал, а с собой дают проносить только маленькие флаконы. В Миртл-Бич пришлось экономить. Надо будет попросить в «Синем муравье». У них там есть особые люди, чья работа – добывать все, что угодно.

Он выключил свет в ванной и начал раздеваться, стоя рядом с кроватью. В номере было чуть многовато мебели; помимо прочего тут стоял портновский манекен, обтянутый той же терракотовой тканью, что кресло. Милгрим хотел было положить штаны в пресс

для брюк, потом раздумал. Завтра пройдется по магазинам. Он уже и сеть присмотрел – «Хакетт». Вроде «Банана Репаблик», но классом повыше и с какой-то не совсем понятной претензией.

Милгрим уже расстилал постель, когда зазвонил «нео». Эмуляция механического звонка на старом дисковом телефоне. Слейт.

– Оставьте завтра мобильный в номере, – сказал тот. – Включенный, на зарядке.

В голосе слышалось раздражение.

– Как вы там, Оливер?

– Компания, которая их выпускала, закрылась. Надо будет завтра кое-что перепрограммировать. – Слейт повесил трубку.

– Доброй ночи, – сказал Милгрим, глядя на телефон.

Затем положил его на ночной столик, лег на кровать в трусах и натянул одеяло под самый подбородок. Выключил свет. Провел языком по внутренней поверхности зубов. В комнате было чуть жарковато. И почему-то чувствовалось присутствие манекена.

Милгрим лежал, слушая или, по крайней мере, ощущая фоновую частоту лондонского звучания. Другой белый шум.

9
Муйло

Когда Холлис толкнула дверь, Роберт в своем добротном костюме не бросился ей открывать.

Его смел могучий ураган Хайди Хайд, бывшей барабанщицы «Ночного дозора». Роберт, обвешанный ее багажом, робко жался у лифта, возле витрины с магическим хорьком Инчмейла. Хайди, чуть позади Роберта, не уступала ему ростом, да, наверное, и шириной плеч. Великолепный хищный профиль узнавался с первого взгляда, и так же с первого взгляда было ясно, что она в ярости.

– Ее ждали? – тихо спросила Холлис у безымянного юноши в черепаховой оправе.

– Нет, – ответил он так же тихо, подавая ей ключи от номера. – Мистер Инчмейл несколько минут назад предупредил нас по телефону.

Круглые от ужаса глаза за стеклами очков – взгляд не гостиничного служащего, а человека, пережившего торнадо.

– Все будет хорошо, – заверила Холлис.

– Чего эта хреномундель не едет? – громко вопросила Хайди.

– Ты его с толку сбиваешь, – сказала Холлис, подходя и ободряюще кивая Роберту.

– Мисс Генри, – проговорил тот. Вид у него был бледный.

– Не жми кнопку больше одного раза, – сказала Холлис Хайди. – Иначе он еще дольше думает.

– Херасе, – звучно произнесла Хайди из глубины отчаяния.

Роберт испуганно сморгнул.

Волосы у нее были радикально готского цвета, что означало выход на тропу войны. И почти наверняка она покрасила их сама, дома.

– Я не знала, что ты сюда собираешься, – сказала Холлис.

– Я тоже, – мрачно ответила Хайди и добавила: – Муйло.

Отсюда Холлис поняла, что окологолливудский брак Хайди пришел к ожидаемому концу. Ее бывшие теряли имена и в дальнейшем обозначались одним этим термином.

– Очень жаль слышать, – сказала Холлис.

– Устроил пирамиду, – объявила Хайди, когда пришел лифт. – А это что за угробище?

– Лифт. – Холлис открыла дверь-гармошку и жестом пригласила Хайди войти.

– Поднимайтесь, – сказал Роберт. – Я принесу вещи.

– Поместимся. – Хайди силой остервенения вдвинула Роберта в кабину.

Холлис проскользнула за ним и подняла складную скамейку красного дерева (на бронзовых петлях), чтобы освободить чуточку места.

Вблизи от Хайди пахло духами, аэропортовской нервотрепкой и старой натуральной кожей. Косуху – черную, вытертую по швам до цвета грязной бумаги, – Холлис помнила по временам «Дозора».

Роберт извернулся и нажал кнопку. Кабина поползла вверх, громко жалуясь на перевес пассажиров.

– Этот пердоход нас угробит, – изрекла Хайди таким тоном, будто находит подобный финал скорее заманчивым.

– Какой у Хайди номер? – спросила Холлис у Роберта.

– Соседний с вашим.

– Отлично! – произнесла Холлис с несколько преувеличенным энтузиазмом.

Значит, номер с желтой шелковой кушеткой. Его тему Холлис совсем не понимала. Тему своего номера она тоже не понимала, но хотя бы чувствовала общую идею. Номер с желтой кушеткой имел какое-то отношение к шпионам, грустным, в каком-то очень британском смысле, и гадким политическим скандальчикам. И к рефлексотерапии.

Кабина остановилась на этаже. Холлис открыла дверь-гармошку и пошла вперед, открывая пожарные двери для Хайди и тяжело нагруженного Роберта. Хайди шагала по зеленым мини-коридорам, каждой мышцей выражая общее недовольство миром. Холлис увидела ключ от номера, зажатый у Роберта между пальцев, и забрала его. Кисточка была болотно-зеленой.

– Ты по соседству со мной. – Холлис отперла дверь и впустила Хайди, думая о слонах и посудных лавках. – Просто поставьте все здесь, – тихонько сказала она Роберту. – Дальше уж я сама.

Она забрала у него из рук две неожиданно тяжелые картонные коробки размером примерно как для человеческой головы. Роберт тут же принялся выпутываться из остального багажа Хайди. Холлис сунула ему пятифунтовую банкноту.

– Спасибо, мисс Генри.

– Спасибо вам, Роберт.

Он вышел с явным облегчением, и она закрыла за ним дверь.

– Что это за херня? – был первый вопрос Хайди.

– Твой номер, – ответила Холлис, составляя ее вещи к стене. – Это частный клуб, в котором состоит Инчмейл.

– Клуб для *чего*? Вот это *что*? – (Указывая на большую

шелкографию, которую Холлис назвала бы наименее странным предметом в номере.)

– Уорхол. Думаю.

Было ли у Энди Уорхола что-то по поводу скандала Профьюмо?[15]

– Надо было сразу прочухать, что Инчмейл откопает чего-нибудь в таком роде. Где он?

– Не здесь, – ответила Холлис. – Приехала Анжелина с малышом, и Редж снял дом в Хэмпстеде.

Хайди взяла хрустальный графин, вытащила пробку, понюхала.

– Виски, – сказала она.

– Прозрачное в другом – джин, – предупредила Холлис. – Не вода.

Хайди плеснула в высокий стакан на три пальца кабинетовского виски, выпила залпом, передернулась и с пугающе резким звоном уронила стеклянную пробку точно в узкое хрустальное горлышко. Она вообще обладала какой-то противоестественной меткостью. Никогда не промахивалась дротиком по мишени, но не играла в дартс, только метала их.

– Хочешь об этом поговорить? – спросила Холлис.

Хайди скинула косуху и стянула футболку. Бюстгальтер на ней был защитного цвета и выглядел частью боевого снаряжения.

– Симпатичный лифчик.

– Израильский. – Хайди оглядела комнату. – Обои, как штаны Хендрикса.

– По-моему, они атласные.

Обои были в зелено-малиново-бежево-черную вертикальную полосу.

– Чего я и говорю. – Хайди поддернула израильский лифчик и села на желтую шелковую кушетку. – Почему мы бросили курить?

– Потому что это вредно.

Хайди шумно выдохнула.

– Он в тюрьме. Муйло. Под залог ни хера не отпускают. Чего-то химичил с чужими деньгами.

– Я думала, все продюсеры это делают.

– Все, да не так.

– Он и тебя втянул?

– Шутишь? У меня брачный контракт толще, чем у муйла хер. Это чисто его проблемы. Мне просто надо было свалить.

– Я так и не поняла, зачем ты за него вышла.

– Хотела проверить, вдруг получится. А ты? Что здесь делаешь?

– Работаю на Губерта Бигенда. – Холлис даже удивилась,

насколько ей неприятно это говорить.

У Хайди расширились глаза:

– Иди ты! Тебя же от этого мудилоида трясло.

– Да вроде как деньги нужны.

– Много потеряла в кризис?

– Примерно половину.

Хайди кивнула.

– Все примерно так. Если не вкладывали деньги через кого-нибудь типа муйла.

– Твои деньги были у него?

– Шутишь? Отделение церкви от государства. Без вариантов. Я с самого начала чуяла, что у него с этим херово. А вот другие не прочухали. Знаешь что?

– Что?

– Настоящее, блин, золото никогда тебе не скажет, что оно, блин, золото. А влипают те, кто до этого не допер.

– Слушай, я бы выпила виски, – сказала Холлис.

– Угощайся, – ответила Хайди. Потом улыбнулась: – Черт, как же я рада тебя видеть.

И разревелась.

10
Eigenblich [16]

Милгрим проснулся, принял лекарство, вымылся в душе, побрился, почистил зубы, оделся и оставил включенный «нео» на зарядке (английский адаптер был больше, чем зарядник телефона). Затем, тщательно избегая смотреть на манекен, вышел из номера.

Бесшумный японский лифт спустил его на три этажа. Милгрим думал было погуглить Холлис Генри, но за макбуком в фойе уже кто-то сидел.

В фойе Милгриму всегда становилось не по себе, как будто его непременно заподозрят в попытке что-нибудь стащить. Хотя, если не считать помятой в перелете одежды, он точно не выглядел воришкой. И безусловно ничего бы тащить не стал. Да и зачем бы, думал Милгрим, выходя на Монмут-стрит в смутный утренний свет. Триста фунтов в конверте, убранном во внутренний нагрудный карман, и никакой насущной потребности их тратить. Для человека с его историей – все еще ситуация непривычная.

Зависимости, думал он, сворачивая направо, к обелиску Севн-Дайлс, заводятся, как волшебные зверушки, карманные монстры. Они выделывают удивительные фокусы, показывают то, чего ты раньше не видел. Развлекают. Но мало-помалу, за счет безжалостной алхимии, они начинают решать за тебя. И со временем принимают самые важные решения в твоей жизни. А ума у них, сказала психотерапевт в Базеле, меньше, чем у золотой рыбки.

Он зашел в «Кафе-Неро», более стильный «Старбакс» альтернативной реальности. Там уже было людно. Заказал латте и круассан. Ему нравилось, что круассаны для «Неро» доставляют замороженными из Франции, а здесь только пекут. Женщина в деловом костюме (темная ткань в тонкую полоску) встала из-за столика, и Милгрим поспешил его занять. Отсюда он видел салон «Видал Сассун» через площадь и молоденьких парикмахерш, входящих в дверь перед началом рабочего дня.

Интересно, зачем Бигенду дизайнерские тактические штаны? Милгрим хорошо умел слушать (и скрывать это умение), но мотивы Бигенда от него ускользали. В них была почти агрессивная произвольность.

По словам Бигенда, армейские контракты почти стопроцентно кризисоустойчивы, и американские – особенно.

Видимо, это и есть одна из причин, возможно – главная. Страховка от кризиса. И Бигенд сосредоточился на одной области армейских поставок – той, в которой наиболее применимы стратегические навыки «Синего муравья». И теперь «Синий муравей» узнаёт, причем очень быстро, все, что можно узнать о дизайне и производстве армейской одежды. Крайне оживленной отрасли легкой промышленности, насколько можно судить.

И Милгрим – по какой-то причине или без причины – оказался в это втянут.

Контрактным армиям, объяснила в занятной пауэрпойнтовской презентации француженка (та, что вчера была в юбке-шотландке), нужны добровольцы, главным образом юноши. Которые, не пойди они в армию, могли бы кататься на скейтах или хотя бы носить одежду, как у скейтбордистов. А мужская уличная мода, продолжала она, последние лет пятьдесят черпала идеи главным образом из военной формы. Основополагающий код мужской уличной моды начала двадцать первого века – это код военной формы второй половины предшествующего столетия, главным образом американской. Остальное взято из рабочей одежды, преимущественно тоже американской, которая эволюционировала вместе с армейской, заимствуя элементы ее кода, и спортивной командной формы.

Но теперь, если верить француженке, все перевернулось. Военным нужна форма, привлекательная для потенциальных добровольцев. Каждый род американских войск, говорила девушка, иллюстрируя свои слова пауэрпойнтовскими слайдами, имеет собственный узнаваемый рисунок камуфляжа. Корпус морской пехоты даже запатентовал свой (на взгляд Милгрима – чересчур цветастый).

Американские законы запрещают производить американскую военную форму за рубежом.

И вот здесь-то, насколько понял Милгрим, Бигенд рассчитывал найти лазейку. То, что производится в Америке, не обязательно там же и разрабатывается. Производители верхней и спортивной одежды, а также немногочисленные фирмы, специализирующиеся на пошиве исключительно военного ассортимента, конкурируют за американские военные заказы. Прежде весь этот ассортимент разрабатывали американские военные. Но им, продолжала девушка, чуть запыхавшись, словно настигая мелкого зверька на лесной поляне, уже не хватает модельерских навыков для новых задач. Выдумав почти все новые мужские фасоны прошлых пятидесяти лет, они теперь вынуждены конкурировать с собственным историческим продуктом, трансформировавшимся в уличную моду. Им нужна помощь,

продолжала француженка, щелкая мышкой, отчего на экране возникла завершающая партия картинок. И они это знают.

Милгрим пил латте и смотрел на утренних прохожих, ища в их одежде подтверждение услышанных тезисов. Получалось, что если говорить о доминирующем подтексте, то француженка права.

– Не занято? – спросил женский голос с американским акцентом.

Милгрим поднял глаза. Ему улыбалась китаянка: черный свитерок, простой золотой крестик на цепочке, белая пластиковая заколка. И тут же недремлющий модуль наркоманского страха просигналил: коп.

Он заморгал.

– Конечно. Присаживайтесь.

Мышцы ног напружинились: вскочить и бежать. Сбой, сказал Милгрим модулю. Частично купированный абстинентный синдром. Привет из прошлого. Его лимбический мозг по-прежнему движется в накатанной колее, как фургоны первых американских поселенцев по ось в пересохшей глине.

Она положила на стол белую сумочку из кожзаменителя, поставила рядом голубой бумажный стаканчик с кофе, отодвинула стул и села напротив Милгрима. Улыбнулась.

На свитерке были белым вышиты полумесяц и пальма с флага Южной Каролины – чуть побольше ральф-лореновского игрока в конное поло. Подспудный модуль Милгрима разом выдвинул целую линию радиолокаторов раннего обнаружения полицейских.

Паранойя, объясняла ему психотерапевт, это избыток информации. Что и происходило с Милгримом сейчас, когда женщина запустила руку в сумочку, вытащила матовый серебристый телефон, раскрыла его и нахмурилась.

– Эсэмэски, – сказала она.

На Милгрима смотрел бездонный черный зрачок телефонной камеры.

– Ой-ой, – сказала женщина. – Мне надо бежать. Но все равно спасибо!

И, сунув сумку под мышку, быстрым шагом вышла на Севн-Дайлс.

Оставив на столе нетронутый кофе.

Милгрим взял стакан. Пустой. На белой пластмассовой крышке – темная губная помада, которой не было на губах у женщины.

Через окно он видел, как та прошла мимо переполненной урны, из которой, наверное, и взяла бутафорский стаканчик. Быстро перешла улицу, к «Сассуну». Исчезла за углом.

Милгрим встал, одернул куртку и вышел, не глядя по сторонам. Назад по Монмут-стрит, к гостинице. Не доходя, пересек улицу по диагонали, все той же рассчитанно беспечной походкой, и вошел в кирпичный туннель, ведущий в Нил-ярд: мини-Диснейленд новейшего времени. Его Милгрим проскочил так быстро, что люди оглядывались. На следующую улицу, Шортс-Гарден.

Теперь быстрый деловой шаг, но не бег, чтобы не привлекать внимания.

Зависимость, разбуженная гормонами стресса, настоятельно советовала что-нибудь принять. Его новой личности это было странно и страшно, все равно как обнаружить у себя на заднем дворе фашистский танк. Засыпанный землей, заросший одуванчиками, но с мотором, работающим на холостом ходу.

Не сегодня, сказал он фашистам в засыпанном танке, направляясь к станции «Ковент-Гарден» через энциклопедическую антологию молодежных обувных магазинов с кроссовками цвета желейного мармелада.

Плохо, убеждала другая часть его личности. Плохо.

Как ни старался он выглядеть спокойным, кучка бомжей у входа в метро рассеялась при его приближении. Они что-то видели. Милгрим вновь стал как они.

Он смотрел на Ковент-Гарден словно с большой высоты, толпа на Лонг-Акре раздвигалась вокруг него, как намагниченные железные опилки.

По лестнице, скомандовал автопилот. Милгрим подчинился не оглядываясь – песчинка в спиральном людском потоке.

Теперь первым же поездом до «Лестер-Сквер», самый короткий перегон во всей подземке, и, не выходя на улицу, обратно, убедившись, что хвоста нет. Милгрим умел уходить от слежки, но здесь везде были натыканы камеры, дымчатые акриловые шары, словно контрафактный Курреж[17]. В Лондоне они буквально на каждом шагу. До сих пор Милгриму удавалось о них не думать. Бигенд как-то сказал, что они – симптом аутоиммунной болезни, когда защитные функции государства превращаются во что-то агрессивно-губительное, хроническое. Бдительные глаза, разрушающие здоровую жизнедеятельность того, что якобы оберегают.

Оберегают ли его сейчас?

Он проделал все, что надо, постоянно думая, как вернется на станцию. Поднимется в неживом воздухе лифта, где неживой голос через ровные интервалы напоминает приготовить билет.

Тогда он будет уже спокойнее.

И начнет день заново, как собирался. Пойдет в «Хакетт» на

Кинг-стрит, купит рубашку и брюки.

Плохо, говорил другой голос, заставляя втягивать голову в плечи и напрягать мышцы почти до звона в ушах.

Плохо.

11
Распаковка

Номер Хайди выглядел как после неудавшегося теракта в самолете: взрыва, который хоть и не вызвал крушения, но разворотил все чемоданы в багажном отсеке. Холлис видела это много раз в гастрольных поездках «Ночного дозора» и считала защитным механизмом: попыткой противостоять бездушности гостиничных номеров. Ей ни разу не случилось своими глазами наблюдать, как Хайди разбрасывает вещи, обустраивая себе гнездо. Холлис подозревала, что та делает это бессознательно, в инстинктивном трансе, примерно как собака, когда ходит кругами по траве, прежде чем лечь спать. Сейчас ее даже впечатлило, как эффективно Хайди создала собственное пространство, заглушив все, что кабинетовские оформители хотели сказать интерьером.

– Мля, – торжественно проговорила Хайди.

Очевидно, она так и заснула, или отрубилась, в израильском армейском лифчике. Холлис, которая, уходя, забрала с собой ключ, сейчас видела, что в графине осталось всего на палец виски. Хайди пила редко, но крепко. Она лежала под грудой мятого шмотья, включавшей несколько малиновых столовых салфеток и дешевое пляжное полотенце в расцветке мексиканского серапе. Очевидно, уходя от муйла, Хайди затолкала в чемодан все нестираное и спала под ним, не под кабинетовским одеялом.

– Завтрак?

Холлис принялась быстро складывать вещи с кровати. Здесь был большой пакет маленьких острых инструментов, кисточек с тонкими кончиками, миниатюрных баночек с краской, кусочков белого пластика. Как будто Хайди усыновила двенадцатилетнего мальчика.

– Это что?

– Психотерапия, – прохрипела Хайди.

Затем произвела звук, словно стервятник, готовящийся отрыгнуть что-то совсем уж гадкое, но Холлис слышала его прежде и даже вроде бы помнила, у кого Хайди ему научилась: у неестественно светлокожего немецкого клавишника с татуировками, расплывшимися, как фломастер на туалетной бумаге. Она положила пакет с загадочными предметами на комод и сняла трубку с телефона. Аппарат был французский, начала двадцатого века, но сплошь обклеенный марокканскими

бусинами, как мундштук кальяна на Большом базаре, что создавало ощущение пестрой змеиной кожи.

– Кофейник черного кофе, две чашки, – сказала она дежурной. – Тосты без масла, большой апельсиновый сок. Спасибо.

Подняла древнюю футболку с логотипом *Ramones*, под которой оказалась тридцатисантиметровая фаянсовая рефлексологическая модель уха, расчерченная красными линиями. Холлис положила футболку на место, расправив логотип.

– А как у тебя? – спросила Хайди из-под груды мятого тряпья.

– Что у меня?

– Мужики.

– Ноль, – ответила Холлис.

– А как тот, который прыгал с небоскребов в костюме белки-летяги? Он был славный. Даррел?

– Гаррет, – сказала Холлис. Она не произносила этого имени, наверное, год и предпочла бы не называть сейчас.

– Ты из-за него здесь? Он вроде англичанин.

– Нет, – ответила Холлис. – В смысле да, англичанин, но я здесь не поэтому.

– Ты с ним познакомилась в Канаде. Тебе его Бигенд подогнал? Я его тогда не видела.

– Нет, – сказала Холлис, боясь искусности Хайди в этой, более мучительной распаковке багажа. – Они друг с другом не знакомы.

– Ты не спишь со спортсменами, – сказала Хайди.

– Он был другой.

– Все они другие.

– И муйло тоже?

– Нет, – ответила Хайди. – Это я хотела быть другой. Он был типичная штамповка, только не моя. Я думала, смогу пожить чужой жизнью. Убрать гастрольные шмотки. Закупаться в торговых центрах. Водить машину, какую и не думала водить. Хлеб печь, представляешь? Тайм-аут.

– Ты не показалась мне очень счастливой тогда, в Лос-Анджелесе.

– Выяснилось, что он типа творческая личность. Я выходила за налогового бухгалтера. Он начал продюсировать инди-фильмы. И намыливался стать режиссером.

– А теперь в тюрьме?

– Без освобождения под залог. К нам в офис нагрянули фэбээровцы. В куртках с надписью «ФБР» на спине. Крутые такие. Для малобюджетного фильма – вообще атас. Только ему снимать

не пришлось.

– Но у тебя-то все в порядке?

– Я звонила адвокату Инчмейла в Нью-Йорк. Я даже получу свою долю собственности после развода. Если ее не конфискуют. А вообще, это все фигня.

Принесли завтрак. Холлис в дверях забрала у итальянки поднос и подмигнула. Запомнила, что надо будет потом дать ей на чай.

Хайди выбралась из-под тряпья и принялась натягивать огромный хоккейный свитер – даже Холлис, которая отродясь не была болельщицей, сообразила, что он от кого-то очень крутого. Хайди точно спала со спортсменами, но только если они достаточно сумасшедшие. В эпоху «Ночного дозора» у нее были подряд несколько боксеров – трудно сказать, какой хуже, хотя внимания прессы к группе это, конечно, добавляло. Последнего она вырубила апперкотом на предоскаровской церемонии. Холлис последнее время частенько радовалась, что их рокерская карьера пришлась на доютубовские времена.

– Я так и не въехала, чем он занимался, твой Гаррик. – Хайди налила себе кофе и плеснула в чашку остатки виски.

– Гаррет. Слушай, может, не сто́ит?

Хайди пожала плечами – под хоккейным свитером движения было почти не видно.

– Ты меня знаешь. Прикончу это, и следующие полгода – только минералку. Вообще-то, мне сейчас нужен спортзал. Серьезный. Так чем этот твой занимался?

– Не уверена, что смогу объяснить. – Холлис тоже налила себе кофе. – Но я очень твердо себе сказала, чтобы даже не думать.

– Жулик?

– Нет, – ответила Холлис. – Хотя часть того, что он делал, шла вразрез с законом. Знаешь Бэнкси? Граффитиста?

– Ага.

– Он восхищается Бэнкси. Считает себя вроде него. Они оба из Бристоля.

– Но он не рисует граффити.

– Он считает, что рисует. Только не краской.

– А чем?

– Историей, – сказала Холлис.

Хайди ответ явно не устроил.

– Он работал с одним стариком. У того была куча возможностей. Старик решал, какой жест надо сделать, а Гаррет придумывал, как это лучше осуществить. И не попасться. Если считать старика драматургом, то Гаррет – режиссер. Иногда и

актер тоже.

– Так в чем проблема?

– Страшно. Не то чтобы я не одобряла их действий. Но это даже страшнее, чем с Бигендом. Мне надо, чтобы у мира была твердая поверхность, обычная, видная всем. Не хочу чувствовать, что все время куда-то проваливаюсь. Вспомни, что случилось с тобой.

Хайди взяла треугольник подсушенного хлеба и взглянула на него оценивающе, как самоубийца – на бритву.

– Ты говоришь, они не жулики.

– Нарушают закон, но не жулики. Просто из-за того, что делают, постоянно наживают себе врагов. Он приехал в Лос-Анджелес, мы сошлись. Я начала книгу. Он вернулся в Европу. Потом я приехала подписать контракт на автомобильный ролик, и мы снова встретились.

– Я подписала через агента. – (Откусывая от тоста и принимаясь недоверчиво жевать.)

– Я хотела быть здесь. Потом он поехал в Нью-Йорк вместе со мной. Не работал тогда. А дальше они начали что-то готовить. К выборам Обамы. Что-то они такое затеяли.

– Что?

– Не знаю. А знала бы, не сказала, потому что обещала молчать. Я просто с головой ушла в книгу. Он стал появляться реже. Потом вообще перестал появляться.

– Тебе хочется его вернуть?

Холлис молча пожала плечами.

– С тобой непросто, ты знаешь? – сказала Хайди.

Кивок.

– Надо бороться. – Хайди встала и, войдя в ванную, выплеснула кофе с виски в раковину. Потом вернулась и налила себе новый. – Чувствуешь себя в подвешенном состоянии?

– Да.

– Это не дело, – сказала Хайди. – Позвони ему. Провентилируй ситуацию.

– Нет.

– Телефон его есть?

– Только для экстренных случаев.

– В каком смысле?

– Если у меня будут неприятности из-за знакомства с ним.

– Все равно позвони.

– Нет.

– Ну и дура. А это еще что за херомундия? – (Ошалело глядя в открытую дверь ванной.)

– Твой душ.

– Шутишь.

– Подожди, когда увидишь мой. А в коробках что? Бетонные плиты?

Коробки так и стояли у стены, где она их поставила вчера, когда забрала у Роберта.

– Прах, – ответила Хайди. – Из крематория.

– Чей?

– Джимми. – (Джимми был бас-гитаристом «Ночного дозора».) – Некому было забрать. Он всегда говорил, что хочет лежать на кладбище в Корнуолле, помнишь?

– Нет, – ответила Холлис. – Почему в Корнуолле?

– Понятия не имею. Может, потому что меньше всего похоже на Канзас?

– Много как-то праха.

– Еще мамина урна.

– Твоей матери?

– Все руки не доходили захоронить. Убрала в подвал вместе с гастрольными вещами. Не могла же я оставить их у муйла? Отвезу обе в Корнуолл. Все равно у Джимми матери не было.

– Ясно, – ответила Холлис, не зная, что сказать.

– Где этот Корнуолл, кстати?

– Я тебе покажу. На карте.

– Пошла я нахер в душ, – объявила Хайди.

12
Оружие подчинения

Кабинет Бигенда, куда наконец провели Милгрима, был без окон и неожиданно маленький. Может, это и не был лично его кабинет. По крайней мере, рабочим кабинетом помещение не выглядело.

Молодой швед, провожавший Милгрима, положил на деревянный стол серую папку и тихо вышел. Стол был совершенно пустой, если не считать помпового ружья, по виду – из замороженного клубничного йогурта.

– Что это? – спросил Милгрим.

– Макет одного из первых совместных продуктов «Тазер интернешнл», который выпускает электрошокеры, и «Моссберга», который делает помповики. – На Бигенде были прозрачные одноразовые перчатки из тех, что продаются рулонами, как полиэтиленовые пакеты. – Оружие подчинения.

– Подчинения?

– Так они его называют. – Бигенд одной рукой взял помповик и покрутил, чтобы показать Милгриму с разных сторон. На вид ружье было невесомым. Полым, из какого-то пластика. – Я пытаюсь понять, аналогично ли это тому, что Роберто Кавалли моделирует тренчкот для *H&M*.

– Меня засекли, – сказал Милгрим.

– Что? – Бигенд поднял взгляд.

– Сегодня утром меня сфотографировала полицейская.

– Что за полицейская?

– Американская китаянка. Одета как учительница воскресной школы. На свитере вышит флаг Южной Каролины.

– Сядьте, – сказал Бигенд.

Милгрим сел, примостив на колени пакет из «Хакетта».

– Откуда вы знаете, что она из полиции? – Бигенд снял перчатки, смял и бросил на стол.

– Просто понял. Не обязательно из уголовной, хотя тоже не исключаю.

– Вы ходили по магазинам. – Бигенд смотрел на пакет. – Что купили?

– Брюки. И рубашку.

– Мне сказали, Ральф Лорен покупает одежду в «Хакетте». Исключительно сложная концептуальная информация. Вне зависимости от того, верна ли она. – Он улыбнулся. – Вам нравится делать там покупки?

– Не понимаю этого, – ответил Милгрим. – Но мне нравятся их брюки. И некоторые рубашки, что попроще.

– Чего вы не понимаете?

– Про англичан и футбол.

– В каком смысле?

– У них это всерьез? У «Хакетта»?

– Вот за это я вас и ценю. Вы без усилий зрите в корень.

– Так всерьез?

– Некоторые считают, что двойное отрицание равносильно утверждению. Где эта женщина вас сфотографировала?

– В кофейне возле гостиницы. Севн-Дайлс.

– И вы сообщили…

– Вам.

– Не говорите больше никому. Кроме Памелы. Я ей скажу.

– Оливеру не говорить?

– Нет, – ответил Бигенд. – Оливеру ни в коем случае. Вы с ним сегодня разговаривали?

– Он велел мне оставить телефон в номере, включенным и на зарядке. Сказал, что должен его перепрограммировать. Я еще туда не возвращался.

Бигенд уставился на розовый помповик.

– Почему он розовый? – спросил Милгрим.

– Сделан на три-дэ-принтере. Не знаю, почему там все розовое. Наверное, цвет по умолчанию. Телефоны – проект Оливера. Поэтому не забывайте, что вас могут прослушивать, будь то разговор, эсэмэс или мейл. Впрочем, мы в Англии, а здесь так и так могут прослушивать всё.

– Вы не доверяете Оливеру?

– Не доверяю, – ответил Бигенд. – А пока продолжайте заниматься своими делами, будто не заметили, что вас сфотографировали.

– А какие именно у меня дела?

– Вам понравилась Холлис Генри?

– Она мне показалась… знакомой, что ли.

– Она пела в рок-группе. «Ночной дозор».

Милгрим вспомнил большую черно-белую фотографию. Плакат. Холлис Генри (моложе, чем сейчас) стоит, поставив на что-то ногу, коленкой вперед. Узкая твидовая мини-юбка, преимущественно из распоротых швов. Где он это видел?

– Вы будете работать с нею, – сказал Бигенд. – Новый проект.

– Переводить?

– Вряд ли. Тоже по поводу одежды.

– Тогда в Ванкувере… – начал Милгрим и осекся.

– Да?

– Я нашел сумочку. В ней была крупная сумма денег. Телефон. Бумажник с карточками. Ключи. Сумочку с бумажником, карточками и ключами я бросил в почтовый ящик. Деньги и телефон оставил себе. Вы начали звонить. Я вас не знал. Мы стали разговаривать.

– Да, – сказал Бигенд.

– Поэтому-то я сегодня здесь?

– Да.

– Чей это был телефон?

– Помните, в сумочке лежало кое-что еще? Черный пластмассовый блок, примерно в два раза больше мобильника?

Милгрим кивнул.

– Это был шифратор. Мой. Сумочка, которую вы нашли, принадлежала моей сотруднице. Я хотел знать, у кого телефон. Оттого и позвонил.

– А почему вы звонили снова и снова?

– Потому что вы меня заинтриговали. И потому что вы отвечали. Потом у нас начались разговоры, которые привели к встрече и, как вы говорите, к тому, что вы сейчас здесь.

– Это обошлось вам… – Милгрим задумался, – дороже, чем «тойота-хайлюкс»?

У него было чувство, будто на него смотрит психотерапевт.

Бигенд легонько склонил голову набок:

– Не уверен, но, возможно, да. А к чему это?

– Вот и я хочу спросить, к чему? Отчего вы так поступили?

– Я слышал про клинику в Базеле. Очень дорогая, с очень неоднозначной методикой. Мне было интересно, получится ли у них с вами.

– Почему?

– Потому что я любопытен и могу себе позволить удовлетворять свое любопытство. Врачи, смотревшие вас в Ванкувере, мягко говоря, оптимизма не выказали. Я люблю трудные задачи. И даже в тогдашнем своем состоянии вы были потрясающим переводчиком. Позже, – Бигенд улыбнулся, – стало ясно, что вы примечаете много интересных подробностей.

– Меня бы уже не было в живых, да?

– Насколько я понял, да, если бы вы слишком быстро завязали, – ответил Бигенд.

– Чем я могу вам отплатить?

Бигенд потянулся было к помповику, словно хотел постучать по нему пальцами.

– Не считайте, что должны отплатить мне жизнью. Я удовлетворял свое любопытство, и то, что вы живы, – просто побочный продукт.

– Столько денег…

– Цена моего любопытства.

У Милгрима защипало глаза.

– И я не жду выражения благодарностей.

Милгрим сглотнул.

– Хорошо, – сказал он.

– Сейчас я прошу вас заняться моим проектом с Холлис Генри. Дальше увидим.

– Что увидим?

– Увидим, что увидим. – Бигенд перегнулся через помповик и взял серую папку. – Возвращайтесь в гостиницу. Я позвоню.

Милгрим, вставая, переложил в руку пакет, который до того закрывал бейдж с его цифровым портретом на ярко-зеленом шнурке.

– Зачем вы это носите?

– Обязательное требование. Я тут не работаю.

– Напомните мне это исправить, – сказал Бигенд.

Он открыл серую папку. Там лежала толстая стопка глянцевых картинок, по виду – вырезки из японских журналов.

Милгрим, уже закрывавший за собой дверь, не ответил.

13
Бобер

– Они ели бобров, но только по пятницам, – сказала Хайди по пути к «Селфриджу», где парикмахер Холлис согласился ее подстричь.

– Кто?

– Бельгийцы. Выпросили у церкви разрешение, потому что бобры живут в воде. Как рыба.

– Глупости.

– В «Кулинарном Ларуссе» написано, – ответила Хайди. – Сама посмотри. Или просто глянь на его рожу. Он точно жрет бобров.

На подходе к Оксфорд-стрит у Холлис зазвонил айфон. Она глянула на экран в резком утреннем свете. «Синий муравей».

– Алло.

– Это Губерт.

– Вы едите бобров по пятницам?

– Почему такой вопрос?

– Я защищаю вас от оскорбления на расовой почве.

– Где вы сейчас?

– Веду подругу в «Селфридж» стричься.

Холлис почти не верила, что уговорила-таки мастера принять Хайди без записи и что способна так улещивать и уламывать. Однако она свято верила в целительную силу новой стрижки. Да и у Хайди все следы похмелья и смены часовых поясов как будто рукой сняло.

– Что вы делаете, пока она будет в парикмахерской?

Холлис думала было соврать, что тоже стрижется, но решила, что дело того не стоит.

– А что вы предлагаете?

– Друг, с которым мы ели тапас, – сказал Бигенд. – Я попросил бы вас с ним поговорить.

Переводчик, который любит собак.

– Дальше станет ясно. Поговорите с ним, пока ваша подруга стрижется. Я сейчас отправлю Олдоса его забрать. Где он сможет вас найти?

– В ресторанном дворике, наверно, – ответила Холлис. – У французской кондитерской.

Бигенд отключился.

– Бобер, – сказала Хайди, широкоплечим ледоколом рассекая безжалостный людской поток на Оксфорд-стрит. – Ты и правда на

него работаешь.

– Да, – ответила Холлис.

> > >

– Холлис?

Она подняла голову и кое-как вспомнила имя, которое Бигенд не стал называть по телефону.

– Здравствуйте, Милгрим.

Он был выбрит и выглядел отдохнувшим.

– Я ем салат, – продолжала Холлис. – Хотите чего-нибудь?

– У них есть круассаны?

– Наверняка.

Была в нем какая-то странность, заметная даже в таком коротком разговоре. Вроде милый и скромный человек, но в лице то и дело проглядывало что-то настороженное, исподволь и мельком.

– Я, наверное, возьму круассан, – серьезно произнес он и направился к ближайшей стойке.

Сегодня на нем были другие брюки, темнее, но тоже хлопковые, спортивного вида.

Он вернулся с белым подносом, на котором были круассан, что-то мясное в тесте и чашка черного кофе.

– Вы русский переводчик, мистер Милгрим? – спросила Холлис, когда он поставил поднос и сел.

– Просто Милгрим. Я не русский.

– Но переводите с русского?

– Да.

– Для Губерта? Для «Синего муравья»?

– Я не работаю в «Синем муравье». В смысле я фрилансер. Немного перевожу для Губерта. В основном художественное.

Он голодными глазами посмотрел на поднос.

– Ешьте, пожалуйста, – сказала Холлис, беря вилку. – А поговорим потом.

– Я пропустил ланч, – ответил он. – А мне надо есть, из-за лекарств.

– Губерт сказал, вы от чего-то лечитесь.

– От зависимости, – сказал он. – Я наркоман. В ремиссии.

То странное, настороженное – вроде зверька – мельком выглянуло вновь, оценивая ее быстрым косым взглядом.

– А что за наркотик?

– Рецептурные транквилизаторы. Звучит респектабельно, да?

– Наверное, – ответила она. – Хотя, наверное, с них сходить

не легче.

– Да. Но мне уже давно ничего не выписывали по рецептам. Я был уличным наркоманом.

Он отрезал тонкий ломтик с одного куска мясного пирожка.

– У меня был друг-героинщик, – сказала Холлис. – Он умер.

– Печально, – ответил он. И начал есть.

– Это было много лет назад. – Холлис принялась за салат.

– Что вы делаете для Губерта? – спросил Милгрим.

– Я тоже фрилансер. Но не знаю точно, что делаю. Пока не знаю.

– Это в его стиле, – сказал Милгрим. Что-то в дальнем конце зала привлекло его внимание. – Штаны цвета «фолиаж».

– На ком?

– Он уже ушел. Серо-зеленый. Знаете «койот»?

– Что-что?

– Это был модный оттенок американского военного снаряжения. «Фолиаж» новее, более в тренде. Еще недолго был «альфа», более серый. Но сейчас на первом месте «фолиаж».

– Американцы выпускают военное снаряжение модных оттенков?

– Конечно, – ответил Милгрим. – Губерт вам не говорил?

– Нет.

Милгрим по-прежнему пытался высмотреть замеченные раньше штаны.

– В этом году оттенок еще редкий. Может быть, в следующем. Я даже не знаю его пантоновский номер. – Он переключился на мясной пирожок и быстро его доел. – Извините. Я не очень умею вести себя с новыми людьми. Поначалу.

– Я бы не сказала. Мне кажется, вы сразу ухватываете суть.

– Вот и он так говорит. – Милгрим сморгнул, и Холлис догадалась, что «он» означает Бигенда. – Я видел вашу фотографию. Постер. Вроде бы на Сент-Марк-плейс. Магазин подержанных грампластинок.

– Это очень старая фотография.

Милгрим кивнул, разломил круассан, начал намазывать маслом.

– Он говорил с вами про джинсы?

Милгрим с набитым ртом мотнул головой.

– «Габриэль Хаундс»?

Милгрим проглотил и спросил:

– Кто?

– Очень секретная линия джинсов. Кажется, именно ею я занимаюсь для Губерта.

– А что делаете?

– Провожу расследование. Пытаюсь узнать, откуда они. Кто их выпускает. Почему они людям нравятся.

– А почему они нравятся?

– Возможно, потому что их почти невозможно достать.

– Это оно? – спросил Милгрим, глядя на ее куртку.

– Да.

– Хорошо сшито. Но не армейское.

– Насколько я знаю, да. Почему его вдруг заинтересовала мода?

– Она его не интересует. В обычном смысле. Это я знаю, – сказал Милгрим.

Настороженная зверушка вновь проглянула, и Холлис почувствовала ее ум. Милгрим продолжал:

– Вы слышали про отраслевую выставку для фирм, которые мечтают производить снаряжение для Корпуса морской пехоты?

– Нет. Вы там были?

– Не попал. Выставка проводится в Южной Каролине. Я только что оттуда. Из Южной Каролины.

– А что именно вы делаете для Губерта по поводу одежды? Вы модельер? Маркетолог?

– Нет, – ответил Милгрим. – Я примечаю подробности. Не знал этого раньше. Он мне сказал, в Ванкувере.

– Вы жили у него? В пентхаусе?

Милгрим кивнул.

– В комнате с кроватью на магнитной подушке?

– Нет. В маленькой. Мне надо было… сосредоточиться. – Милгрим доел круассан, отпил кофе. – Меня… как это называется… «изолировали»? Большое пространство меня смущало. Слишком много вариантов. Потом он отправил меня в Базель.

– В Швейцарию?

– Лечиться. Если разрешите, я хотел бы спросить: почему вы на него работаете?

– Я сама себя спрашиваю. Это не первый раз, и после первого я точно не хотела повторения. Однако первый раз оказался очень плодотворным, причем косвенно – вне всякой связи с тем, что я для него делала. Потом я потеряла в кризис кучу денег, не нашла себе занятия по душе, и тут он стал настойчиво звать меня к себе. Мне немного неуютно на него работать.

– Понимаю.

– Правда?

– У меня то же чувство.

– Тогда почему вы на него работаете?

– Мне нужна работа, – сказал Милгрим. – И еще потому…

потому что он заплатил за клинику. В Базеле. За мое лечение.

– Он отправил вас лечиться от наркомании?

– Это стоило очень дорого. Больше, чем бронированный автомобиль. Уровня наркокартеля. – Он поправил нож и вилку на белой тарелке, среди крошек. – Мне трудно что-нибудь понять. Теперь он поручил мне работать с вами.

Милгрим поднял взгляд от тарелки, и обе части его странно расколотой личности как будто впервые увидели Холлис одновременно.

– Почему вы не поете? – спросил он.

– Потому что не пою.

– Но вы были знаменитой. Я же видел плакат.

– Это вообще не о том.

– Просто это, наверное, было бы легче. В смысле для вас.

– Я не буду петь.

– Извините, – сказал Милгрим.

14
Желтый шлем

На пешеходном переходе через Шефтсбери-авеню, под мелким дождем, «тойоту-хайлюкс» нагнал курьер на грязном сером мотоцикле. Олдос опустил окно с пассажирской стороны, курьер вытащил из-за пазухи письмо и рукой в перчатке, похожей на кевларовую механическую руку, передал Милгриму. Окно снова поднялось, мотоцикл умчался прочь, лавируя в потоке машин. Желтый мотоциклетный шлем стремительно уменьшался. Сзади он был покорябан, словно огромной когтистой лапой, царапины белели на фоне желтого пластика.

Милгрим взглянул на конверт. Посередине небрежными прописными буквами было выведено его имя, в нижнем правом углу стояли инициалы «п.м.». Памела. По весу конверт казался пустым. Внутри лежал прозрачный файлик с распечатанной на струйном принтере фотографией женщины-полицейского из «Кафе-Неро». Хотя снимок был сделан не в кафе. За спиной у женщины, вполне резкие, стояли собакоголовые ангелы из «Голубого дельфина». И свитер на ней был красный, хотя Милгрим различил ту же вышитую эмблему. В другой цветовой гамме. Кто снимал? Неужели Слейт? Похоже, она не видела, что ее снимают. Милгрим представил ее спящей в экономклассе его самолета в Англию.

Машину наполнили первые аккорды «Нажми на тормоза» *Toots and The Maytals*[18].

– Олдос, – произнес Олдос в свой айфон. – Да, конечно.

Он передал айфон Милгриму.

– У вас в руках, – сказал Бигенд.

– Это она, – ответил Милгрим. – Тогда же, когда я там был?

Помня совет Бигенда насчет телефонов, он не спросил, где и как добыли снимок.

– Более или менее, – ответил Бигенд и дал отбой.

Милгрим вложил айфон обратно в широкую ухоженную руку Олдоса.

15
Заброска

– Фицрой, – сказал Клэмми в ее айфоне.

Холлис лежала, глядя на круглое дно птичьей клетки. Свежепостриженную Хайди она оставила в «Селфридже», где та собиралась проверить, сработают ли кредитные карточки муйла.

– Фицрой?

– Район. Роуз-стрит, сразу за Брунсвик-стрит. Там ярмарка художников. Мере меня водила. Мередит. Нас Ол Джордж познакомил.

Очевидно, имелся в виду «Олдувай» Джордж[19], гениальный клавишник «Тумб». У него был скошенный лоб питекантропа и, как выразился Инчмейл, больше ума в одном мизинце, чем у всех остальных «Тумб», вместе взятых. Стрижка машинкой «под двойку» выглядела обтягивающей черной шапочкой. Вроде кашемировых менингиток Клэмми, только не снимается. Массивные челюсти и скулы, постоянная щетина, умные, глубоко посаженные глаза.

– Я по ходу первым делом увидел ее «хаундсы». Девчачьи, – продолжал Клэмми.

– Понравилось?

– Сразу запал.

– То есть «хаундсы» вас объединили?

– Я их давно хотел. Аж до трясучки. Видел на этом дебиле Бертоне. Жирная жопа.

Холлис не первый раз слышала про жирную жопу Бертона – музыканта в группе, которую Клэмми терпеть не мог. Градус ненависти между исполнителями сильнее всего напрягал Холлис в мире рок-музыки. Она знала, что они не все такие, но на всякий случай держалась от них подальше.

– Так тебе понравились ее джинсы?

– Я типа намекнул, мол, знаю, что это.

– И?

– Она спросила, хочу ли я такие. Сказала, что знает про заброску.

– Про что?

– Про завоз.

– Откуда?

– Я чо, дурак лишние вопросы задавать? – серьезно ответил Клэмми. – Убиться как хотел. Она, такая, говорит, завтра. Говорит, вместе поедем.

Темнота наплывала на город, захватывая номер. Дно клетки висело над Холлис сгустившимся из сумерек НЛО: сейчас начнет излучать энергию, вытатуирует на ней круги, как на полях. Она внезапно ощутила морской гул лондонского транспорта. Пальцы свободной руки на резной моржовой кости ложа арктического безумия.

– И?

– Другие решили, я с ней сплю. Кроме Джорджа. Он ее знает.

– Откуда?

– Лондонский колледж моды. Она там училась на обувном. Два года выпускала собственную линию. Потом уехала в Мельбурн, делает пояса и сумки. Серьезная девушка, сказал Джордж.

– Он учился в Лондонском колледже моды?

– Джордж? Ты чо? В Оксфорде. Встречался с ее однокурсницей.

Холлис поймала себя на том, что воображает все это в Мельбурне, почти никак не связанном с реальным. Они дали по два концерта в Мельбурне и Сиднее, и оба раза она была совершенно дурная от сдвига часовых поясов и от выяснения отношений внутри группы, так что почти не видела самих городов. Ее Мельбурн был коллажем, нарезкой из канадизированного Лос-Анджелеса, викторианской колониальной архитектуры среди бесконечных терраформированных пригородов. Все большие деревья в Лос-Анджелесе, сказал Инчмейл, австралийские. В Мельбурне, надо думать, тоже. Город, в котором она сейчас представляла Клэмми, был не настоящий. Декорация, собранная по кускам из того, что было под рукой. Ей внезапно остро захотелось туда. Не в реальный Мельбурн, а в солнечную приблизительную обманку.

– И она их тебе добыла? – спросила Холлис.

– Заехала утром. Отвезла меня на Брунсвик-стрит. Накормила яичницей с ветчиной в веганском лесбийском кафе.

– Веганской ветчиной?

– У них без фанатизма. Говорили про «хаундсы». Я так понял, она, когда училась в Лондоне, знала кого-то, при ком они начались.

– Они начались в Лондоне?

– Я этого не говорил. Но кто-то здесь разнюхал их уже тогда.

Дно клетки окончательно потемнело, энтомологический рисунок обоев казался цветочным.

– У нас с тобой договор, помнишь? – спросила она.

– Да, но теперь я подумал и не уверен, что тебя устроит.

– Это уж я решу сама.

– Мы позавтракали, потрепались и поехали на барахолку. Я думал, это вроде как на Портобелло или у Кэмденского шлюза. Но там больше художники, хендмейд. Картины, ювелирка. Сами мастера и торгуют.

– Когда это было?

– В марте прошлого года. Пока мы ели, народ уже встал за «хаундсами» в очередь. Рынок довольно маленький. Мере прямиком к очереди, на улице. Перед нами было человек двадцать, даже больше. Думал, мы сразу пойдем к прилавку, но Мере сказала, нам тоже придется стоять.

– Как тебе показались люди в очереди?

– Стояли молча. Серьезно так. С понтом такие, вальяжные. И вроде как все были поодиночке.

– Больше ребят или девушек?

– Ребят.

– Возраст?

– Разный.

Холлис не знала, что для Клэмми «разный».

– И стояли они к…

– Там был стол под старым пляжным зонтом. Мы стояли на солнце, жарились. Он сидел за столом, в тени.

– Он?

– Белый. Тридцатник, может, больше. Американец.

Холлис подозревала, что Клэмми с трудом определяет возраст человека, если тому больше двадцати.

– Как ты понял?

– Я же с ним говорил, когда достоялся.

– О чем?

– Об усадке. Они с запасом под усадку. В поясе после стирки могут жать, потом растягиваются. Тру-размеры, не большемерят.

– О чем-нибудь еще говорили?

– Он не захотел продать мне еще пару. Там были три моего размера. Я ему бабки показываю, он ни в какую: одна пара в руки. Чтоб всем хватило. За нами стояли еще человек двадцать-тридцать.

– Как он выглядел?

– Рыжий, веснушки. Рубашка белая, я прибалдел.

– Отчего?

– Типа «хаундсов». Простая, да не простая. Деньги держал в руке. Только бумажки, никаких монет.

– Сколько?

– Двести австралийских долларов.

– Он был один?

– Еще две тамошние девушки. Подружки Мере. Вообще, это

их прилавок. Они торгуют ремнями Мере, футболками со своими принтами, ювелиркой.

– Как зовут, помнишь?

– Не-а. Мере знает.

– Она в Мельбурне?

– Не-а. В Париже.

Холлис чувствовала, как сумрак летающей тарелки заполняет ее поле зрения.

– В Париже?

– Чо, глухая?

– Ты знаешь, как ее найти?

– Будет там на ярмарке винтажа. Два дня. Начало завтра. Ол Джордж там с ней. Инчмейл злой, что Джордж свинтил в Париж, хотя мы еще пишем.

– Мне надо с нею увидеться. Завтра или послезавтра. Устроишь?

– Договор помнишь?

– Да. Звони сейчас, потом перезвонишь мне.

– О'кей, – сказал Клэмми и отключился.

Айфон сразу стал пустым, безжизненным.

16
Бар на доверии

Она поджидала Милгрима в гостинице. На диване перед прикованным бесплатным макбуком, в левой части Т-образного коридора напротив ресепшен.

Милгрим не видел ее, когда подошел забрать у канадской девушки ключи.

– Вас ждут, мистер Милгрим.

– Мистер Милгрим?

Он обернулся. Она закрывала макбук. Черный свитерок. Рядом на диване – белая сумка и пакет из «Уотерстоуна». Встала, перекинула через плечо сумку, взяла пакет. Визитная карточка, наверное, заранее была у нее наготове.

– Уинни Уитакер, – сказала она, протягивая ему карточку.

В левом верхнем углу эмблема золотым тиснением. УИННИ ТУН УИТАКЕР. Он сморгнул. СПЕЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ. Глянул мимо, в лихорадочной попытке найти путь к отступлению, и увидел в уотерстоуновском пакете по меньшей мере двух плюшевых Паддингтонов в фирменных красных шляпах. Снова на карточку. СЛЕДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИНОБОРОНЫ США (СОГУМ).

– Вы меня сфотографировали, – печально сказал Милгрим.

– Да. Мне надо с вами побеседовать, мистер Милгрим. Нельзя ли здесь найти место для спокойного разговора?

– Мой номер очень маленький, – сказал он. Это было правдой, хотя Милгрим и сообразил с опозданием, что там ему решительно нечего от нее прятать. – Есть бар, сразу по лестнице.

– Спасибо. – Она махнула уотерстоуновским пакетом, предлагая Милгриму идти вперед.

– Вы долго ждали? – спросил он по пути к лестнице. Голос был механический, словно внутри него говорит робот.

– Больше часа, но мне как раз надо было чирикнуть детям.

Милгрим не знал, что это значит. И он не удосужился раньше оценить размер бара, узнать, сколько там помещений. То, в которое они вошли сейчас, напоминало постановочный интерьерный уголок во флагманском магазине Ральфа Лорена, изображающий красивую жизнь полумифического высшего класса, но раздутый здесь до чего-то совершенно иного, злокачественного и гиперреального.

Милгрим еще раз глянул на карточку – вдруг надпись чудом изменилась. Его спутница тем временем восхищенно

оглядывалась по сторонам.

– Ух ты. Как «Риц-Карлтон» на стероидах. Только в миниатюре.

Она аккуратно поставила пакет с Паддингтонами на кожаный пуфик.

– Могу я предложить вам выпить? – спросил механически ровный голос Милгрима. Он последний раз глянул на жуткую карточку и сунул ее в нагрудный карман.

– У них есть пиво?

– Наверняка. – Он с трудом отыскал встроенный холодильник за дверцей красного дерева. – Какое вы предпочитаете?

Она заглянула в холодное матово-серебристое нутро.

– Я тут ни одного названия не знаю.

– «Бекс», – посоветовал его робот. – Он тут не такой, как в Америке.

– А вы?

– Я не употребляю алкоголь.

Он протянул ей «Бекс», а себе взял первую попавшуюся банку прохладительного напитка. Она открыла бутылку чем-то роскошным с рукояткой из оленьего рога и отпила прямо из горлышка.

– Зачем вы меня сфотографировали? – Механический голос почему-то отключился, и Милгрим неожиданно для себя заговорил совсем другим – голосом человека, которого любой полицейский сразу рефлекторно арестует.

– У меня пунктик, – сказала она.

Милгрим сморгнул и поежился.

– Собирательство. Коллекционирую, что под руку попадется. В файликах, главным образом. Бумажки. Фотографии. Иногда вешаю их на стену в кабинете. У меня есть ваш снимок с наркозадержания в Нью-Йорке в девяносто седьмом.

– Мне не предъявили обвинений, – сказал Милгрим.

– Не предъявили. – Она отхлебнула «Бекса». – И у меня есть копия фотографии с вашего паспорта, разумеется более свежей. А утром, следя за вами, я решила сегодня с вами поговорить. И мне надо было прежде вас щелкнуть. В естественной обстановке, так сказать. Вообще-то, главный мой пунктик – фотографии. Не помню, какое решение было первым: поговорить с вами сегодня днем или сделать снимок, что подразумевало дальнейший разговор. – Она улыбнулась. – Что же вы не пьете свою воду?

Милгрим посмотрел на банку, отколупнул крышку и налил в высокий стакан что-то желтое, с пузырьками.

– Давайте сядем, – сказала она и опустилась в кожаное клубное кресло.

Милгрим сел напротив.

– Что я сделал? – спросил он.

– Я не телепат.

– Простите?

– Вы лет десять не заполняли налоговую декларацию. Но, возможно, вы не зарабатывали налогооблагаемого минимума.

– Думаю, не зарабатывал.

– Но теперь вы получаете зарплату?

– Нечто вроде гонораров, – смущенно ответил Милгрим. – Плюс издержки.

– Довольно значительные. – Она оглядела бар. – В рекламном агентстве «Синий муравей»?

– Формально нет, – ответил Милгрим. Ему не понравилось, как это прозвучало. – Я работаю на руководителя.

Слово «руководитель» было какое-то скользкое.

Она кивнула и тут же снова посмотрела ему в глаза.

– О вас очень мало известно, мистер Милгрим. Колумбийский университет? Славянские языки? Перевод? Работа на правительство?

– Да.

– Нулевое досье в *ChoicePoint*[20]. Это значит, что за десять лет у вас не было даже кредитной карточки. Не было адреса. Если мне можно высказать догадку, мистер Милгрим, я бы предположила, что у вас были проблемы с наркотиками.

– Да.

– Сейчас вы не похожи на человека, у которого проблемы с наркотиками.

– Правда?

– Правда. У вас есть набор рефлексов, оставшихся от проблем с наркотиками. И у вас возможны проблемы из-за людей, с которыми вы сейчас связаны. Собственно, об этом я и собиралась с вами говорить.

Милгрим отпил из стакана. Что-то вырвиглазное, лимонное. У него навернулись слезы.

– Зачем вы ездили в Миртл-Бич, мистер Милгрим? Знали ли вы человека, с которым там встречались?

– Штаны, – ответил он.

– Штаны?

– Я снял с них натирки. Сделал фотографии. Ему за это заплатили.

– Вы знаете сколько?

– Нет. Несколько тысяч. – Милгрим, не отдавая себе отчета, показал пальцами толщину пачки стодолларовых банкнот. – Скажем, максимум десять.

– И эти штаны были собственностью Минобороны? – спросила она, глядя ему прямо в глаза.

– Надеюсь, нет, – проговорил Милгрим из глубины внезапного отчаяния.

Она отпила большой долгий глоток. Продолжая глядеть с прежним выражением. Кто-то гоготнул в соседнем помещении бара, за дверями все того же красного дерева. Смех вполне подходил к интерьеру.

– Могу вам сказать, что не были.

Милгрим проглотил вставший в горле болезненный комок.

– Не были.

– Но могли быть. И это стало бы проблемой. Расскажите про человека, который их вам показал.

– У него была стрижка «каскад». И черные блекки-коллинзовские тотерсы.

– Что-что?

– Тотерсы, – повторил Милгрим. – Я их гуглил. У них нейлоновая мешковина карманов для пистолетов и всего такого. Кордюра-плюс. И накладные карманы для ножей или фонариков.

– Ну да. – Она улыбнулась. – Разумеется.

– Слейт сказал, он из спец-чего-то.

– Не сомневаюсь, что он так думает.

– Спецвойск? Это правда?

– Слейт, – сказала она. – Оливер. Британский гражданин, проживает в Канаде. Работает на фирму «Синий муравей».

– Да, – сказал Милгрим, воображая фотографию Слейта у нее на стене. – А вообще, он больше молчал. Упомянул, что им нужны ластовицы.

– Что-что?

– Ластовицы. Штанам. – И добавил, вспомнив: – Лучший модельер-аналитик «Синего муравья» сказала, они не армейские. Уличные. Думаю, она права.

– Почему?

– Цвет «койот». – Он пожал плечами. – Прошлый год. Ирак.

– Я была в Ираке. Три месяца. В Зеленой зоне[21]. Мне там этот «койот» тоже намозолил глаза.

Милгрим не мог придумать ответа.

– Это было опасно? – спросил его робот.

– У них есть «Синабон». Я скучала по детям. – Она допила пиво и поставила бутылку на хрустальный подносик с рифленым металлическим ободком. – В магазине подарков вы встречались с его женой. Он тоже был в Ираке. Сперва в элитном подразделении, потом по контракту.

– Я его боялся, – сказал Милгрим.

– Думаю, он неадекватный, – заметила она таким тоном, будто тут решительно нечему удивляться. – Что там такое с «тойотой»?

– С «хайлюксом»?

– Всю помощь здесь я получаю по линии атташе ФБР. Британцы согласились проследить за вами от аэропорта и сообщить, где вы остановитесь. Но их заинтересовала машина.

– Она принадлежит Бигенду, – сказал Милгрим. – Броня установлена фирмой «Янкель», мотор по спецзаказу, шины, которые едут даже после пулевой пробоины.

Он не стал добавлять про «уровень наркокартеля».

– Это его настоящая фамилия?

– Французское произношение вроде бы Бэжан, но он предпочитает английское.

– Зачем ему такой автомобиль?

– Ни за чем. Просто из любознательности.

– Наверное, приятный человек.

– Я не уверен, что так бы о нем сказал. Но безусловно любознательный.

– И с очень серьезными связями. Мои британцы явно сочли, что слежка от аэропорта и название гостиницы – все, что я от них получу. Хотя, может, они и не знают ничего. Во всяком случае, автомобиль их заинтриговал.

– Видимо, по-настоящему чудаковатых богачей не так уж много, – заметил Милгрим. – Даже здесь.

– Мне трудно судить.

Милгрим кивнул и с опаской отпил горького тоника.

– Зачем им данные об этих штанах?

– Они интересуются военными контрактами, – сказал Милгрим. – Разработкой моделей. Выпускать снаряжение можно только в США. Закон такой есть.

– Серьезно?

– Мне так сказали.

– Нет, я спросила «серьезно?» про их интерес к военным контрактам.

– Серьезно, конечно. Это крупный текущий проект.

– Охрененно смешно.

Милгрим растерянно глядел в свой тоник.

– У вас есть телефон?

– Да. – Милгрим вынул из кармана «нео». – Но Бигенд говорит, он прослушивается.

– Тогда не надо. Я арестовала серьезного преступника, у которого был такой.

Милгрим поежился.

– Не из-за телефона. По другой причине. У вас есть электронный адрес?

– В «Синем муравье».

– Аккаунт в твиттере?

– Что?

– Зарегистрируйтесь в нем. Голубой дельфин два, все буквы заглавные, без пробелов. «Два» – цифрой. На ноутбуке в фойе. Как только допьете эту банку. Сразу поставьте защиту твитов, чтобы они были видны только читателям. Я попрошу меня добавить. Я буду Голубой дельфин один. Добавьте меня, никого больше не добавляйте. Это все равно будут порноботы.

– Порноботы? Это что?

– Я так разговариваю с детьми. Вы зарегистрируетесь. Будем держать связь через твиттер. Попробуем уберечь вас от беды.

Милгрим поморщился.

– Никуда не уезжайте, не известив меня. То же самое, если соберетесь сменить гостиницу.

– Я должен ехать, куда меня отправляют, – сказал Милгрим. – Это моя работа.

– Вот и отлично. Я буду на связи. – Она встала. – Спасибо за пиво. Не забудьте зарегистрироваться. Голубой дельфин два. Все заглавные. Без пробелов.

Она вышла, он остался сидеть в клубном кресле. Вынул из кармана карточку. Подержал, не читая, между пальцами.

– Без пробелов, – повторил его робот.

17
Инфузории

Хайди сидела в кабинетовском баре. На ней была куртка постапокалиптической тамбурмажоретки из тканей разной фактуры, переливающихся всеми оттенками черного.

– Муйловы карточки сработали?

– Две. – Хайди подняла запотевший высокий стакан с прозрачной жидкостью.

Мастер в «Селфридже» не только подстриг ее, но и покрасил, тоже в несколько оттенков. И, судя по всему, она успела побывать в косметическом отделе.

– Что это? – спросила Холлис, указывая на стакан.

– Вода, – ответила Хайди и отпила.

– Хочешь завтра утром со мной в Париж?

– Зачем?

– По моей работе. Там будет ярмарка винтажной одежды. Мне надо найти девушку, которая знает то, что поручил мне выяснить Бигенд.

– Как ты ее нашла?

– Она встречается с клавишником из «Тумб».

– Мир тесен, – сказала Хайди. – А этот единственный нормальный. Остальные инфузории. Ушлепки куриные. Я пас. От гребаных самолетов горло болит.

– Так сейчас поездом – «Евростар».

– Не, я про те, которыми сюда летела. Когда вернешься?

– Если завтра ее найду, то послезавтра. Ладно, возьму Милгрима.

– Как он тебе показался?

– С очень большим прибабахом.

Холлис аккуратно сдула бурый островок пены на своем полупинтовом стакане «гиннесса», чтобы посмотреть, как он сдвинется, и отпила глоток. Она сама не совсем понимала, зачем взяла «гиннесс». Он ей нравился на вид, но не на вкус. Интересно, какой бы он был на вкус, будь вкус такой, какого она ждала на вид? Не угадаешь.

– Хотя, может, это и не плохой прибабах, – продолжала она. – Человек не виноват, что Бигенд его нашел. Мы знаем, как это бывает.

– Роберт отыскал мне спортзал. Старой школы. В Ист-Сайде.

– В Ист-Энде. Не Сайде.

– Он клевый.

– Не замай. «Мирных жителей не трогать», помнишь? Если бы ты держалась правила, не разводилась бы сейчас с муйлом.

– На себя посмотри. Хахаль на ютубе, прыгает с небоскребов.

– Это было твое правило, не мое. После боксеров у тебя были только музыканты.

– Инфузории, – кивнула Хайди. – Ушлепки куриные.

– Я бы тебе заранее сказала.

– Ты говорила.

Гул разговоров в баре внезапно стих. Холлис подняла голову и увидела исландских двойняшек в сияющем ореоле меховых волос. За ними с какой-то особой родственной заботой шествовал Бигенд.

– Черт, – сказала Холлис.

– Я сваливаю, – объявила Хайди.

Она поставила стакан, встала и раздраженно передернула плечами под новой курткой.

Холлис тоже встала, держа стакан в руке.

– Мне надо с ним поговорить. Про Париж.

– Вот ты и говори.

– Холлис! – воскликнул Бигенд. – И Хайди! Какая приятная встреча!

– Мистер Большой Конец, – пробормотала Хайди.

– Разрешите познакомить. Эйдис и Фридрикка Брансдоттир. Холлис Генри и Хайди Хайд.

Эйдис и Фридрикка синхронно изобразили одинаковые улыбки.

– Я ухожу, – сказала Хайди.

Пока она шла, все мужчины в баре провожали ее взглядами.

– Ей нездоровится, – объяснила Холлис. – Горло болит после перелета.

– Она певица? – спросила то ли Эйдис, то ли Фридрикка.

– Драммерша, – ответила ее сестра.

– Можно вас на минуту, Губерт? – Холлис повернулась к двойняшкам: – Прошу прощения. Усаживайтесь.

Исландки сели в кресла, с которых встали Холлис и Хайди, и Холлис подошла ближе к Бигенду. Он сменил синий костюм на черный из странной светопоглощающей ткани: казалось, у нее нет поверхности. Сплошная черная дыра из антиматерии пополам с ангорской шерстью.

– Я не знал, что Хайди здесь, – заметил он.

– Мы все удивились. Но я хотела сказать, что еду завтра в Париж. Попытаюсь поговорить с девушкой, которая, возможно, что-то знает про «Хаундс». Я бы хотела взять Милгрима.

– Вы поладили?

– В целом да.

– Я поручу Памеле связаться с вами по мейлу. Она забронирует билеты и гостиницу.

– Не стоит. Я буду записывать расходы. Но мне не хочется освобождать номер здесь, так что я оставлю его за собой, а вы можете заплатить.

– Я уже заплатил. Плюс на непредвиденные траты. Можете что-нибудь заранее сказать мне про Париж?

– Возможно, я вышла на людей, которые как-то связаны с созданием «Хаундс». Возможно. Больше я пока ничего не знаю. И это может оказаться ложный след. Я позвоню вам оттуда. А сейчас не буду отвлекать вас от спутниц. – Она улыбнулась в сторону Эйдис и Фридрикки, которые полярными пушными зверьками свернулись в одинаковых креслах. – До свидания.

18
140

«Нео» зазвонил, когда Милгрим все еще пытался разобраться с твиттером. Он зарегистрировался как ГОЛУБОЙДЕЛЬФИН2. Читателей нет, не в читателях ни у кого. Обновления защищены, что бы это ни значило.

Резкий псевдомеханический звонок заставил девушку за стойкой поднять голову. Милгрим смущенно улыбнулся ей из-за гостиничного ноутбука и поднес к уху неудобный «нео».

– Алло?

– Милгрим?

– Слушаю.

– Холлис. Как вы?

– Хорошо, – машинально ответил Милгрим. – А вы?

– Можете поехать завтра в Париж? Ранним «Евростаром».

– Что это?

– Поезд, – ответила она. – Туннелем. Так быстрее.

– Зачем? – Собственная интонация показалась ему детской, подозрительной.

– Я нашла девушку, с которой нам надо поговорить. Она будет там завтра и послезавтра. Дальше не знаю.

– Мы надолго?

– На день, если повезет. В семь тридцать на вокзале Сент-Панкрас. Я скажу в «Синем муравье», чтобы за вами прислали машину.

– Губерт в курсе?

– Да, я только что с ним говорила.

– Хорошо. Спасибо.

– Я попрошу водителя позвонить вам в номер.

– Спасибо.

Милгрим отложил телефон и вернулся к почте и твиттеру. Там только что пришел запрос на чтение от ГОЛУБОЙДЕЛЬФИН1. Милгрим подтвердил его. Теперь надо было рассказать ей про Париж. Обрывками по 140 знаков, как он понял.

Когда он заканчивал писать, какая-то СиндиБраун32 прислала ему запрос на чтение.

Памятуя о словах Уинни, Милгрим отклонил запрос. Потом вышел из твиттера и из почты. Закрыл ноутбук.

– Доброй ночи, мистер Милгрим, – сказала девушка за стойкой регистрации, когда он шел к лифту.

Милгрим чувствовал, как нечто новое и большое пытается в

нем улечься. Он то ли сменил хозяина, то ли приобрел нового. Или просто испугался Уинни больше, чем боится Бигенда? А может, боится, что Бигенда не окажется рядом?

– Изолировали, – сказал Милгрим матированной стальной стене японского лифта, как только закрылась дверь.

Он вырвался из тесного и жесткого мира в более просторный, где выполнял задания-просьбы Бигенда, и внезапно новый мир оказался вовсе не таким уж вольготным. Череда номеров в гостиницах, которые он не выбирал. Простые поручения, включающие перелеты. Анализы мочи. Всякий раз новая упаковка лекарства.

Вспомнив про лекарство, Милгрим мысленно пересчитал капсулы. Осталось на двое суток. Что бы в этих капсулах ни было.

Дверь открылась в коридоре третьего этажа.

Принять лекарство. Почистить зубы. Сложить вещи в дорогу.

Когда он последний раз был в Париже? Казалось, он – никогда. Там был кто-то другой, в его двадцать с небольшим. Загадочная предыдущая версия, до которой так безжалостно докапывалась психотерапевт в Базеле. Гипотетическое молодое «я». До того, как все стало сперва не очень хорошо, потом плохо, потом очень плохо. Хотя к той поре он научился выключаться. И почти не включаться.

– Прекрати пялиться, – с порога сказал Милгрим манекену. – Жалко, что нечего почитать.

Он уже давно ничего не читал для удовольствия. Собственно, с начала лечения. Да, в клинике было несколько глянцевых, странно выхолощенных журналов, которые уборщицы каждый день складывали в аккуратную стопку. Однако Милгрим, листая их, понял, что это не более чем наглая реклама богатства, здоровья и ограниченности.

Надо будет купить книгу в Париже.

Чтение, сказала психотерапевт, вероятно, было его первым наркотиком.

19
«Присутствия»

Закидывая в сумку косметику, Холлис заметила, что на полке рядом с раковиной нет фигурки Синего муравья – ее не сработавшего тотема против Бигенда. Горничные переставили при уборке? Наверное, хотя на них не похоже. Она застегнула косметичку. Проверила в зеркале прическу. Из-за узорной решетки бессмысленным плавным потоком лился голос бибисишного тембра.

Назад, мимо запотевшего стекла и никелированных труб уэллсовского душа, завешанного сейчас махровыми полотенцами.

Обводя взглядом номер – не забыла ли чего, – она увидела три нераспакованные коробки с британскими экземплярами своей книги. Вспомнила Милгрима, как тот при первой встрече в испанском ресторанчике выразил интерес. Бигенд, разумеется, заговорил на эту тему, и Милгрим тогда взглянул на Холлис с новым уважением, узнав, что она написала книгу.

Надо будет подарить ему экземпляр.

Она взгромоздила тяжеленную коробку на неубранную постель и гостиничным викторианским штопором вспорола клейкую ленту. Изнутри пахнуло книжным магазином, но запах был плохой, химический. «Присутствия» Холлис Генри. Каждая квадратная книга затянута в пленку. Холлис взяла верхнюю и сунула в боковой карман чемодана на колесиках.

По зеленому пограничному коридору к лифту, вниз в пахнущий кофе вестибюль, где молодой человек в черепаховых очках подал ей закрытый бумажный стакан кофе с молоком и кабинетовский зонт.

– Машина уже здесь?

– Да.

– Зонт мне не понадобится, спасибо.

Молодой человек вынес ее чемодан на колесиках и убрал в открытый багажник черного «БМВ». Из-за руля вылез юный бородач, который прошлый раз впустил ее в здание «Синего муравья».

– Джейкоб, – с улыбкой напомнил он.

Мотоциклетная куртка из вощеного хлопка придавала ему этим дождливым утром какую-то обреченную удаль. Еще бы в руки пистолет-пулемет «стен» или что-нибудь столь же похожее на кусок водопроводной трубы.

– Да-да, – сказала Холлис. – Спасибо, что заехали.

– Пробок пока мало. – (Открывая ей дверцу.)

– Мы встречаемся с мистером Милгримом?

Когда Джейкоб усаживался обратно за руль, она заметила у него на ухе беспроводную гарнитуру.

– Обо всем позаботились. Его заберут. Готовы ехать в Париж?

– Надеюсь, что да, – ответила Холлис.

Машина отъехала от тротуара.

Они свернули на Глостер-плейс. Если бы Холлис шла пешком, она бы выбрала Бейкер-стрит, о которой грезила в детстве и которая до сих пор сохраняла для нее острый привкус разочарования. Хотя, быть может, шерлок-холмсовские приключения ждут в Париже, до которого теперь можно добраться подземкой.

На Мэрилебон, где они то и дело вставали в пробке, Холлис постоянно видела одного и того же курьера на мотоцикле, в пластиковой самурайской броне. Его желтый шлем был покорябан сзади, словно некая огромная кошка цапнула мотоциклиста, но не поймала. Царапины неуклюже залепили отстающим серым скотчем. Курьер постоянно обгонял машину, лавируя между полосами. Холлис никогда не понимала, как это получается.

– Надеюсь, что сумею разыскать Милгрима на вокзале.

– Не волнуйтесь, – сказал Джейкоб. – Его к вам подведут.

> > >

Небесно-синяя огромность ажурного стального свода. Нарастающий грохот. Голуби, невозмутимо занятые своими голубиными делами. Никто не строит таких вокзалов, как европейцы, подумала Холлис, и у британцев это получается лучше всех. Вера в инфраструктуру, помноженная на вынужденное умение приспосабливать старое к новым нуждам.

Один из рослых водителей Бигенда, придерживая гарнитуру в ухе, уверенно пробирался через толпу; за ним, как лодочка на буксире, следовал Милгрим. Он по-детски озирался, сияя мальчишеской радостью от сине-стального ажурного великолепия, от игрушечной грандиозности огромного вокзала.

Когда Холлис двинулась к нему, колесико ее чемодана защелкало.

20
Дополненное

Милгрим, листавший «Присутствия. Локативное искусство в Америке», поднял глаза от квадратных глянцевых страниц и увидел, что Холлис тоже читает. Что-то в черном матерчатом переплете, без супера.

Они были где-то под Ла-Маншем. Сидели в бизнес-премиум-классе, где был вайфай и круассаны на завтрак. Или не вайфай, а что-то мобильное, для чего нужна штучка, которую Холлис назвала «*USB*-модем». Когда Милгрим попросил разрешения выйти от нее в интернет, она воткнула такую в свой макбук, совсем тонкий («эйр», сказала она). Милгрим хотел посмотреть, ответила ли Уинни, но в твиттере ничего не было. Он написал: «Едем через Кент», потом стер. Набрал в гугле «Холлис Генри» и нашел ее страничку в Википедии. Странно было читать, сидя напротив, через стол, хотя она и не видела, что́ он смотрит. Впрочем, сейчас, в туннеле, интернета уже не было.

Статья в Википедии была датирована 2004 годом. Автор утверждал, что Холлис на сцене выглядела «термоядерной версией Франсуазы Арди». Милгриму пришлось погуглить Франсуазу Арди, чтобы сравнить. Французская певица показалась ему более традиционно миловидной, и он не понимал, что в таком контексте значит «термоядерная». Возможно, автор пытался передать свои ощущения от того, что она излучала в живом исполнении. Сейчас Милгрим ничего такого не видел.

Его смутному представлению о рок-певице Холлис не соответствовала. Она скорее выглядела женщиной на работе, где нет дресс-кода. Примерно такой, насколько он понял, и была ее работа у Бигенда.

Когда он вернул ей компьютер, она протянула ему экземпляр своей книги.

– Боюсь, тут все больше картинки, – сказала Холлис, расстегивая карман черного чемодана и вытаскивая глянцевую, запаянную в пленку книгу.

На обложке была фотография скульптурной группы: несколько высоких обнаженных женщин с маленькими грудями, одинаковыми прическами вроде шлемов и в одинаковых браслетах. Женщины стояли на цветочной клумбе и были из чего-то вроде застывшей ртути, так что в них отражалось все вокруг. На задней обложке было то же место, но без сурово-эротических зеркальных фигур, которые на первой фотографии заслоняли

вывеску на здании. Здесь ее можно было прочесть: «Шато-Мармон».

– Мемориал Хельмуту Ньютону, – объяснила Холлис. – Он тут жил. Часть времени.

– А сзади «до»? – спросил Милгрим.

– Нет, – ответила она. – Это что вы там видите – недополненное. Спереди то, что видите, – дополненное. Композиция привязана к *GPS*-координатам… Чтобы увидеть дополненную реальность, надо прийти на место и посмотреть через специальное оборудование.

– Никогда про такое не слышал, – сказал Милгрим, глядя на заднюю обложку, потом на переднюю.

– Когда я писала книгу, доступных инструментов еще не было. Художники создавали собственные. Теперь это приложение к айфонам. Тогда пришлось основательно повозиться, чтобы получить качественные картинки. Мы снимали участок в высоком разрешении с максимального количества ракурсов, объединяли снимки и выбирали лучший.

– Вы сами это делали?

– Я выбирала, а съемкой и рендерингом занимался Альберто. Мемориал Ньютону – его творение, но он подготовил для книги и остальные. – Она отбросила упавшую на глаз челку. – Локативное искусство, вероятно, зародилось в Лондоне, и здесь его много, но я решила ограничиться Америкой. Отчасти чтобы не разбрасываться, отчасти потому, что оно странным образом привязано к месту. Я решила, что с американским у меня чуть больше шансов хоть что-нибудь понять.

– Вы, наверное, хорошо разбираетесь в искусстве.

– Ничего подобного. На локативное набрела случайно. Нет, не совсем так. Идею подал Бигенд. Хотя тогда я этого не поняла.

Милгрим подсунул ноготь под пленку.

– Спасибо, – сказал он. – Должно быть, очень интересно.

Сейчас, поймав на себе его взгляд, она закрыла черную книгу и улыбнулась.

– Что вы читаете? – спросил Милгрим.

– «Одинокий волк» Джеффри Хаусхолда. Про человека, который пытался убить Гитлера или кого-то очень похожего на Гитлера.

– Хороший роман?

– Очень. Хотя здесь куда больше про английскую сельскую местность. Последняя треть, как я поняла, целиком разворачивается в барсучьей норе под изгородью.

– Мне понравилась ваша книга. Как будто люди смогли зафиксировать свои сны и оставить там, где их смогут увидеть

другие, если знают способ.

– Спасибо. – Холлис положила «Одинокого волка» на стол, не отметив страницу, на которой остановилась.

– Вы их все сами видели?

– Да.

– Какая ваша любимая?

– Ривер Феникс на тротуаре. Его я увидела первым. Один-единственный раз. Больше туда не возвращалась, чтобы не портить впечатление. Наверное, из-за этого впечатления я и решила написать книгу.

Милгрим закрыл «Присутствия» и положил на стол напротив «Одинокого волка».

– С кем мы встречаемся в Париже?

– С Мередит Овертон. Она училась в Колледже моды. Обувь, кожа. Живет в Мельбурне. Или жила. В Париже на «Салон дю вэнтаж», что-то продает. Она там с клавишником по имени Джордж из группы «Тумбы». Слышали про такую?

– Нет.

– Я знакома с другим парнем из этой группы плюс с человеком, который их продюсирует.

– Она знает про «Габриэль Хаундс»?

– Тот другой парень из «Тумб» сказал, она в студенческие годы дружила в Лондоне с кем-то, кто участвовал в создании «Хаундс».

– Они возникли в Лондоне?

– Не знаю. Клэмми познакомился с нею в Мельбурне. На ней были «хаундсы», он хотел такие же. Она знала, где их будут продавать в Мельбурне. На художественной ярмарке. Он пошел с нею и купил джинсы. Сказал, ими торговал американец.

– А она станет с нами говорить?

– Не знаю. Попробуем.

– Что в них такого? И почему Бигенд ими интересуется?

– Он считает, кто-то копирует его самые заветные маркетинговые стратегии.

– И люди хотят эти джинсы, потому что их невозможно достать?

– Отчасти.

– Наркотики высоко ценятся, потому что их нельзя достать, не нарушая закон.

– Я думала, наркотики высоко ценятся, потому что они действуют.

– Это обязательное условие, но рыночную цену создает запрет. Часто их производство не стоит практически ничего. Так что все работает в одну сторону: они действуют, вы в них

нуждаетесь, они под запретом.

– Как вы избавились от зависимости?

– Мне заменили кровь. Делали переливания. И одновременно снижали дозу. И еще есть парадоксальный антагонист.

– Это что такое?

– Точно не знаю, – ответил Милгрим. – Другой препарат. И плюс когнитивная терапия.

– Страшно слушать.

– Терапия мне нравилась, – сказал Милгрим.

Он чувствовал у себя на груди паспорт, надежно упрятанный в чехол Фарадея.

Мокрая от дождя Франция возникла за окном, словно по щелчку выключателя.

21
Минус первый

Она расплачивалась с таксистом евро, которые взяла на вокзале из банкомата, когда Милгрим ровным голосом произнес:

– Фолиаж.

Она обернулась:

– Что?

Он, прижимая к себе сумку, вылезал из такси.

– Магазин на Оксфорд-стрит. Штаны камуфляжного оттенка «фолиаж». Тот же человек. Только что вошел туда, куда мы идем.

Чуть растерянный пациент психотерапевта исчез; вернулось то звериное, настороженное. У Холлис было впечатление, что Милгрим принюхивается.

– Сдачи не надо, – сказала она таксисту и, жестом попросив Милгрима отойти с дороги, вылезла и вытащила чемодан. Потом захлопнула дверцу, и такси отъехало, оставив их на тротуаре.

– Кто-то за нами следит, – сказал Милгрим.

– Бигенд?

– Не знаю. Заходите.

– А вы что будете делать?

– Посмотрю.

– Точно?

– Можно мне взять ваш ноутбук?

Холлис нагнулась, расстегнула чемодан и вытащила мак. Милгрим сунул его под мышку, словно папку. Видно было, как возвращается его рассеянная мягкость. Он уходит в себя, чувствовала Холлис и гадала, что бы это значило.

– Идите, пожалуйста, – сказал он.

– Евро. – Она протянула ему несколько бумажек.

Затем повернулась и покатила чемодан по тротуару, в толпу у входа. Может, Милгриму чудится? Возможно. Хотя Бигенду свойственно привлекать к себе нежелательное внимание, а затем следить за теми, кто следит за ним. В точности как собирался сейчас Милгрим. Она обернулась, думая его увидеть, но он уже растворился.

На входе надо было заплатить пять евро девушке-японке и сдать чемодан.

За арками виднелся мощеный двор. Группки курящих девушек придавали ему разом естественный и уютный вид.

Сам «Салон дю вэнтаж» проходил в переоборудованном здании семнадцатого века, которому принадлежал двор.

Гламурный лоск прошлого десятилетия плавно вписался в барочную архитектуру.

Чуть ли не половину посетителей составляли японцы. Большинство двигалось примерно в одном направлении, и Холлис пошла со всеми, по минималистской лестнице светлого шведского дерева, в первый из двух ярко освещенных залов, где хрустальные люстры сияли над тщательно выставленной одеждой: на вешалках, на стеклянных прилавках, на столах соответствующей эпохи.

Из гугла Холлис знала, что в этом году салон посвящен восьмидесятым. Ее всегда поражало, что время, в которое она уже жила, становится эпохой. Значит ли это, что она и сейчас живет в каком-то историческом периоде, и если да, то как его назовут? Первые десятилетия нового века вроде бы еще не получили четкого названия. Мода относительно недавнего прошлого вызывала у нее странное чувство. Наверное, память как-то осовременивает вещи, которые ты носила, и вживую они оказываются совсем не такие, какими их помнишь. Особенно чудны́ми выглядели плечи; талия и подол оказывались не там, где ждешь.

Впрочем, восьмидесятые Холлис вовсе не походили на то, что было представлено здесь: по большей части Жан-Поль Готье, Тьерри Мюглер, Аззадин Алайя и Клод Монтана.

Она посмотрела рукописный ценник на шерстяном мюглеровском жакете. Будь здесь Хайди и фанатей она по таким вещам (которые на самом деле были ей даром не нужны), последние карточки муйла усвистели бы за час, и все равно покупки уместились бы в одном такси.

Она подняла голову и зажмурилась, встретившись взглядом с самой собой на фотографии Антона Корбейна, увеличенной и вздернутой на прозрачной леске над вешалкой с Мюглером. Анахронизм, подумала Холлис. Даже не ее эпоха. Фотография была сделана в 1996 году.

Чтобы скорее сбежать от фотографии, Холлис отклонила предложение примерить мюглеровский жакет. Она на ходу достала айфон, и Бигенд ответил сразу, не дав своему мобильному шанса зазвонить.

– Губерт, вы отправляли сюда кого-нибудь еще?

– Нет, – ответил он. – А надо было?

– Вы поручали кому-нибудь следить за нами в «Селфридже»?

– Нет.

– Милгрим считает, что заметил здесь человека, которого видел там.

– Все возможно. Парижскому офису не сообщали о вашем

приезде. Попросить, чтобы вам кого-нибудь прислали?

– Нет, просто хотела проверить.

– Еще что-нибудь для меня есть?

– Пока нет. Мы только что добрались. Спасибо.

Она дала отбой раньше, чем Бигенд успел попрощаться. И замерла с поднятой рукой, с телефоном на уровне уха, внезапно осознав культовую знаковость своей позы. В языке жестов, свойственных публичному пространству, роль сигарет отошла телефонам. Люди в позе, которая узнается за квартал, уже не курят. Девушка на фотографии Корбейна никогда такого не видела.

Номер, который вчера дал Клэмми, долго не отвечал.

– Да?

– Джордж? Это Холлис Генри. Мы встречались в «Кабинете», когда там жил Редж.

– Да. Клэмми звонил. Тебе надо поговорить с Мере.

– Да, хотелось бы.

– И ты здесь?

– Да.

– Боюсь, ничего не выйдет, – тоном скорее молодого юриста, чем клавишника «Тумб».

– Она не хочет со мной говорить?

– Не может.

– Очень жаль, – сказала Холлис.

– Нет, нет, – ответил Джордж, – не в том смысле. Она оформляет сделку по Шанель, которую привезла из Мельбурна. Токийские дилеры. Пригласили ее на ланч. Я тут пока сижу вместо нее.

Холлис отодвинула айфон, облегченно вздохнула и вновь поднесла телефон к уху:

– Так она согласна со мной поговорить?

– Да. Ей нравится твоя музыка. Ее мама твоя поклонница. Ты где?

– На втором этаже рядом с лестницей.

– Видела, там твою фотографию повесили?

– Да, я заметила.

– Мы в самом дальнем конце. Я буду тебя высматривать.

– Спасибо.

Холлис двинулась вглубь зала. По пути ей попался прилавок с джинсой явно не восьмидесятых. Все вещи тут были старше продавца, которому она на вид дала бы примерно сороковник. Он так и ел ее глазами – из-за хаундсовской куртки, решила Холлис.

Олдувай Джордж нашелся за архипелагом оранжево-прозрачной надувной мебели, тоже едва ли восьмидесятых. Он

был в джинсах и плаще цвета хаки. Гориллья внешность не портила его, скорее добавляла шарма.

– Ты как?

– Спасибо, хорошо, – ответила она, пожимая ему руку. – А ты?

– Ни шиша не продал с тех пор, как японцы увели Мере. Видать, нет у меня торгашеской жилки.

Оксфорд, сказал про Джорджа Инчмейл, когда Холлис пытала его вчера вечером. Баллиол, ФПЭ[22] с отличием. Холлис понятия не имела, что это значит, помимо того, что для нынешнего занятия у него явный перебор образования. «И, пожалуйста, никому не рассказывай», – добавил Инчмейл.

– Хорошо, что она тебе не нужна, – сказала Холлис.

Она разглядывала восемь очень маленьких костюмов Шанель одного покроя на темно-серых портняжных манекенах. Похоже, ничего другого Мередит Овертон на ярмарку не привезла. Все костюмы были из какой-то объемной ткани с рисунком вроде сильно увеличенной «куриной лапки» в цветовой гамме от ядовито-оранжевого до горчичного. Холлис смутно помнились кухонные рукавицы из похожего материала. Она вообще-то видела женщин, на которых такие костюмы смотрятся очень эффектно, но только раз, в Каннах. Видимо, подумала она тогда, весь финт в том, что жакет и юбка категорически отказываются облегать. Через костюмы была пропущена тонкая стальная цепь в полиэтиленовой пленке.

– Они очень дорогие? – спросила Холлис.

– Хочется верить. Мере нашла их в Сиднее – распродажа имущества. Их заказала в начале восьмидесятых жена очень успешного застройщика. Уникальные ткани, уникальный пошив. Продавцы понятия не имели, что это за вещи. Но сбыть их хорошо можно либо сейчас на салоне, либо в Токио. А все серьезные японские покупатели сегодня здесь, и Париж добавляет некой символической ценности. Их шили тут.

– Она была миниатюрная. – Холлис потянулась было к обшитой тканью пуговице, но отдернула руку.

– Хочешь посмотреть ее фотографию в таком костюме?

– Правда есть такая фотография?

– Мере нарыла в австралийских газетах и глянцевых журналах. Даже фильмик маленький нашла.

– Нет, спасибо, – сказала Холлис.

Восемь манекенов в ярких костюмах внезапно показались ей кладбищенскими памятниками, фетишами умерших шаманов, заряженными злой энергией.

– Еще сумочки есть. Как новые. Мере их привезла, но не выкладывает. Они чуть подешевле, так что их все время просили

бы посмотреть. А она не хочет, чтобы руками лапали.

– Клэмми рассказал, что я ищу?

– Без подробностей, но теперь, когда ты здесь, подозреваю, что речь о твоей куртке.

Странно было слышать, что кто-то за пределом Бигендова круга, помимо Клэмми, упоминает «Хаундс».

– Что ты об этом знаешь? – спросила Холлис.

– Не больше Клэмми. Мере очень скрытная. В этом бизнесе важнее хранить секреты, чем рекламироваться.

– Как так?

– Серьезных покупателей не столько, чтобы нужна была реклама. Настоящих дилеров раз-два и обчелся.

Джордж понравился ей при первой встрече в «Кабинете», сейчас это ощущение еще усилилось.

– Клэмми сказал, Мере, когда училась в Лондоне в обувном колледже, знала кого-то, кто связан с «Габриэль Хаундс». – Холлис говорила напрямик. Решение доверять Джорджу пришло внезапно и, как всякое такое решение, было непростым, однако в подобных делах трудно только начать.

– Возможно, – с улыбкой отвечал Джордж. Голова у него была совершенно невозможных пропорций: массивная нижняя половина лица, густые сросшиеся брови, а между ними и плотной шапочкой волос – от силы на два пальца лба. – Но лучше ты у нее самой спроси.

– Давно вы вместе?

– Примерно с тех пор, как Клэмми познакомился с ней в Мельбурне. То есть не совсем так, но она уже тогда мне нравилась. Мере уверяет, что в ту пору это было не взаимно, но я сомневаюсь. – Он улыбнулся.

– Она живет в Лондоне? Здесь?

– В Мельбурне.

– Не ближний свет.

– Да. – Он нахмурился. – Про Инчмейла. Пока ты здесь.

– Да?

– Он правда мучает Клэмми, микшируя минусовки. Я стараюсь держаться подальше.

– Да.

– Посоветуешь что-нибудь из своего опыта? Можно ли как-то проще с ним поладить?

– Вы скоро поедете в Аризону. В Тусон, – сказала Холлис. – Там есть очень маленькая студия, ее хозяин – любимый звукооператор Инчмейла. Для начала сделают что-то ужасное с вашими лондонскими минусовками. Молчите и не вмешивайтесь. Потом вы фактически перезапишете альбом, но быстро,

безболезненно, и, я уверена, результат вам очень понравится. Я уже объяснила это Клэмми, но, боюсь, он не въехал.

– Редж не делал такого, когда продюсировал наш первый альбом, хотя мы были ближе к Тусону.

– Тогда он не считал вас своими в собственном понимании. Теперь вы его. Ну или почти его.

– Спасибо. Приятно слышать.

– Если будет совсем невмоготу, позвони мне. А невмоготу будет. Клэмми так точно. Но вы прыгнули вместе с Реджем, и если доверитесь ему, он приземлится на ноги, и альбом вместе с ним. Редж и в обычное время не сахар, а чем ближе к финалу, тем он хуже. Не знаешь, когда Мере вернется?

Джордж глянул на огромные наручные часы цвета игрушечной пожарной машины.

– Уже час как ушла. На самом деле я понятия не имею, когда она вернется. Сам жду. Кофе хочется, сил нет.

– Кофе во дворе?

– Да. Большой черный?

– Я тебе принесу.

– Можно спуститься на лифте, – сказал Джордж, указывая.

– Спасибо.

Лифт был немецкий, из матированной нержавеющей стали – философская антитеза кабинетовскому, хотя размером ненамного больше. Холлис нажала «1», но когда на табло зажегся ноль, поняла, что нажала «-1».

Дверь открылась в тусклый голубоватый свет и полную тишину.

Холлис вышла.

Древние каменные недра, уходящие под улицу, в приглушенном свете спрятанных дискотечных прожекторов. Голые полы. Резервное салонное оборудование – хромированные вешалки и манекены, сюрреалистические из-за освещения, задавленные огромностью сводов.

Удивительно и неожиданно.

И вдруг, в дальнем конце голубых арок, на лестнице, человек, о котором говорил Милгрим. Кепи с маленьким козырьком, короткая черная куртка на молнии.

Он увидел ее.

Она шагнула назад в лифт и нажала «0».

22
Фоли

Милгрим, крепко зажав ноутбук под мышкой, с дорожной сумкой на другом плече, быстро шел по улочке прочь от ярмарки винтажной одежды.

Ему был нужен вайфай. Он жалел, что не взял у Холлис красный *USB*-модем.

Сейчас он приближался к месту под названием «Блесс», которое издали принял за бар, но это оказался магазин одежды. Заглянув в витрину, Милгрим подумал, что здешние продавцы, возможно, знают про фантомный джинсовый бренд, за которым охотится Холлис. Или притворятся, что знают, если их спросить.

Он на ходу вел мысленный диалог с психотерапевтом. Как тогда, когда они вместе разбирали его чувства. Почти всю взрослую жизнь он тщательно избегал любых чувств: даже самое простое и незначительное могло потребовать медикаментозного вмешательства.

Злость, решил Милгрим. Он зол, хотя еще не знает, на кого и за что. Если специальный агент Уинни Тун Уитакер тишком отправила человека в штанах камуфляжного оттенка «фолиаж» за ним следить, то это вполне законный повод злиться. Или, по крайней мере, обидеться. Весьма неудачное начало для новых профессиональных отношений. А может, предполагала психотерапевт, он злится на себя. Если так, то дело более сложное, хуже устраняемое самоанализом, зато более знакомое.

Лучше злиться на человека в камуфляжных штанах, решил Милгрим. Мистер Фолиаж, сокращенно Фоли. Милгрим ненавидел Фоли, хотя понятия не имел, кто тот, что задумал и следит ли за ним, за Холлис или за обоими. Если Фоли подослала не Уинни, то он может работать на «Синего муравья», на Бигенда лично либо, учитывая новое отношение Бигенда к Слейту, на Слейта. А может, все догадки неверны и Фоли – совершенно новое неизвестное в уравнении.

– Но есть ли уравнение? – спросил Милгрим то ли себя, то ли психотерапевта. Хотя она уже некоторое время молчала.

«Рю-дю-Тампль», извещала табличка на углу здания, словно нарисованного доктором Сьюзом[23]. Милгрим свернул вправо. Рю-дю-Тампль была пошире проулка, из которого он вышел. За викториански пышным китайским рестораном обнаружилась табачная лавочка, где также подавали кофе; официальный красный ромб с надписью *«Tabac»* представлял никотиновый

голод неотложным медицинским случаем. Милгрим, не сбавляя шага, вошел в лавочку.

– Вайфай?

– *Oui*[24].

– Эспрессо, пожалуйста.

Аутентично матовая оцинкованная стойка. Слабый, но отчетливый запах сигаретного дыма, хотя сейчас никто не курил. Милгрим был единственным посетителем.

Психотерапевт считала, что его полнейшая неспособность к романским языкам имеет эмоциональную основу, но до истоков они так и не докопались.

Получив вместе с кофе пароль к вайфаю *(dutemple)*, Милгрим вошел в твиттер (там его пароль был «голубой дельфин» по-русски транслитом).

Ее вопрос «где вы?» был отправлен «примерно 2 часа назад через приложение *TweetDeck*».

«Париж, – напечатал Милгрим, – за нами следит человек, которого я вчера видел в Лондоне». Нажал кнопку «Отправить». Отпил кофе. Обновил окно.

«опишите», – пришло меньше пяти секунд назад через *TweetDeck*.

«Белый, очень короткая стрижка, темные очки, лет 25, среднего роста, спортивный». Отправить. Глоток кофе, взгляд на людей за стеклом.

Обновил окно. Ничего, кроме короткого интернет-адреса, отправленного сорок секунд назад через неведомый *TweetDeck*. Милгрим щелкнул. И увидел Фоли. Только куртка была не черная, а болотная и вместо кепи – черная лыжная шапочка. И что удивительно, поверх глаз – наложенный в фотошопе черный прямоугольник, как в старой порнухе.

Милгрим глянул на заголовок страницы и подпись – что-то про «элитное снаряжение». Всмотрелся в фотографию, убеждаясь, что на ней и впрямь тот человек. Потом написал: «Да. Кто он?» и нажал «Отправить».

Когда он вновь обновил окно, там было сообщение, отправленное тридцать секунд назад: «неважно. близко не подходите, к себе не подпускайте».

Милгрим подумал про себя, что совет излишен, и напечатал:

«Бигенд?»

«когда назад?»

«Холлис думает, что мы вернемся завтра»

«везет вам вы в париже»

«Отбой», – написал Милгрим, хотя и сомневался, что это правильное слово. Телеграфный стиль Уинни действовал

заразительно. Он сохранил адрес элитного снаряжения, вышел из твиттера, вышел из почты и закрыл ноутбук. Зазвонил «нео», наполнив табачную лавочку архаичным дребезжанием дискового телефона. Мужчина за стойкой поморщился.

– Да?

– Везет вам, вы в Париже. – Звонила Памела Мэйнуоринг. – Не наш.

Его первой мыслью было, что Памела каким-то образом читала его переписку с Уинни.

– Не ваш?

– Она нам звонила. Совершенно точно не наш. Было бы славно получить фоточку из Парижа.

Холлис. Памела не называла имен из-за подозрений Бигенда насчет Слейта и «нео».

– Попытаюсь, – сказал Милгрим.

– Удачи, – ответила она и повесила трубку.

Милгрим взгромоздил сумку на стойку, расстегнул ее, достал фотоаппарат. Вставил новую карту памяти – та, на которую он снимал в Миртл-Бич, осталась в «Синем муравье». Как и все предыдущие. Проверил аккумуляторы, сунул фотоаппарат в карман куртки. Убрал ноутбук в сумку и застегнул ее. Оставил на стойке несколько монет и быстрым шагом пошел обратно к «Салон дю вэнтаж».

По пути он старался понять, осталась ли злость, и решил, что немного успокоился. И еще что не скажет Бигенду про Уинни. Если совсем не прижмет.

Потеплело, тучи растаяли. Париж казался слегка нереальным, как Лондон в первый приезд. Странно, что эти города всегда существовали бок о бок, раздельно, как две стороны монеты, и теперь их связал пространственно-временной туннель скоростного поезда.

В «Салон дю вэнтаж» Милгрим заплатил пять евро за вход и сдал сумку, чего вообще-то очень не любил. Ему случалось воровать вещи из камеры хранения, и он знал, насколько это легко. С другой стороны, без сумки удобнее. Он улыбнулся девушке-японке, убрал в карман квитанцию камеры хранения и вошел в здание.

Психотерапевт говорила, что с вещами ему взаимодействовать проще, чем с людьми. Что ж, по крайней мере, «Салон дю вэнтаж» – это исключительно о вещах. Стараясь мимикрировать под атмосферу салона и таким образом стать как можно незаметнее, Милгрим поднялся по красивой современной лестнице на второй этаж.

И сразу увидел фотографию молодой Холлис, глядящей с

вызовом и в то же время нервозно. Даже не сам плакат, а любительская репродукция, размывшаяся при увеличении. Интересно, каково было Холлис это увидеть.

В последние десять лет его фотографировали редко. Очень может быть, что Уинни раздобыла почти все эти снимки. Держит под рукой, чтобы в любую минуту отправить электронной почтой, кому захочет. Снимки были главным образом полицейские, и Милгрим сомневался, что узнал бы себя на них. Он точно узнал бы себя на фотографии из кафе «Неро» в Севн-Дайлс. Ее-то Уинни и отправила бы своему человеку.

Парень в кепи, штанах защитного оттенка «фолиаж» и узкой черной куртке на молнии вышел из-за вешалки. Засмотревшись на стайку молоденьких японок, он снял обтекаемые зеркальные очки. Милгрим шагнул вбок, за манекен в платье с безумным фотопринтом. Поверх его высокого подложенного плечика можно было следить за парнем. Милгрим размышлял, что делать. Если Фоли не в курсе, что он здесь, то узнает его по «Селфриджу». А не по «Селфриджу», так по Южной Каролине. Уинни была там, следила за ним, и кто-то – скорее всего, Слейт – ее сфотографировал. Рассказать ей про это? Милгрим мысленно поставил галочку «Обдумать позже». Фоли теперь шел в дальний конец зала. Милгрим вспомнил молодого человека с прической «каскад» в законсервированном ресторанчике. Фоли был не такой, и это успокаивало. Милгрим выступил из-за платья Готье и пошел за Фоли. Если Фоли его заметит, надо просто идти дальше, не останавливаясь. Если не заметит, это будет плюс, но главное, чтобы не раскусил. Милгрим нащупал в кармане фотоаппарат.

Теперь Фоли шагнул вбок, за манекен в неоновом одеянии. Милгрим повернулся к ближайшему прилавку с бижутерией и очень удачно увидел Фоли в зеркале у продавщицы.

Рыжая девушка спросила по-французски, не может ли она ему помочь.

– Нет, спасибо, – ответил Милгрим, видя, как в зеркале Фоли выступил из-за манекена.

Он повернулся, нажал кнопку, выдвигающую объектив аппарата, и два раза щелкнул удаляющуюся спину Фоли. Рыжая девушка смотрела на него. Он улыбнулся и пошел прочь, на ходу убирая камеру.

23
Мередит

Может быть, это все глюки Милгрима, думала Холлис, поднимаясь по скандинавской лестнице с двумя бумажными стаканчиками четверного американо, по одному в каждой руке. Кофе был очень горячий; если воображаемый преследователь Милгрима материализуется перед ней, подумала Холлис, она выплеснет ему в лицо содержимое обоих стаканов.

То, что произошло в заброшенной цокольной дискотеке (если там вообще что-то было), теперь казалось случайным кадром из чужого кино: про Милгрима, Бигенда, кого угодно, только не про нее. Однако она не стала возвращаться на лифте и по-прежнему высматривала, не мелькнет ли в толпе кепи, смутно похожее на фашистскую фуражку.

У Милгрима точно очень большие проблемы с головой. И она его почти не знает. Не исключено, что ему мерещится. Во всяком случае, когда на него смотришь, создается именно такое впечатление.

Тщательно избегая смотреть на свой портрет работы Корбейна, Холлис поднялась на второй этаж. Чтобы выбросить из головы встречу в цоколе, она стала думать, с каких пор во Франции стали пить кофе на ходу. Когда она была здесь первый раз, его пили сидя, в кафе или в ресторанах, либо стоя, в барах и на железнодорожных перронах, из солидных фарфоровых чашек или стеклянных стаканов, тоже сделанных во Франции. Кто завез сюда пластиковый стаканчик «с собой»? «Старбакс»? Нет, вряд ли. Просто не успел бы. Скорее «Макдональдс».

Торговец антикварной джинсой, сорокалетний дядька с длинными волосами, перехваченными сзади резинкой, сосредоточенно демонстрировал покупателю древний комбинезон, на котором дырок было больше, чем ткани. Его очкам явно не хватало дополнительной линзы, как у ювелира. Он не заметил Холлис.

За надувной оранжевой мебелью двигалась похоронная процессия, а рядом с нею шагал улыбающийся Олдувай Джордж.

Четыре японца в темных костюмах несли на лямках то ли черный гроб, то ли мешок для морга. Лица у всех четверых были одинаково каменные.

Они миновали Холлис. Джордж остановился и, просияв, взял у нее стакан с кофе.

– Спасибо большое.

– Сахар?

– Нет, спасибо. – Он жадно отпил.

– Кто они? – Холлис обернулась через плечо.

Траурная четверка со скорбным грузом уже спускалась по лестнице.

Джордж тыльной стороной ладони утер губы. Руки у него были феноменально волосатые.

– Охрана покупателя Мере. В мешке Шанель, упакованная в консервационную бумагу. А вот и Мере, – добавил он, – с покупателем.

И еще два телохранителя в черных костюмах. В первый миг Холлис подумала, что покупателю лет двенадцать. Он был наряжен героем допотопного комикса: желтые атласные шорты-велосипедки, фуфайка в красную и зеленую полосу, желтый колпачок и желтые башмаки, похожие на огромные пинетки. Выражение лица – капризное и надутое. Лишь потом Холлис разглядела небритость и складки на щеках. Покупатель разговаривал со стройной девушкой в джинсах и белой рубашке.

– Модельер, – сказал Джордж, жадно отпив еще глоток. – Харадзюку[25]. Знаменитая коллекция.

– Шанель?

– Всего, как я понимаю. И, насколько я понимаю, Мере осталась довольна.

– Откуда ты знаешь?

– Он все еще жив.

Манекены, как заметила теперь Холлис, стояли голые, темно-серые.

Модельер повернулся и зашагал прочь между двумя своими телохранителями.

Холлис и Джордж провожали его взглядом.

– Все покупатели Шанель такие? – спросила она.

– Никогда ее прежде не продавал. Пойдем, познакомишься с Мере.

Он повел ее мимо оранжевой надувной мебели.

Мередит Овертон водила пальцами по айфону, что-то увеличивала. Пепельная блондинка, большие серые глаза. Она подняла их от экрана.

– Все пришло в мельбурнский банк. Прямой перевод.

– Удачно, как я понимаю? – Джордж широко улыбался.

– Очень.

– Поздравляю, – сказала Холлис.

– Холлис Генри, – представил Джордж.

– Мередит Овертон. – (Пожимая Холлис руку.) – Мере. Очень приятно.

Ее джинсы – «хаундсы», как догадывалась Холлис, – узкие и чересчур длинные, были не подвернуты, так что собирались снизу в гармошку; мятая белая рубашка (оксфордская, мужского покроя) сидела настолько хорошо, что едва ли на самом деле была мужской.

– Сумочки он не взял, – сказала Мередит. – Только костюмы. Но на них у меня есть запасные покупатели, дилеры здесь, на ярмарке.

Она убрала айфон в карман.

Холлис краем глаза увидела Милгрима. Он шел, держа в опущенной руке маленький фотоаппарат, и как будто бы ни на что не глядел. Холлис притворилась, что не заметила его.

– Спасибо, что согласилась со мной встретиться, – сказала она Мередит. – Ты, наверное, уже поняла, в чем дело.

– Клэмми – свинья, – беззлобно ответила Мередит. – Ты ищешь «хаундсы»?

– Не столько продукт, сколько изготовителя, – ответила Холлис, наблюдая за выражением ее лица.

– Ты не первая, – улыбнулась Мередит. – Но я мало что могу тебе сказать.

– Хочешь кофе? – (Протягивая Мередит свой стаканчик.) – Я не пила.

– Нет, спасибо.

– Холлис мне очень помогла, – заметил Джордж, – насчет Инчмейла.

– Он ужасный, – сказала Мередит.

– Да, – согласилась Холлис. – И гордится этим.

– Теперь я меньше психую, – сказал Джордж, хотя Холлис при всем желании не могла вообразить его психующим даже самую малость. – Холлис по опыту знает, как работает Редж. Она показала мне место событий в общей картине.

Мередит взяла у Холлис бумажный стакан и осторожно отпила через щелку в пластмассовой крышке. Наморщила нос.

– Черный, – сказала она.

– Сахар, если хочешь.

– То есть ты меня используешь, – сказала Мередит Джорджу.

– Да, – ответил он. – И я дождался, пока ты будешь в хорошем настроении.

– Если бы этот мелкий говнюк не согласился на мою цену, – сказала Мередит, – была бы в плохом.

– Верно, но он согласился.

– Думаю, он сам их носит, – сказала Мередит. – И притом он, по-моему, не голубой. Это было бы хоть какое-то оправдание. Затребовал всю документацию, все, что мы накопали по

владелице. Почему-то после этого разговора хочется в душ. – Она отпила еще глоток горячего черного кофе и вернула стакан Холлис. – Ты хочешь знать, кто делает «Габриэль Хаундс».

– Да, – сказала Холлис.

– Классная куртка.

– Подарок, – ответила Холлис, что было правдой, по крайней мере формально.

– Теперь ее поди найди. Они не выпускают таких уже несколько сезонов. Хотя у них нет сезонов в обычном смысле.

– Вот как? – Холлис не спросила, кто такие «они».

– Когда они будут повторять эту куртку, если будут, то выкроят ее в точности по тем же лекалам. Ткань может быть другая, но это заметят только фанаты.

Мередит начала снимать стальные цепи, которыми костюмы Шанель крепились к портняжным манекенам. Она собирала их в руку как экстравагантный букет или стальную многохвостую плетку.

– Не понимаю, – сказала Холлис.

– Это о непреходящем. Об отказе от индустриализации новизны. О более глубоком коде.

Что-то похожее, возможно, говорил Милгрим, только Холлис забыла, что именно. Она поискала его глазами, но он уже исчез.

– Потеряла что-нибудь?

– Я здесь со спутником. Но не важно. Продолжай, пожалуйста.

– Я не уверена, что смогу тебе помочь. Точнее, я точно не смогу.

– Почему?

– Потому что уже не участвую в процессе. Потому что с тех пор, как я водила Клэмми покупать ему джинсы в Мельбурне, их стало куда труднее добыть.

– Но ты можешь рассказать мне, что знаешь, – сказала Холлис.

Джордж начал складывать хромированные стойки манекенов, готовясь прикрыть лавочку.

– Ты когда-нибудь была манекенщицей? – спросила Мередит.

– Нет.

– Я была, – сказала Мередит. – Два года. У меня был агент, который очень меня любил. В этом деле все зависит от агента. Нью-Йорк, Лос-Анджелес, по всей Западной Австралии, назад в Австралию, там тоже показы, снова в Нью-Йорк и обратно. Вся жизнь на чемоданах. Джордж говорит, даже больше, чем у музыкантов. Можно так жить, когда тебе семнадцать, даже без денег. Почти буквально без денег. Я жила здесь одну зиму в

номере с тремя другими девушками. Электроплитка, крохотный холодильник. Восемьдесят евро в неделю «на карманные расходы», как это называлось. На самом деле – на все про все. Я не могла купить проездной, ходила везде пешком. Мои фотографии печатал «Вог», а мне было не по карману купить журнал. Гонорары проедались раньше, чем приходил чек, а чеки почти всегда запаздывали. Так это работает, если ты простая шестеренка, вроде меня. Я спала на топчане в Нью-Йорке, на полу в квартире без электричества в Милане. Мне стало ясно, что система насквозь больна.

– Модельный бизнес?

– Индустрия моды. Если не считать других девушек, я общалась по большей части с дизайнерами, которые подбирают антиквариат для фотосессий, аксессуары, расставляют это все, наводят марафет. Некоторые из них окончили очень хорошие школы искусств, и это отбило у них всякую охоту заниматься тем, чему их учили. Да к тому же система устроена так, что они и не могли бы этим заниматься, слишком мало мест. Однако образование дало им кучу полезных навыков. Их выучили на своего рода системных аналитиков. Они понимали, как на самом деле работает индустрия моды, что́ – настоящий продукт. И они постоянно это анализировали, даже когда думали, что говорят о другом. А я слушала. И все они были скупщиками.

Холлис вспомнила объяснение Памелы, кивнула.

– Постоянно что-то искали. Сокровища на барахолках. Это умение сразу отличить вещь. И знание, где ее продать, конечно. Я потихоньку у них набиралась, смотрела, слушала. Мне нравилось. А я тем временем стаптывала кроссовки, ходя пешком.

– Здесь?

– Везде. В Милане особенно. И слушала, как дизайнеры между делом объясняют, насколько больна индустрия моды. То, что происходило со мной и моими подружками-манекенщицами, отражало что-то более широкое. Выплаты задерживали всем. Вся система была как магазинная тележка, у которой отвалилось колесико. Если давить на ручку и катить, она едет, но если остановишься – опрокинется. Сезон за сезоном, показ за показом, надо катить тележку.

Холлис вспомнила гастрольные туры «Ночного дозора», но ничего не сказала, только отпила глоток остывшего несладкого американо.

– Умерла моя бабушка, я была единственная внучка, мне достались кое-какие деньги. Мой агент как раз собрался уходить из бизнеса. Я подала документы в Лондонский колледж моды, на обувное отделение. Обувь и аксессуары. С карьерой манекенщицы

завязала. А все кроссовки.

– Кроссовки?

– Те, что я стаптывала. Самые страшные были самыми удобными, самые красивые разваливались. Дизайнеры говорили о них, потому что я приходила в них на съемки. Объясняли, как устроен бизнес. Большие фабрики в Китае, во Вьетнаме. Большие компании. И я стала мечтать об уличных туфлях, таких, чтобы были не страшные и не разваливались. И при этом, – она горько улыбнулась, – чтобы совершенно вне моды. Я начала делать эскизы. Очень плохие. Но я уже решила, что хочу понять обувь, ее историю и как она устроена, прежде чем заниматься чем-нибудь еще. Тогда я не понимала, что это решение, но я подала документы, и меня взяли. Перебралась в Лондон. Вернее, перестала из него уезжать. Может, мне просто нравилась мысль просыпаться каждое утро в одном городе, но у меня появилась цель – загадочные уличные туфли, которые я не могла вообразить.

– И ты их в конце концов сделала?

– Выпустила два сезона. Мы не сумели вырваться из системы. Но это было уже после того, как я окончила колледж. Я и сейчас могу сделать отличную пару обуви, своими руками, хотя, конечно, мой руководитель ее бы забраковал. Но нас учили всему. Очень дотошно.

– Кроссовки?

– Отлить и вулканизировать подошву – нет, но детали верха я и сейчас могу раскроить и стачать. В нашей линии мы использовали много лосиной кожи, она очень толстая и мягкая. Чудо. – Мередит глянула на цепи у себя в руках. – На втором курсе я познакомилась с парнем, Дэнни. Американец из Чикаго. Он не учился с нами, но знал всех моих однокурсников. Скейтер. Хотя катался не много. У него была своя фирмочка. Снимал фильмы для американских компаний. Я с ним жила. В Хэкни. У него были «хаундсы». – Мередит подняла взгляд от цепей. – До того, как они стали «хаундсами».

– Да?

– У него была куртка примерно как у тебя, только холщовая, экрю, с гладкими медными пуговицами. Вечно грязная. Абсолютно простая, но из тех вещей, про которые сразу спрашивают: «Где купил?» и «Что за фирма? Как называется?». Он хохотал в ответ. Говорил, никак не называется. Говорил, это «настоящая вещь, не мода». Что шьет его знакомая в Чикаго.

– В Чикаго?

– Да. Он оттуда родом.

– Его знакомая – модельер?

– Он никогда ее так не называл. И фамилии не говорил. Даже мне. – (Глядя Холлис прямо в глаза.) – Не думаю, что между ними что-то было. Она старше, как я поняла. И не столько модельер, сколько любительница, по его словам. Он говорил, она исходит больше из того, что ей не нравится, чем из того, что ей нравится, если ты меня понимаешь. И вещи у нее были классные. Очень классные. Но главное, из них я поняла, что иду по верному пути. С моими туфлями. По крайней мере, в нужную сторону.

– И что это за сторона?

– Вещи, не привязанные к настоящему моменту. И вообще ни к какому моменту, так что и не ретро.

– И что случилось с твоей линией? – спросила Холлис.

– Бизнес. Обычное дело. Мы не смогли придумать новую бизнес-модель. Что-то пошло не так, денег, чтобы это преодолеть, не хватило. Мы прогорели. Где-то в Сиэтле должен быть целый склад наших туфель второго сезона. Если бы я сейчас до них добралась, то через *eBay* заработала бы больше, чем за время выпуска линии.

Джордж раскрыл помятую бумажную сумку «Галери Лафайет», и Мере бросила в нее цепи.

– Можно угостить вас обедом? – предложила Холлис.

– Где ты остановилась? – спросил Джордж.

– Сен-Жермен. Рядом со станцией «Одеон».

– Я знаю там хорошее место, – сказал Джордж. – Закажу столик на восемь часов.

– Мередит?

Мередит внимательно посмотрела на Холлис. Затем кивнула.

– На четверых, пожалуйста, – сказала Холлис.

24
Догадка

Милгрим сидел за столиком в людном кафе, во дворике, и просматривал в фотоаппарате четыре снимка Фоли.

Два со спины пригодятся, если кому-нибудь надо будет за ним следить. В три четверти, на фоне вырвиглазных платьев, куда хуже. Абсолютно среднестатистическое лицо. Неужели в восьмидесятых женщины и впрямь одевались так ярко?

А вот фотография, сделанная без прицела, из-за спины крашенной хной немки, оказалась идеальной. Немка еще глянула на него зло, что подошел так близко. Милгрим тогда почувствовал запах ее духов: что-то резко неорганическое. Может быть, аромат хладнокровной сосредоточенности. Милгрим извинился и отступил назад, гадая, удалось ли поймать Фоли в кадр.

Он переключил аппарат на просмотр. И увидел Фоли, увеличенного, очень четкого, не по центру кадра. Из-за темных очков вокруг глаз осталась незагорелая полоса, напомнившая Милгриму порнографический прямоугольник на странице по ссылке Уинни. Козырек закрывал лоб, сводя эмоциональную информацию к минимуму. Черты были гладкие, словно не затронутые опытом, и выражали уверенность – возможно, отчасти показную. Что-то такое, что Фоли постарается сохранить в любой ситуации.

Милгрим двинулся дальше, высматривая Фоли, и довольно скоро нашел его и одновременно Холлис. Она разговаривала с девушкой в джинсах и белой рубашке. Милгрим не сомневался, что Холлис его заметила, но не стал встречаться с нею глазами. Фоли спустился по лестнице, Милгрим за ним – и видел, как тот вышел из здания.

Тогда он вышел во дворик, заказал эспрессо и начал смотреть снимки.

Теперь Милгрим выключил аппарат, открыл крышечку снизу и вытащил синюю карточку размером с почтовую марку. Интересно, когда он последний раз клеил настоящую почтовую марку? И не вспомнить. Даже думать о ней было странно. Милгрим нагнулся, задрал штанину новых брюк и засунул карточку глубоко в носок.

Психотерапевт говорила, он от природы не методичен, но опасная жизнь наркомана научила его практической пользе метода, а дальше это вошло в привычку.

Милгрим достал из внутреннего нагрудного кармана новую карточку и, как всегда с трудом, выдавил ее из упаковки. Вставил в фотоаппарат и убрал его в карман.

Зазвонил «нео», в другом кармане. Милгрим достал его. Телефон выглядел гаже обычного.

– Да?

– Просто проверяю ваш телефон, – неубедительно соврал Слейт. – У нас проблемы со всей системой.

Он всегда говорил о «нео» как о системе, хотя Милгрим ни разу не видел такого телефона у кого-нибудь еще.

– Вроде работает, – сказал Милгрим.

– Как там у вас?

Слейт никогда не скрывал, что с помощью «нео» может следить, где сейчас Милгрим, но если и упоминал об этом, то лишь экивоками. Сейчас подтекст был такой: он знает, что Милгрим в Париже. А с учетом русского *GPS*, возможно, знает даже, что конкретно в этом дворике.

При начале их знакомства Милгрим был не склонен задавать вопросы. Правила устанавливал Слейт, во всем, так оно и осталось.

– Дождик, – сказал Милгрим, глядя на голубое небо и белые облака.

Пауза затягивалась.

Милгрим хотел вытянуть из Слейта признание, что тот знает, где он. Это было как-то связано с его недавней злостью, которая, возможно, еще не совсем прошла. И он не знал, хорошо это или плохо.

– Как Нью-Йорк? – не выдержал наконец Милгрим.

– Торонто, – ответил Слейт. – Жарковато. До связи. – И отключился.

Милгрим глянул на «нео». Что-то раскрывалось у него в голове. Как брошюра, подумал он, не как бабочкины крылья в более частом сравнении. Неприятная брошюра, из тех, в которых прямым текстом описаны все симптомы.

Зачем звонил Слейт? Действительно ли ему было надо проверить телефон Милгрима? Позволяют ли несколько минут живого разговора манипулировать телефоном как-то по-особому?

Интересно, подумал Милгрим, услышит ли Слейт, если сейчас заговорить? Почему-то он раньше об этом не задумывался.

И почти сразу пришла уверенность: да, услышит.

Милгрим выпрямился на белом алюминиевом стуле. Внутри вновь закипало чувство, которое он определил как злость. Под рубашкой чувствовался чехол Фарадея с паспортом. Блокирующий радиоволны. Не позволяющий считать

радиочастотную метку в его американском паспорте.

Милгрим взглянул на «нео».

Решение пришло само, без раздумий. Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, достал чехол и сунул телефон к паспорту. Затем убрал его под рубашку и застегнул пуговицу.

Чехол стал толще, заметнее под рубашкой.

Милгрим допил горький остывший эспрессо, положил на квадратный подносик несколько монет. Встал, застегнул куртку над выпирающим чехлом и вернулся в «Салон дю вэнтаж». По-прежнему высматривая Фоли, который наверняка уже вернулся.

Он не спеша поднялся по лестнице и немного постоял, разглядывая увеличенный портрет Холлис. Затем вновь расстегнул верхнюю пуговицу, достал чехол и вытащил «нео», который тут же зазвонил.

– Алло? – (Свободной рукой засовывая обратно чехол.)

– Вы были в лифте?

– Туда набились японки, – сказал Милгрим, глядя на проходящих японских девушек. – Здесь всего три этажа, но я не смог выйти.

– Просто проверяю, – ровным голосом сказал Слейт и повесил трубку.

Милгрим смотрел на «нео», щупальце Слейта, и гадал, выключается ли телефон на самом деле, когда его выключишь. Возможно, надо вытащить аккумулятор. Что, кстати, Слейт настрого запретил. Или обе карточки, которые Милгриму тоже запретили вынимать.

Слейт заметил, что Милгрим на время сделался невидим, как, надо понимать, происходит в лифте. Кабина лифта – тот же чехол Фарадея.

Учитывая, что еще Слейт рассказывал про возможности «нео», превратить его в жучок дело не особо хитрое. Тогда понятно, зачем вообще Слейту возиться с этим телефоном. Милгрим везде носил с собой прослушку. Интересно, в курсе ли Бигенд?

Слейт дал Милгриму «нео» во время перелета из Базеля в Лондон, сразу после клиники, и с тех пор Милгрим всегда носил телефон при себе. Исключая вчерашний день, когда Слейт велел оставить его в номере. Когда Уинни сфотографировала Милгрима. Когда он пошел в «Синий муравей» сообщить об этом Бигенду, а Бигенд сказал, что больше не доверяет Слейту. Когда он встречался с Холлис в магазине, а вернувшись в гостиницу, обнаружил там Уинни. Значит, все это Слейт – если он не врет – пропустил из-за того, что компания-производитель «нео» вылетела в трубу.

– Удачно, – сказал Милгрим и поморщился, вообразив, как

Слейт слушает его через беспроводную гарнитуру. Но если Фоли – человек Слейта (а других вариантов не оставалось), то откуда он знал, что они будут в магазине? Может быть, он следил за Холлис? И еще: фотографию Фоли Уинни, в числе других, держала у себя на стене.

«Нео» в руке зазвонил.

– Да?

– Где вы? – Холлис. – Я видела, как вы прошли мимо меня.

– Можете встретиться со мной? Внизу, у выхода.

– А вы где?

– Внизу.

– Иду к вам, – сказала она.

– Хорошо, – ответил Милгрим и отключился.

Подавив желание свистнуть – пусть Слейт услышит, – убрал телефон в карман куртки, затем снял ее, обернул вокруг телефона несколько раз, сунул сверток под мышку и пошел к лестнице.

25
Фольга

Когда Холлис подошла, Милгрим сдавал куртку японке в камере хранения.

– Я закончила, – сказала Холлис. – Можем ехать, если вы готовы.

Милгрим взял ее за руку и повел прочь от камеры хранения.

– Что-то случилось?

– Мой телефон, – сказал Милгрим, выпуская ее руку. – Они нас через него слушают.

Шапочки из фольги, управление мыслями через пломбы в зубах.

– Кто «они»?

– Слейт. Бигенд ему не доверяет.

– Я тоже.

Теперь, после упоминания о Слейте, слова Милгрима уже не казались явным безумием. В том-то и беда со страной под названием Бигенд. В ней занимаются подобным, по крайней мере такие, как Слейт. А с другой стороны, Милгрим вполне может быть психом.

Или под кайфом. Что, если он сорвался? Вернулся к тому, от чего его лечили в Швейцарии? Где рассеянный тихоня, с которым ее познакомили в испанском ресторанчике? Он выглядел взвинченным, злым. Даже вспотел немного. Вообще-то, у него появилась индивидуальность, которой не было тогда. Именно ее отсутствие, внезапно поняла Холлис, делало его таким странным и одновременно безликим. Сейчас у него был встревоженный взгляд человека, сошедшего с поезда на незнакомом перроне. Только у Милгрима и перрон, и поезд были внутри. И все потому, что он кого-то увидел? Хотя, напомнила себе Холлис, не исключено, что она тоже его видела.

– Я его встретила, – сказала она. – Возможно.

– Где? – Милгрим отступил на шаг, пропуская к лестнице двух бодрых американских стариков.

На взгляд Холлис, они выглядели престарелыми глэм-металистами, переодетыми в бизнесменов, и говорили, кажется, о гольфе. Собирают ли они винтажную Шанель?

– В цоколе, – сказала она. – Нажала в лифте не ту кнопку. Тогда он спустился по лестнице. Наверное.

– Что вы сделали?

– Шагнула назад в лифт и поехала вверх. Больше его не

видела. Но я была занята.

– Он здесь, – сказал Милгрим.

– Вы его видели?

– Сфотографировал. Памела просила снимок. Я бы показал, но уже вынул карточку из аппарата.

– Где он сейчас? – Она огляделась.

– Я видел, как он выходил, – взгляд в сторону дверей. – Хотя ему ничто не мешало вернуться.

– Я спросила Бигенда. Он ответил, что не отправлял никого за нами следить.

– Вы ему верите?

– Зависит от того, насколько ему это важно. Но у нас была неприятная история такого рода. Если он снова меня обманет и я это выясню, я все бросаю и ухожу. Ему это известно. – Она глянула Милгриму в глаза. – Вы не под кайфом?

– Нет.

– Вы как будто изменились. Мне стало за вас неспокойно.

– Я в ремиссии, – сказал Милгрим. – Я должен меняться. Будь я под кайфом, выглядел бы как обычно.

– Мне кажется, вы сердитесь.

– Не на вас.

– Вы раньше не сердились.

– Это было нельзя, – сказал Милгрим удивленно, как будто только что узнал о себе что-то новое. Он сглотнул. – Я хочу узнать, сообщает ли ему Слейт, где я. Думаю, что сообщает.

– Что Бигенд сказал про Слейта?

– Посоветовал быть осторожнее с «нео».

– Что это?

– Мой телефон. Марка. Теперь они обанкротились.

– Кто обанкротился?

– Компания, которая их выпускала. Слейту всегда известно, где я. Телефон ему сообщает. Но это я знал и раньше.

– Знали?

– Я думал, Бигенд ему поручил. Может, кстати, и так. Это не скрывалось.

– Думаете, он прослушивает вас через телефон?

– Он вчера велел мне оставить его в гостинице. На зарядке. Сказал, что должен его перепрограммировать, добавить или удалить приложение.

– Я думала, он в Нью-Йорке.

– Он программирует его на расстоянии.

– А сейчас он слушает?

– Телефон у меня в куртке. Там. – Милгрим указал на камеру хранения. – Мне не стоит его надолго оставлять.

– Что вы хотите сделать?

– Кто бронировал гостиницу? «Синий муравей»?

– Нет, я.

– По телефону?

– Через сайт гостиницы. Я никому не сказала, где мы будем жить. Что у вас за план?

– Вызовем такси. Вы сядете первой и скажете таксисту ехать к «Галери Лафайет». Слейт не услышит. Потом сяду я. Не упоминайте «Галери Лафайет» и гостиницу тоже. Затем я заблокирую *GPS*.

– Как?

– Я знаю способ. Уже испробовал его. Слейт решил, я в лифте.

– И что дальше?

– Я выйду у «Галери Лафайет», вы поедете дальше. Я разблокирую телефон и проверю, сумеет ли Фоли меня найти.

– Кто такой Фоли?

– Штаны цвета «фолиаж».

– Но если тут кто-нибудь есть и они поедут за нами в такси?

– Для этого нужно много людей. Если у них много людей, мы ничего поделать не сможем. Они и за вами будут следить. – Он пожал плечами. – Где мы остановились?

– Гостиница называется «Одеон». И улица тоже. И станция метро. Легко запомнить. Я заплатила за ваш номер с моей карточки. На восемь вечера у нас заказан столик в ресторане, недалеко от отеля. На мое имя.

– В ресторане?

– С Мередит и Джорджем. Я кое-что уже выяснила, но надеюсь, мы узнаем что-нибудь еще.

Милгрим сморгнул:

– Вы и меня приглашаете?

– Мы ведь работаем вместе, верно?

Он кивнул.

– Ресторан называется «Лез Эдитёр»[26]. Джордж сказал, его видно из окон гостиницы.

– В восемь, – сказал Милгрим. – Когда я заберу куртку, не забудьте, что в ней телефон. Слейт. Слушает. В такси сядете первой и скажете ехать к «Галери Лафайет».

– Почему туда?

– Большой магазин. Самое удобное место.

– Для чего?

– Чтобы уйти от слежки.

Они как раз подошли к камере хранения. Милгрим протянул квитанцию, девушка подала ему куртку и сумку. Холлис тоже протянула квитанцию, и девушка выкатила ее чемодан.

– Мерси, – сказала Холлис.
Милгрим надел куртку и уже шел к выходу.

26
Россия-мать

– У вас есть бумажный носовой платок? – спросил Милгрим, когда такси свернуло направо, на улицу, в которой он узнал Рю-дю-Тампль. – У меня, кажется, насморк начинается, – добавил он для Слейта.

Холлис, сидевшая слева от него, за водителем, достала из сумки пачку носовых платков.

– Спасибо.

Милгрим достал три, вернул пачку, развернул один и разложил на коленях. Вытащил «нео». Показал ей, поворачивая разными сторонами, и от этого почувствовал себя фокусником, хотя еще не знал точно, в чем будет состоять фокус.

Такси свернуло влево, на другую улицу, которая поворачивала под острым углом. Милгрим представил, как Слейт следит за курсором на экране. Почему-то верилось с трудом, хотя Милгрим и знал, что Слейт занимается такими вещами постоянно. И если да, то Слейт отслеживает его на экране собственного «нео».

Милгрим положил телефон на бумажный носовой платок в ложбинке между коленями, развернул два других платка и принялся тщательно его протирать. Закончив, он вспомнил, как в перелете до Атланты от нечего делать снял заднюю крышку. Сейчас он снял ее снова, протер изнутри, и внешнюю сторону аккумулятора тоже. Затем аккуратно завернул телефон в первый платок и убрал в карман, а два другие смял и вытер ими ладони.

– Вы раньше бывали в Париже? – спросила Холлис.

Она сидела, держа на коленях сумку, в темной джинсовой куртке с поднятым воротником, привольно откинувшись на сиденье.

– Один раз, – сказал он, – когда закончил университет. Мы поехали вдвоем на месяц сразу после выпуска. Снимали квартиру.

– Вам понравилось?

– Хорошо быть в Париже с девушкой.

Она глянула в окно, словно вспоминая что-то, потом снова на него:

– Вы были влюблены?

– Нет.

– Но жили с ней?

– Да.

– Как так?

– Я был эмоционально закрыт. Не знал этого тогда. Мне потом объяснили, в Базеле. – Он вспомнил про Слейта, который теоретически их слушал. Указал на карман, в котором лежал завернутый «нео».

– Извините, – сказала Холлис.

– Пустяки.

Они повернули вправо, потом влево и за перекрестком, на котором Милгрим успел заметить указатель станции «Страсбур – Сен-Дени», влились в более плотный поток транспорта.

Несколько минут ехали в молчании. Потом он расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке и достал чехол Фарадея.

– Что это?

– Станция метро, – сказал Милгрим для Слейта и приложил палец к губам.

Холлис кивнула.

Милгрим убрал телефон в чехол и закрыл его.

– Блокирует радиосигналы. Как в лифте. Если Слейт слушал, то сейчас он нас не слышит. И не знает, где мы едем.

– Зачем это у вас?

– Слейт мне дал. Для паспорта. Он боится, что кто-нибудь прочтет микрочип.

– А это возможно?

– Для таких, как Слейт, да.

– И как эта штука работает?

– Там металлические нити. Когда я проверял ее, Слейт меня потерял. Думал, я в лифте.

– Но если все так просто, зачем он ее вам дал?

– Он настаивал, чтобы я ее взял. Думаю, он и правда волнуется из-за чипа. Потому что сам их перехватывал.

– Но он дал вам средство избежать слежки.

– Когда я прошлый раз убрал телефон в чехол, я впервые поступил наперекор Слейту. При нашем знакомстве я был нездоров. Слейт работал на Бигенда, и я делал все, что он скажет.

Холлис поглядела на него, потом кивнула:

– Понимаю.

– А Слейту *нравилось*, что его беспрекословно слушаются.

– Не удивляюсь.

– Ему не приходила мысль, что я решусь спрятать «нео» в чехол. Он наверняка гордился тем, что может рассчитывать на мое послушание.

– А что, если кто-нибудь следит за нами традиционным способом? Едет сзади на машине?

– Попросите таксиста высадить вас у метро. Вы знаете парижское метро?

– Более или менее.

– Если постараетесь, наверняка сумеете оторваться там от любой слежки.

– Мы приехали.

Милгрим увидел, что они на бульваре Османа. Таксист сигналил, чтобы подъехать к тротуару.

– Будьте осторожны, – сказала Холлис. – Если это тот человек, которого я видела в подвале, то он мне очень не понравился.

– В салоне у меня не возникло чувства, что он так уж хорош, – заметил Милгрим, проверяя, надежно ли держится на плече ремень сумки.

– Хорош?

– Что его надо бояться.

Он открыл дверцу до того, как машина полностью остановилась. Водитель с досадой сказал что-то по-французски.

– Извините, – ответил Милгрим.

Такси затормозило. Милгрим вылез и захлопнул дверцу.

С тротуара он обернулся. Холлис, улыбаясь, что-то говорила водителю. Такси снова встроилось в поток машин.

Милгрим быстро вошел в «Галери Лафайет» и не останавливался, пока не оказался под центром исполинского витражного купола. Здесь он немного постоял, глядя вверх и чувствуя тот самый рефлекторный страх перед городским величием, который хотел внушить ему архитектор. Что-то среднее между вокзалом Гранд-Сентрал и внутренним двором в денверском Браун-палас-отеле. Здания, героически нацеленные в будущее, которое не наступило. Ярусы широких балконов уходили к куполу. За ними была одежда на вешалках, не зрители, но будь там зрители, он, Милгрим, стоял сейчас на месте, с которого грудастая дама пела бы заключительную арию.

Он вынул из-под рубашки чехол Фарадея на шнурке и достал «нео», погрузив его в невидимое густое месиво здешних сигналов. Спеленутый салфеткой телефон сразу зазвонил.

Слейт сделал так, что выключить звук было невозможно, но Милгрим убавил громкость до минимума и сунул телефон в карман. Тот некоторое время вибрировал, потом умолк. Милгрим снова достал его, сдвинул салфетку, не касаясь экрана, посмотрел время и убрал обратно.

У него был необмененный остаток от трехсот фунтов, евро, которые дала ему Холлис, и тоненькая стопка евро из базельских карманных денег. Милгрим решил инвестировать их в собственное будущее, куда более близкое, чем то, что воображали создатели «Галери Лафайет».

Он нашел отдел мужской одежды, отдельное здание через дверь, выбрал пару черных французских трусов, затем пару черных смесовых носков и отдал за них почти все базельские деньги. Радужные евро смутно напоминали о «Стране будущего» в Диснейленде, куда мама водила его ребенком.

«Нео» в кармане снова завибрировал. Милгрим пытался вообразить физиономию Слейта. Впрочем, Слейт знал, где он, и, возможно, слышал слова кассира при покупке носков и трусов (сам Милгрим изъяснялся невербально, вежливым сопением). Он надеялся, что салфетка отчасти приглушает звук, хотя это и не имело особого значения.

Он вернулся в основной магазин и поднялся по эскалаторам в царства женского белья, спортивной одежды, маленьких черных платьев. Если бы точно знал, сколько времени в запасе, заглянул бы в мебельный отдел. Мебельные отделы больших магазинов обычно являют собой оазисы тишины и спокойствия. Он частенько отдыхал в них душой. Еще в них удобно проверить, есть ли за тобой слежка. Однако Милгрим не думал, что за ним есть хвост, в таком смысле.

Он прошел через рощицу Ральфа Лорена, потом через более редкий лесок Хилфигера, на балюстраду над центральным двором. Глянул вниз, увидел Фоли, входящего со стороны бульвара Османа. «Кепи сними», – подумал Милгрим. Профессионал бы уже снял, и черную куртку тоже.

На том месте, где Милгрим остановился, чтобы посмотреть вверх, Фоли тоже остановился и задрал голову. Милгрим попятился, зная, что Фоли сейчас будет оглядывать балконы.

Ты знаешь, что я здесь, думал Милгрим, но не знаешь где. Фоли задвигал губами. Наверное, говорил со Слейтом по беспроводной гарнитуре.

Через мгновение Милгрим был один в лифте и жал на кнопку верхнего этажа. Его импровизационный модуль включился и был готов использовать любую неожиданную возможность.

Лифт остановился на следующем этаже. Дверь отъехала в сторону, и ее тут же придержала крупная мужская рука в темно-сером рукаве.

– Жалко, что вы больше не в городе, – по-русски сказала высокая блондинка другой высокой блондинке.

Вторая блондинка вкатила в лифт огромную детскую коляску на трех дутых шинах. Коляска была, судя по виду, из углепластика и «акульей кожи», того же цвета, что костюм телохранителя.

– Такой отстой, – ответила блондинка с коляской, нажимая тормоз на ручке коляски. – Вилла. Два часа до города. Собаки.

Охрана. Отстой.

Телохранитель вошел вслед за блондинками и недовольно взглянул на Милгрима. Тот попятился, больно прижимаясь спиной к поручню, и уставился в пол. Дверь закрылась, лифт пошел вверх. Милгрим искоса глянул на блондинок и тут же пожалел об этом, потому что рослый телохранитель сразу пригвоздил его взглядом. Мегаколяска выглядела как что-то из салона очень дорогого самолета, может быть, тележка с напитками. Младенца полностью скрывал тефлоновый обтекатель, возможно пуленепробиваемый.

– Не мог же он столько потерять, – сказала первая блондинка.

– Все страшно закредитовано, – ответила блондинка с коляской.

– Что это значит?

– Что мы без квартиры в Париже и затариваемся в «Галери Лафайет», – горько ответила блондинка с коляской.

Милгрим с Базеля не слышал русской речи и сейчас наслаждался ее звуками, несмотря на телохранителя и впившийся в спину поручень. Кабина остановилась, дверь открылась, вошла высокая, совсем юная парижанка. Она полностью завладела вниманием угрюмого телохранителя. Девушка – стройная брюнетка – глядела на Милгрима и двух русских женщин с равнодушным презрением, начисто игнорируя телохранителя.

Когда лифт снова остановился и дверь открылась, Милгрим достал «нео» и сунул в передний карман суперколяски, почувствовав, как тот провалился между игрушками, баночками с присыпкой, а может, черной икрой или что там еще необходимо грудному олигарху. Проделал он это, как советовал ему однажды знакомый карманник, с таким видом, будто ничего другого от него не ждут. Телохранитель по-прежнему ел глазами брюнетку. Та повернулась и с утомленно-грациозным видом прошла мимо него к двери. Вторая блондинка отключила тормоз и покатила коляску из лифта, словно тележку с деталями на танковом заводе.

Телохранитель вновь заметил Милгрима, но быстро шагнул наружу, не желая терять из виду подопечных.

Милгрим остался на прежнем месте. Кабина снова пошла вверх.

– Собаки, – сказал он Слейту, который больше его не слышал. – Охрана.

27
Японский бейсбол

– Как Париж?

Фотография, появлявшаяся на айфоне, когда звонила Хайди, была десятилетней давности, черно-белая, зернистая. На заднем плане, нерезко – фендеровская бас-гитара Джимми.

– Не знаю, – ответила Холлис.

Она была на станции «Севр – Бабилон», в переходе, неисправное колесико чемодана щелкало мерно, как персональный метроном. Холлис решила, что допустит правоту Милгрима хотя бы теоретически, и некоторое время каталась на метро, выходя через каждые несколько станций, пересаживаясь, возвращаясь обратно. Если кто-нибудь за ней следил, она этого не заметила. Однако начинался час пик, и Холлис решила ехать к станции «Одеон», к гостинице, и тут позвонила Хайди.

– Кажется, я что-то нашла, но кто-то меня нашел.

– В смысле? – спросила Хайди.

– Милгрим вроде бы видел тут человека, которого раньше видел в Лондоне. В «Селфридже», пока ты стриглась.

– Ты же говоришь, он псих со справкой.

– Я сказала, что он пришибленный. Рассеянный. Теперь вроде выглядит более собранным. Хотя, может, он и псих.

Хорошо хоть чемодан был не тяжелый – без книги, которую она отдала Милгриму. И без макбука, вспомнила Холлис. Он остался у Милгрима.

– У Бигенда есть в Париже люди?

– Я просила их не присылать. Не сказала, где остановилась.

– А где?

– В Латинском квартале. – Холлис помолчала. – В гостинице, где жила с Гарретом.

Хайди фыркнула:

– Да уж. А кто выбирал гостиницу – ты или он?

– Он.

Холлис как раз дошла до своей платформы. Народ толпился в ожидании поезда.

– Эк ты по нему сохнешь.

– Ничего я не сохну.

– Не смеши мои седые яйца.

– У тебя их нет.

– Откуда ты знаешь? – сказала Хайди. – Брак.

– Что брак?

– Меняет человека.

– Что там муйло?

– Выпустили под залог. СМИ помалкивают. Пирамида на полмильярда. По нынешним делам о такой мелочовке и говорить стыдно. Это как иностранные маньяки.

– Какие маньяки?

Подошел поезд.

– Америка – столица сексуальных маньяков. Иностранные маньяки – все равно что японский бейсбол.

– У тебя все нормально, Хайди?

– Нашла спортзал. В Хаки.

– В *Хэкни*.

Двери открылись, толпа повалила в вагон, увлекая Холлис за собой.

– А я решила, это где придумали камуфло. – Разочарованным тоном. – Типа Силвер-лейка. Навороченная креативная туса. Но спортзал нормальный, без дураков. Сэ-бэ-и.

Дверь за Холлис закрылась. Плотное объятие толпы, чужие запахи, прижатый к ноге чемодан.

– Это еще что?

– Смешанные боевые искусства, – ответила Хайди таким тоном, словно это сорт мороженого в меню.

– Не советую. Вспомни боксеров, – посоветовала Холлис. Поезд тронулся. – Ладно, я отключаюсь.

– Пока, – ответила Хайди и повесила трубку.

Шесть минут по десятой линии, и Холлис уже шла по станции «Одеон». Колесико все так же щелкало. Она вдвинула ручку чемодана и втащила его по лестнице, в косой вечерний свет, звуки и запахи машин на Сен-Жермен, такие знакомые, будто она никуда и не уезжала. И сразу накатил страх, понимание, что Хайди права: ее, Холлис, просто тянуло на место преступления. И сразу все всколыхнулось, как наяву. Запах его шеи. Библиотека его шрамов, иероглифических, которые читаешь, водя по ним пальцем.

– Прекрати, – сказала она себе, выдвинула ручку и по брусчатке – смерть колесикам – покатила чемодан к гостинице. Мимо фургончика со сластями. Мимо маскарадных костюмов в витрине: атласные пелерины, маски чумного врача с непристойными носами. Мимо аптеки на углу, где продавали гидравлические массажеры для груди и шведские сыворотки для лица в ампулах, словно новейшие вакцины.

В гостинице молодой человек за стойкой узнал ее, но не обратился по имени. Скорее сдержанность, чем недружелюбие. Холлис назвала себя, подтвердила, что платит за номер

Милгрима со своей карточки, и получила ключ с головой льва на тяжелом бронзовом медальоне. Лифт был даже меньше, чем в «Кабинете», но современнее, вроде бежевой телефонной будки. Стоять в телефонной будке – почти забытое ощущение. Как все изменилось!

Коридор третьего этажа, массивные некрашеные стропила. Тележка горничной с полотенцами и маленькими брусочками мыла. Отпереть дверь в номер.

По счастью, ни ее, ни Милгрима не поселили в номер, где она жила с Гарретом, хотя вид из окон был практически тот же. Комната размером с кабинетовскую ванную, может, меньше. Все темно-красное, черное и золотое; псевдокитайский декор, который оформители «Кабинета» заменили бы бюстами Мао и пролетарскими агитационными плакатами.

Странно было очутиться не в «Кабинете». Дурной знак.

Надо подыскать себе квартиру, подумала Холлис и поняла, что не знает, в какой стране хочет жить, не то что в каком городе. Положила чемодан на постель. В номере – даже не пройтись, разве что в узком проходе вокруг кровати. Машинально пригибаясь под нецифровым телевизором, закрепленным на белом кронштейне под потолком. Гаррет рассадил о такой голову.

Холлис вздохнула.

Глянула на здание напротив, вспоминая.

Строго одернула себя, повернулась к постели, расстегнула чемодан. Минимум вещей. Туалетные принадлежности, косметика, платье, колготки, парадные туфли, белье. Вынимая платье, чтобы повесить в шкаф, Холлис заметила фигурку синего муравья, которую вроде с собой не брала. Муравей задорно ухмылялся. Холлис вспомнила, как не увидела его за раковиной в «Кабинете».

– Привет, – сказала она внезапно сорвавшимся голосом и взяла муравья.

Его ухмылка вдруг стала улыбкой Моны Лизы, когда Холлис и Гаррет стояли перед нею, рука в руке.

Холлис тогда подняла взгляд и увидела, что Гаррет смотрит не на картину, а на плексигласовый щит, крепления и невидимую, но очевидную ему луврскую сигнализацию.

– Думаешь, как ее украсть?

– Чисто академически. Ламинированная полка под ней, видишь? Занятно. Надо точно знать, что внутри. Толстая, верно? Целый фут. Что-то в ней есть. Какой-то сюрприз.

– Ты ужасен.

– Абсолютно. – Он переложил руку ей на шею и легонько

погладил. – Я такой.

Она поставила фигурку муравья на встроенный прикроватный столик, куда меньше оборонительной полки под Моной Лизой, и заставила себя распаковать остальные вещи.

28
Белый грушевый чай

Вайфай обошелся ему в стоимость белого грушевого чая.

Милгрим глядел на чайный пресс на круглом белом столе за матовым алюминиевым прямоугольником ноутбука. Он не знал, почему выбрал белый грушевый. Наверное, потому что не очень любил чай и потому что здесь все было белое. Ладно, пускай пока настоится.

Милгрим сидел один в узком белом кафе, где было много чаев и девушка в накрахмаленном платье вроде теннисного: белая ткань в тончайшую серую полоску. Милгрим не знал за парижанами особой любви к чаю, но если считать это место показательным, они предпочитали чай из ультратонких стеклянных чайников. По стенам тянулись узкие белые полки, заставленные аптечными склянками с сушеным растительным веществом, стеклянными чайниками и прессами – все в ярком галогеновом свете. Несколько живых цветов в горшках. Три столика, каждый на два стула.

Снаружи – редкое тарахтение мотороллеров. Улочка почти слишком узкая для машин. Где-то в Латинском квартале, если таксист правильно его понял.

Девушка принялась обмахивать аптечные склянки метелочкой из перьев. Что-то вроде перформанса или высококонцептуальной порнографии. Такой, которая в итоге оказывается в основном про тонкую серую полоску. Или про чай.

Заставкой на экране у Холлис стояло цифровое изображение космоса. Лиловые галактические туманности. Интересуется она астрономией или это что-то от *Apple*? Было бы занятно, если бы ноутбук сейчас вместо заставки показывал самого себя и чайный пресс на белом ламинате. А на экране ноутбука-в-ноутбуке – та же картинка, меньше. И дальше, в эшеровской убывающей прогрессии, до нескольких пикселей. Милгрим думал про искусство в книге Холлис и про «нео», который ехал сейчас в какой-то запредельно богатый загородный дом, а может, уже и доехал – его собственный маленький вклад в *GPS*-искусство.

Он поймал себя на том, что как-то очень спокойно вспоминает о своем поступке. Главное, что он это сделал. Однако следом сразу пришла мысль о Слейте.

У «Галери Лафайет» Милгрим взял такси и доехал до случайного перекрестка в Латинском квартале. Он был практически уверен, что Слейт его потерял, но теперь сомневался

насчет ноутбука Холлис. Может, Слейт и к нему успел приложить руку? Впрочем, Холлис сказала, что работает на Бигенда совсем недавно, по крайней мере, если брать этот раз.

Он открыл браузер, потом свою почту. Видит ли это Слейт? Электронный адрес, его первый и единственный электронный адрес, был от «Синего муравья». Открыл твиттер. Если Милгрим правильно понимал, Слейт мог видеть, что́ он открывает, но не мог видеть, что он там делает. Ввел имя пользователя и пароль.

Уинни была там. Во всяком случае, заходила.

Сообщение отправлено час назад: «где?»

«По-прежнему в Париже. Надо поговорить».

Он обновил страницу. Ответа не было.

Девушка в крахмальном платьице закончила смахивать пыль и смотрела на него. Как многие ее ровесницы, она напоминала Милгриму японских мультипликационных персонажей, в целом реалистичных, но с диснеевскими глазищами. Что-то международное, хотя пока не повальное. О подобном он раньше часто расспрашивал Бигенда. Тот поощрял такие разговоры, поскольку, по собственным словам, ценил вопросы Милгрима. Милгрим десять лет прожил в полутьме и, согласно Бигенду, как будто вернулся со звезд на Землю будущего. Бесформенная глина, ждущая, когда новый век наложит на нее свой отпечаток.

– Это мак-эйр? – спросила девушка.

Милгриму пришлось проверить фирменный знак внизу экрана.

– Да.

– Очень милый.

– Спасибо.

Милгрим, чувствуя на себе ее взгляд, нажал стержень на крышке чайного пресса, продавив прозрачную жидкость через хирургического вида белую нейлоновую сетку. Налил немного в тончайший стеклянный стакан. Отпил. Совершенно металлический вкус без намека на чай. Хотя, может, оно и к лучшему.

– У вас есть круассаны?

– *Non,* – ответила девушка, – *petites madeleines*[27].

– Будьте добры, – сказал Милгрим, указывая на белый столик.

Прустовское печенье. Этим его знания о Прусте исчерпывались, хотя однажды он слышал чье-то долгое объяснение, что Пруст то ли неправильно описал мадленки, то ли описал что-то совершенно другое.

Пришло время принять лекарство. Пока девушка ходила за мадленками, Милгрим достал из сумки упаковку, выдавил сегодняшнюю порцию капсул и, по давней привычке, зажал в

кулаке. К тому времени, как девушка вернулась, неся на квадратной белой тарелочке три мадленки, он уже спрятал упаковку. Одна мадленка была простая, вторая – присыпана чем-то белым, третья – с темным шоколадом.

– Спасибо.

Он обмакнул простую мадленку в чай, возможно, из-за какого-то смутного, связанного с Прустом суеверия, затем быстро съел все, уже не размачивая. Они были очень вкусные. Белая присыпка оказалась миндалем. Покончив с ними, Милгрим запил базельские капсулы белым грушевым чаем.

Он вспомнил снова обновить страницу.

«тут?» Две минуты назад.

«Да. Извините»

Обновить.

«ваш тел прслш»

«Одолжил ноутбук. Телефон потерял. – Он помедлил и добавил: – Думаю, Слейт через него за мною следил».

Обновить.

«посеяли?»

«Выкинул»

Обновить

«зачм????»

Милгриму пришлось задуматься.

«С говорил хвосту, где я»

«и????»

«Надоело»

Обновить.

«не дергайтесь, ок? забейте»

«Не хотел, чтобы он знал, где мы остановились»

«где?»

– …вы остановились, – закончил он вслух и написал: – «Гостиница Одеон возле метро Одеон».

Обновить.

«нзд звтра днм?»

«Насколько я знаю»

Обновить.

«чо ваша ловит в прж??»

«Джинсы»

Обновить.

«бугага! до связи поки-поки»

– Пока, – сказал Милгрим.

Новая куратор из органов его огорчала; чувствуешь себя ребенком молодой легкомысленной мамаши.

Он вышел из твиттера, перешел к закладкам и щелкнул

отмеченную раньше страницу с Фоли в куртке на молнии и с ретропорнографическим прямоугольником на глазах. О чем это все? Он пощелкал по сайту, и картина начала складываться. Вспомнилась другая презентация француженки в Сохо. Рыночная фетишизация элитных спецвойск. Она сказала, поветрие зародилось во время Вьетнамской войны, и проиллюстрировала свой тезис коллажем из маленьких рекламных объявлений с последних страниц давно исчезнувших мужских журналов «Тру» и «Аргози»: лечение грыжи, заказ живых обезьянок по почте, ремонт газонокосилок, рентгеновские очки… Эти объявления, сказала француженка, срез коллективного бессознательного американских мужчин вскоре после Второй мировой войны. Если не считать вечных бандажей (интересно, подумал Милгрим, чем объясняется эпидемия грыж у американских послевоенных мужчин?), набор объявлений мало отличался от того, что можно найти на последних страницах тогдашних комиксов. Притом, сказала француженка, что тогда любой мог выписать наложенным платежом ту самую итальянскую винтовку из списанных военных остатков, из которой позже убили Кеннеди (меньше пятнадцати долларов включая почтовые расходы), мужская любовь ко всему военному уравновешивалась свежими воспоминаниями о недавней войне, пусть и безусловно выигранной. Вьетнам все изменил, продолжала француженка, переходя к следующему набору коллажей. Что-то сдвинул в американской мужской психике. Милгрим не помнил, что именно это было, по ее словам, но все как-то выводило на культуру, порождающую такого рода сайты.

Черный прямоугольник на лице, скрывающий личность, исподволь намекал, что Фоли принадлежит к армейской элите. Француженка даже упоминала это как маркетинговый ход.

Милгрим вернулся к Фоли. Тот особого страха не внушал. Милгрим за десять лет уличной жизни насмотрелся на разные типы пугающей внешности. В парне с каскадом в законсервированном ресторанчике на окраине Конуэя было то страшное, что трудно скрыть и невозможно подделать. Милгрим первый раз увидел это в Нью-Йорке, у молодого албанца, торговавшего героином. Армейское прошлое или что-то в таком роде. Такое же спокойствие, такое же полное отсутствие лишних движений. В Фоли, думал Милгрим, разглядывая рот под черным прямоугольником, может пугать жестокость, не сила. Хотя он видел то и другое в одном человеке, и это было по-настоящему жутко.

Милгрим еще полистал сайт. Бигенда бы это заинтересовало. Хотя, возможно, ему уже показывали. Ровно то, чем занята сейчас

команда «Синего муравья». На страницах не было ни названия бренда, ни цен. Адрес сайта – цепочка букв и цифр. Не сайт, а муляж? Страница «О нас» пустая, «Заказать» – тоже.

Более низкое тарахтение за окном. Милгрим глянул наружу и увидел медленно едущий черный мотоцикл. Желтый шлем повернулся темным щитком к окну, за которым сидел Милгрим, затем мотоциклист снова глянул вперед, и Милгрим разглядел широкие белые царапины на задней стороне шлема.

В точности те детали, за внимание к которым Бигенд его бы похвалил.

29
Дрожь

– Слейт, – Бигенд произнес фамилию таким тоном, словно она его утомила, – спрашивает про Милгрима. Он с вами?

– Нет, – ответила Холлис. Она лежала на кровати, после душа, завернувшись в не слишком большое белое гостиничное полотенце. – Разве он не в Нью-Йорке? В смысле, Слейт.

– В Торонто, – сказал Бигенд. – Он отслеживает, где Милгрим.

– Вот как? – Она глянула на айфон. Картинки для Бигенда у нее не было. Может, поставить прямоугольник «Международного синего цвета Кляйна»?

– За Милгримом поначалу нужно было все время следить. Этим по большей части занимался Слейт.

– Следит ли он, где я? – Холлис глянула на синюю фигурку муравья.

– А вы хотите, чтобы следил?

– Нет. Это означало бы разрыв контракта. Между мной и вами.

– Да, я помню. Где вы купили свой телефон?

– В магазине «Эппл». В СоХо. В Нью-йоркском СоХо. А что?

– Я хотел бы дать вам другой.

– Какая вам разница, где я купила телефон?

– Хочется быть уверенным, что вы купили его сама.

– Последний телефон, который вы мне дали, за мной следил.

– Больше это не повторится.

– Во всяком случае, с телефоном.

– Не понимаю.

Холлис пальцем толкнула фигурку, и та закачалась на круглом основании.

– Поймите, я не хочу, чтобы ваши разговоры подслушивали, – сказал Бигенд.

– Мне не известно, где Милгрим. Это все, что вы желали знать?

– Слейт считает, он уехал из Парижа. Возможно, подался в бега. Как по-вашему, насколько это вероятно?

– Его не так-то легко разгадать. Мне, по крайней мере.

– Он меняется, – сказал Бигенд. – И это занятно, для человека в его ситуации. Постоянно проявляются какие-то его стороны, выходят онлайн.

– Может быть, проявилась какая-то его сторона, которая не желает открывать Слейту свое местоположение.

– Когда увидите его, – сказал Бигенд, – попросите мне позвонить, хорошо?

– Хорошо. До свидания.

– До свидания, Холлис.

Она взяла фигурку. В руке та была такой же легкой, как прежде. Полая и, по всей видимости, цельнолитая статуэтка – внутрь не заглянуть.

Холлис, завернутая в чуть влажное полотенце, села на кровати, и тут телефон зазвонил снова. Черно-белая фотография Хайди.

– Хайди?

– Я в спортзале. В Хэкни.

– Да?

– Один из моих здешних спарринг-партнеров говорит, что знает про твоего парня.

Золотые росчерки псевдокитайской каллиграфии на дальней стене словно отделились от обоев и поплыли к Холлис. Она сморгнула.

– Правда?

– Ты не говорила мне его фамилию.

– Не говорила.

– Начинается с «У», заканчивается на «с»?

– Да.

Нехарактерная пауза. Хайди никогда не задумывалась, что сказать.

– Когда вы последний раз общались?

– Примерно когда моя книга вышла в Англии. А что?

– Когда ты возвращаешься сюда?

– Завтра. А в чем дело?

– Надо проверить, что мы с Аджаем говорим об одном человеке.

– Аджай?

– Он индус. Английский индус. Я выясню, что смогу, потом поговорим. – Хайди повесила трубку.

Холлис вытерла глаза уголком полотенца, вернув золотые росчерки на кроваво-красные обои. Ее била дрожь.

30
Видения

Милгрим вышел из белой чайной и двинулся туда, где, по его ощущениям, должна была находиться Сена, выбирая улочки, примерно перпендикулярные той, на которой он пил чай. Интересно, как все-таки за ним следили от «Салон дю вэнтаж»? Скорее всего, старым дедовским методом, на мотоцикле.

Если желтый шлем – и впрямь тот, что он видел в Лондоне, то мотоциклист – курьер, отдавший ему фотографию Уинни, снятую в Миртл-Бич, вероятнее всего, Слейтом. Памела распечатала снимок и отправила курьером Милгриму после его разговора с Бигендом. Знали ли они, кто такая Уинни? Они все друг друга фотографируют, а теперь и его втянули.

Он шел по улочке дорогого африканского искусства. Большие резные фигуры темного дерева в маленьких, красиво освещенных галереях. Утыканные гвоздями фетиши, наводящие на мысль о жутких эмоциональных состояниях.

Однако был здесь и магазинчик фототоваров. Милгрим вошел и купил китайский кардридер у приятного перса в очках с золотой оправой и модной серой кофте. Убрал в сумку к ноутбуку и книге Холлис. Пошел дальше.

Тревога немного улеглась, хотя восторг избавления от «нео» не возвращался.

Если он не ошибся со шлемом, то главный вопрос: работает мотоциклист на Слейта, на Бигенда или на обоих. Бигенд его отправил или Слейт? И кстати, действительно ли Бигенд не доверяет Слейту? Бигенд, насколько Милгрим знал, никогда его не обманывал, а вот про Слейта с первого взгляда было понятно, что он родную бабушку продаст.

Милгрим вспомнил психотерапевта. Будь она здесь, она бы напомнила, что нынешняя ситуация, пусть тревожная и даже опасная, находится вне его и потому гораздо лучше той, с которой он приехал в Базель. Тогдашняя ситуация была внутренней, и казалось, из нее нет выхода. «Не переносите угрозу внутрь себя. Когда вы это делаете, ваш организм выделяет адреналин и кортизол. Калечит вас».

Он потянулся за «нео», чтобы проверить время, и лишь потом вспомнил, что «нео» нет.

Табличка на стене сообщала, что улица зовется Рю-Жи-ле-Кёр. Уже предыдущей, возможно, более средневековая. Пока Милгрим сидел в чайной, небо затянуло, а теперь заморосил

редкий дождик. Милгрим искал в витринах отражения желтого шлема, хотя, конечно, профессионал мог припарковать мотоцикл и снять шлем. Или, что вероятнее, он работает в команде. Волшебный книжный магазинчик, где книги громоздились кипами, как в кабинете безумного ученого, разбудил желание забыться в тексте, и Милгрим зашел в дверь, но внутри оказались комиксы, не способные обеспечить нужную дозу последовательных слов, да еще и на французском. Некоторые были французского типа, с виду очень литературные, но не меньше попадалось других, с персонажами, как девушка из чайной, худыми и большеглазыми. И все-таки книжный магазин. Милгриму отчаянно хотелось зарыться в бумажные стопки, навалить другие стопки сверху, залечь и надеяться, что его никогда не найдут.

Он вздохнул и быстро вышел на улицу.

Жи-ле-Кёр заканчивалась пешеходным переходом через улицу, по которой машины шли сплошным потоком. Милгрим перешел на, как он теперь вспомнил, набережную Больших Августинцев и быстро спустился по крутой каменной лестнице. Которую тоже помнил. Солнечным днем, много лет назад.

Вдоль реки шла узкая асфальтовая дорожка. Сверху увидеть человека на ней можно было, только перегнувшись через парапет. Милгрим глянул вверх, ожидая, что там возникнет мотоциклетный шлем, голова или го́ловы.

Тарахтенье мотора на воде заставило его обернуться. Мимо скользила деревянная яхта, ее мачта была опущена горизонтально, на руле сидела женщина в шортах, желтом дождевике и темных очках.

Милгрим вновь поднял взгляд к парапету. Никого. И на лестнице тоже.

Дождь зарядил сильнее, и он укрылся в неглубокой нише под парапетом.

Из-под арки моста, чье название Милгрим позабыл, показалось более длинное, более широкое судно. Вроде тех туристических, на которые парижские дети плюют с мостов, но с плазменным экраном почти от носа до кормы и высотой метра три. На экране был оркестр. Молодой человек, с которым Холлис беседовала в «Салон дю вэнтаж», обаятельно похожий на гориллу, играл не то на органе, не то на рояле; в свете рампы вкруг его глубоко посаженных глаз залегли черные тени. Звука не было, только мерный рокот судовых двигателей. Пиксели смешались и заново сложились в двух исландских блондинок, с которыми иногда загадочным образом появлялся Бигенд. Доттир, в усыпанных блестками облегающих платьях, извивались на

мокром от дождя экране, открывая рты, словно в безмолвном крике.

Милгрим аккуратно поставил сумку на плиты под аркой и подвигал ноющим плечом, наблюдая, как Доттир загадочно плывут прочь над темной водой.

Когда дождь закончился, а ни один преследователь так и не появился, Милгрим забросил сумку на другое плечо и побрел вперед, к мосту. Здесь он поднялся по другой, но такой же длинной каменной лестнице, снова пересек набережную Больших Августинцев и вернулся в Латинский квартал, стараясь идти примерно туда, откуда пришел.

Мокрая брусчатка блестела под вечерним солнцем, уличные столики, за которыми уже сидели первые посетители, казались полузнакомыми. И здесь, перед очередным косоугольным перекрестком, произошло невозможное.

В обстановке, как говорили врачи, четкой реальности.

Милгрима всегда ужасала мысль о галлюциногенах, психоделиках. Для него идеальным наркотиком был такой, который делает вещи привычнее, узнаваемее.

В Базеле, на первом этапе отмены, его настойчиво расспрашивали о галлюцинациях. Мерещится ему что-нибудь? Нет, отвечал он. Никаких… глюков? Никаких, заверял Милгрим. Ему объяснили, что абстинентная симптоматика может включать «галлюцинации в обстановке четкой реальности», хотя он не понял, с чего они взяли, будто его реальность – четкая. Глюки, к его огромному облегчению, так и не появились, но сейчас он с пугающей ясностью видел, что впереди плывет воздушный пингвин.

Нечто в форме пингвина, фута три-четыре от клюва до кончика хвоста, и сделанное, как казалось, из ртути. Пингвин в жидкой зеркальной оболочке, отражающей свет уличных фонарей. Плывущий. Как пингвин под водой, но в воздухе Латинского квартала чуть выше окон второго этажа. Вдоль середины улицы, пересекающей ту, по которой шел Милгрим. Затем по той же улице в противоположную сторону проехал велосипедист.

– Вы видели? – спросил Милгрим велосипедиста, который уже проехал да и в любом случае его бы не услышал.

31
Тайные механизмы

Холлис изо всех сил пыталась отбросить навязчивую тревогу после разговора с Хайди. Она надела чулки, платье, туфли, накрасилась. Ванная здесь была тесная, меньше уэллсовского душа в «Кабинете».

С самого начала она мудро внушала себе: лучше не тревожиться о Гаррете, иначе не остановишься. Опасность – его призвание. Ему не капала денежка от былой музыкальной славы, зато у него был старик, похожий на фотографии Сэмюэла Беккета в старости, с таким же яростно-пристальным взглядом, возможно, сумасшедший. Старик, который прежде был кем-то (кем – не говорилось) в американской разведке, выступал продюсером и режиссером череды тайных перформансов Гаррета. Финансируемых, по смутным намекам, другими отставными разведчиками. Некой лигой старперов, объединенных неприязнью к действиям и склонностям правительства. После Ванкувера Холлис уже не видела старика, но во все время ее отношений с Гарретом он присутствовал фоном, как негромкое радио за стеной. Самый частый голос в постоянно меняющихся мобильных Гаррета.

Холлис догадывалась, что старик не одобряет их роман, однако при всем желании он не нашел бы себе другого Гаррета. Человека, для которого главная радость жизни – прыгать с небоскребов в нейлоновом костюме с перепонками между ног и по бокам: планировать летучей мышью между смертельными обрывами стекла и стали. Типаж абсолютно не в духе Холлис, как заметила однажды Хайди. Спортсмены, военные – их она обходила стороной. Все ее прежние бойфренды были из арт-тусовки, самого разного сорта, в том числе, к несчастью, гибридного: арт-бизнесмены с натурами требовательными, как у собак дизайнерских кроссбредных пород. И она на горьком опыте научилась худо-бедно их понимать. А тут безумный бейсджампер из Бристоля, который носил простые свитера и водолазки, ничего не желая этим сказать, и читал наизусть не самые известные стихотворения Дилана Томаса. «Потому что петь не умею», – объяснял он. И все это время он рисовал граффити на тайных механизмах истории. Человек, которого – косвенно признала она сейчас, в бронзовой телефонной будке лифта, – она по-настоящему любила. И быстро упрятала эту мысль, как только лифт остановился на первом этаже.

Хотелось верить, что хаундсовская куртка поверх платья в темноте сойдет за что-то вроде болеро. Долго ли еще она сможет позволять себе такое смешение стилей и не выглядеть нищенкой? Вопрос для Бигенда с его тревогой о стареющих представителях богемы.

Молодой человек за стойкой регистрации читал книгу. Холлис кивнула ему, подняла воротник куртки и вышла наружу, оставив за собой легкий шлейф индиго.

Воздух на улице был промыт дождем, мостовые блестели. Холлис взглянула на айфон. Без десяти восемь. «Лез Эдитёр» и впрямь было видно сразу от гостиницы, не на этой улице, а на соседней, идущей под углом. Холлис прошла вправо, мимо навороченной аптеки, и, чтобы не прийти слишком рано, снова свернула вправо. На узенькой улочке за отелем располагались магазин английских букинистических книг, коктейль-бар, солидного вида ресторан суши, переплетная мастерская и салон оборудования для китайской рефлексотерапии: садистского вида массажеры, руководства, макеты частей тела, размеченные акупунктурными меридианами и точками. В том числе огромное фаянсовое ухо, как в кабинетовском номере Хайди. Не зря Холлис подумала тогда, что где-то уже такое видела.

Она вернулась к переплетной мастерской, где витрина была поменьше. Интересно, кто отдает старые книги в дорогостоящий ручной переплет, заказывает индивидуальный пошив одежды для древних мыслей? Бигенд мог бы, наверное, хотя, если у него и есть библиофильские наклонности, при Холлис он их не проявлял. Она вообще не видела в его окружении ни одной книги. Бигенд – человек экранов, больших голых столов, пустых полок. Насколько знала Холлис, у него не было картин. Возможно, он в какой-то мере рассматривал их как конкурентов, шум для его сигнала.

Одна из книг в витрине была в форме веера – ломтик торта из белой, тисненной золотом кожи, плавно вырезанный изгиб.

Стоя в абсолютно пустой улочке, Холлис безмолвно помолилась о Гаррете. Кому, сама не знала. Ненадежной вселенной. Или механизмам, на которые он наносил свои граффити. Пожалуйста, пусть с ним не будет ничего плохого.

Книга-веер, не читанная, возможно, несколько столетий, чопорно смотрела на нее из витрины.

Холлис повернулась и пошла к Рю-Одеон. Перешла на другую сторону и двинулась к ресторану.

Перед которым, подсказывал ей остаточный опыт знаменитости, сидели папарацци. Холлис заморгала, не сбавляя шага. Да, они. Те же позы, та же нервная напряженность за

напускным пофигизмом. Злость от долгого ожидания. На красных скатертях – нетронутые бокалы с самым дешевым вином. Мобильники возле уха. Темные очки (не на всех). Папарацци смотрели, как она приближается.

Инстинктивно Холлис ждала, когда первый из них вскинет фотоаппарат. Ждала звука механической съемки. Внутренне подобралась. Готовясь то ли бежать, то ли выглядеть как можно лучше.

Однако никто ее не снимал. Все просто смотрели, как она подходит. Они охотились не за ней – этого не было уже много лет. Она временно заинтересовала их тем, что пришла сюда. Почему?

Интерьер «Лез Эдитёр» был выдержан в стиле ар-деко, но не в том, что с хромом и черной эмалью. Алые кожаные кресла – оттенка послевоенного лака для ногтей, полированное дерево, книги-на-метры, портреты незнакомых французских лиц в рамах.

– Он мог бы вас не присылать, – сказал Рауш, бывший редактор несуществующего журнала «Нод», фантомного дайджеста цифровой культуры. – Все идет очень гладко.

Рауш смотрел на нее поверх очков в толстой темной оправе, по ощущению закрывавшей ему все поле зрения. Его темные волосы походили на ковролин.

– Меня никто не присылал. Что вы здесь делаете?

– Если он вас не присылал, то как вы тут оказались?

– Я обедаю с друзьями. В Париже по делам Губерта, но никак с вами не связанным. Ваша очередь.

Рауш взялся за лоб, нервно взъерошил несуществующую челку.

– Фридрикка. Доттир. Они на этой неделе выпускают новый альбом. Она здесь с Брэмом.

У него дернулся глаз.

– Кто такой Брэм?

– Брэм, из «Стокеров». Вампиры. – Он выглядел по-настоящему смущенным. – Якобы Эйдис в него влюблена, а он сейчас с Фридриккой. В Штатах *«People»* – за Эйдис, *«Us»*[28] – за Фридрикку. Здесь такого четкого разделения еще нет, но к завтрашнему дню должно быть.

– Это разве не устаревшая тактика?

Рауш дернул плечами:

– Бигенд считает, в том и смысл. Он говорит, это двойной возврат, настолько заезженное, что уже новое. Ладно, не новое, но умиротворяющее. Знакомое.

– Поэтому он вечно с ними? Они – клиентки «Синего муравья»?

– Насколько я знаю, – Рауш понизил голос, – он тесно связан с их отцом.

– Кто их отец?

Холлис как-то прежде не думала, что у двойняшек есть отец. Ей казалось, их из чего-то отформовали.

– Большая шишка в Исландии. Послушайте, Холлис, он точно вас не посылал?

– Кто решил отправить их сюда?

Она заметила в дальнем конце зала одну из близняшек, но уже забыла, которая, по словам Рауша, должна быть здесь. Рядом с нею сидел высокий и широкоплечий молодой человек, очень бледный, с черной челкой, закрывающей пол-лица.

– Я. Не слишком пафосное место. Легко поверить, будто они зашли случайно. Не будет отвлекать от нарратива.

– Тогда, если кто-то из тех, с кем я обедаю, не засланец Бигенда, это случайность.

Рауш смотрел ей прямо в лицо, и Холлис понимала: это значит, что он напуган.

– Точно?

– Точно.

Метрдотель уже некоторое время стоял рядом, выказывая признаки нетерпения.

– Овертон, – сказала ему Холлис. – Столик на четверых.

Когда она вновь повернулась к Раушу, тот уже исчез. Она прошла вслед за метрдотелем через людный ресторан, к столику, где сидели Мередит и Джордж.

Джордж привстал и символически чмокнул воздух рядом со щекой Холлис. Он был в темном костюме и белой рубашке без галстука. Треугольник густых курчавых волос в расстегнутом вороте создавал впечатление, что под рубашкой надета футболка. Холлис показалось, что с дневной встречи его щетина еще отросла. Джордж скорбно улыбнулся. Его белые зубы были толщиной и размером примерно с костяшки домино.

– Извини, что так вышло. Я понятия не имел. Выбирал место, чтобы мы могли поговорить и не отвлекаться на еду.

Метрдотель отодвинул для Холлис стул, и Джордж, дождавшись, когда она сядет, тоже сел.

Когда метрдотель ушел, оставив толстую книжку-меню, Мередит сказала:

– Можно было бы пойти в «Комптуар» на другой стороне улицы. Тут нам не дадут спокойно поговорить.

– Извини, – ответил Джордж. – Кормят здесь вкусно. Жаль только, что бедняжка Брэм – главное блюдо.

– Ты его знаешь?

– Шапочно. Он талантливый. *There but for fortune*[29], думаю.

– Запись с Реджем уже не кажется такой ужасной?

– После нашего сегодняшнего разговора – нет.

Джордж снова блеснул зубищами. Холлис понимала, чем он нравится Мередит. И что чувство это – настоящее. Они производили впечатление пары, связанной чем-то очень глубоким, спокойным и теплым. Интересно, было ли у нее самой в жизни такое?

– Твой знакомый тут с Фридриккой Брандсдоттир, – сказала она, вспомнив имя.

– Да, – согласился Джордж.

– Надеюсь, его не заставили с ней спать, – сказала Мередит, глядя поверх открытого меню на столик Брэма-Брандсдоттир.

– Разумеется, – ответил Джордж. – Он вообще голубой.

– Бедняжка, как ему, наверное, трудно, – заметила Холлис.

– Он делает, что велят, – сказал Джордж. – Хочет развязаться с вампирятиной. Дело не простое.

Появился Милгрим, мокрый от дождя. За ним шел бдительный метрдотель.

– Здравствуйте, Милгрим, – сказала Холлис. – Садитесь.

Убедившись, что Милгрим здесь на законных основаниях, хотя по-прежнему недовольный таким посетителем, метрдотель ушел. Милгрим снял с плеча сумку, поставил ее рядом со свободным стулом и сел.

– Это мой коллега, Милгрим, – сказала Холлис. – Милгрим, Мередит и Джордж. У Джорджа, как и у вас, только одно имя.

– Здравствуйте. Я вас видел в салоне одежды.

– Здравствуйте, – сказал Джордж.

Мередит глянула на Холлис.

– Мы с Милгримом, – объяснила та, – интересуемся «Габриэль Хаундс».

– Неопознанные летающие объекты, – обратился Милгрим к Джорджу. – Вы в них верите?

Джордж сузил глаза под сросшимися бровями.

– Я верю, что некоторые люди видят или думают, что видят, летающие объекты. В том числе неопознанные.

– А вы их видели? – Милгрим нагнулся вбок, чтобы задвинуть большую сумку глубже под стул. Он глянул на Джорджа снизу вверх, почти прижимаясь лицом к скатерти. – Сами?

– Нет, – осторожно-нейтрально ответил Джордж. – А вы?

Милгрим выпрямился. Кивнул.

– Давайте сделаем заказ, – быстро вмешалась Холлис, радуясь своевременно подошедшей официантке.

32
Синдром

Официантка уже приняла заказ и отошла от столика, унося меню в жестком переплете, когда в противоположном конце зала начался скандал.

Истерические выкрики. Широкоплечий молодой человек в черном, с твердым выражением бледного лица, внезапно вскочил, опрокинув стул, и выбежал на улицу. Навстречу электронным вспышкам, прикрывая рукой глаза – чтобы не ослепнуть или чтобы не попасть на фотографию.

– Быстро он, – сказал Джордж, намазывая маслом кусок нарезанного багета.

У него были элегантно волосатые руки, как у дорогой плюшевой игрушки. Он крупными зубами откусил половину бутерброда.

– Уж сколько выдержал, – ответила Мередит.

Милгрим видел, что ее ум выпирает из-под красоты, будто суровый стальной механизм из-под легкого шелка.

Вытянув шею, он по характерному серебристому пушку узнал одну из Доттир за столиком, из-за которого сбежал молодой человек. После жидкометаллического пингвина это уже не казалось совсем странным. Вполне вписывалось в ощущение наркотического транса. Доттир собрала вещи, потом глянула на огромные золотые наручные часы.

– Я их видел, – сказал Милгрим. – На реке. На большом экране. – Он снова повернулся к Джорджу. – И вас тоже.

– Это к выпуску альбома, – сказал Джордж. – У них новый альбом. У нас нет, но тот же лейбл.

– Кто этот, который сейчас ушел?

– Брэм, – ответила Холлис. – Солист из «Стокеров».

– Не слышал про него, – ответил Милгрим и взял кусок хлеба, чтобы чем-нибудь занять руки.

– Вам ведь не тринадцать лет, верно? – сказала Мередит.

– Верно, – согласился Милгрим и целиком засунул хлеб в рот. Орально, как называла это его психотерапевт. Она сказала, очень хорошо, что он некурящий.

Хлеб был твердый, упругий. Милгрим мгновение держал его во рту, прежде чем начал жевать. Мередит смотрела на него во все глаза. Он снова поглядел на столик Брандсдоттир, где кто-то придерживал встающей Доттир стул.

И этот кто-то был Рауш. Милгрим как увидел, чуть не

выплюнул хлеб.

В отчаянии он поймал взгляд Холлис. Та подмигнула – без усилия, не кривя половину лица (Милгрим бы в жизни так не сумел), и отпила вина.

– Джордж играет в музыкальной группе, – сказала Холлис, и Милгрим понял, что она его успокаивает. – «Тумбы». Редж Инчмейл, который вместе со мной был в «Ночном дозоре», продюсирует их новый альбом.

Милгрим, прожевав и проглотив ставший неожиданно сухим хлеб, кивнул. Отпил воды. Кашлянул в крахмальную салфетку. Что делает здесь Рауш? Он снова глянул в ту сторону, но Рауша не увидел. Доттир, идя к дверям, спровоцировала новую волну вспышек, стробоскопическое сияние цвета ее волос. Милгрим опять глянул на Холлис. Она еле заметно кивнула.

Джордж и Мередит, догадывался Милгрим, не знают о ее связи с «Синим муравьем», а значит, и о его тоже. Обе Доттир – клиентки «Синего муравья». Они, вернее, их отец, которого Милгрим никогда не видел, – крупный проект Бигенда. Возможно, даже партнер. Некоторые, в том числе Рауш, считали, что интерес Бигенда к двойняшкам – сексуального характера. Однако Милгрим как привилегированный собеседник Бигенда чувствовал, что это не так. Бигенд бодро выгуливал двойняшек по Лондону, словно пару скучных, но астрономически дорогих собачек, собственность человека, на которого ему очень хочется произвести хорошее впечатление.

– «Стокеры» на другом лейбле, – объяснял Джордж, – но той же фирмы. Пиарщики разыгрывают сценарий, по которому у Брэма и Фридрикки роман, но одновременно пустили слух, будто Брэм – любовник Эйдис.

– Очень старая тактика, – заметила Мередит. – И особенно очевидная в случае однояйцевых близнецов.

– Однако новая для их аудитории и для аудитории Брэма, – сказал Джордж, – которая, как ты упомянула, состоит из тринадцатилетних.

Милгрим глянул на Холлис. Та улыбнулась. Давая понять, что сейчас не время задавать вопросы. Она сняла хаундсовскую куртку и повесила на спинку стула. Платье под курткой было угольного цвета, того серого, который почти черный. Обтягивающий трикотаж. Милгрим первый раз за вечер глянул на платье Мередит. Оно было черное, из плотной лоснящейся материи, детали сострочены, как на старых рабочих рубашках. В женской одежде он не разбирался, но сейчас вроде бы увидел нечто знакомое.

– У вас красивое платье, – сказал он Мередит.

– Спасибо.

– Это «Габриэль Хаундс»?

Брови Мередит на мгновение взлетели вверх. Она перевела взгляд с Милгрима на Холлис, потом снова на Милгрима.

– Да.

– Чудесное, – сказала Холлис. – Этого сезона?

– У них нет сезонов.

– Но недавнее? – Холлис очень серьезно смотрела на Мередит поверх поднятого бокала.

– Заброска прошлого месяца.

– Мельбурн?

– Токио.

– Тоже художественная ярмарка?

Холлис допила бокал, Джордж подлил ей еще. Вопросительно повел горлышком бутылки в сторону Милгрима, потом увидел его перевернутый бокал.

– Бар. Микробистро с тибетским уклоном. Я так и не поняла толком где. Подвал офисного здания. Хозяин спит на самодельной антресоли, хотя это секрет. «Хаундсы» редко делают что-то специально женское. Трикотажная юбка, которую никто не смог повторить, хотя многие пытались. Твоя куртка – унисекс, хотя, когда она надета, этого не поймешь. Все дело в эластичной ленте на плечах, – Мередит говорила с легким раздражением, хотя полностью владела собой.

– Прилично ли будет спросить, как ты узнала, что это будет там?

Принесли первое блюдо, и Мередит подождала, когда официантка отойдет, потом ответила, уже спокойнее:

– Прямого контакта у меня нет. С приятелем времен учебы, про которого говорила, я рассталась несколько лет назад. Однако он познакомил меня с другими людьми. С ними я тоже не общаюсь и не знаю, как выйти на связь. Но они включили меня в рассылку. Я получаю электронное письмо с сообщением, где и когда будет заброска. Не знаю, обо всех ли забросках мне пишут, проверить никак не могу. Бывает это довольно редко. Всего два письма с тех пор, как я водила Клэмми покупать джинсы в Мельбурне. Прага и Токио. Я как раз была в Токио. Ну не в Токио, в Осаке. Я решила поехать.

– Что они предлагали?

– Может быть, начнем есть? – спросила Мередит.

– Конечно, – ответила Холлис.

Милгрим взял лососину, и она оказалась очень хороша. (Официантка дала ему выбрать из английского перевода меню.) Он огляделся, ища глазами Рауша, но не нашел. Публика в

ресторане менялась на глазах. Те, кто пришел, чтобы присутствовать при сцене между Брэмом и Доттир, попросили счет и ушли, многие – оставив нетронутую еду. Официанты быстро убрали со столов, за которые теперь усаживались новые посетители. Гул разговоров стал заметно громче.

– Пожалуйста, не думайте, будто моя готовность помогать с Инчмейлом как-то зависит от того, что Мередит сможет или не сможет рассказать про «Хаундс», – проговорила Холлис.

Джордж быстро глянул на Мередит.

– Мы это ценим, – сказал он, хотя Милгрим сомневался, что Мередит тоже так думает. Может быть, «мы» означало музыкантов.

– И в случае Инчмейла действительно нужно, чтобы кто-нибудь объяснял, на каком вы этапе, – продолжала Холлис. – По крайней мере, это все, что я могу сделать. Изменить процесс нельзя, а если вы упретесь всерьез и надолго, он уйдет. Сейчас все движется в эту сторону.

Милгрим, который с удовольствием ел лососину под очень нежным островатым соусом, ровным счетом ничего не понял из ее слов.

– Извини, – ответила Мередит, – но тебе придется сказать нам, на кого ты работаешь.

– Если бы я лучше такое умела, я бы для начала рассказала о моей книге. Она про локативное искусство.

– Я не знаю, что это, – сказала Мередит.

– То, что сейчас называют дополненной реальностью, – объяснила Холлис, – только как род искусства. Оно возникло еще до того, как у всех появились айфоны. Тогда я о нем и писала. Однако я к тому, что, если бы хотела вас обмануть, начала бы с книги и сказала, что пишу следующую, про эзотерический деним или про безумные маркетинговые стратегии. Но я не буду вас обманывать. Я работаю на Губерта Бигенда.

Последний кусок лососины застрял у Милгрима в горле. Он выпил воды, кашлянул в салфетку.

– Вы подавились? – спросил Джордж.

Судя по выражению лица, он вполне готов был выполнить прием Геймлиха. И справился бы успешно.

– Нет, спасибо, – ответил Милгрим.

– «Синий муравей»? – спросила Мередит.

– Нет, – сказала Холлис. – Мы фрилансеры. Бигенд хочет знать, кто стоит за «Габриэль Хаундс».

– Зачем? – Мередит положила вилку.

– Считает, его переплюнули там, где он не ждал соперников. По крайней мере, так он объяснил. Ты его знаешь?

– Только понаслышке.

Милгрим отпил глоток воды и спросил Джорджа:

– Пиар вашей группе делает «Синий муравей»?

– Насколько я знаю, нет, – ответил Джордж. – Мир уже и без того слишком тесен.

– Я не работаю в «Синем муравье», – продолжала Холлис. – Бигенд нанял меня выяснить что-нибудь про «Габриэль Хаундс». Он хочет знать, кто модельер и как работает их антимаркетинговая схема. Этим я заниматься готова. Лгать вам – нет.

– А вы работаете в «Синем муравье»? – спросила Мередит Милгрима.

– У меня нет бейджа, – ответил тот.

– Что-что?

– Нет бейджа, чтобы открывать дверь. В «Синий муравей». У сотрудников есть бейджи. Я не сотрудник.

Официантка забрала тарелки и подала второе блюдо. У Милгрима это был говяжий филей, нарезанный кружочками и сложенный в башенку наподобие шахматной ладьи. Когда он начал есть, башенка рассыпалась.

– Насколько сильно Бигенд хочет это узнать? – Мередит занесла нож и вилку над едой.

– Вообще-то, он хочет знать *все*. Всегда, – ответила Холлис. – Сейчас ему очень хочется это выяснить. Будет ли так же хотеться через месяц? Не знаю.

– У него, должно быть, много возможностей добывать информацию, – заметила Мередит, отрезая кусок говяжьего медальона.

– Это его главная гордость, – сказала Холлис.

– Я упоминала, что второй сезон моих туфель, почти весь, лежит на складе в Сиэтле. Возможно.

– Да?

– Я не знаю где. Не смогла их разыскать. Юристы говорят, если туфли найдутся, можно доказать, что они мои. Мы почти уверены, что они не проданы, иначе хотя бы несколько пар выплыли на *eBay*. Может Бигенд их для меня найти?

– Не знаю, – ответила Холлис. – Но если он не найдет, не представляю, кто другой сможет.

– Я не знаю, что́ сумею для тебя выяснить, – сказала Мередит, – но если что-нибудь найду, готова буду обменять на информацию о туфлях. Иначе никак.

Милгрим переводил взгляд с Мередит на Холлис и обратно.

– Я не уполномочена давать такого рода обещания, – сказала Холлис, – но, безусловно, могу передать ему предложение.

Милгриму это напомнило завершающий ритм сделок между мелкими наркодельцами, когда одна сторона, возможно, знает про человека с полным минивэном прекурсоров, а другая вроде бы может отыскать выходы на качественную пресс-машинку для таблеток.

– Передай, пожалуйста, – с улыбкой проговорила Мередит и первый раз за вечер отпила вина.

> > >

– Это было очень удачно, – сказал Милгрим после того, как они на выходе из ресторана простились с Мередит и Джорджем. – В смысле момента. Когда вы сказали им про Бигенда.

– А что мне оставалось? Не сказать тогда значило бы их обмануть. Гостиница вон там.

– Я никогда не умел так точно подгадать момент, – сказал Милгрим, потом вспомнил про пингвина и поднял голову.

– Что вы там говорили про НЛО, когда вошли?

– Не знаю, – ответил Милгрим. – Мне показалось, я что-то видел. День был очень длинный. У меня ваш ноутбук. Можно мне оставить его до утра? Хочу кое-что посмотреть.

– На сколько хотите, – сказала Холлис. – Я взяла его для книги, которую так и не начала писать. У меня есть айфон. И что же вы вроде бы видели?

– Оно было похоже на пингвина.

Холлис остановилась.

– На пингвина? Где?

– На улице. Там. – Он указал рукой.

– На улице?

– Он летел.

– Пингвины не летают, Милгрим.

– Плыл. По воздуху. На уровне окон второго этажа. Подгребая плавниками. Но больше он был похож на каплю ртути в форме пингвина. Отражал фонари. Искажая их. Не исключено, что это была галлюцинация.

– Они у вас бывают?

– П-А-С, – произнес Милгрим по буквам.

– Пас?

– Постабстинентный синдром. – Он пожал плечами и снова двинулся к отелю. – Они насчет этого беспокоились.

– Кто они?

– Врачи. В клинике. В Базеле.

– А как насчет того человека? Который в штанах? Которого вы

вроде бы видели в «Селфридже»? Он вас нашел?

– Да. Слейт ему сообщал, где я.

– И чем все кончилось?

– Не знаю.

– Как так?

– Я подбросил «нео» другим людям. Он пошел за ними.

Милгрим чувствовал, что надо почистить зубы. Между верхними задними коренными застрял кусочек грушевой тартинки. Все еще приятный на вкус.

– День был долгий, – сказала Холлис у входа в гостиницу. – Я говорила с Губертом. Он просил вас ему позвонить. Слейт думает, вы сбежали.

– У меня у самого такое чувство, будто сбежал, – ответил Милгрим, придерживая ей дверь.

– Спасибо, – сказала она.

– Мсье Милгрим? – Служащий за стойкой регистрации, немного похожей на кафедру в церкви.

– Номер мистера Милгрима оплачен с моей карточки, – сказала Холлис.

– Да, но ему все равно надо зарегистрироваться. – Служащий достал белый отпечатанный бланк и ручку. – Ваш паспорт, пожалуйста.

Милгрим вытащил из-под рубашки чехол Фарадея, достал паспорт.

– Я позвоню утром, перед завтраком, потом у нас сразу поезд, – сказала Холлис. И ушла, свернув за угол.

– Я сниму ксерокопию и верну паспорт, когда закончите разговор в вестибюле. – Он мотнул головой влево.

– В вестибюле?

– Вас там ждет мадмуазель.

– Какая мадмуазель?

Однако служащий уже скрылся в узком проеме за стойкой.

Маленькое фойе было не освещено. Раздвижные деревянные панели частично отделяли его от ресепшен. Отблески уличного фонаря на чайном сервизе. И на желтом изгибе мотоциклетного шлема, лежащего на стеклянном кофейном столике. Миниатюрная фигурка поднялась с дивана, хрустнув непромокаемой тканью и мотоциклетной броней. Мягкий овал лица над жестким, застегнутым на пряжку воротником.

– Меня зовут Фиона.

Милгрим машинально пожал протянутую руку. Она была маленькая, теплая, крепкая и мозолистая.

– Милгрим.

– Знаю.

Выговор у нее был не британский.

– Ты американка?

– По документам. Как и ты. И оба работаем на Бигенда.

– Он сказал Холлис, что не будет никого присылать.

– «Синий муравей» никого и не присылал. Я работаю на него лично. Как и ты.

– Откуда мне знать, что ты и впрямь работаешь на Бигенда?

Она ткнула пальцем в телефон, как у Холлис, послушала, протянула телефон Милгриму.

– Алло? – сказал Бигенд. – Милгрим?

– Да.

– Как вы?

Милгрим задумался.

– День был долгий, – ответил он наконец.

– Обсуди́те с Фионой, после того как поговорим. Она передаст мне.

– Вы поручили Слейту шпионить за мной с помощью «нео»?

– Это часть его работы. Он звонил из Торонто, сказал, вы покинули Париж.

– Я подбросил телефон другим людям.

– Слейт мутит, – сказал Бигенд.

– Насчет того, что телефон покинул Париж, – нет.

– Я не в этом смысле. Он мутный человек. Ненадежный.

– Ясно, – сказал Милгрим. – А кто надежный?

– Памела, – ответил Бигенд. – Фиона, с которой вы сейчас познакомились. Пока ситуация не прояснится, этим и ограничимся.

– Холлис?

– Холлис ни о чем таком не знает.

– А я?

Наступила тишина.

– Интересный вопрос, – ответил Бигенд, помолчав. – Что вы сами думаете?

– Мне не нравится Слейт. Не нравился человек, который за мной следил.

– Вы отлично справляетесь. Немного опережаете события, на мой вкус, но это занятно.

– Я видел пингвина. Нечто в форме пингвина. Возможно, мне надо вернуться в клинику.

– Это наш летающий пингвин Фесто, – ответил Бигенд после паузы. – Мы экспериментируем с платформами городского видеонаблюдения.

– Тесто?

– Фесто. Они немецкие.

– Что происходит? Объясните, ради бога.

– То, что случается периодически. Это связано с кадровыми требованиями «Синего муравья». Люди, хоть сколько-нибудь годные для моих целей, имеют тенденцию уходить в отрыв. Или продаваться тем, кто ушел в отрыв раньше. Я к такому готов. Иногда это бывает вполне продуктивно. Фиона была с вами утром в поезде. И завтра тоже поедет с вами. Отправьте Холлис на такси в «Кабинет».

– Куда?

– В клуб, где она сейчас живет. А сами ждите на стоянке такси. Фиона отвезет вас ко мне. А сейчас расскажите ей вкратце про сегодняшний день и ложитесь спать.

– Хорошо, – ответил Милгрим, затем понял, что Бигенд уже отключился.

Возвращая Фионе телефон, он приметил у нее на левом запястье что-то похожее на компьютерную клавиатуру для кукол, сантиметров десять длиной.

– Что это? – спросил.

– Пульт, чтобы пингвином управлять, – ответила она. – Но вообще-то, мы скоро будем делать это с айфона.

33
Бурдж

Холлис вытащила айфон из сумки еще в крошечном бронзовом лифте и нажала сотовый номер Хайди, как только кабина открылась. Пока она шла по коридору – двери справа, корявые средневековые балки слева, – из телефона раздавались гудки. Хайди взяла трубку, когда Холлис вставляла ключ в замок.

– Твою ж… – На фоне шума, который показался Холлис гомоном чисто мужского паба.

– Скажи мне, что с Гарретом. Сию секунду.

Она открыла дверь. Увидела белые полотенца на кровати, там, где их бросила, фигурку синего муравья на встроенном ночном столике, огромные закорючки китайского сусального золота на кроваво-красных стенах. Как будто входишь в увеличенный до человеческих размеров набор «Барби – шлюшка из шанхайского борделя».

– Погоди. Отвали! Не ты. Мне надо слезть с этой хреновины.

– Ты говорила, что не пьешь.

– «Ред булл». Разбавляю имбирной шипучкой.

– Говори. Быстро.

– Не смотри ютуб.

– Что там на ютубе?

– Чемпионат мира по бейсджампингу с «Бурдж-Халифа».

– Это отель? Похожий на яхту из «Тысячи и одной ночи»? Что случилось?

– Ты про «Бурдж-аль-Араб». «Бурдж-Халифа» – самое высокое здание в мире…

– Черт…

– Прыжок на ютубе – не он. Это было раньше. Здесь говорят, чувак открылся с большим запасом высоты. Твой хахаль придумал, как забраться еще выше. Верхние окна еще не застеклили. Там стоял кран…

– Господи…

– Ну и охрану усилили, разумеется, после чувака с ютуба, но твой хахаль, он же везде пролезет…

– Ну скажи же!

– Он пробирался наверх, уж не знаю, как ему это удалось, и тут его засекла охрана. Он был уже там, где окна не застеклили, и прыгнул оттуда. Вообще, это с меньшей высоты, чем ютубовский чувак…

– Хайди!

– В бэтменовском костюме. Тянул до минимальной высоты. Наверно, его выбесило, что прыгнул ниже рекордной точки. Хотел добрать очки за счет класса.

У Холлис текли слезы.

– Пришлось приземлиться на шоссе. Четыре утра, и тут дряхлый «лотус-элан»…

Холлис зарыдала. Она сидела на кровати, хотя не помнила, как это произошло.

– Он жив! Жив, слышишь? Ребята говорят, у него супер-пупер-связи, потому что его на «скорой» отвезли к медицинскому самолету и доставили в Сингапур, в какую-то невпупенную травматологическую клинику. Где лучшие в мире врачи и все такое.

– Он жив? Жив?

– Да, блин. Я же сказала уже. С ногой чего-то хреновое. Я знаю, что он был в Сингапуре, шесть недель, а дальше кто что говорит. Одни – что оттуда он полетел в Штаты, где делают какую-то херню, которую не делают в Сингапуре. Военные врачи. Ты говорила, он не военный.

– Связи. Старик…

– Суть в том, что самолет был с гербом ихнего шейха или кого там.

– Где он?

– Ребята в моем спортзале – бывшие военные. Может, бывшие. В общем, они темнят. Сколько бы они ни пили, на каком-то месте просто умолкают. Прикусывают язык. Они знают, кто он, но только по джампингу. Все по нему фанатеют. Еще потому, что он англичанин. Типа свой. Про тайную фигню, о которой ты говорила, они вроде не в курсе. Хотя фиг их знает. Они все на свой манер крезанутые.

Холлис машинально вытирала лицо перепачканным в косметике полотенцем.

– Он жив. Повтори, что он жив.

– Они считают, он попал в какую-то больничку в Штатах, где чинят ребят из подразделения «Дельта» и все такое. По-ихнему, это жутко круто. Потом они заказывают еще по кружке, начинают говорить о футболе, и я засыпаю.

– И это все, что ты сумела выяснить?

– Всё?! Ты бы знала, как я это из них вытягивала! Разве что не дала им всем подряд, хотя удержаться было трудно. Ты же мне сама сказала не трогать мирных жителей.

– Извини, Хайди.

– Да ладно. Они слегка обалдели, что их держат за мирных жителей. Приятно. У тебя есть способ с ним связаться?

– Возможно.

– Теперь у тебя есть предлог. Слушай, я пошла. Ребята хотят, чтобы я покидала дартс. Они ставки делают. Береги себя. Завтра возвращаешься? Давай пообедаем.

– Ты точно уверена, что он жив?

– Думаю, если что, ребята бы знали. Он для них типа как футболист. Они бы знали. Ты где?

– В гостинице.

– Ложись спать. До завтра.

– Пока, Хайди.

Золотые обойные загогулины по-прежнему расплывались от слез.

34
Поток ордеров

Милгрим проснулся оттого, что на улице грохотала какая-то большая машина, лязгала цепями. А может, это ему приснилось. Он спал с открытыми окнами.

Он сел и глянул на черный экран ноутбука, на мягком сиденье под окном. Аккумулятор был сильно разряжен, а Холлис не дала Милгриму зарядник. Он решил, что, вероятно, еще сможет проверить вчерашние сообщения от Уинни. Еще он думал отослать Памеле фотографию Фоли, даже купил кардридер, но после вчерашнего разговора с Бигендом сомневался в надежности электронной почты «Синего муравья». Вроде бы ею тоже занимался Слейт. Во что это все в конце концов выльется, для Бигенда?

Без «нео» и при выключенном ноутбуке нельзя было узнать время. Наверное, телевизор на потолочном кронштейне ему бы сказал, но Милгрим предпочел пойти в душ. Будь уже время ехать, Холлис бы позвонила.

Душ был по типу телефонной трубки, в концептуальной кабинке. Милгрим одной рукой чистил зубы, другой водил душем по телу, электрическая зубная щетка громко жужжала в тесном пространстве. Вытираясь, он думал, как интересно Бигенд смотрит на происходящее в «Синем муравье»: словно на ожидаемое событие, вроде лесных пожаров на канале «Нейчур», следствие в целом полезного избытка ума и честолюбия.

Милгрим надел новые трусы и носки из «Галери Лафайет», а также ненадеванную, но мятую рубашку из «Хакетта». Вспомнил русских в лифте. Фоли. Поморщился. Переложил карту памяти со снимком Фоли в левый носок.

Потом обошел кровать и постоял у окна, глядя на парижан внизу. Мужчина с пышной седой гривой, в длинном черном пальто. Высокая девушка в очень красивых сапожках. Поискал взглядом Фиону, почти ожидая увидеть ее на мотоцикле, несущую дозор. Поднял взгляд к небу, но пингвина тоже не обнаружил.

Напротив открылось крохотное мансардное окно, в него высунулась коротко стриженная молодая брюнетка с зажатой в зубах сигаретой. Милгрим кивнул. Удовлетворение зависимостей. Сел на мягкую банкетку под окном и проверил твиттер. От Уинни ничего. Пять минут восьмого. Он и не думал, что еще так рано.

Осталось упаковать сумку. Ноутбук Милгрим убрал в

последнюю очередь. Сейчас придется отдать его Холлис, и что делать потом? Как связываться с Уинни? Факт ее существования придавал мыслям о внутреннем лесном пожаре в «Синем муравье» некоторый оттенок неловкости. Без нее все было бы просто занятно, раз Бигенд не особо беспокоится. Впрочем, Милгрим ни разу не видел Бигенда взволнованным. Ситуации, которые других бы встревожили, в Бигенде разжигали любопытство, и Милгрим знал, что это заразно. Он представил, как объясняет это Уинни, и ему сделалось не по себе.

Он последний раз обошел номер в поисках забытых вещей, нашел под кроватью носок. Убрал в сумку, закинул лямку на плечо и вышел из номера, не заперев дверь. Горничные уже убирались, но Милгрим их не видел, только тележки с полотенцами и порционными флакончиками шампуня. За бурыми стропилами, такими древними, что в Америке они бы точно были поддельными, уходила вниз винтовая лестница.

Милгрим спустился. Окна на каждом этаже выходили во двор, куда утро еще не пришло. На дне сумеречного колодца стояли велосипеды и мотоциклы.

В фойе позвякивала посуда. Холлис не было. Милгрим сел за столик для двоих, у окна, заказал кофе и круассан. Официантка-туниска приняла заказ и ушла. Другая тут же принесла кофе с маленьким кувшинчиком теплого молока. Милгрим уже пил кофе, когда появилась Холлис, осунувшаяся и заплаканная, в хаундсовской куртке, накинутой на плечи, как пелерина.

Холлис села, комкая в руке бумажный носовой платок.

– Что-то случилось? – Милгрим замер, не донеся чашку до рта, во власти собственного детского страха перед горем.

– Я не спала. Узнала от подруги про несчастный случай. Все довольно скверно. Извините.

– Несчастный случай? – Милгрим поставил чашку на блюдце.

Подошла официантка с его круассаном, маслом и миниатюрной баночкой джема.

– Кофе, пожалуйста, – сказала ей Холлис. – Это не сейчас произошло. Просто я только вчера узнала.

– Как она себя чувствует?

Милгрим испытывал ощущение, о котором рассказывал психотерапевту: как будто эмулирует поведение совершенно другого человека. Не в том смысле, что боль в глазах Холлис была ему безразлична или что несчастный случай с кем-то ей дорогим оставлял его равнодушным. Дело было в словах, которые положено в таких ситуациях произносить и которые он так и не выучил.

– Он, – поправила Холлис.

Принесли ее кофе.

– Что случилось? – спросил Милгрим.

– Он прыгнул с самого высокого здания в мире. – Она широко раскрыла глаза, словно от нелепости только что произнесенных слов, и тут же зажмурилась.

– В Чикаго?

– Оно уж много лет не в Чикаго. – Холлис открыла глаза. – В Дубае.

Она налила себе молока в кофе. Движения были деловито-решительные, точные.

– И как он?

– Не знаю. Его самолетом отвезли в сингапурскую больницу. Нога. Машина сбила. Не знаю, где он сейчас.

– Вы сказали, он спрыгнул со здания. – В голосе Милгрима прозвучал упрек, хотя он вовсе не собирался ее упрекать.

– Он планировал, потом раскрыл парашют. Приземлился на шоссе перед машиной.

– Зачем? – Милгрим заерзал на стуле, чувствуя, что вышел из сценария.

– Ему нужно было ровное место, без проводов.

– Я имел в виду, зачем он прыгал?

Она нахмурилась. Отпила кофе.

– Он говорит, это как проходить сквозь стены. Никто не может, а если сумел, чувство ровно такое. Он говорит, стена внутри и надо пройти сквозь нее.

– Я боюсь высоты.

– Он тоже. Говорит, что боится. Говорил. Мы уже давно не виделись.

– Он был вашим бойфрендом? – Милгрим не понимал, почему это спросил, но психотерапевт много говорила о его относительной неспособности доверять некоторым видам инстинкта.

Холлис подняла глаза.

– Да.

– Вы знаете, где он?

– Нет.

– А знаете, как с ним связаться?

– У меня есть номер. Но я обещала звонить, только если со мной случится что-нибудь плохое.

– Но вам сейчас плохо.

– Мне грустно. Тревожно. Это другое.

– Но вы ведь не хотите, чтобы все так и осталось? – Милгрим чувствовал, будто стал своим психотерапевтом в какой-то игре со сменой ролей. Или даже, скорее, психотерапевтом Холлис. – Вам

же не станет лучше, пока вы не узнаете, что с ним?

– Ешьте, – сказала Холлис, указывая на его круассан. – Такси уже скоро приедет.

– Извините, – расстроился Милгрим. – Мне не надо было лезть не в свое дело.

Он начал сковыривать бумажную полоску с крышки джема.

– Нет, это вы меня извините. Вы пытались помочь. Для меня тут все непросто. И я не спала. И до вчерашнего дня мне довольно долго удавалось про него не думать.

– Вчера у вас очень хорошо получилось с Мередит, – сказал Милгрим.

Он разорвал круассан, намазал обе половинки маслом и джемом, откусил от одной.

– Теперь я не уверена, что смогу так продолжать. Мне надо его найти.

– Позвоните ему. Неведение мешает вам работать. Это вполне серьезный повод.

– Я боюсь. Боюсь, что ничего не получится. Что он будет не рад моему звонку.

– Обратитесь к Губерту, – сказал Милгрим, прикрывая рукой набитый рот. – Он кого угодно разыщет.

Она подняла брови.

– Как туфли Мередит, – сказал он. – Цена сотрудничества.

– Туфли Мередит не огорчатся, если Губерт их найдет. А мой друг огорчится.

– Обязательно ли ему рассказывать?

– Вы у Бигенда научились так думать?

– Я этому научился, когда был наркоманом. Когда постоянно нуждался в том, что по закону не имел права получить и что мне было не по карману. Я использовал рычаги. Как вы вчера с Мередит. Можете применить это к Губерту и найти вашего друга.

Она нахмурилась.

– Здесь вчера был человек от Губерта, – продолжал Милгрим. – Вечером, когда вы ушли в номер.

– Кто?

– Фиона. Девушка на мотоцикле. В «Синем муравье» я ее не видел. Но видел другой раз. На мотоцикле. Передавала кое-что от Памелы. Но тогда я не догадался, что это девушка.

– Зачем она приходила?

– Чтобы я поговорил с Губертом по ее телефону. Он сказал мне, что Слейт работает на кого-то еще. Сказал, чтобы я не доверял никому, кроме Памелы и Фионы. И вас. Сказал, вы не в курсе. Теперь в курсе.

– И как, по-вашему, он это воспринимает?

– Ему… любопытно. Как-то так. Он просил посадить вас на такси. Вы поедете в свою гостиницу, а Фиона отвезет меня к нему.

– Она разве не в Париже? – спросила Холлис.

– Она поедет в том же поезде, что и мы.

– Он сам это все провоцирует. Чтобы в таком вариться. Набирает людей, которые затеют собственную нехорошую игру и тем приведут его к чему-нибудь новому. Заставляет хаос работать на себя, как сказал Гаррет.

– Кто такой Гаррет?

– Мой друг. Ему нравилось слушать про Губерта. Я думаю, он во многом Губерта понимает. Может быть, дело в прыжках. Губерт выстраивает свою жизнь, свой бизнес так, чтобы постоянно брать новую высоту. Чтобы все время возникали преграды, которые он будет одолевать.

– Он считает, что единственный настоящий враг – застой, – сказал Милгрим, радуясь, что может увеличить дистанцию между собой и моментом раздражения Холлис. – Стабильность – начало конца. Мы идем лишь за счет того, что постоянно падаем вперед. – Тут ему вспомнилось кое-что еще. – Он говорил мне, это была бы главная опасность, научись он предсказывать поток ордеров. Потенциал застоя.

– Поток чего?

– Ордеров. Он говорил про тайны. В Ванкувере, при нашей первой встрече. Он любит тайны.

– Знаю, – сказала Холлис.

– Но не все тайны – то, что люди хотят скрыть. Некоторые тайны – то, что *есть*, но недоступно.

– Где есть?

– Вообще есть. В мире. Я спросил, какую информацию он бы выбрал, если бы мог узнать любую тайну. И он сказал: такую, какую еще никто не смог получить.

– Да?

– Завтрашний поток ордеров. Или хотя бы на час вперед. Или на минуту.

– Но что это?

– Совокупность всех заказов на рынке. Все, что кто-нибудь намерен купить или продать. Акции, бонды, золото, что угодно. Если я правильно его понял, такая информация существует в каждый конкретный момент времени, но нет агрегатора. Она существует, постоянно, но никому не известна. Если кому-нибудь удастся ее собрать, рынок исчезнет.

– Почему? – Холлис глянула в окно поверх черной лески, на которой висела серая полотняная занавеска. – Наше такси подъехало.

– Потому что суть рынка – в невозможности собрать весь поток ордеров на конкретный момент.

Милгрим встал и сунул в рот остатки круассана. Наклонился за сумкой, проглотил пережеванное и допил кофе.

– Ноутбук я отдам вам в поезде, – сказал он.

Холлис положила на столик несколько монет.

– Если он вам нужен, оставьте себе.

– Но он же ваш.

– Я купила его три месяца назад, когда думала, что начну новую книгу. – Холлис встала. – За все время открыла от силы раза три. У меня там кое-какая почта, но ее я скачаю на флешку. Если мне понадобится компьютер, «Синий муравей» купит.

Она двинулась к стойке регистрации, рядом с которой оставила чемодан.

Милгрим пошел за ней, от такого подарка совершенно забыв про поток ордеров. Губерт многим его обеспечивал, но Милгрим воспринимал эти вещи как оборудование. Не что-то личное. Холлис подарила ему свою вещь, личную.

И она еще раньше подарила ему свою книгу, вспомнил Милгрим. Можно будет почитать в поезде до Лондона.

Они оставили ключи служащему за стойкой и вышли к такси.

35
USB-модем

Пока поезд ехал от Северного вокзала мимо исполосованных дождем бетонных плит в замысловатой каллиграфии аэрозольной краски, Холлис отдала Милгриму белую зарядку и два других белых проводка, назначение которых толком не знала. Потом она вычистила из ноутбука немногочисленные электронные письма, предварительно скопировав их на флешку, которую носила на кольце для ключей. Флешка, в форме настоящего ключа, была куплена в «Стейплсе» в Западном Голливуде еще для первой книги. Холлис изменила имя ноутбука на «Мак Милгрима», записала для него пароль на бумажке и разрешила пока пользоваться *USB*-модемом, который Инчмейл уговорил ее купить месяц назад. Она не знала, как удалить свой почтовый аккаунт, но решила, с этим можно будет разобраться в Лондоне, тем более что пароля к нему она Милгриму не дала.

Его детская радость от подарка ее расстроила. Было ясно, что ему очень давно ничего не дарили. Впрочем, Холлис предупредила, что должна будет забрать модем, иначе ей придется платить за его мобильное время.

Она наблюдала, как Милгрим мгновенно уходит в то, чем там уж занимался в Сети, словно камень в воду. Как все люди перед экраном, он был где-то не здесь и сосредоточенно, будто водитель или пилот, смотрел в пространство, не имеющее отношения к географии.

Холлис откинулась на сиденье и стала глядеть в окно на французскую зелень, перемежаемую черным стаккато высоковольтных опор. Бигенд попросил ехать прямиком в «Кабинет», и это было хорошо. Она хотела увидеть Хайди. Ей нужна была Хайди, чтобы преодолеть барьер. Собраться с духом и позвонить Гаррету по экстренному номеру. А если звонок ничего не даст, она поступит по совету Милгрима, пойдет на сделку с Бигендом. Страшно думать, что запросит Бигенд. Холлис не знала, что может ему предложить, и не хотела выяснять. А Гаррету, она не сомневалась, внимание Бигенда не понравится. Она вообще никому не говорила про Гаррета, кроме Хайди и вот теперь Милгрима. То, чем занимаются Гаррет со стариком, насколько понимала Холлис, было уж очень по части Бигенда. Не хотелось сводить его с Гарретом, и Холлис надеялась этого избежать.

Она взглянула на Милгрима, целиком ушедшего в интернет.

Где бы он сейчас ни находился, Холлис ему доверяла. Он казался прозрачным, голым, начисто лишенным тайных мотивов. И еще у нее было чувство, что Бигенд использует Милгрима. Считает, что создал его, собрал из груды мусора, в которую тот себя превратил. Очень по-бигендовски, подумала Холлис, откидывая голову и закрывая глаза. Именно это, наверное, он делал с ней. Или делал бы, если б смог.

Она заснула еще до того, как поезд въехал в туннель.

36
Молотка и какой-то матери

Сидя напротив Холлис в купе бизнес-класса, Милгрим не вошел с ноутбука (о котором по-прежнему думал как о *ее* ноутбуке) в твиттер. Вместо этого он открыл меню закладок и выбрал адрес страницы, на которой Фоли с черным порнографическим прямоугольником на лице демонстрировал защитную куртку.

Он прокрутил других молодых людей с прямоугольниками на лицах, в других куртках, и нашел снимок рук в черных перчатках. «Кевларовое покрытие надежно защитит от порезов, – гласила подпись. – На запястьях застежка в виде липучки с рельефным логотипом. Обеспечивает прочный захват и удержание».

От последних слов Милгрим заморгал. Нахмурился. Но вообще-то, перчатки больше напомнили ему Фиону, ее броню. Он увидел светлый подбородок над застегнутым воротником черной куртки. Как будто птица задела его крылом.

Милгрим виновато взглянул через стол на Холлис, но та спала. Глаза у нее были припухшие. Он попытался вообразить ее парня, прыгающего с самого высокого здания в мире, где уж она сказала.

Потом вновь взглянул на спецперчатки для захвата и удержания. Интересно, что на них за рельефный логотип? Этого подпись не сообщала. Весь сайт был такой. Безымянный. Недоделанный. Без контактной информации. Почему Фоли там оказался? Откуда Уинни знала, где его искать? Бигенд как-то упоминал «сайты-призраки» – интернет-страницы разорившихся компаний, куда давно никто не заходит. Может, это такой? Или просто незаконченный? Было в нем что-то неубедительное, дилетантское.

Милгрим открыл гугл, вбил «Уинни Тун Уитакер». Задумался. Вспомнил, как Бигенд и Слейт говорили о сборе поисковых запросов, о доступе к этим данным. Представил, как КПК Уинни сообщает ей, что кто-то только что ее гуглил. Возможно ли такое? После того как Бигенд показал ему современный интернет, Милгрим решил на всякий случай считать, что возможно все. Иногда он с разочарованием узнавал, что того или иного интернет пока не умеет. Но в целом всегда лучше перестраховаться.

Он вышел из твиттера, не проверив, есть ли сообщения от Уинни. Не хотелось встречаться с нею сразу по приезде в Лондон,

тем более что у него встреча с Бигендом. Вышел из почты. Некоторое время смотрел на межзвездную панораму Холлис. Поменял ее на простой серый фон. Так-то лучше.

Поезд въехал в туннель.

Красный модемчик выдал на экран окошко с сообщением, что связи нет.

Никто не сможет до него достучаться. По крайней мере, электронно.

Щека Холлис примялась от подголовника, но складки на лбу разгладились. Хаундсовская куртка упала на пол. Милгрим нагнулся, поднял ее. Она оказалась неожиданно тяжелая, плотнее, чем он ждал. Весомее. Он застегнул ее, сложил аккуратно, как складывают рубашки в магазине. Теперь она лежала у него на коленях – одна из загадок Бигенда. Тайна.

На прямоугольном ярлыке из толстой коричневой кожи было выжжено какое-то четвероногое животное. С неправильной головой.

Милгрим закрыл глаза. Прилег головой на подголовник. Он несся в туннеле под Ла-Маншем. Удивительно, что французы и англичане называют его по-разному. И почему в Европе столько колоссальных проектов? Милгрим рос в убеждении, что Америка – страна грандиозных свершений, но так ли это сейчас? Вряд ли. И откуда на такое берутся деньги? Из налогов?

Надо будет спросить Бигенда.

> > >

– Вы не знаете, куда едете? – спросила Холлис из такси, когда он подавал ей чемодан.

– Нет, – ответил Милгрим. – Мне велели ждать здесь.

– У вас есть мой телефон. И спасибо. Я рада, что вы были со мной.

– Спасибо. И за ноутбук. Я все еще…

– Он ваш. Берегите себя. – Она улыбнулась и захлопнула дверцу.

Такси отъехало, на его место подкатило другое. Милгрим посторонился, жестом приглашая к машине стоящую за ним пару.

– У меня тут встреча назначена, – сказал он, ни к кому не обращаясь, и огляделся.

Тут Фиона засигналила, прямо из-за черного бампера такси, затрясла головой в желтом шлеме, торопя Милгрима сесть на большой, грязный, серый мотоцикл.

Как только он подошел, она забрала у него сумку и стала

приматывать к баку эластичным шнуром, а ему сунула в руки черный шлем. Щиток ее шлема был поднят.

– Надень. Мне, вообще-то, нельзя сюда подъезжать. Садись сзади и держись. – Она опустила щиток.

Милгрим кое-как надел шлем. От подкладки чем-то пахло. Лаком для волос? Прозрачный щиток был в царапинах и захватан жирными пальцами. Милгрим не знал, как застегнуть штуку под подбородком. Прокладка внутри неприятно давила на голову.

– Обхвати меня руками, наклонись вперед, держись крепко!

Милгрим сделал, что говорят.

Фиона снова посигналила, и они понеслись вперед. Милгрим не знал, куда девать ноги. Он заерзал, пытаясь глянуть вниз. Фиона что-то крикнула, но слов он не разобрал. Нашел заляпанные грязью подставки. Шлем болтался на голове. Через его маленький захватанный щиток Милгрим на миг увидел деловито шагающего голубя.

Тело Фионы под слоями баллистического нейлона и защитных пластин казалось совсем детским, напружиненным. Милгрим машинально сцепил пальцы и приник к ее спине. Мимо его колен с обеих сторон проносились выступающие детали машин, некоторые – хромированные.

Он не знал, на какой они улице и в каком направлении едут. От запаха лака для волос болела голова. Когда Фиона останавливалась на светофорах, он не убирал ноги с подставок, боясь, что не сумеет их снова отыскать.

Пентонвиль-роуд, на указателе, хотя не понятно, на ней они уже или подъезжают. Обычный утренний поток машин, только Милгрим впервые видел его с мотоцикла. Незастегнутая куртка громко хлопала на ветру, и он порадовался, что паспорт надежно убран в фарадеев чехол. Остаток денег был в правом нагрудном кармане, карточка со снимками Фоли – в правом носке.

Еще указатели, едва различимые сквозь мутный щиток: Кингз-Кросс-роуд, Фаррингдон-роуд. От паров лака для волос чесались глаза, но потереть их Милгрим не мог и только моргал.

Вот и мост, низкие перила, белая и красная краска. Блекфрайерс, вспомнил Милгрим. Да, вот и строгие чугунные колонны на месте старого моста, красная краска немного выцвела от времени. Они тут как-то проезжали со Слейтом на встречу с Бигендом в старинном ресторане, где подавали плотные жирные завтраки. Он тогда еще спросил Слейта про колонны. Слейту было неинтересно, зато Бигенд рассказал про железнодорожный мост, который стоял здесь раньше. Бигенд всегда говорил про Лондон так, будто описывает сложную антикварную игрушку, которую купил на аукционе.

За мостом Фиона повернула и принялась умело петлять маленькими улочками. Потом она сбросила скорость, и они проехали через бетонный, заляпанный маслом двор, полный больших уродливых мотоциклов с заклеенными изолентой обтекателями. Фиона спустила ноги на бетон и, переступая, провела мотоцикл мимо человека в оранжевом комбинезоне и бейсболке козырьком назад, с гайковертом в руках. Через широкий вход в помещение, где повсюду лежали инструменты, разобранные двигатели, пустые бумажные стаканчики, мятые пакеты из фастфуда.

Она заглушила мотор, опустила подножку и хлопнула Милгрима по рукам. Он быстро их отдернул. Внезапная тишина сбивала с толку. Он кое-как встал на негнущиеся ноги и снял шлем.

– Где мы? – Он поднял глаза к высокому закопченному потолку, обвешанному разбитыми фиберглассовыми обтекателями.

Фиона перекинула ногу через сиденье. Ботинки у нее были высокие, со множеством застежек.

– В Сатеке, – ответила она, снимая поцарапанный желтый шлем.

– Где?

– В Саутуарке. Са-тек. За рекой.

Она положила желтый шлем на тележку с инструментами и принялась разматывать эластичный шнур, которым закрепила сумку Милгрима.

– Что это за место?

– Мастерская. Быстрый ремонт с помощью молотка и какой-то матери. Без предварительной записи. Для курьеров.

Милгрим понюхал подкладку своего шлема и положил его на сиденье, с которого встал. Фиона протянула ему сумку.

Захрустели и затрещали липучки, вжикнула «молния» на ее куртке.

– Ты раньше не ездил на байке?

– На мотороллере. Один раз.

– Ты не понимаешь про центр тяжести. Тебе нужны уроки пассажирской езды.

– Виноват, – ответил Милгрим, искренне чувствуя себя виноватым.

– Пустяки.

Волосы у нее были русые. В Париже, в полутьме, он этого не разглядел. После шлема они топорщились на затылке, и Милгриму хотелось их пригладить.

В проеме входа показался мужчина в оранжевом

комбинезоне.

– Сам на мостике, – объявил он.

Его акцент походил на ирландский, а вот лицо было скорее восточное: смуглое и грубое. Он вынул из-за уха сигарету и прикурил от маленькой прозрачной зажигалки. Убрал зажигалку в карман и рассеянно вытер руки о замасленный оранжевый комбинезон.

– Можете в комнате подождать, там хоть почище немного.

Два передних зуба у него были с золотой окантовкой и торчали вперед, как навес над крыльцом.

Он затянулся.

– Чай есть, Бенни? – спросила Фиона.

– Сейчас пошлю малого.

– Карбы барахлят, – сказала она, глядя на мотоцикл.

– Я ж тебе говорил, не бери кваку. – Бенни последний раз глубоко затянулся, бросил окурок на пол и раздавил. Ботинки на нем были замасленные, протертые спереди до стальных носов. – Карбы летят. Менять замаешься. Вот на джи-ти-пятьсот-пятьдесят были классные карбы.

– Глянешь, что там с ними?

Бенни ухмыльнулся:

– У меня сейчас настоящих курьеров не особо. Солидные дяди, работают за зарплату.

– Или валяются дома на кровати, плюют в потолок. – Фиона сняла куртку. Без брони, в серой водолазке, она выглядела совсем маленькой и худенькой. – Больше похоже на твою обычную публику.

– Я скажу Сааду, он глянет. – Бенни повернулся и вышел.

– Бенни ирландец? – спросил Милгрим.

– Из Дублина. Отец – тунисец.

– А ты работаешь на Губерта?

– Как и ты, – ответила она, забрасывая тяжелую куртку на плечо. – Сюда.

Милгрим пошел за ней, стараясь не наступать на замасленное тряпье и пластиковые стаканы. Некоторые из них были до половины наполнены какой-то коричневой бурдой – наверное, недопитым чаем. За красным ящиком на колесах обнаружилась обшарпанная дверь. Фиона вытащила маленькую связку ключей из кармана штанов, на вид таких же тяжелых и почти таких же бронированных, как ее куртка.

– А ты хотела? – спросил Милгрим, пока она открывала дверь.

– Чего?

– Работать на Губерта. Я не хотел. В смысле не планировал.

Он сам так решил.

– Если вспомнить, то и со мной так было, – ответила Фиона через плечо.

Милгрим вслед за ней шагнул в маленькое помещение – примерно четыре на четыре метра. Кирпичные стены недавно выкрашены белой краской, бетонный пол – тоже белый, чуть более глянцевый и почти такой же чистый. Маленький квадратный стол и четыре стула – гнутые трубки матовой стали и некрашеная фанера, дорогостоящая простота. На металлическом, больничного вида пьедестале – огромная белая лампа в форме наклоненного параболического зонтика. Все вместе напоминало крохотную художественную галерею между выставками.

– Что это? – спросил Милгрим, переводя взгляд с одной голой стены на другую.

– Один из его вегасовских кубов. Не бывал в них раньше? – Фиона подошла к лампе и что-то подкрутила. Приглушенный свет стал ярче.

– Нет.

– Он не понимает азартные игры в обычном смысле, но ему нравятся лас-вегасовские казино. Как в них думается. Вынужденное выключение из времени. Ни часов, ни окон, искусственный свет. Ему приятно размышлять в такой обстановке. Как здесь. Никто не помешает. И ему приятно, что это тайна.

– Он любит тайны.

Вошел парнишка, стриженный почти под ноль, и поставил на стол два пластиковых стакана. Руки у него были в машинном масле.

– Спасибо, – сказала Фиона.

Парнишка вышел, не ответив.

Фиона взяла стакан и стала пить через отверстие в крышке.

– Рабочий чай, – сказала она.

Милгрим попробовал свой и поморщился. Сладкий, перестоявший.

– Я не его дочь, – объявила Фиона.

Милгрим заморгал:

– Не чья?

– Не Бигенда. Что бы там ни говорили. – Она отхлебнула чай.

– Мне бы и в голову не пришло.

– У моей мамы был с ним роман. Отсюда все и разговоры. Я тогда уже была, так что это просто глупости. Хотя в итоге он взял меня на работу. – Она глянула на Милгрима с выражением, которого тот не понял. – Просто чтобы сразу прояснить.

Милгрим отпил чаю, главным образом потому, что не знал,

что ответить. Чай был очень горячий.

– Он научил тебя ездить на мотоцикле?

– Нет. Я уже была курьером. Поэтому и с Бенни знакома. Могу уйти от Бигенда, найду работу за час. У курьеров так: хочешь выходной – увольняешься. Но мама очень психовала, что опасно.

– А правда опасно?

– Средняя продолжительность карьеры – два года. Мама попросила Бигенда взять меня в «Синий муравей». На офисную работу. А он взял меня курьером.

– Это менее опасно?

– На самом деле нет, но я сказала маме, что да. Она не знает точно, чем я занимаюсь. Ей некогда вникать.

– Доброе утро, – произнес у них за спиной Бигенд.

На нем был синий костюм поверх черной трикотажной рубашки, без галстука.

– Они вам нравятся? – спросил он Милгрима.

– Кто?

– Наши Фесто. – Бигенд указал пальцем на потолок.

Милгрим поднял голову. Потолок тоже был белый, метра на три выше, чем в соседнем помещении. Под ним извивались непонятные формы, черная и серебристая.

– Это тот пингвин? Из Парижа?

– Такой же, как в Париже, – сказала Фиона.

– А другой кто?

– Морской дьявол. Скат, – ответил Бигенд. – Специально по нашему заказу. Обычно они из серебристого майлара.

– Для чего они вам? – спросил Милгрим, хотя уже знал, для чего.

– Видеонаблюдение. – Бигенд повернулся к Фионе. – Как прошло в Париже?

– Отлично. Только Милгрим его увидел. Но тот был серебристый. И днем. – Она пожала плечами.

– Я думал, у меня галлюцинации, – сказал Милгрим.

– Да, – сказал Бигенд. – Многие так думают. А когда мы первый раз испытывали пингвина ночью, в Крауч-Энде, то спровоцировали мини-волну сообщений об НЛО. В «Таймс» предположили, что люди на самом деле видели Венеру. Садитесь.

Он отодвинул стул.

Милгрим сел. Соединил ладони на стакане с чаем. Тепло приятно успокаивало.

Когда Бигенд и Фиона тоже сели, Бигенд сказал:

– Фиона передала мне ваш вчерашний разговор. Вы сфотографировали человека, который следил за вами или,

возможно, за Холлис. Снимки у вас?

– Да. – Милгрим нагнулся и принялся шарить в носке. – Но следил он за мной. Слейт сообщал ему, где я.

Он достал карточку, вынул из сумки макбук, нашел кардридер, купленный у перса в фотомагазине, и соединил все вместе.

– Однако Слейт мог просто исходить из того, что вы с Холлис, – заметил Бигенд, когда на экране появилась первая фотография Фоли.

– Фоли, – сказал Милгрим.

– Почему вы его так называете?

– Потому что на нем были штаны цвета «фолиаж». Из-за них я его и запомнил.

– Ты его видела? – спросил Бигенд Фиону.

– Да. Он был на ярмарке старой одежды. Такой весь деловой.

– Он был один?

– Вроде да. Но говорил сам с собой. Ну, понимаете: не сам с собой. По блютусу.

– Со Слейтом, – сказал Милгрим.

– Да, – согласился Бигенд. – Значит, пусть будет Фоли. Мы не знаем, под каким именем он сейчас действует. Такие люди легко меняют документы.

– Какие люди?

– Фоли знает человека, чьи штаны вы переснимали для нас в Южной Каролине.

– Так Фоли… шпион?

– Лишь в той мере, в какой он – модельер или хочет им стать, – ответил Бигенд. – Хотя не исключено, что он еще и фантазер. Зачем вы подбросили телефон в коляску этой русской?

– Я знал, что Слейт отслеживает его, говорит Фоли, где я. Решил, пусть идет за русскими. Они говорили, что живут в пригороде.

Бигенд сказал:

– Фантазер, желающий стать модельером, тоже может быть опасным. Если вы снова встретите мистера Фоли, держитесь от него подальше.

Милгрим кивнул.

– И если такое случится, сразу сообщите мне, – добавил Бигенд.

– А как насчет Слейта?

– Слейт, – сказал Бигенд, – ведет себя так, будто ничего не произошло. Он по-прежнему в центре всего, если говорить про «Синего муравья».

– Я думал, он в Торонто.

– Он живет в постгеографическом мире, – сказал Бигенд. – Откуда у вас этот ноутбук?

– Холлис мне подарила.

– А вы знаете, откуда он у нее?

– Она сказала, что купила его, чтобы писать книгу.

– Мы попросим Войтека его проверить.

– Кого попросим?

– Войтек был до Слейта. Я придерживаю его в тени на случай подобных ситуаций. В качестве бекапа, можно сказать. Вы завтракали?

– Съел круассан. В Париже.

– Хотите полный английский завтрак? Фиона?

– Не откажусь. Саад пока будет проверять мои карбюраторы.

Они посмотрели на Милгрима. Тот кивнул. Затем глянул на серого пингвина и черного ската под белым потолком. Попытался вообразить черного ската над перекрестком на левом берегу Сены.

– И каково это, управлять таким? – спросил он.

– Когда навостришься, чувствуешь себя им, – сказала Фиона. – Особенно если с айфона. У того, что в Париже, этой опции еще нет.

37
Аджай

Инчмейловский тотем, нарколептический хорек, по-прежнему застывший в кошмарном вальсе среди бегущих куропаток, поджидал напротив вечно недовольного кабинетовского лифта.

На вопрос про Хайди Роберт ответил, что «мисс Хайд» у себя. Он уже оправился от первого смятения и теперь говорил о ней с придыханием, что Холлис нисколько не удивило. Мужчины, которые не сбега́ли сразу и навсегда, обычно превращались в восторженных обожателей.

Она вошла в привычную кабину, втянула за собой чемодан и нажала кнопку. Один раз и быстро – чтобы не сбивать лифт с толку.

Прошла по коридору, стараясь не глядеть на акварели, отперла четвертый номер, вошла, положила чемодан на кровать. Все было привычно, кроме нескольких незнакомых суперобложек в клетке. Открыла чемодан, достала фигурку синего муравья и пошла в соседний номер, к Хайди.

Постучала.

– Кто там? – спросил мужской голос.

– Холлис.

Дверь чуточку приоткрылась.

– Впусти ее, – сказала Хайди.

Дверь открыл невероятно красивый, спортивный молодой человек с внешностью болливудского танцора и очень короткой стрижкой, переходящей от макушки в густой водопад волос. Излишек смазливости отчасти компенсировался бледной зарубкой поперек носа, словно от удара чем-то узким и тяжелым. На молодом человеке были синие спортивные штаны и потертая косуха Хайди.

– Это Аджай, – представила его Хайди.

– Привет, – сказал Аджай.

– Привет, – ответила Холлис.

Номер был как-то непривычно прибран, почти без следов багажного взрыва. Впрочем, постель, на которой Хайди возлежала в джинсах с дырками на коленях и майке *Gold's Gym*, была очень основательно разворочена.

– Где твои вещи? – спросила Холлис.

– Мне помогли все разобрать и часть сдать на хранение. Они тут лапочки.

Холлис не помнила, чтобы Хайди когда-нибудь так

отзывалась о гостиничных служащих. Ей на миг представилась картина: Инчмейл тайком сует деньги и раздает советы, как умаслить Хайди. Хотя на самом деле персонал «Кабинета» просто очень хорошо знал свое дело.

– Это что за херня? – спросила Хайди более привычным своим тоном, кивая на синюю фигурку.

– Фирменный сувенир «Синего муравья». Он пустой. – Холлис перевернула фигурку. – И я думаю, там внутри «жучок».

– Серьезно? – спросил Аджай.

– Серьезно. – Холлис протянула ему фигурку.

– Почему ты так думаешь? – Аджай приложил муравья к уху, потряс, улыбнулся.

– Долго объяснять.

– Есть только один способ проверить: разрезать его. – Аджай кошачьей походкой подошел к окну и всмотрелся в основание фигурки. – И кто-то это уже сделал. – Он поднял глаза на Холлис. – Разрезали вот здесь, склеили, зашкурили.

– Аджай сечет фишку, – сообщила Хайди.

– Я вам не помешала? – спросила Холлис.

Аджай ухмыльнулся.

– Мы тебя ждали, – ответила Хайди. – Если бы ты не пришла, свалили бы в спортзал. Аджай мне, кстати, и рассказал про твоего парня.

– Абсолютно чумовой джампер, – серьезно проговорил Аджай, ставя фигурку. – Видел его два раза в пабах. Лично, к сожалению, не знаком.

– Ты знаешь, где он? Как он? – спросила Холлис. – Я только что узнала о несчастном случае и места себе не нахожу.

– Извини, ничего не знаю, – ответил Аджай. – Хотя случись что еще плохое, мы бы услышали. У него куча фанатов.

– Не знаешь, как его можно разыскать?

– Он не светится. Неизвестно, чем занят, помимо прыжков. Мне вскрыть его? – (Приподнимая муравья.) – У Хайди тут весь нужный инструмент. Она собирает Бюстохода.

Он снова ухмыльнулся.

– Чего-чего? – удивилась Холлис.

– Для нервов, – раздраженно ответила Хайди. – Психотерапевт научил.

– Чему?

– Пластмассовые модельки.

Она села на кровати и спустила на пол босые ноги. Ногти у нее были свеженакрашены черным блестящим лаком.

– Психотерапевт научил тебя собирать пластмассовые модельки?

– Он японец. Психотерапией в Японии хрен проживешь. Там в нее не верят. Вот он и перебрался в Лос-Анджелес. Кабинет в Сенчури-Сити, где у муйла был офис.

Аджай подошел к инкрустированному трюмо, на котором были разложены инструменты, пластмассовые формы с детальками, миниатюрные аэрозольные баллончики, тоненькие кисточки. Подо все был подстелен толстый слой газет.

– Вот это пойдет, – сказал Аджай.

Он сел на низкий табурет и взял тонкий алюминиевый стержень с треугольным лезвием на конце. Холлис заглянула ему через плечо. Увидела прислоненную к зеркалу яркую коробку с фотографией крайне воинственного боевого робота в чем-то вроде ацтекского головного убора. Ниже рублеными прописными буквами было написано «БЮСТОХОД» и что-то по-японски.

– Почему его так назвали? – спросила Холлис.

– Японцы переводили. – Хайди пожала плечами. – Хер их разберет, чего хотели сказать. Может, бронеход. Или просто буквы понравились. Набор для начинающих. – Последние слова обращались к Аджаю, с упреком. – Я попросила принести мне набор «Бандай», что-нибудь из гандамов[30], высокой сложности. Золотой стандарт моделей для сборки. И что он мне приносит? Бюстохода гальвионовского. Смешно ему показалось, блин. Не «Бандай», не гандама. Детский наборчик.

– Извини, – сказал Аджай, который, очевидно, слышал это не первый раз.

– Ты их собираешь? – спросила Холлис.

– Успокаивает нервы. Фудзивара говорит, некоторым только это и помогает. Ему, например.

– Он тоже их собирает?

– Он мастер экстра-класса. Фантастически расписывает их аэрографом. Придумывает собственные детали.

– Так открыть? – Аджай покрутил лезвие.

– Да, – ответила Холлис.

– Если там споры сибирской язвы, я не виноват. – Он подмигнул.

Хайди встала и подошла к нему:

– Эй, смотри не затупи лезвие.

– Он виниловый. – Аджай уложил муравья на спину и ловким движением вогнал лезвие в круглое основание. – Ага. Разрезали и склеили. Легко.

Он снял синий кружок основания и положил на газету. Заглянул в два узких туннеля полых муравьиных ног. Отложил лезвие, взял длинный тонкий пинцет с изогнутым концом, вставил в одну из ножек. Глянул на Холлис.

– Внимание! Сейчас я вытащу оттуда… кролика!

Он извлек наружу кусок тонкого желтого поролона. Продемонстрировал, держа пинцетом обвисший квадратик десять на десять сантиметров.

– Кролик, – объявил Аджай, бросая поролон на газету. – А следующий мой фокус…

Он снова вставил пинцет в муравьиную ногу. Пошерудил им внутри. Потом медленно и бережно вытащил двухдюймовую прозрачную трубку из какого-то гибкого материала, с миниатюрными красными затычками на обоих концах.

– Похоже на профессиональный «жучок», – сказал Аджай.

В трубочке были металлические и пластиковые цилиндрики, вроде хипповых техно-бус. Аджай внимательно их изучил, затем поглядел на Холлис и поднял брови.

– Жо-пе-эс. У муравья в жопе, – объявила Хайди. – Бигенд.

– Не уверена, – ответила Холлис. – Эта штука нас слышит? – опасливо спросила она Аджая.

– Нет, – сказал тот. – Устройство было запечатано внутри. В поролоне, чтобы не гремело. Прослушки так не ставят. Нужен игольчатый микрофон, чтобы торчал через винил. Здесь спутниковый маячок и батарейка. Чего мне с этим делать?

– Не знаю.

– Могу снова убрать внутрь. Заклеить донышко. Хайди так зашкурит, что никто ничего не заметит.

– Сейчас меня куда больше волнует Гаррет, – сказала Холлис.

– Мы уже обсуждали, – ответила Хайди. – Звони ему. Если не сработает, тогда план Б.

– Или, – сказал Аджай, по-прежнему разглядывая трубку, – можно трубку оставить, а муравья заклеить. Это даст тебе свободу маневра.

– В каком смысле?

– Если держать маячок не в муравье, а рядом, те ребята будут думать, что он по-прежнему в муравье. И если что, решат, где маячок, там и муравей. Может пригодиться.

– Он у меня с Ванкувера, – сказала Холлис. – Губерт подарил. Я думала, что оставила его там, нарочно, потом нашла среди своих вещей в Нью-Йорке. И кто-то подложил его мне в чемодан перед отъездом в Париж.

– Сделай, как Аджай советует, – сказала Хайди, ероша ему густые волосы на затылке. – Он в таком разбирается. А теперь пошли.

– Куда?

– К тебе в номер. Позвонишь. А я прослежу.

38
Ближе к телу

Бигенд взял завтрак № 7: яичница из двух яиц, черная кровяная колбаса, два куска бекона, два ломтя хлеба и чай.

– Здесь колбасу готовят как надо, – сказал он. – В других местах часто пересушивают.

Милгрим и Фиона взяли тайскую лапшу. Милгрима удивило, что ее подают там же, где полный английский завтрак, но Фиона объяснила, что тайцы отлично одно с другим соединили, как когда-то итальянцы начали делать английский завтрак с макаронами. Только еще лучше.

Забегаловка была тесная, немногим больше вегасовского куба Бигенда, и людная. Офисные работники, строители и художественная богема сидели за ланчем или за поздним завтраком. Посуда была разномастная; Бигенду досталась кружка с улыбающимся игрушечным мишкой.

– Вы считаете, Фоли следил в Париже не за мной?

– Вы вернулись в гостиницу. Я позвонил и сказал, что Олдос вас заберет. Разговор был по мобильному, который дал вам Слейт, но я не сказал, куда вы едете и с кем встречаетесь. Фиона ехала за «хайлюксом». – Бигенд кивнул в ее сторону.

– Хвоста не было, – сказала Фиона.

– Перед этим я позвонил Холлис, – продолжал Бигенд, – узнать, где она будет, чтобы отправить вас к ней. Это они могли подслушать. Но если Фоли был там, когда вы пришли, он либо шел за ней до «Селфриджа», либо знал, что она будет там.

– С чего им интересоваться Холлис? Как она связана с Миртл-Бич и армейскими штанами?

– Через вас и меня. Возможно, они видели нас вместе за ланчем, днем раньше. У Слейта в «Синем муравье» почти наверняка есть сообщники. Они должны были предположить, что Холлис участвует в нашем проекте с армейским заказом. Что, разумеется, верно. – Бигенд вилкой занес в рот большой кусок бекона и начал жевать.

– Она участвует в этом проекте?

Бигенд прожевал, отпил чаю.

– Я бы хотел знать, что модельер «Габриэль Хаундс» может сделать для нашего армейского заказа.

Милгрим покосился на Фиону – среагирует ли та на название бренда, но она деловито выковыривала палочками креветок из лапши.

– Холлис расстроена, – сказал он Бигенду. – Из-за своего молодого человека.

– Вот как? У нее есть молодой человек?

– Бывший, – ответил Милгрим. – Она узнала, что с ним произошло несчастье.

– Какое?

– Попал под машину, – сказал Милгрим, формально не отступая от истины.

– Ничего серьезного, я надеюсь. – Бигенд разорвал пополам ломоть хлеба.

– Холлис опасается, что он сильно пострадал.

– Я могу для нее узнать, – сказал Бигенд, макая хлеб в желток.

Милгрим снова глянул на Фиону. Та наградила Бигенда быстрым холодным взглядом и вновь принялась за лапшу.

– Вы хотите, чтобы модельер «Габриэль Хаундс» проектировал одежду для американских военных?

– Если значительная часть современной мужской одежды наследует американский военный фасон, а это так, и современные американские военные не могут удержать планку, что тоже верно, кто-то, гениально оттолкнувшийся от семиотики американского ширпотреба… Глупо было бы не попробовать. Так или иначе, она накаляется.

– Кто?

– Обстановка. Как всегда, когда субъект вроде Слейта затевает свою игру. В теории человек на моем месте должен целиком сосредоточиться на том, что ближе к телу. Тактически это крайне невыгодно. В процессе подготовки путча частенько можно сорвать куш на рынке.

Он остатками хлеба начисто вытер с тарелки желток и жир.

Фиона выудила из лапши последнюю креветку и отложила палочки.

– Куда мне везти мистера Милгрима?

– «Холидей-Инн» у Кэмденского шлюза, – ответил Бигенд. – Про Ковент-Гарден слишком много кто знает.

– Я видел одну из Доттир, в Париже, в ресторане, – сказал Милгрим. – И Рауша.

– Знаю. Вы говорили вчера Фионе.

– Но это было случайно? Что они там оказались?

– Выглядит случайностью, – весело ответил Бигенд, вытирая пальцы бумажной салфеткой. – Но вы знаете, как говорят.

– Как?

– Даже у клинического параноика есть враги.

– Он поселил тебя в «Холидей-Инн», – заметила Фиона, пока они шли в мастерскую; чуть раньше Милгрим спросил адрес, и она сказала, что это на Марш-стрит.

– Да?

– Место не такое пафосное, это точно, но главное, там, где ты жил раньше, очень круто с безопасностью, просто за счет планировки. Звезды пересиживали там серьезные осады журналистов. Кэмденский «Холидей-Инн» – нормальная гостиница, только безопасность там хилая.

– Он считает, слишком много народу знает, где я живу.

– Не знаю, что он считает, – сказала Фиона, – но будь осторожнее.

– Да, – ответил Милгрим, а про себя подумал, что всегда был очень осторожен, и даже патологически осторожен, как утверждала его психотерапевт. – Ты обещала научить меня, как ездить на заднем сиденье мотоцикла.

– Разве?

– Ты сказала, мне нужны уроки пассажирской езды.

– Надо сесть ближе ко мне и держаться крепко. Чтобы мы стали как один человек. И наклоняться вместе со мной на поворотах. Но не слишком сильно. Это как танец.

Милгрим кашлянул.

– Я попробую, – сказал он.

39
Номер

Хайди угнездилась на ложе полярного психоза в позе горгульи: длинные пальцы с черными напедикюренными ногтями цепляются за бортик резной моржовой кости, голые колени торчат в прорехи джинсов.

– Номер у тебя в мобильном?

– Нет, – ответила Холлис.

Она стояла посреди комнаты, чувствуя себя в западне. Энтомологические обои словно надвинулись с четырех сторон. Бюсты и маски таращились на нее с полок.

– Плохой знак, – сказала Хайди. – А где?

– В кошельке.

– Наизусть не выучила?

– Нет.

– Он для критических ситуаций.

– Я не планировала по нему звонить.

– Просто носила с собой бумажку. Потому что на ней его почерк.

Холлис отвела взгляд, посмотрела через открытую дверь в ванную, где на трубах уэллсовской машины времени согревались свежие полотенца.

– Давай сюда, – сказала Хайди.

Холлис вытащила из сумки кошелек и айфон. Полоска бумаги, которую Гаррет аккуратно оторвал от гостиничного блокнота в «Трайбека-гранд-отеле», лежала на прежнем месте, за кредитной карточкой «Американ экспресс» (ею Холлис пользовалась только в крайнем случае).

Она достала бумажку, развернула, протянула Хайди.

– Первые цифры – американские?

– Мобильный номер. Может быть где угодно.

Хайди свободной рукой выудила из кармана джинсов собственный айфон.

– Что ты делаешь?

– Вбиваю к себе. – Хайди ввела цифры и вернула бумажку Холлис. – Ты придумала, что говорить?

– Нет. Не могу про это думать.

– Отлично. Звони. Только поставь телефон на громкую связь.

– Зачем?

– Потому что мне надо слышать. Ты можешь не запомнить, что сказала. Я запомню.

– Блин. – Холлис села на кровать, дальше от изголовья, перевела телефон на громкую связь.

– Не блин, а звони.

Холлис тупо ввела цифры.

– Поставь на быстрый набор, – велела Хайди.

– Я им не пользуюсь.

Хайди фыркнула:

– Давай звони уже.

Холлис нажала кнопку. Почти сразу комнату заполнил непривычный рингтон. Пять гудков.

– Не берет, – сказала Холлис, глядя на Хайди.

– Звони.

После десятого гудка раздался короткий электронный щелчок, и женский – возможно, старушечий – голос возмущенно затараторил на каком-то восточном языке. Это было похоже на три категорических утверждения. Второе было короче первого, третье – совсем короткое. Потом тишина. Потом щелчок начала записи.

– Алло? – Холлис поморщилась. – Алло! Гаррет, это Холлис. – Она сглотнула, чуть не закашлялась. – Мне сказали про твой несчастный случай. Сочувствую. Волнуюсь. Перезвони мне, пожалуйста. Надеюсь, ты получишь сообщение. Я в Лондоне. – Она назвала свой номер. – Я…

Раздался щелчок конца записи. Холлис вздрогнула от неожиданности.

– Отключайся, – сказала Хайди.

Холлис отключилась.

– Отлично. – Хайди легонько двинула ее кулаком в плечо.

– Меня сейчас вырвет, – сказала Холлис. – Что, если он не позвонит?

– А что, если позвонит?

– Вот именно.

– Так или иначе, мы что-то сделали. И он перезвонит.

– Не уверена.

– Если бы думала, что не перезвонит, ты бы не стала этого затевать.

Холлис судорожно вздохнула и глянула на телефон у себя в руке. Он казался живым.

– Я не сплю с Аджаем, – объявила Хайди.

– Как раз хотела спросить.

– Держу себя двумя руками. – Хайди вздохнула. – Ты бы видела, как эти томми спарринг уются.

– Что значит «томми»?

– Не знаю. – Хайди ухмыльнулась. – Думаю, рядовые солдаты,

и тогда это шутка, потому явно не про них.

– Где ты их нашла?

– Спортклуб. В Хэкни. Твой мальчик, который тут на дверях, мне нашел. Роберт. Он лапочка. Я приезжаю туда на такси, а мне ржут в лицо. Типа, баб не принимаем. Пришлось навалять Аджаю. Что было нелегко. Выбрала его, потому что самый маленький.

– Кто они?

– Военные. Типа. По разговорам хрен поймешь, служат или в запасе. Телохранители. Вышибалы. Подхалтуривают? Между контрактами? Фиг разберешь.

Холлис по-прежнему глядела на айфон.

– Думаешь, это был корейский? В его голосовой почте? – спросила Хайди.

– Без понятия, – ответила Холлис.

Телефон зазвонил.

– Ну вот. – Хайди подмигнула.

– Алло?

– С возвращением. – Комнату наполнил голос Бигенда. – Я еду в офис. Не могли бы вы тоже туда приехать? Есть разговор.

Холлис сквозь подступившие слезы взглянула на Хайди. Потом снова на телефон.

– Алло? – спросил Бигенд. – Вы меня слышите?

40
Роторы «Энигмы»

Окна номера смотрели на канал. До сих пор Милгрим лишь теоретически знал, что в Лондоне есть каналы. Не в той мере, что в Венеции или Амстердаме, но есть. Только на задворках. Магазины и дома не выходили на них фасадами. Что-то вроде системы водных подъездных дорог, изначально для грузов. Теперь, судя по виду из окна, их приспособили для отдыхающих и туристов. Устроили катание на лодках, проложили рядом дорожки для бега трусцой и велосипедов. Милгрим вспомнил корабль на Сене, с видеоэкраном, на котором показывали Доттир и группу Джорджа, «Тумбы». Кораблик, который прошел под окнами здесь, был гораздо меньше.

Зазвонил гостиничный телефон. Чтобы взять трубку, Милгриму пришлось выйти из туалета.

– Алло.

– Меня зовут Войтек.

Что-то в акценте говорящего заставило Милгрима ответить по-русски.

– Русский? Я не русский. Вы кто?

– Милгрим.

– Вы американец.

– Знаю.

– Мой магазин, – сказал Войтек (Милгрим вспомнил, что Бигенд говорил о нем за ланчем в Саутуарке), – на рынке, близко от вашей гостиницы. В старой конюшне. Вы приносить ваш компьютер.

– Как называется ваш магазин?

– Бюро «Шик».

– «Шик»?

– Бюро «Шик». И сын. До свиданья.

– До свиданья. – Милгрим положил трубку.

Потом сел за стол и вошел в твиттер.

«ау», – запостила Уинни час назад.

«Кэмден-Таун Холидей-Инн», – напечатал Милгрим, добавил номер комнаты и номер гостиничного телефона. Отправил. Обновил страницу. Ничего.

Зазвонил телефон.

– Алло.

– С возвращением, – сказала Уинни. – Я еду к вам.

– Я сейчас ухожу. По работе. Не знаю, когда вернусь.

– А какие планы на вечер?

– Пока никаких.

– Зарезервируйте его для меня.

– Постараюсь.

– Я недалеко. Уже подъезжаю.

– До свиданья, – сказал Милгрим телефонной трубке, хотя Уинни уже отключилась. Он вздохнул.

Он забыл отдать Холлис красный модемчик, который в гостинице был не нужен. Ну ничего, отдаст при следующей встрече.

Сумку он разобрал, сразу как вошел в номер, а сейчас положил в нее ноутбук. Бигенд унес карточку со снимками Фоли, а поскольку другой карточки не было, Милгрим решил оставить аппарат в гостинице.

Идя к лифту, он гадал, почему «Холидей-Инн» построили здесь, у канала.

В вестибюле пришлось подождать, пока служащий за стойкой объяснял двум молодым американцам, как пройти к Музею Виктории и Альберта. Милгрим пытался смотреть на них глазами француженки-аналитика из «Синего муравья». Он решил, что вся их одежда подходит под ее определение имиджевых вещей, но изначально стала такой за счет способности красиво занашиваться. Француженка называла это «налет времени». По-настоящему качественным вещам время придает благородство. И больше всего раздражают попытки искусственно имитировать этот налет, которые на самом деле скрывают недостаток качества. Пока Милгрим не оказался в модельерской артели Бигенда, он и не подозревал, что кто-то так думает об одежде. Он сомневался, что вещи на американцах дойдут до благородной заношенности, разве что у следующих владельцев.

Когда они отошли, он спросил, как пройти к бюро «Шик», и передал слова про место на рынке.

– Я такого не вижу, сэр, – ответил служащий, щелкая мышкой, – но тут близко, и раз вам объяснили, наверняка найдете.

Он ручкой нарисовал маршрут на карте в ярком буклете и протянул Милгриму.

– Спасибо.

Снаружи воздух пах иначе, выхлопными газами. Больше дизелей? Район походил на скромный тематический парк или даже на ярмарочную площадь в американском городе, до вечернего наплыва гуляющих. Навстречу прошли две японки, жуя хотдоги, что еще усилило впечатление.

Милгрим высматривал Уинни, но если она и приехала, он ее

не видел.

Линия шариковой ручкой на карте вывела к кирпичной аркаде: что-то викторианское, превращенное в современные торговые ряды. Товары по большей части напоминали ему Сент-Марк-плейс в Нью-Йорке, хотя в странном, полуяпонском варианте, возможно в расчете на молодых иностранцев. Чуть дальше в одной из арок на стеклянной двери обнаружилась надпись золочеными викторианскими буквами: «Бирошек и сын». Значит, Бирошек. Фамилия. Когда Милгрим вошел, звякнул колокольчик: бронзовая лилия на длинном стебле в стиле ар-нуво.

Стеклянные стеллажи были тесно, но аккуратно заполнены черными металлическими блоками, вроде старых кабельных приставок для телевизора. Высокий лысеющий мужчина примерно одних лет с Милгримом обернулся и кивнул.

– Вы Милгрим, – сказал он. – Я Войтек.

Позади прилавка висел очень старый пластиковый вымпел с надписью AMSTRAD[31]. И название, и логотип Милгрим видел впервые.

На Войтеке был кардиган, собранный из пяти или шести разных доноров: один рукав гладкий бежевый, другой в клетку, – поверх шелковой рубашки поло, тоже бежевой, с избытком перламутровых пуговиц. И очки в суровой стальной оправе.

Милгрим поставил сумку на прилавок.

– Много времени это займет?

– Если ничего не найду, десять минут. Оставьте его.

– Я лучше подожду.

Войтек нахмурился, потом пожал плечами:

– Вы думаете, я ставить туда свое.

– Вы это делаете?

– Некоторые делают, – сказал Войтек. – ПиСи?

– Мак. – Милгрим расстегнул сумку и достал ноутбук.

– Поставьте на прилавок. Я запрусь.

Войтек вышел из-за прилавка. На нем были серые войлочные тапки, похожие на ноги плюшевого зверя. Он задвинул щеколду на двери и вернулся.

– Ненавижу «эйры», – весело произнес он, переворачивая ноутбук и беря маленькую, очень дорогую с виду отвертку. – Морока вскрывать.

– Что это за блоки? – Милгрим кивнул в сторону стеллажей.

– Компьютеры. Настоящие. Из колыбели.

Войтек без всяких видимых усилий снял нижнюю панель ноутбука.

– Они ценные? – спросил Милгрим.

– Ценные? Какая истинная ценность?

Он надел очки-лупы в прозрачной оправе.

– Об этом я вас и спрашиваю.

– Истинная ценность. – Светодиоды на оправе осветили нутро ноутбука. – Вы оцениваете романтику в деньгах?

– Романтику?

– Эти компьютеры – исходный код. Эдем.

В магазине были и более старые механизмы, некоторые в деревянных корпусах, запертые в очень солидной и наверняка дорогой стеклянной витрине высотою под два метра. Один, похожий на старинную пишущую машинку, был в деревянном футляре. С внутренней стороны открытой крышки Милгрим разобрал нанесенную по трафарету надпись: «ЭНИГМА».

– Это оно, да?

– Это *до* Эдема. Шифровальная машина «Энигма». Которую победил Алан Тьюринг. Рождение Эдема. Еще на продажу американский военный шифратор «эм-двести-девять-би» в оригинальном брезентовом чехле, советская «эм-сто-двадцать-пять-три-эм-эн» «Фиалка». Карманный русский трансмиттер, ламповый, с кодером и телеграфным ключом. Интересуетесь?

– Что значит трансмиттер?

– Вбиваете сообщение, шифруете, отправляете морзянкой с нечеловеческой скоростью. Завод пружинный. Тысяча двести фунтов. Сотрудникам «Синего муравья» двести долларов скидка.

Кто-то постучал в дверь. Молодой человек с длинной косой челкой. В махровом халате. Он гримасничал от нетерпения. Войтек положил макбук на поролоновый коврик с логотипом *Amstrad* и, не снимая светящихся очков-луп, пошел открывать дверь. Молодой человек в халате – который при ближайшем рассмотрении оказался очень тонким, очень мятым кашемировым плащом, – не глядя на Войтека, быстро прошел через магазин и исчез в двери (Милгрим прежде и не видел, что там есть дверь).

– Паскуда, – бесстрастно объявил Войтек, запер дверь и вернулся к макбуку.

– Ваш сын? – спросил Милгрим.

– Сын? – Войтек наморщил лоб. – Это Чомбо.

– Чомбо?

– Геморрой. Кошмар. Бигенд. – Войтек поднял макбук и теперь яростно всматривался в него с расстояния в несколько дюймов.

– Бигенд – геморрой? – Такой взгляд не был для Милгрима новостью.

– Чомбо. Живет здесь на моей голове. Я устал месяцев считать. – Он постучал по тоненькому маку отверткой. – Ничего

сюда не добавили.

И принялся быстро привинчивать нижнюю панель обратно. Милгрим чувствовал, что злость придает движениям Войтека отточенную быстроту, и надеялся, что тот злится на расхристанного Чомбо, не на него.

– И это всё? – спросил Милгрим.

– Всё?! Моей семье с ним жить.

– С моим компьютером.

– Еще софт почекить. – Войтек достал из-под прилавка обшарпанный «Делл» и проводком подключил к макбуку. – Пароль есть?

– Локатив, – сказал Милгрим и повторил по буквам. – Строчными. Точка. Один.

Он подошел к витрине, чтобы получше разглядеть «Энигму».

– Налет времени добавляет цены?

– Что? – Светодиодные огоньки на очках сверкнули в сторону Милгрима.

– Если они потерты. Видно, что ими пользовались.

– Вообще-то, – ответил Войтек, глядя поверх очков, – дороже всего, когда муха не сидела.

– А это?

Черные шестерни с акульими зубами, диаметром как донышко пивной бутылки. На каждой двузначные числа, в которые втерта белая краска.

– Для вас как трансмиттер – тысяча фунтов.

– Я имел в виду, для чего они?

– Для шифрования. Положение роторов меняли каждый день, на отправляющей машине и на принимающей.

В дверь коротко стукнули, звякнул колокольчик на лилейной ножке. За стеклом стоял водитель, который вез Милгрима из Хитроу.

– Заколебали, – обреченно произнес Войтек и пошел открывать.

– Анализ мочи, – объявил водитель, показывая бумажный пакет.

– Гадство, – сказал Войтек.

– Мне надо будет воспользоваться вашей ванной, – сказал Милгрим.

– Ванна? У меня нет ванны.

– Уборная. Туалет.

– Там. Где Чомбо.

– Ему надо будет смотреть. – Милгрим кивнул на водителя.

– Знать не хочу. – Войтек постучал в дверь, за которую ушел Чомбо. – Чомбо! Людям в сортир надо!

– Идите нахер, – отозвался приглушенный дверью голос Чомбо.

Милгрим подошел к двери (водитель следовал за ним по пятам) и попробовал ручку. Дверь открылась.

– Нахер, – рассеянно повторил Чомбо.

Он сидел перед несколькими экранами посреди чудовищного разгрома в дальнем конце помещения – куда более обширного и темного, чем ожидал Милгрим. На экранах горели столбики цифр – или букв, Милгрим точно не видел, но решил, что скорее цифр.

Маленькую фанерную уборную освещала голая лампочка под потолком. Водитель бы туда не поместился, так что он просто остался стоять в открытой двери. Милгрим взял у него бумажный пакет, открыл, достал целлофановый гермопакет, открыл его, вытащил баночку с синей крышкой. Оторвал бумажную пломбу, свинтил крышку и расстегнул ширинку.

– Козлы ссаные, – пробормотал Чомбо без тени иронии.

Милгрим вздохнул, наполнил баночку, завинтил крышку, допи́сал в грязный унитаз, убрал баночку в гермопакет, гермопакет – в бумажный, отдал его водителю и вымыл руки холодной водой. Мыла он не нашел.

Когда они выходили, Милгрим видел отражение ярких экранов в глазах Чомбо.

Он тщательно закрыл за собой дверь.

Водитель протянул бумажный конверт, запечатанный, как банковская документация. Внутри Милгрим нащупал упаковку с таблетками.

– Спасибо, – сказал он.

Водитель молча вышел. Войтек раздраженно поспешил закрыть за ним дверь.

41
Снарягодрочеры

– Он сейчас подойдет, – со всегдашней улыбкой сказал бородатый Джейкоб, впуская Холлис в «Синий муравей». – Как Париж? Хотите кофе?

– Париж замечательно. Кофе, спасибо, не надо.

Холлис чувствовала себя измотанной и подозревала, что выглядит соответствующе, однако после звонка ей немного полегчало. Глядя на люстру из старых очков в вестибюле «Синего муравья», она тихо радовалась, что можно будет отвлечься на Бигенда. Уж лучше злиться, чем психовать.

И внезапно он появился: ядовитая синева костюма чуть приглушена (если можно так выразиться) черной рубашкой поло. За спиной, безмолвные и собранные, два телохранителя с зонтами. Взял Холлис под руку и повел обратно к дверям, оставив Джейкоба позади. Телохранители следом.

– Джейкоб не наш, – тихо сказал Бигенд.

– Точно?

– Пока ничего определенного, но очень похоже, он работает на Слейта, – ответил Бигенд, ведя ее налево и снова налево, за угол.

– Куда мы идем?

– Тут недалеко. Последнее время я не веду важных разговоров в «Синем муравье».

– Что происходит?

– Я мог бы смоделировать весь процесс. С качественной визуализацией в компьютерной графике. Механизм, конечно, не строго одинаковый, но очень знакомый. С периодичностью пять-шесть лет.

– Милгрим говорил об этом как о попытке дворцового переворота.

– Он чрезмерно драматизирует. Самые мои толковые сотрудники иногда уходят. Те, кто не добился в «Синем муравье», чего хотел. Это бывает довольно часто. Люди вроде Слейта, разумеется, хотят уйти с максимальной выгодой для себя. Заранее готовят золотой парашют. Обобрали бы меня вчистую, если б могли. Перед уходом такого сотрудника информация утекает к тем, кто больше предложит. Золотых парашютов всегда бывает несколько. – Он снова взял Холлис под руку и перевел через узкую улочку, сразу за проехавшим «мерседесом». – Слишком много деталей для одного человека. Слейт, возможно,

Джейкоб, еще двое или трое.

– Вы как будто совсем не встревожены.

– Я этого жду. Всегда любопытно, что будет. Мелочи отступают, проявляется важное. Если хотите понять, как работает механизм, следите за ним, когда он ломается.

– В каком смысле?

– Больше риска. Больше возможностей. Момент сейчас очень неподходящий, но это всегда бывает не ко времени. Мы пришли.

Они остановились перед узким магазинчиком в Сохо. Минималистская вывеска матовыми серебристыми буквами гласила: «ТАНКИ & ТОДЗЁ»[32]. Холлис взглянула на витрину. Там стоял старинный портновский манекен, облаченный в вощеный хлопок, твид, вельвет, кожаную сбрую.

Бигенд придержал Холлис дверь.

– Здравствуйте, – произнес щуплый японец за прилавком. На нем были круглые очочки в золотой оправе.

Больше в магазинчике никого не было.

– Мы будем в заднем помещении, – сказал Бигенд, проводя Холлис мимо японца.

– Конечно. Я прослежу, чтобы вас не беспокоили.

Холлис кивнула ему и улыбнулась. Японец поклонился. На нем был спортивный твидовый пиджак со вставками из вощеного хлопка на рукавах.

Вместо захламленной подсобки за дверью оказалось довольно просторное чистое помещение. Никаких юмористических надписей, никаких попыток создать домашний уют. Свежепокрашенные серые стены. Дешевые белые стеллажи с вещами в полиэтиленовых пакетах, коробками, каталогами тканей.

– Милгрим со Слейтом были в Калифорнии, – сказал Бигенд, усаживаясь за белый икейский столик.

Угол стола, ближе к Холлис, ободрался, и был виден материал, что-то вроде прессованной овсянки. Сама Холлис села на декоративный табурет с пухлой подушкой сиреневого бархата – вероятно, реликт восьмидесятых годов, оставшийся от прежних владельцев.

– Слейт организовал нам возможность взглянуть на прототип тактических штанов. Вокруг них ходили занятные слухи, хотя, когда мы получили снимки и прориси, мы так и не поняли, из-за чего шум. Наши лучшие аналитики сочли, что штаны вовсе не тактические. Что-то для магазинных ниндзя[33].

– Для кого?

– Новое поколение митти[34].

– Теперь совсем ничего не понимаю.

– Молодые люди, которые одеваются так, чтобы их приняли за членов элитных подразделений. Разновидность косплея, на самом деле. Эндемичная. Вообще-то, сейчас многие играют в войнушку. Не играют те, кто правит миром, и молодые, которые всерьез намерены прийти им на смену. Ну и настоящие солдаты, разумеется. Бóльшая часть остальных – снарягодрочеры. Кто-то больше, кто-то меньше.

– Что, правда есть такое слово?

Бигенд показал зубы.

– Мы поручили команде культурологов опросить солдат, возвращающихся из Ирака. Тогда его впервые и услышали. Разумеется, есть настоящие профессионалы, которым и впрямь нужно тактическое снаряжение. Хотя они обычно не так на нем помешаны. Но нас-то, конечно, интересует именно помешательство.

– Да?

– Маниакальная страсть к не просто качественным, а *особенным* вещам. Милитари-фетишизм. Семиотика сверхэлитных армейских и полицейских подразделений. Желание обладать этими вещами и через них приобщиться к избранной касте.

– Очень похоже на моду.

– Именно. Штаны, но непременно те самые. Мы не смогли бы искусственно создать столь сильную потребительскую тягу. Это как секс во флаконе.

– Для меня нет.

– Вы женщина.

– Они мечтают быть военными?

– Быть – нет. Мечтают самоидентифицироваться как военные. Хотя бы тайно. Воображать, что их примут за военных. Практически *ни один* из этих продуктов даже близко не пригоден для заявленного назначения. Что, разумеется, верно и для большей части товаров в традиционном армейско-флотском магазине. Целая вселенная несбыточных мужских фантазий. Однако уровень потребительской мотивации и то, что эти товары зачастую относятся к сектору предметов роскоши и стоят соответственно… Вот это уже новое. Когда мне показали материалы, я ощутил себя нейрохирургом, который видит пациента с полностью обнаженной нервной системой. Все как на ладони. Фантастика.

– И это связано с военными заказами?

– Да, хотя и не просто. По большей части одни и те же производители. Но нашему штатскому покупателю, нашему Уолтеру Митти двадцать первого века, это нужно так же, как моднику в шестьдесят пятом на этой самой улице нужен был

блейзер с вырезом до пупа.

– На мой взгляд, это скорее смешно.

– Встречается почти исключительно у мальчиков.

– Почти, – согласилась Холлис, вспомнив цахаловский лифчик Хайди.

– Милгрим и Слейт поехали в Южную Каролину, поскольку были данные, что кто-то близок к заключению контракта с Минобороны. На штаны. Мы сами очень активно этим интересуемся, поэтому решили поближе взглянуть на продукт.

– И кто эти «кто-то»?

– Мы все еще выясняем.

– Я совершенно не представляю вас в этой области. В области военных контрактов.

– Это единственная область легкой промышленности, не пораженная болезнью моды. И значительно более прибыльная. Но одновременно всё, что работает в моде, работает и в военных заказах.

– Ну уж наверняка не всё.

– Больше, чем вы думаете. Военные, если подумать, изобрели понятие бренда. Идею узнаваемой формы. На ней держится вся мировая индустрия моды. Однако люди, чью модель Милгрим сфотографировал и переснял в Южной Каролине, по всей видимости, перевербовали Слейта. И мы имеем, что имеем.

– Что именно?

– Потенциально опасную ситуацию, – твердо ответил он.

– Из-за того, что Слейт ваш личный айтишник?

– Из-за того, что они за люди. Я поручил еще более личному айтишнику приглядывать за Слейтом и за его системами, теми, про которые он мне говорил и про которые не говорил. Как я уже упоминал, мне это не впервой. Так что в нормальных обстоятельствах я бы не беспокоился, по крайней мере так. Но один из этих людей был здесь, в Лондоне. Он следил за вами и Милгримом в Париже при поддержке Слейта.

– Милгрим называл его Фоли.

– Надо полагать, что так называемый Фоли следил и за вами. Существует некоторое перекрытие между двумя группами, которые я упоминал. Настоящими элитными бойцами и магазинными ниндзя. Потенциально проблематичный сегмент на этой конкретной диаграмме Венна.

– Я видела его, – сказала Холлис. – Он спустился за мной в подвал здания, где я…

Она не договорила.

– Где вы встречались с Мередит Овертон. Я вчера попросил Милгрима изложить основное моей сотруднице. Его особенно

выбила из колеи встреча с Раушем.

– Меня тоже, хотя Рауша, кажется, она напрягла еще больше. Он решил, вы его проверяете. Рауш на стороне Слейта?

– Вряд ли. Он не настолько быстро соображает. Вы узнали, кто моделирует «Габриэль Хаундс»?

– Нет. Но Мередит Овертон либо знает, либо считает, что может выяснить.

– И что, по-вашему, побудило бы ее либо сказать нам, либо выяснить и сказать нам?

– Она выпустила линию обуви. Предприятие лопнуло, и почти вся партия последнего сезона затерялась.

– Да. Мы сейчас смотрим данные по Овертон. Это была хорошая линия. Предвосхитила лучшие тенденции окрестностей Харадзюку.

– Мередит думает, партия на складе в Сиэтле. В Такоме. Где-то. И уверена, что «Синий муравей» мог бы ее отыскать. В таком случае Мередит сумеет юридически ее вернуть.

– И тогда?

– Тогда она продаст свои туфли через *eBay*. Как я понимаю, они с тех пор выросли в цене.

– Но главным образом ради стратегии перезапуска. Продажи на *eBay* привлекут кулхантеров, разожгут интерес.

– Она об этом не говорила.

– И не скажет. Ей нужны рычаги для нового финансирования. Чтобы либо перезапустить линию самой, либо продать теневым брендовикам.

– Кому-кому?

– Теневым брендовикам. Они находят бренды, иногда уже не существующие, с культовой визуализацией или живучим сюжетом, покупают их и начинают выпускать собственный денатурированный продукт под старой маркой. Думаю, имиджевая репутация уличных туфель Мередит оправдывает такую стратегию в интересно малом масштабе.

– Что-то такое вы планируете с «Габриэль Хаундс»?

– Меня больше интересует, что они создали новую эксклюзивность. Куда радикальнее линии «Бёрберри», которую можно купить только в одном конкретном токийском аутлете, но не здесь и не через интернет. Добрая старая географическая эксклюзивность. «Габриэль Хаундс» – нечто иное. Призрачное. Что рассказала вам Овертон?

Холлис вспомнила, как Аджай вонзил лезвие в основание фигурки синего муравья. Тогда, в номере.

– Она знала человека, в колледже моды или около, у которого был знакомый в Чикаго. И считает, что этот знакомый – модельер

«Габриэль Хаундс».

– Вы полагаете, она не знает точнее?

– Возможно, не знает. Она сказала, что получает рассылку о забросках «хаундсов».

– Мы предполагали, что существует рассылка. Приложили довольно много усилий, чтобы ее найти. Не нашли.

Холлис взяла с ближайшей полки каталог образцов. Он оказался неожиданно тяжелым, в простой обложке бурого картона, с номером, написанным черным фломастером. Внутри – толстые куски синтетической ткани, странно маслянистые на ощупь, словно образцы шкуры для механических китов.

– Что это?

– Из этого делают «Зодиаки», – ответил Бигенд. – Надувные лодки.

Холлис поставила каталог на полку и решила, что если и заговорит когда-нибудь про «жучка» в статуэтке, то не сейчас.

– Сам Фоли, возможно, и не очень опасен, хотя мы точно не знаем, – сказал Бигенд. – Фантазер, моделирующий одежду для фантазеров. А вот тот, на кого он работает, – там дело хуже. Пока я выяснил значительно меньше, чем хотел бы. Сейчас мне приходится элементарные данные собирать вне «Синего муравья», в обход Слейта и его систем.

– Что значит «опасен»?

– Крайне нежелательное знакомство. И тем более нехорошо, когда они считают вас конкурентами. В итоге нашего небольшого промышленного шпионажа в Южной Каролине Слейт переметнулся на их сторону. И судя по тому немногому, что я сумел выяснить, нас теперь рассматривают как врагов.

– Кто они?

– На каком-то этапе своей жизни они были теми, кем воображает себя новое поколение митти. На что вы смотрите?

– На ваш костюм.

– Мистер Фиш.

– Вы же сказали, его невозможно отыскать.

– Не исключено, что он торгует антикварной мебелью в Калифорнии. Одна из версий. Но я нашел его закройщика.

– Вы действительно опасаетесь этих людей с военным заказом? Фоли?

– Тут попахивает заказом в другом, более современно-медийном смысле. У меня слишком много всего разом сошлось, Холлис. Один мой долговременный проект, который давно шел в фоновом режиме, по некоторым признакам скоро даст результаты. Досадно отвлекаться от него, но я твердо настроен не уронить ни одного шарика. И если с вами случится беда, для

меня это будет значить, что я уронил шарик.

Бигенд смотрел на нее с выражением искренней человеческой заботы. Холлис предполагала, что забота притворна, а вот опасность и впрямь реальна. По коже побежали мурашки.

– Флоренция, – сказал Бигенд. – У меня там квартира. Очаровательная. Я отправлю вас туда. Сегодня.

– Мне предстоит встреча с Мередит. Она и Джордж приедут со дня на день. Возможно, уже приехали. Джордж нужен Реджу в студии. Вы не можете поручить мне задачу, а потом отослать меня прочь, когда дело почти сделано. Я так не играю.

Все это было правдой, хотя главной причины Холлис не назвала: дозвонившись до голосовой почты Гаррета, она чувствовала, что должна оставаться в городе, который ему назвала, по крайней мере, пока не выяснит, где он.

Бигенд кивнул:

– Понимаю. И я действительно хочу знать, кто моделирует «Габриэль Хаундс». Но вам придется быть осторожной. Как и нам всем.

– Кто такой Танки, Губерт? Если за прилавком – Тодзё?

– Наверное, я, – ответил Бигенд.

42
Элвис, Грейсленд [35]

Уинни Тун Уитакер была в голубой версии свитерка с эмблемой Южной Каролины. Милгриму представилось, как она закупает всю гамму этих свитерков в каком-нибудь загородном торговом центре, за семейным рестораном «Предместье». В голубом она куда больше походила на молодую мамашу (какой безусловно и была), чем на крутого детектива. Про крутизну Уинни только что сказала ему сама, и он ничуть не сомневался, что в ней уживается и то и другое. Сейчас крутизна выражалась страшенными темными очками, обтекаемыми, в матовой металлической оправе, сдвинутыми на лоб поверх гладкой черной челки, хотя больше – чем-то в глазах.

– Как вы узнали про это место? – спросил Милгрим.

Они сидели в маленьком вьетнамском кафе, официант только что принес закуски.

– Гугл, – ответила она. – Вы не верите, что я крутая?

– Верю.

Чтобы скрыть смущение, Милгрим торопливо принялся за кальмаров под соусом чили.

– Как они вам?

– Вкусно, – ответил Милгрим.

– Хотите клецку?

– Нет, спасибо.

– Они обалденные. Ела в прошлый раз.

– Вы здесь уже бывали?

– Я здесь живу поблизости. В Кентиш-таун.

– Это гостиница?

– Район. Живу у отставного детектива. Из Скотленд-Ярда. Серьезно. – Она широко улыбнулась. – Есть такой клуб, «Международная полицейская ассоциация». Устраивает командировочных к другим членам клуба. Экономия денег.

– Замечательно, – сказал Милгрим.

– У него салфеточки. – Она улыбнулась. – Кружевные. Меня аж страх берет. Хоть я и сама помешана на чистоте. Но иначе мне было бы не по карману здесь жить.

Милгрим заморгал:

– Не по карману?

– Мы – маленькое агентство. У меня бюджет сто тридцать шесть долларов в день, включая питание и расходы. Если жить в гостинице, то больше, но на здешнюю гостиницу все равно не

хватит. Ужасно дорогой город.

– Но вы же специальный агент.

– Не настолько специальный. И на меня уже давит босс.

– Почему?

– Считает, что сотрудничество с британцами через атташе ничего не дает. И он прав. Он не в восторге от того, что я ношусь по Лондону, трачу командировочные и веду расследование за пределами США без нормальной координации. Он требует меня назад.

– Вы уезжаете?

– Для вас это плохая новость? – Казалось, она сейчас рассмеется.

– Не знаю. А вы как считаете?

– Спокуха, – ответила Уинни. – Вы от меня так легко не отделаетесь. Я должна вернуться и через ФБР подключать британцев. Это будет та еще волынка, если вообще сработает. Но чувак, который меня всерьез интересует, уйдет.

При мысли об этом человеке глаза у нее остекленели, и Милгриму стало не по себе, как при первой встрече с ней в Ковент-Гардене.

– Вербовать гражданина США в Англии – о'кей, – сказала она. – Взаимодействовать с неамериканцами в расследовании вопроса национальной безопасности? Можно схлопотать по шапке.

– Да?

У Милгрима было неприятное чувство, что он вошел в болезненно знакомый режим завершения наркосделки. Уинни определенно что-то *выторговывала*. Он оглядел других посетителей. Один из них читал книгу. Такая кафешка, где это норма.

– Если я так поступлю, – сказала она, – британцы очень разозлятся.

– Как я понимаю, вам этого не надо.

– И вам тоже.

– Да.

– Ваше оперативное задание сейчас станет гораздо более конкретным.

– Задание?

– Как у вас с памятью?

– Я все еще пытаюсь разобрать по порядку события последних десяти лет.

– Но если я расскажу историю, довольно сложную, вы запомните основное и часть деталей?

– Губерт говорит, я хорошо примечаю делали.

– И вы не станете искажать ее в пересказе, преувеличивать, украшать выдуманными подробностями?

– Зачем мне так делать?

– Затем, что так обычно делают люди, с которыми мы работаем.

– Почему?

– Потому что они патологические лжецы, самовлюбленные притворщики, алкаши, наркоманы, хронические неудачники и мелкие жулики. Но вы же таким не будете, верно?

– Не буду.

Подошла официантка, принесла миски с фо. Наструганная говядина еще сохраняла розовый цвет.

– Биография, – сказала Уинни и подула на свой фо. – Сорок пять лет.

– Кому?

– Просто слушайте. В две тысячи четвертом увольняется из армии США после пятнадцати лет офицерской службы. Майор. Последние десять лет службы – Первый парашютно-десантный полк спецвойск США, базы на Окинаве и в Форт-Льюисе под Такомой. Преимущественно боевые действия в Азии. Филиппины. Ирак и Афганистан – после одиннадцатого сентября, но до того, как армия выработала тактику антитеррористических операций. В отставку ушел потому, что он классический самопромоутер. Считал, что огребет золотые горы в качестве консультанта.

Милгрим внимательно слушал, методически черпая бульон белой фарфоровой ложечкой и радуясь, что у него есть такое занятие.

– С две тысячи пятого по две тысячи шестой пытается устроиться гражданским контрактником в ЦРУ, допросы и все такое.

– Все такое?

Она мрачно кивнула:

– Цэрэушники, надо отдать им должное, поняли, что его опыт и таланты им не в кассу. Года два он болтается в районе Персидского залива, работает консультантом по безопасности в нефтяных компаниях и других крупных корпорациях Саудовской Аравии, ОАР, Кувейта. Пытается пролезть советником в богатые арабские правительства, но тут его быстро обламывают – такими делами заправляют ребята покруче.

– Это Фоли?

– Кто такой Фоли?

– Человек, который следил за мной в Париже.

– По-вашему, ему сорок пять? И это ваша хваленая наблюдательность?

– Извините.

– С две тысячи шестого по сегодняшний день. Тут-то и начинается самая мякотка. Возвращается туда, где действовал до одиннадцатого сентября, подключает старые контакты на Филиппинах и в Индонезии. Переносит бизнес в Юго-Восточную Азию, и это оказывается золотой жилой. Большие компании заняты Ближним Востоком, у мелких контор есть шанс сорвать куш в Юго-Восточной Азии. Поначалу предлагает те же услуги безопасности корпоративным клиентам в Индонезии, Малайзии, Сингапуре, на Филиппинах. Гостиничные сети, банки. Через знакомства своих клиентов выходит на уровень правительства. Дальше начинает обучать тактике антитеррористических операций, с которой сам знаком только понаслышке. Допросам, в которых не смыслит вообще ничего. И тэ дэ и тэ пэ. Тренирует полицейские подразделения, возможно, армейские тоже. И на этом этапе серьезно влезает в военные поставки.

– Это незаконно?

– Смотря что и как поставлять. – Уинни пожала плечами. – Разумеется, к этому времени с ним работает много старых боевых дружков. Обучая тактике, он параллельно рекомендует нужное снаряжение. Помаленьку обеспечивает контртеррористические отряды полиции спецсредствами и бронезащитой. От американских компаний, где у него знакомые. Армейская верхушка на местах балдеет и от этих цацок, и от того, что он весь из себя Рембо – классический «зеленый берет», да еще с деловой хваткой. К нему подкатывают с разговорами о поставках общевойскового снаряжения. – Она положила ложку. – И тут-то начинаются по-настоящему большие деньги.

– Он продает оружие?

– Не совсем. Он сводит с нужными людьми. Которые работают в компаниях, выпускающих военные автомобили, беспилотники, роботизированные взрывотехнические комплексы, машины разминирования… – Уинни снова взяла ложку. – И военную форму.

– Форму?

– Что ваш «Синий муравей» рассчитывал увидеть в Южной Каролине?

– Армейский заказ?

– Да, но для другой армии. По крайней мере на данном этапе. И на данном этапе человек, про которого я рассказала, считает ваше начальство прямыми и агрессивными конкурентами. Те штаны – его первая попытка заполучить собственный контракт. Ему надоело быть просто передаточным звеном.

– Звучит угрожающе, – сказал Милгрим.

– Вот именно. Что важно знать про этих людей: они себя махинаторами не считают. Абсолютно уверены в себе. С понтом десантник все знает и все умеет. Ко мне эти ребята постоянно подкатывали в Багдаде. – Она подняла руку, демонстрируя Милгриму простое обручальное колечко. – Приходит такой чел, предлагает учить тому, в чем сам ни ухом ни рылом. Причем на голубом глазу, сам не понимая, что врет. Это особый род разгильдяйства, психологическое оружие, полученное при обучении. Армия прогнала его через учебные заведения, где обещали научить *всему*. И он поверил. И вот такому челу ваш мистер Бигенд перешел дорогу.

Милгрим сглотнул.

– Так кто такой Фоли?

– Модельер. Нельзя выпускать форму без модельера. Учился в Новой школе дизайна Парсонс.

– В Нью-Йорке?

– Я пока не совсем понимаю, при чем он тут. Но речь не о нем. Меня интересует Майкл Престон Грейси.

– Майор? Я не понимаю, в чем он провинился перед законом.

– Тут начинаются официальные аббревиатуры. Если объяснять все, до утра не управлюсь. Я рыскаю в подлеске нормативных актов. Однако плюс этих ребят, для меня, состоит в том, что чем мельче нарушение, тем меньше они стараются замести следы. Я ищу в подлеске сломанные ими веточки. В данном случае это было УРСИ.

– Что-что?

– У-эр-эс-и. Управление учета и реализации списанного имущества. Они продают отработавшее снаряжение. Он манипулирует старыми армейскими дружками. Незаконно. Снаряжение поставляется иностранцам, будь то компании или правительство. ИТП замечает партию груза, в которой все подозрительно новое. МПТО не нарушены, однако новизна настораживает. Я начинаю выяснять и обнаруживаю, что рации вообще не должны были попасть в УРСИ. Копаю чуть глубже, оказывается, что и с покупкой в УРСИ не все чисто. Вижу, что он участвует в куче таких сделок, таких контрактов. Вроде все по мелочи, но в сумме набираются очень приличные деньги. Штаны – похоже, знак, что он перешел к стадии легализации. Может, начал прислушиваться к юристам. Хотя не исключено, что тут еще и отмывание денег. Я сказала вам, как его зовут?

– Грейси.

– А имя?

– Питер.

– Я научу, как запомнить. Элвис, Грейсленд.

– Элвис, Грейсленд?

– Престон, Грейси. Пресли, Грейсленд. Как его зовут?

– Престон Грейси. *Майк*.

Она улыбнулась.

– И что я должен делать?

– Сказать Бигенду.

– Но тогда он узнает о вас.

– Ровно столько, сколько вы ему скажете. Будь мы в Штатах, я бы играла иначе. Но здесь вы – мой единственный ресурс, и меня поджимает время. Скажите Бигенду, что суперкрутой федеральный агент хочет, чтобы он знал про Грейси. У Бигенда есть деньги, связи, юристы. Если Грейси решит ему насолить, пусть Бигенд знает, кому насолить в ответ.

– Вы действуете, как Бигенд, – произнес Милгрим с бóльшим упреком, чем намеревался. – Просто хотите посмотреть, *что из этого выйдет*.

– Я действую по обстоятельствам. Может быть, в итоге Майкл Престон Грейси свернет себе шею. Или ему свернут шею. Увы, это всего лишь жест моей досады перед лицом паскудного мира. Но вы должны обязательно сказать Бигенду. И побыстрее.

– Почему?

– Потому что я через таможенно-пограничную охрану получила в APIS[36] график перелетов Грейси. Он летит сюда. Из Атланты через Женеву. Там у него, похоже, что-то намечено, потому что следующий рейс только через четыре часа. В Хитроу.

– А вы уезжаете?

– Да, такой облом. Но вообще-то, муж и дети по мне скучают, а я – по ним. Наверное, действительно пора домой. – Она положила ложку и взяла палочки. – Скажите Бигенду. Сегодня же.

43
Итиномия

– Спасибо, что согласилась встретиться так быстро, – сказала Мередит Овертон, сидя в кресле под полкой с нарвальими бивнями.

На Мередит был твидовый жакет совсем как из «Танки & Тодзё», если те шьют для женщин. Она позвонила, когда Холлис после встречи с Бигендом возвращалась в странном, хирургически чистом серебристом пикапе. Машину вел Олдос, один из чернокожих телохранителей-зонтоносцев.

– Самое удачное время, – ответила Холлис. – Я только что с ним говорила. Он охотно поручит сотрудникам «Синего муравья» поиск твоих туфель.

– Если я сообщу, кто модельер «Габриэль Хаундс».

– Да.

– Чего я не могу сделать, – сказала Мередит. – Поэтому и пришла сюда.

– Не можешь?

– Извини. Приступ совести. Ладно, не приступ. Насчет совести у меня все более или менее нормально. В том-то и беда. Я пыталась ее обмануть, потому что очень хочу получить назад мои туфли. Мы с Джорджем проговорили всю ночь и согласились, что дело не просто в моем нежелании. Джордж меня поддержал, хотя ему очень нужны твои советы насчет Инчмейла.

– Тут все договоренности в силе, – сказала Холлис. – Мне казалось, я еще в Париже объяснила. Я в этом смысле сестра милосердия. Подаю советы страждущим.

Мередит улыбнулась. Итальянка принесла кофе. Было, видимо, время коктейля, народ еще только собирался, и тихий гул разговоров мало-помалу нарастал в предвкушении ночного кутежа.

– Спасибо, – сказала Мередит. – Ты знаешь Японию?

– В основном Токио. Мы там выступали. В огромных залах.

– Я ездила туда, когда проектировала второй сезон. В первом вся обувь была кожаная. Материал, с которым я привыкла работать. Для второго сезона я хотела часть сделать матерчатыми. Классические городские кроссовки. Мне нужна была крафтовая холстина. Плотная, ноская и фактурная. Особенная.

– Фактурная?

– Интересная на ощупь. Кто-то посоветовал мне обратиться к

семейной паре в Нагоя. Они держали ателье, на втором этаже склада на окраине места под названием Итиномия. Я могу это все рассказать, потому что их там уже нет. Они шили джинсы. Из неликвидов фабрики в Окаяме. В зависимости от длины рулона могли выкроить три пары или двадцать, и когда рулон кончался, больше такой ткани было не достать. Мне сказали, что они на той же фабрике купили холстину шестидесятых годов. Я хотела посмотреть и, если понравится, уговорить их продать мне несколько рулонов. Они пробовали шить из нее штаны, но она оказалась слишком плотная. Удивительно приятные люди. И мастерская тоже. Стопки их джинсов. Старые фотографии американцев в рабочей одежде. И все их машины были винтажные, за исключением той, которой они ставили заклепки. У них была тамбурная машина «Юнион Спешел», немецкая. Машина для пришивания шлевок – двадцатых годов прошлого века.

Мередит улыбнулась и продолжила:

– Модельеры сейчас помешаны на машинах. От машин зависят твои возможности. И от того, каких работников за них посадишь.

Она положила сахар в свой черный кофе, помешала.

– Я была в мансарде, куда они отправили меня смотреть холст. Он лежал на полках, много рулонов. Они все были разные, и я не могла толком разглядеть ткань из-за плохого света. И тут я поняла, что не одна. Японцы остались на втором этаже, шили джинсы, и они не сказали, что тут есть кто-то еще. Я слышала стрекот их машин. На первом этаже делали картонные коробки, и те машины я тоже слышала: далекое бум, бум. И еще слышала, как напевает женщина, негромко. Но близко. Где-то в мансарде. Японцы ни о чем таком меня не предупреждали, но они вообще еле-еле говорили по-английски. Полная сосредоточенность на работе. Они шьют две-три пары джинсов в день, вдвоем, без помощников. Самоучки. Так что я положила рулон, который смотрела, обратно на полку. Старые металлические стеллажи, фута четыре глубиной. И пошла на звук пения.

Мередит отхлебнула кофе.

– В дальнем конце мансарды был свет, очень хороший свет, над столом. Вообще-то, это был даже не стол, а старая дверь на двух ящиках. И на нем женщина строит выкройку. Большие листы кальки, карандаши. И поет. Черные джинсы, черная футболка и куртка, как у тебя. Она подняла голову, увидела меня, умолкла. Темные волосы, но не японка. Извини, говорю я, мне не сказали, что тут кто-то есть. Ничего страшного, отвечает она. Американский акцент. Спрашивает, кто я. Я объясняю и говорю

про холст. Для чего? Для обуви, говорю я. Ты модельер? Да, отвечаю я и показываю туфли у себя на ногах. Мои сникеры первого сезона, яловка с фабрики «Хорвин» в Чикаго, белая резиновая подошва, большая. Вроде яхтенных, хотя на самом деле это были первые скейтеры, те, из которых потом получились «Ванс». Женщина улыбается и выходит из-за стола. И тут я вижу, что на ней такие же туфли, мои туфли, только черные. И она называет мне свое имя.

Холлис сидела, подавшись вперед и держа чашку с кофе обеими руками.

– Которое я, как теперь понимаю, не могу тебе назвать, – сказала Мередит. – А если ты поедешь туда, то ее там уже нет, и японской пары тоже.

– Ей понравились твои туфли.

– Она их поняла, как никто. Поняла, от чего я хотела уйти. От сезонов, от ширпотреба, который снашивается, разваливается. От ненастоящего. Я шла по Парижу на съемки, пешком, потому что у меня не было денег на метро, и воображала эти туфли. А когда воображаешь что-нибудь такое, ты воображаешь целый мир. Мир, в котором твоя мечта существует. И гадаешь, может ли она реализоваться в этом мире, где все ненастоящее. И бывает, она реализуется. На сезон-два.

Холлис поставила чашку:

– Хочу тебе сказать, что не обижусь, если ты не станешь продолжать. Я пойму.

Мередит мотнула головой:

– Мы пошли вместе обедать в ресторанчик на той же улице. Пили сакэ. Все чашки для сакэ были разные, старые, как будто их купили на благотворительной распродаже. Потом она помогла мне выбрать холст. Это была модельер «хаундсов». И ей совершенно не нужны такие, как твой мистер Бигенд.

– Он не мой мистер Бигенд.

– Из всех людей на земле он нужен ей в последнюю очередь.

– Ясно.

– Вот почему я не могу продать ее имя за туфли. Как бы ни хотела их получить.

– Если я скажу ему, что ты отказалась назвать мне имя, он все равно постарается найти твои туфли. И тогда пришлет кого-нибудь на переговоры. Или придет сам.

– Я об этом думала. И я сама виновата. Что готова была предать подругу. – Мередит посмотрела на Холлис. – С тех пор я ее не видела. И не говорила с ней. Только получаю рассылку про заброски. Я отправила ей пару из той партии, для которой она выбрала холст. На адрес в Итиномии. Так что я просто не могу.

– И я бы не смогла, – ответила Холлис. – Понимаешь, для меня это всего-навсего работа, к которой я не стремилась. Даже не работа. Просто Бигенд убедил меня за деньги кое-что для него сделать. Для тебя будет лучше всего, если я не скажу ему о нашем разговоре. Ты перестала отвечать на мои звонки. Попроси Джорджа, пусть через Реджа попросит Бигенда оставить тебя в покое.

– Это сработает?

– Возможно, – ответила Холлис. – Бигенд ценит мнение Реджа по некоторым вопросам. Редж дает ему советы по поводу музыки. Если он решит, что Бигенд портит настроение тебе, а это портит настроение Джорджу и ставит под угрозу новый альбом «Тумб», он сделает все, чтобы отговорить Бигенда. Во всяком случае, ничего лучше я придумать не могу.

– И как ты поступишь?

– Скажу, что не смогла с тобой связаться.

– Я про другое, – сказала Мередит. – Будешь ли ты дальше ее искать?

– Хороший вопрос, – ответила Холлис.

44
Втык

Милгрим стоял у окна и смотрел, как на дорожке у канала кому-то, как выразился бы Олдос, делают втык. Что означало резкую критику, словесную агрессию, возможно, даже с применением угроз. Втыкуемый, с которым Милгрим инстинктивно отождествлял себя, был щуплый, в светлом плаще, втыкующий – здоровенный амбал в зеленом спортивном костюме из блестящего материала вроде болоньи. Милгрим подозревал, что здесь такие носят из ностальгии по исчезнувшему американскому стилю эпохи торжествующей уличной преступности. Процесс втыка, как видел теперь Милгрим, сопровождался вполне физическими тычками под ребра и под дых. Он заставил себя отвернуться, непроизвольно потирая рукой собственные ребра.

Они с Уинни прошли по Парквею (это же что-то из «Монополии»?) до Хай-стрит и станции метро. Милгрим по пути расспрашивал ее о Майкле Престоне Грейси. Потом она простилась, крепко пожала ему руку и уехала на очень длинном эскалаторе.

По Хай-стрит, которая чем дальше, тем больше походила на центральную ярмарочную аллею в штате, производящем исключительно молодежную обувь и алкоголь, мимо шумных компаний у пабов Милгрим дошел до «Холидей Инн».

Звонить Бигенду не хотелось, но Уинни настаивала, и он пообещал.

Милгрим открыл конверт, полученный от водителя, посмотрел на белые капсулы разного размера в прозрачных отделеньицах. На каждом красным рапидографом было выведено бисерным почерком время приема: число, день недели, час. Милгрим понятия не имел, кто готовит капсулы и что в них кладут. Он чувствовал себя крохотным спутником в сфере притяжения двух огромных планет: Уинни и Бигенда. Мечется, пытаясь угодить обоим. Чтобы избежать втыка.

Пора было звонить Бигенду. Однако его номер остался в «нео». Можно было найти телефон «Синего муравья» в интернете и попросить, чтобы соединили с Бигендом, но в свете последних событий это представлялось неразумным. Что ж, какой-никакой повод отложить звонок. Милгрим пошел в ванную и приготовился к четырехступенчатой процедуре чистки зубов. Вспомнил, что так и не раздобыл жидкость для полоскания. Он только вставил

кончик новой конической насадки между верхними дальними коренными с правой стороны, когда в номере зазвонил телефон. Не вынимая щетку изо рта, Милгрим вышел из ванной и снял трубку.

– Алло?

– Что у вас с голосом? – спросил Бигенд.

– Извините, – ответил Милгрим, вынимая щетку. – У меня кое-что было во рту.

– Спускайтесь в фойе. Олдос сейчас подъедет. По пути ко мне заберете Холлис. Надо поговорить.

– Хорошо, – сказал Милгрим до того, как Бигенд успел повесить трубку, и тут же забеспокоился, сможет ли при Холлис передать сообщение Уинни.

Но пока он пошел в ванную дочищать зубы.

45
Шрапнель, сверхзвуковая

Хайди вновь горгульей зависла над ложем полярного психоза; сильные незагорелые ноги в черных велосипедных шортах, широкие плечи расправлены под черной курткой тамбурмажоретки, чуткие пальцы с черным педикюром цепляются за бортик. Два серебристых дротика дартс были заправлены, как пули в патронташ, под толстый галун куртки, их кроваво-красное пластиковое оперение смотрело в потолок.

Третий Хайди катала в пальцах, словно подумывала его закурить.

– Вольфрам, – сказала она. – И рений. Супертяжелый сплав.

Она вздохнула над черным кончиком дротика, почти невидимом при таком освещении. Темные многослойные шторы были задвинуты на ночь, и лишь тонкие, направленные, суперъяркие швейцарские лампочки в клетке озаряли номер и экспонаты.

– Продаются в одном месте, которое знает Аджай. Сто фунтов за штуку. Если тебе нужна сверхзвуковая шрапнель, самый подходящий материал.

– Зачем она мне нужна? – спросила Холлис.

Она, тоже босая, сидела на полосатом кресле в ногах кровати.

– Пробивная сила.

Хайди метнула дротик; он пролетел мимо Холлис и вонзился в черный конголезский фетиш тремя метрами дальше.

– Вот не надо так, – сказала Холлис. – Не хочу за него платить. Он, наверное, из черного дерева.

– Оно твердое, – заметила Хайди, – но вольфрам тверже. Надо так назвать металлическую группу: «Вольфрам». Им обматывают струны некоторых инструментов. Для плотности. Джимми мне говорил.

Имя умершего товарища по группе мгновение висело в воздухе.

– Кажется, с этой работой на Бигенда у меня ничего не выйдет, – сказала Холлис.

– Чего так?

Хайди вытащила второй дротик и подняла, как эльфийский клинок, между глазами и лампами на птичьей клетке, любуясь острием.

– Не смей бросать, – предупредила Холлис. – Я должна была найти для Бигенда одного человека. Женщину, которая

смоделировала мою куртку. Хотя он может и не знать, что она женщина.

– И что ты? Нашла ее?

– Нашла девушку, которая с ней знакома. Мередит, подруга Джорджа.

Хайди выгнула бровь:

– Мир тесен.

– Иногда, – сказала Холлис, – мне кажется, что Бигенд сгущает пространство. Стягивает его к себе.

Хайди поднесла черное острие дротика до опасного близко к глазу.

– Редж говорит, что Бигенд – продюсер. Голливудского типа, не музыкального. Великанская версия того, чем пыжился стать муйло. Только фильмов не снимает. – Она опустила дротик, серьезно глянула на Холлис. – Может, он чего-то такого хотел от своей пирамиды?

– Ты про это знала?

– Я даже не уверена, что он сам знал. У него отлично получается делегировать полномочия. Препоручил это какой-то части себя, с которой может подолгу не общаться. Воплощение нашего десятилетия, сказал Редж.

– Ты уже виделась с Реджем?

– Мы встречались за ланчем, пока ты была в Париже.

– И как?

Хайди пожала плечами. Эполет с черной бахромой приподнялся на дюйм, опустился.

– Отлично. Меня вообще Редж не напрягает. Знаю способ, – сказала она.

– Какой?

– Пропускаю все его слова мимо ушей, – ответила Хайди с непривычной серьезностью. – Доктор Фудзивара научил. – Она нахмурилась. – Но Редж сомневается насчет твоей работы для Бигенда.

– Он же меня сам и уговаривал.

– Это было до того, как он решил, что Бигенд чего-то затевает.

– Бигенд всегда чего-то затевает. Это его суть.

– Сейчас другое дело, – сказала Хайди. – Инчмейл не понимает, что происходит, иначе бы сказал. Не утерпел бы. Но до его жены доходят слухи, такое общее гудение лондонского пиаровского улья. По его словам, все гудят и жужжат, но ничего конкретного не слышно. Просто такая вибрация в воздухе. Пиарщики бредят Бигендом. Воображают его лицо на монетах. Оговариваются, называя имя Бигенда вместо других. Предвестья,

говорит Редж. Как перед землетрясением. Он хочет с тобой это обсудить. Но не по телефону.

– В «Синем муравье» что-то происходит. Внутренняя утечка информации, что-то такое. Губерт не особо беспокоится.

Она вспомнила его слова про долговременный проект, который вот-вот принесет плоды, и про то, что история со Слейтом очень не ко времени.

– Ты не хочешь ему говорить, кто шьет эти куртки?

– По счастью, я не знаю, кто она. Но я уже сказала ему, что знает Мередит. Если она ему не скажет – а она не скажет, потому что не хочет, и я не хочу, чтобы она говорила, – Бигенд от нее не отстанет. Он уже разыскал или скоро разыщет то, что ей очень нужно.

– Ты почему-то передумала?

– Передумала она. Собиралась сказать мне, потом решила не говорить. И объяснила почему. Рассказала мне историю. – Холлис в свою очередь пожала плечами. – В общем, так получилось.

Она спустила ноги на ковер, встала, потянулась. Подошла к полке. Дротик торчал точно из глаза вытянутой черной головы – убедительный дадаистский ассамбляж. Холлис попыталась выдернуть дротик, но голова вместе с ним поехала к краю полки.

– Глубоко вошел.

Она левой рукой крепко взяла деревянную голову, а правой начала вывинчивать дротик.

– Все дело в массе. За точкой приложения силы, – ответила Хайди.

Холлис нагнулась, заглянула голове в левую глазницу. Ровная круглая дырочка.

– Как ты этому научилась?

– Я не училась. Дротик сам хочет лететь. Я ему не мешаю. Я сказала об этом Аджаю, он ответил, что я лучше всех.

– Прямо так и сказал? – Холлис глянула на черный кончик.

– Ему нравится, как я бросаю дротики. А что твой хахаль?

– Не перезвонил.

– Позвони снова.

– Мне кажется, не надо.

Она подошла к кровати, отдала Хайди дротик. Та спросила:

– Вы поссорились?

– Нет. Я бы сказала, мы тихо разошлись, но это не совсем так. Когда мы были вместе, это воспринималось, как будто мы оба в отпуске. В отпуске от себя, может быть. Но тогда у него не было проекта. Представляешь актера между съемками? А когда проект появился, это тоже произошло не сразу. Как погода меняется. Что-то вроде дымки. Он начал пропадать из виду. А я как раз взялась

за книгу. И ушла в нее глубже, чем намеревалась.

– Знаю. – Хайди засунула оба дротика под галун, к третьему, не заботясь, куда они вонзятся. – Помню, как заходила к тебе в «Мармон». Груды бумаги на столах. Видно было, что ты пашешь всерьез.

– Мне это помогло разобраться с тем, что произошло. С работой на Бигенда, с тем, что у меня было с Гарретом… Мне кажется, когда-нибудь я смогу перелистать эту книгу и увидеть все те события совершенно по-иному. Не в смысле что в ней что-нибудь про них есть. Я месяц назад сказала об этом Реджу, и он ответил, что она – палимпсест.

Хайди молча склонила голову набок; хищное крыло черных волос качнулось ровно на дюйм.

– Но не сейчас, – продолжала Холлис. – Я не хочу смотреть ее сейчас, и в любом случае она мне ничего нового не скажет. И оставить второе сообщение – то же самое. Я оставила одно. Сделала, как он сказал, хоть и не оттого, что у меня вышли неприятности из-за нашего знакомства. Позвонила, потому что узнала о несчастном случае. Звонить второй раз гордость не позволяет.

– Первобытное мышление, – сказала Хайди. – Вот как бы это назвал Редж. Хотя уж мы-то знаем, что он только им и руководствуется.

Застрекотал склеротический сверчок кабинетовского телефона. Снова. На третьем сигнале Холлис сняла трубку с палисандрового куба.

– Алло?

– Нам надо поговорить, – сказал Бигенд.

– Мы только что говорили.

– Я отправил Олдоса с Милгримом за вами.

– Хорошо, – ответила Холлис, решив, что воспользуется случаем и объявит о своем уходе. Она повесила трубку.

– Боброед, – объявила Хайди.

– Я поеду на встречу, но скажу, что ухожу.

– Отлично. – Хайди сгруппировалась, перекатилась через спину и встала. – Я с тобой.

– Вряд ли ему это понравится.

– Вот и отлично. Хочешь уйти? Я помогу.

Холлис глянула на нее, помолчала и ответила:

– Ладно.

46
Черепаховые очки и булавочные полоски

Гостиница, в которой остановилась Холлис, была без вывески, зато с антикварным резным столом. Вроде бы там обнаженная девушка ласкала коня, но резьба была такая сложная, что точно не разглядишь, а Милгрим не хотел таращиться на глазах у служащих. Еще тут были обшитые темным деревом стены, две изгибающиеся мраморные лестницы и неприязненный взгляд молодого человека за столом, холодно смотревшего через очки в черепаховой оправе, но без диоптрий. Не говоря уже о его плечистом коллеге, спросившем, не может ли он чем-нибудь Милгриму помочь. На этом втором был серый костюм в очень тонкую белую полоску, ее еще называют булавочной. Предложенная помощь, чувствовал Милгрим, заключалась в том, чтобы развернуть его и вышвырнуть на улицу, где таким место.

– Холлис Генри, – сказал Милгрим, старательно изображая нейтральный тон, который часто слышал в «Синем муравье» при сходных обстоятельствах.

– Да?

– Ее машина здесь. – Он не стал говорить «броневик». – Не могли бы вы ей об этом сказать?

– Вам на ресепшен, – ответил крупногабаритный молодой человек и вернулся к своей позиции у двери.

Милгрим не видел стойки в привычном смысле, такой, за которой ячейки с ключами, поэтому прошел еще футов десять до стола, где сидел молодой человек в таком же костюме, но менее внушительной комплекции.

– Холлис Генри, – повторил Милгрим.

Он пытался говорить тем же нейтральным тоном, но на этот раз прозвучало хуже. Гаденько прозвучало, чувствовал Милгрим. Возможно, из-за резьбы, которую он увидел, пока говорил.

– Фамилия?

– Милгрим.

– Вас ждут?

– Да.

Милгрим мужественно выдерживал взгляд через части внешнего панциря мертвого, но не вымершего животного, пока обладатель очков звонил по очень изящному старинному телефону.

– Сожалею, но ее нет на месте.

Тут где-то за лестницей раздался металлический лязг, затем голос Холлис.

– Это она, – сказал Милгрим.

Появилась Холлис, и за ней – высокая бледная женщина с орлиным носом и свирепым лицом. В куртке всех оттенков черного и серого, от угольного до полуночного, с галунами и эполетами, словно командирша дворцовой стражи у какой-нибудь королевы готов. Ей нужна сабля, с восторгом подумал Милгрим.

– Ваша машина здесь, мисс Генри, – сказал Черепаховые Очки. (Милгрим, очевидно, теперь был для него невидим.)

– Милгрим, это Хайди. – Голос Холлис звучал устало.

Высокая женщина крупной, неожиданно сильной ручищей поймала ладонь Милгрима и быстро, ритмично пожала – возможно, исполнив часть некоего тайного приветствия, – затем выпустила.

– Хайди едет с нами, – сказала Холлис.

– Да, конечно, – ответил Милгрим.

Высокая женщина – Хайди – уже шла к дверям уверенным размашистым шагом.

– Добрый вечер, мисс Хайд, мисс Генри, – сказал Булавочные Полоски.

– Добрый вечер, солнце мое, – ответила Хайди.

– Добрый вечер, Роберт, – сказала Холлис.

Он открыл и придержал им дверь.

– Ну и тачка! – проговорила Хайди при виде «хайлюкса». – Ракетную установку потеряли?

Милгрим обернулся. Булавочные Полоски закрывал за ними дверь. Интересно, бывают ли частные отели? Частные парки в Англии бывают.

– Как называется гостиница? – спросил он.

– «Кабинет», – ответила Холлис. – Давайте в машину.

47
В «куизинартовском» дворике

Хайди по непонятной причине отлично разбиралась в автомобильной броне. Может быть, это имеет какое-то отношение к Беверли-Хиллс, думала Холлис, пока Олдос вез их все глубже в Сити, или к финансовым пирамидам, или и к тому и к другому. Хайди и Олдос, с которым Хайди явно флиртовала (не переходя, впрочем, грань, за которой ей это могли бы инкриминировать), обсуждали, правильно ли Бигенд установил на передних дверцах электрические стеклоподъемники, отказавшись от пуленепробиваемой щели – через нее документы можно было бы передавать, не открывая дверцы и не опуская стекло. Хайди утверждала, что стеклоподъемники снижают уровень бронезащиты, Олдос твердо их защищал.

– Мне не хочется с ним сейчас встречаться, – сказал Милгрим. (Они с Холлис сидели на заднем сиденье.) – Я должен кое-что ему сообщить.

– Я тоже, – ответила Холлис, не волнуясь, услышит ли Олдос (хотя тот был увлечен разговором и вряд ли ее слушал). – Я ухожу от Бигенда.

– Уходите? – Лицо у Милгрима стало несчастное.

– Мередит раздумала мне говорить, кто модельер «хаундсов». Я выслушала ее объяснения и решила, что и мне не надо этим заниматься.

– И что вы будете делать?

– Скажу ему, что не могу. И покончу с этим. – Ей хотелось бы чувствовать ту уверенность, с которой она говорила. – А вы что должны ему сказать?

– Про Престона Грейси, – ответил Милгрим. – На него работает Фоли.

– Как вы узнали?

– Мне сказали. – Милгрим заерзал. – Сказал один человек.

– Кто такой Престон Грейси?

– Майк, – ответил Милгрим. – Она говорит, их всех зовут Майками.

– Кого?

– Спецвоенных.

– Он военный?

– Уже нет. Теперь торгует оружием.

– А кто она?

– Уинни, – с запинкой выговорил Милгрим. – Она… она

полицейский.

Последнее слово прозвучало так, будто он сознается в разговоре и даже близости с существом совершенно иной биологической природы.

– Даже не совсем полицейский, – продолжал он. – Хуже. Агент СОГУМ.

Слово ничего не сказало Холлис.

– Это что-то британское? – спросила она.

– Нет. Она следила за мной от Миртл-Бич. Ее интересуют военные контракты, по крайней мере сейчас. Она меня сфотографировала в Севн-Дайлс. Потом пришла в гостиницу. Отдать вам ваш компьютер?

– Нет, конечно. Почему она за вами следила?

– Она думала, мы связаны с Грейси. Бигенд связан. Потом поговорила со мной и выяснила, что Бигенд просто думает о тех же заказах.

Теперь Милгрим говорил так тихо, что Холлис еле разбирала слова.

– Бигенд торгует оружием? – Она глянула на затылок Олдоса.

– Нет, – ответил Милгрим, – но Грейси хочет получить те же заказы. Легализоваться.

– И она сказала вам об этом, потому что…

– Потому что хочет, чтобы Бигенд знал, – несчастным голосом выговорил Милгрим.

– Так скажите ему.

– Мне нельзя было с ней говорить. – Он сжал руки, словно ребенок, старательно изображающий молитву. – Я боюсь.

– Чего?

Он еще ниже опустил плечи.

– Вообще боюсь. Всегда. Но… я забыл.

– Все будет хорошо, – сказала Холлис и тут же поняла нелепость своих слов.

– Мне очень грустно, что вы уходите.

Узкие улочки Сити с названиями по самым простым обиходным предметам или ремеслам. Наверное, очень древние. Холлис почти не знала эту часть Лондона.

– Далеко еще? – спросила она Олдоса.

– Почти приехали, – ответил тот.

Машин было очень много. Редкие новые здания напоминали о недолгом строительном буме до нынешнего кризиса. Логотип на одном из них Холлис видела прежде – на корпусе такси, в которое посадил ее Инчмейл после разговора о Бигенде.

Она легонько сжала стиснутый кулак Милгрима. Руки у него были очень холодные.

– Не волнуйтесь. Я вам помогу. Расскажем ему вместе, – пообещала Холлис и глянула Милгриму в лицо.

Глаза у него были закрыты.

Салон машины наполнила мелодия «Нажми на тормоза».

– Олдос, – сказал Олдос в свой айфон. – Да, сэр. Мисс Генри, мистер Милгрим и мисс…

Он обернулся к Холлис.

– Дайте мне телефон, – сказала она.

Олдос передал ей айфон.

– С нами Хайди, – сказала Холлис.

– Я ее не ждал, – ответил Бигенд, – но она может поиграть с воздушными шариками. Нам надо поговорить.

– Она поймет.

Холлис вернула айфон Олдосу, и тот поднес его к уху, выслушал что-то, сказал: «Да, сэр» и убрал телефон в карман черного пиджака.

– Мне и Милгриму надо поговорить с Губертом, – сказала Холлис Хайди.

Хайди обернулась:

– Тебе же вроде была нужна помощь.

– Да. Но все несколько осложнилось. – Она взглядом указала на Милгрима.

– Что с ним не так?

– Ничего.

– Не тушуйся перед ним. – Хайди перегнулась через спинку сиденья и ткнула Милгрима в колени, так что тот испуганно раскрыл глаза. – Он то еще говно. Как они все.

Олдос остановил машину. Холлис гадала, кто такие «они все». Зная Хайди, оставалось предположить, что речь о властных мужчинах. У нее к ним было довольно своеобразное отношение. Из-за этого-то ее романы с боксерами никому не давали соскучиться. И именно по этой причине Хайди нельзя было близко подпускать к музыкальному начальству.

Олдос нажал какие-то кнопки на приборной панели, отчего в машине что-то защелкало и залязгало. Потом открыл дверцу со своей стороны, вылез, захлопнул ее, открыл дверцу для Холлис и подал той большую теплую руку. Милгрим вылез следом. Хайди тем временем сама открыла дверцу и спрыгнула на асфальт. На ней были серо-зеленые кожаные бриджи и черные шнурованные сапоги на танковом ходу – еще один трофей мстительного уничтожения последних муйловых карточек.

Холлис глянула на здание, перед которым они стояли. Оно напоминало европейский кухонный комбайн девяностых годов производства «Крупп» или «Куизинарт»: металлически-серый

пластик со скругленными углами. Олдос нажал что-то на черном брелоке. Автомобиль вновь залязгал и почти зримо содрогнулся, закупориваясь от внешнего мира.

Все подошли к входу, где ждал такой же высокий, но менее обаятельный коллега Олдоса. Холлис не помнила, как его зовут.

– Надеюсь, он не попросит меня пописать в баночку, – сказал Милгрим.

Холлис не поняла, к чему эти странные слова, и сделала вид, будто не услышала.

Они прошли в дверь между двумя чернокожими и дальше в закрытый внутренний дворик «куизинартовского» здания. Холлис, примерно представлявшая, сколько сто́ит недвижимость в Сити, воображала, как убивались застройщики по поводу этого чисто американского пустого пространства, каждый квадратный сантиметр которого можно было набить безоконными офисами. А так двор вздымался на пять этажей, прорезанных эскалаторами и опоясанных балконами из все того же не то металла, не то пластика. Словно макет гостиницы в Атланте.

Бигенд в тренчкоте стоял посредине, держа айфон на вытянутых руках, и, щурясь, водил по экрану большими пальцами.

– Мне надо поговорить с Холлис и Милгримом, – сказал он Хайди, протягивая ей айфон, – но это вам понравится. Управление высокоинтуитивное. Видео, разумеется, с носовой камеры. Начните со ската, потом попробуйте пингвина.

Бигенд показал наверх. Все подняли головы. Под равномерно подсвеченным стеклянным сводом висели пингвин и скат. Серебристый пингвин лишь приблизительно напоминал настоящего; скат – черное, дьявольски подвижное пятно – выглядел куда более натуралистичным.

– Попробуйте, – сказал Бигенд. – На удивление приятное занятие. Очень успокаивает. В здании сейчас никого нет, кроме моих сотрудников.

Хайди, запрокинув голову, посмотрела на аэростаты, если это были они, потом на айфон, который теперь держала так, как перед этим Бигенд. Подвигала пальцами. Одобрительно чертыхнулась.

– Сюда, – пригласил Бигенд. – Я снял два этажа офисов, но сейчас они все заняты. Мы можем посидеть здесь.

Он подвел их к Г-образной скамье из матированного алюминия под нависающей лестницей – в таком месте раньше была бы курилка.

– Помните амстердамского дилера, у которого мы купили вашу куртку? Его загадочного скупщика.

– Что-то смутно помню.

– Мы вернулись к этой истории. Вернее, к ней вернулся отряд стратегической бизнес-разведки, который я нанял в Гааге. Пример того, как Слейт заставляет меня выходить из зоны комфорта. Я никогда не доверял частным сыскным конторам, частным детективам, частным разведывательным фирмам и так далее. Впрочем, в данном случае они не знают, на кого работают.

– И? – спросила Холлис.

Она сидела на скамье, Милгрим рядом с нею, оба пристально смотрели на Бигенда.

– Я отправляю вас обоих в Чикаго. Мы полагаем, что модельер «Хаундс» живет там.

– Почему?

– Дилер имел еще сделки с тем скупщиком, который продал ему куртку. И куртка, и скупщик – из Чикаго.

– Вы уверены?

Бигенд пожал плечами.

– Кто модельер? – спросила Холлис.

– Я отправляю вас это узнать.

– Милгрим кое-что должен вам сообщить, – сказала Холлис, не зная, как иначе сменить тему и выгадать время на раздумье.

– Да, Милгрим? – спросил Бигенд.

Милгрим издал странный высокий звук, как лампочка, когда в ней перегорает нить. Закрыл глаза. Снова открыл.

– Женщина-полицейский, – сказал он. – В Севн-Дайлс. Которая меня сфотографировала. Из Миртл-Бич.

Бигенд кивнул.

– Она агент, – Милгрим снова закрыл глаза, – следственного отдела главного управления Минобороны.

Он открыл глаза, осторожно убеждаясь, что жив.

– С которым, признаюсь, я еще дела не имел, – проговорил Бигенд после паузы. – Американка, как я понимаю?

– Все из-за штанов, – продолжал Милгрим. – Она следила за штанами. Потом появились мы, и она решила, что мы связаны с Фоли и Грейси.

– Что из-за Оливера так и есть.

Холлис давно не слышала, чтобы Бигенд называл Слейта по имени.

– Она просила рассказать вам про Грейси.

– Охотно вас выслушаю, но, возможно, дело упростится, если я поговорю с ней сам. Общение с американцами – не совсем новая для меня задача.

– Она вынуждена вернуться, – ответил Милгрим. – Здесь она не может узнать того, что ей нужно. Вы оказались не тем, что она

думала. Просто конкурент Фоли и Грейси. Но она хочет, чтобы вы знали про Грейси. Что ему не понравится ваша конкуренция.

– Уже не нравится, – сказал Бигенд. – Он перевербовал Слейта, скорее всего – на отраслевой выставке одежды для корпуса морской пехоты в Южной Каролине. Если Слейт не вышел на него сам, что я тоже не исключаю. А она объяснила, для чего хочет это мне сообщить, ваша неназванная и, возможно, безымянная агент?

– Уинни Тун Уитакер.

– Через дефис? – спросил Бигенд.

– Нет.

– Так объяснила? Зачем хочет сообщить мне про этого человека?

– Она сказала, вы богатый и у вас есть юристы. И если она может поставить вас у него на пути, то почему бы не попробовать. Я так понял, она злится, оттого что не может его прищучить.

– Понятное чувство. – Бигенд, в своем огромном тренчкоте, подался вперед. – И когда вы с ней все это обсуждали?

– Она пришла в гостиницу, – ответил Милгрим. – После нашей с вами встречи. И сегодня я с нею обедал во вьетнамском ресторане.

– Так кто начальник «Фоли»?

– Майкл Престон Грейси. – По лицу Милгрима было видно, что он мысленно проверяет, правильно ли вспомнил имя. – Майор в отставке. Армия США, десантные войска. Он тренирует полицейских за границей, организует для них поставки через своих друзей. Иногда это такое снаряжение, какое им закупать не положено. Но он хочет перейти к тем же контрактам, что и вы. Моделирование, производство. Она сказала, это стадия легализации.

– Ясно, – кивнул Бигенд. – Он настолько вырос, что может нанять настоящих юристов.

– Так она и сказала.

– Сложный этап. Водораздел. Не все его преодолевают. К тому времени, как появляется смысл легализоваться, дело уже бывает очень большим и насквозь нелегальным.

– Я знал наркодилера, который купил центр продажи «саабов», – осторожно вставил Милгрим.

– Вот-вот, – сказал Бигенд и покосился на Холлис.

– Она просила объяснить, что Грейси опасен, – продолжал Милгрим, – и что он считает конкурентов врагами.

– «Слушай врагов, – сказал Бигенд, – ибо через них говорит Бог».

– Что это значит? – спросил Милгрим.

– Еврейская пословица, – ответил Бигенд. – Очень глубокомысленная.

Что-то качнулось в трех футах над его головой. Скат, трепещущее матово-черное пятно в размах детских рук.

– Охрененный кайф, – донесся издалека голос Хайди. – Я слышала каждое ваше слово!

– Будьте другом, уведите его отсюда, – крикнул Бигенд, не давая себе труда поднять голову. – Попробуйте теперь пингвина.

Черные крылья колыхнулись, и скат, совершенно как настоящий, неторопливо поплыл прочь, едва не задев нависающую лестницу.

– Очень затягивает, – сказал Бигенд, обращаясь к Холлис. – Скоро ваше локативное искусство преобразится благодаря дешевым видеодронам.

– Мне они не кажутся дешевыми.

– Эти да, – ответил Бигенд. – Но к Рождеству появятся в продаже недорогие платформы. Однако Фесто гениальны. Мы выбрали их за полную фантастичность, за подсмотренные у природы движения. Они не быстрые, зато люди принимают их за галлюцинации.

Милгрим кивнул и сказал:

– Он едет сюда. Грейси.

– В Лондон?

– Она сказала, он скоро здесь будет.

– У него есть Слейт, – ответил Бигенд. – Так что он знает, что штаны нас интересовали исключительно в плане базовой промышленной разведки. Мы ничем ему не навредили. И «Фоли» тоже.

Милгрим, широко открыв глаза, смотрел то на Бигенда, то на Холлис.

– Мой друг попал в автокатастрофу, – сказала та. – Я должна оставаться в городе, пока не узнаю, что с ним.

Бигенд нахмурился:

– Я его знаю?

– Нет, – ответила Холлис.

– Ничего страшного. Я не планировал отправлять вас прямо сейчас. Скажем, через четыре дня. За это время вы узнаете, выкарабкался ли ваш друг?

– Надеюсь, – ответила Холлис.

48
С помпой

– Вперед, поедешь с помпой, – сказала Хайди Милгриму, когда они подходили к машине.

Милгриму на миг представился розовый гибрид Мосберга и Тазера в руках у Бигенда, и он чуть было не ответил, что у него нет помповика, но тут Хайди добавила: «Нам с Холлис надо поговорить», и Милгрим понял, что она уступает ему свое место на переднем сиденье.

Олдос, которому сообщили, что они выходят, уже завел мотор. Щелкнули, открываясь, замки. Милгрим и Хайди открыли свои дверцы. Он взобрался на сиденье, пока Хайди помогала Холлис залезть, и захлопнул свою дверцу раньше нее. Замки внушительно лязгнули. Олдос с гордостью указал, как плотно и ровно дверцы прилегают к корпусу. Никакой ломик туда не влезет, объявил он, ни даже «челюсти жизни»[37]. Последнего выражения Милгрим не знал, но решил, что это негритянская метафора экзистенциального ужаса.

Он пристегнул ремень безопасности – громоздкую, сложную систему – и откинулся на сиденье, пытаясь осознать: где он сейчас по отношению к неумолимым челюстям жизни? Бигенд вроде бы абсолютно спокойно воспринял известие о его, Милгрима, встречах с федеральным агентом. Да, кстати, и предупреждение Уинни насчет Грейси – тоже. Приступ паники, всего второй за время лечения (если не считать реакции на Уинни в «Кафе-Неро»), был на пустом месте. Впрочем, как и все его прежние панические атаки, не уставала повторять психотерапевт. Его безотчетный ужас – как тележка американских горок, всегда готовая скатиться по наезженной колее в лимбическом мозгу. «Не говорите себе, что боитесь, – советовала она. – Говорите: „у меня страхи“. Отделяйте себя от них».

– Ты не ушла, – сказала Хайди у него за спиной.

– Не ушла, – ответила Холлис. – Сейчас момент неудачный.

– Попробуй как-нибудь его аэростаты. Офигенская штука.

Жесткие ранфлетовские шины подпрыгивали на асфальте. Не то чтобы тут, в Сити, он был такой уж старый, просто переложенный кусками в ходе недавней реконструкции.

Милгрим вздохнул и подался вперед, насколько позволял сложный ремень безопасности. Расслабься, сказал он себе. Живи мгновением, как учила психотерапевт.

И тут блестящий черный автомобиль вылетел на встречку

прямо перед ними. Олдос круто свернул направо, в узкую улочку между темными стенами без окон – то ли бетонными, то ли каменными. Сзади взвизгнули шины. Милгрим обернулся, увидел настигающий свет фар.

– Держитесь! – посоветовал Олдос, прибавляя скорость.

В ремнях на поясе и на груди Милгрима что-то лопнуло, и они мгновенно раздулись черными колбасами, заставив его выпрямиться.

– Твою мать, – заметила Хайди с заднего сиденья.

Олдос ускорился еще больше.

И на Милгрима накатил загадочный восторг развязки Хангерлейн. Мысли исчезли, остались только упоение скоростью и басовый рев турбокомпрессора.

Милгрим обернулся, насколько позволяли надувшиеся ремни. Увидел фары. Черный автомобиль.

Олдос ударил по тормозам. Милгрима развернуло толчком, и он увидел впереди другую пару фар.

– Отлично, – процедил Олдос, скаля зубы – очень белые в свете надвигающихся фар.

Милгрим глянул вбок, увидел глухую древнюю стену на расстоянии футов двух.

– Олдос… – начала Холлис.

– Минуточку, мисс Генри, – ответил Олдос.

До машины впереди оставалось всего несколько футов. Щурясь в свете фар, Милгрим различил за лобовым стеклом двоих. Один, водитель, был в черной балаклаве. Второй – замотан чем-то белым, но странно и только частично. И он что-то прижимал к стеклу перед собой.

«Нео» Милгрима.

Фоли, в кепи на забинтованной голове, сурово глянул единственным незамотанным глазом, поднял руку и медленно погрозил пальцем. В следующий миг его выражение изменилось: Олдос втопил газ и бросил педаль сцепления, идя на таран. Машина Фоли поехала назад, водитель в балаклаве выкрутил баранку. Полетели искры, как от точильного камня, а Олдос все прибавлял скорость. Теперь Милгрим понял, что́ главное в защите уровня наркокартеля, которой так гордился Олдос: огромные масса и мощность. Водитель за стеклом выпустил руль и закрыл лицо руками. Машина ударилась в противоположную стену, вновь брызнули искры, и внезапно они оказались в дальнем конце проулка. Автомобиль Фоли с ободранным до пластика боком и смятым радиатором стоял наискосок улицы; водитель, придавленный подушкой безопасности, силился дотянуться до руля.

Олдос чуть сдал назад, затем еще раз на скорости долбанул машину Фоли, после чего аккуратно и спокойно дал задний ход и остановился так, чтобы загородить кузовом проулок. Сзади взвизгнули тормоза. Милгрим обернулся и увидел, что черный автомобиль удаляется задним ходом.

– Фиона отвезет вас домой, мисс Холлис, – сказал Олдос.

Милгрим, повернувшись, увидел, что он быстро водит пальцем по экрану айфона.

– Фиона, – с надеждой повторил Милгрим.

– Вам всем надо уходить, быстро, – продолжал Олдос. – Сейчас здесь будет полиция. Мисс Хайд, пожалуйста, идите вместе с мистером Милгримом.

Он что-то тронул на приборной панели, и надутые ремни сразу расстегнулись. Милгрим глянул на свой, лежащий у него на груди, словно резиновая летучая мышь с готской вечеринки. Щелкнули, разблокируясь, двери.

– Погнали! – скомандовала Хайди.

– Не толкай меня! – вскрикнула Холлис.

– Вперед!

Милгрим послушно распахнул дверцу и выпрыгнул на асфальт, прикусив себе при этом язык. Ощутил во рту пугающий металлический привкус крови и внезапно как-то по-иному, остро осознал себя живым, здесь и сейчас. Заморгал.

Тут из-за смятой машины появился Фоли. Он бежал к Милгриму, сжав кулаки. И практически сразу в узкое пространство между ними влетел мотоцикл Фионы, словно невозможное, но зримое вторжение из иного измерения. Фоли исчез, Фиона, в желтом шлеме, повернула руль, и огромный байк, взревев мотором, заложил крутой вираж. Хайди шагнула вперед, толкая перед собой Холлис, затем вдруг подняла ее и посадила на заднее сиденье, как ребенка на пони. Фиона бросила Хайди запасной шлем, и Милгриму на миг почудился запах лака для волос. Хайди нахлобучила шлем на Холлис и стукнула костяшками пальцев по шлему Фионы. Та, не убирая руку с рычага газа, подняла большой палец и унеслась прочь. Холлис едва успела обхватить ее за талию.

– Где Фоли? – спросил Милгрим, пытаясь смотреть во все стороны сразу.

– Там. – Хайди махнула рукой вдоль улицы. – Водитель его утащил. А нам туда.

Она указала в проулок за «хайлюксом».

– Мой ноутбук, – вспомнил Милгрим.

Он обежал «хайлюкс», открыл дверцу, вытащил сумку.

Олдос, в своем черном костюме, прикуривал сигарету от

изящной серебряной зажигалки.

– Держись! – Хайди на ходу ободряюще двинула его кулаком в плечо.

И тут Милгрим услышал сирены. Непривычные, британские. Много.

Со всех ног он устремился за прямой, высокой спиной Хайди.

49
Грейт-Мальборо

Вперед, поворот, снова вперед, поворот, резкий запах лака для волос.

Тело помнило, как нагибаться на поворотах, прижимаясь к мотоциклисту – видимо, сильной худой девушке, потому что под слоями армированной кордуры определенно была грудь. Сквозь захватанный пластиковый щиток, в свете проносящихся уличных фонарей, Холлис не видела почти ничего. Спереди желтый шлем, исполосованный наискось будто тремя большими когтями. По бокам – абстрактные фрагменты Лондона, бессмысленные, как образцы текстур в графической программе. Навес *«Prêt À Manger»*, возможно, зеленый кружок «старбаксовской вывески», снова кирпичи, что-то в официальных красных тонах. И все это, догадывалась Холлис, ради уклонения: маршрут, который автомобилю не повторить. По крайней мере, машин на улицах почти не было.

Они замедлились, остановились, девушка дала задний ход и въехала на парковку. Как только она выключила мотор, наступила неожиданная, странная тишина. Девушка сняла желтый шлем, так что Холлис тоже сняла свой и увидела, что он черный.

– В туалет надо? – спросила девушка. Лет двадцать на вид, лисья мордочка, короткие русые волосы взъерошены шлемом. Лак явно был не ее.

– Туалет?

– Внизу. – Девушка указала на табличку с условной женской фигурой. – Чистый. Открыт до двух. Бесплатный.

Лицо у нее было очень серьезное.

– Спасибо, – сказала Холлис.

– Фиона, – бросила девушка через плечо.

– Холлис.

– Знаю. Быстрее, пожалуйста. Я проверю эсэмэски.

Холлис слезла с мотоцикла и остановилась, глядя, как Фиона тоже выбирается из седла. Та нахмурилась:

– Быстрее, пожалуйста.

– Извини, – ответила Холлис. – У меня голова не соображает.

– Не волнуйся, – сказала Фиона. Выговор у нее был не британский, но и не американский, а какой-то совершенно нейтральный. – Если не выйдешь через нормальное время, я спущусь и найду тебя.

– Хорошо.

Холлис на негнущихся ногах спустилась в пространство белой плитки и дешевого люминесцентного света, пахнущее каким-то очень современным дезинфектантом.

Сидя в запертой кабинке, она пересилила желание зареветь и попыталась вспомнить, ударялась ли обо что-нибудь головой. Вроде нет, несмотря на ощущение, что мозг распух и не помещается внутри. Просто не могла удариться, потому что Олдос что-то такое сделал с ремнями. Холлис помнила какой-то хомут на шее и треугольную биоморфную подушку на груди. Очень полезная вещь для любителей врезаться в чужие машины.

– Господи, – выговорила она, вспомнив. – Это был Фоли.

Фоли Милгрима из голубой пещеры под «Салон дю вэнтаж». Побитый-забинтованный и похожий на обозленного мальчика с фотографии Дианы Арбус[38]. Который с гранатой, только во взрослой версии, что еще добавляло жути.

Туалетная бумага здесь была на удивление толстая. В «Кабинете» наоборот – видимо, сознательное ретро.

Наверху, на асфальтовом островке, девушка по имени Фиона жала пиксели на экране своего айфона. Ее мотоцикл стоял рядом с пятью-шестью такими же огромными байками. За ними курили двое курьеров: рыцари в мезозойской броне с какого-то темного витража. Нечесаные волосы, бороды, как у массовки в фильме про Робин Гуда. Чуть дальше Холлис узнала псевдотюдоровский фасад универмага «Либерти». Грейт-Мальборо-стрит. Совсем близко от Портман-Сквер. Казалось, с отъезда из «Кабинета» прошло несколько дней.

– Можно ехать, – сказала Фиона у нее за спиной.

Холлис обернулась. Фиона убирала телефон в нагрудный карман черной куртки.

– Где Хайди и Милгрим? – спросила Холлис.

– Мое следующее задание после того, как заброшу тебя в гостиницу.

– Ты знаешь, где они?

– Найдем, – ответила Фиона, перекидывая ногу через седло.

На ней были высокие черные ботинки со стертыми носами и множеством пряжек на боку. Она протянула Холлис шлем.

– У меня от него голова болит.

– Извини, – сказала Фиона. – Это шлем миссис Бенни. Другого не было.

Холлис надела шлем и, не дожидаясь дальнейших объяснений, уселась позади Фионы.

50
«Банк-Монумент»

Милгрим никогда не любил Сити. Район всегда представлялся ему чересчур монолитным, хоть и в каком-то древнем варианте монолитности. Дома стоят вплотную, слишком мало укрытий, куда можно юркнуть. Сити веками закрывался наглухо от таких, как он. Чувствуешь себя крысой, бегущей по плинтусу, за которым ни единой щелки. Именно такое чувство было у него сейчас, хотя они не бежали. Шли, но быстро, из-за длинных ног и размашистой походки Хайди.

На Милгриме была черная куртка «Сонни», которую Хайди купила у приятного турка-уборщика здесь, на Ломбард-стрит. Турок снял куртку с себя, Хайди заплатила пачкой бумажек. «Сонни» было вышито слева на груди, белыми буквами, в точности как на логотипе «Сони», если не считать лишней «н». Свою куртку Милгрим затолкал в сумку, поверх ноутбука. В придачу к «Сонни» была куплена серая вязаная шапочка, которую Хайди натянула почти до глаз, убрав под нее черные волосы. Свою куртку она вывернула алой шелковой подкладкой наружу, эполеты стали подплечниками, расширив и без того мощную фигуру. Все это, насколько догадывался Милгрим, чтобы их не узнали оставшиеся дружки Фоли, а может – камеры наблюдения, которые он теперь замечал повсюду.

Он тут же пожалел, что вспомнил про Фоли. История с броневиком и двумя машинами была очень, очень нехорошая, и по всему выходило, что случилась она по его вине. Бинты на голове у Фоли могли означать только одно: неприятности с телохранителем русской женщины в Париже. Если Слейт отправил Фоли за «нео» (как Милгрим и задумывал), то фактически тот пошел за зловещего вида коляской. И все потому, что на Милгрима нашло нехарактерное желание взбунтоваться. Он поступил так от досады, от злости и просто потому, что захотелось.

Хайди вынула айфон. Тронула пальцем экран. Поднесла телефон к уху и тут же отодвинула, словно пропуская слышанное раньше сообщение. Приблизила его к губам и сказала: «Слушай, Гаррет. Холлис Генри вляпалась по самые помидоры. Ее сейчас пытались похитить. Позвони ей». Она снова тронула пальцами экран.

– Кому это?

– Бывшему Холлис. На голосовую почту. Надеюсь, – сказала

Хайди.

– Который прыгает с небоскребов?

– Который ни хера не отвечает на звонки, – ответила Хайди, убирая телефон.

– Почему бы нам не сесть в такси? – спросил Милгрим. За это время мимо них проехали несколько кебов.

– Потому что *поезд* эти козлы не остановят.

Они шли сейчас по Кинг-Вильям-стрит, где было больше машин, больше кебов. Ремень сумки резал Милгриму плечо, от куртки несильно и даже скорее приятно пахло специями, возможно, от чего-то недавно съеденного. Милгрим успел проголодаться, несмотря на вьетнамский обед с Уинни. Он вспомнил про красный модемчик Холлис. Интересно, берут ли мобильные в лондонской подземке? В нью-йоркской вроде не берут. Потому что, если там есть мобильная связь, он бы из поезда написал Уинни в твиттер. Рассказал ей про Фоли и «хайлюкс». Была ли это попытка похищения? Или даже хуже? Скорее всего, да. Но какой дурак нападет на людей в бронированном автомобиле? С защитой уровня наркокартеля? Тут Милгрим сообразил, что выпускники Нью-Йоркской школы дизайна могут в таком не разбираться.

Впереди поток пешеходов вливался в подземный переход к станции «Банк». Центральная линия. Они доедут до «Мраморной Арки», это близко к Портман-Сквер, а оттуда он пешком дойдет до гостиницы. Быстрее, чем на такси, и может быть, удастся из метро войти в твиттер.

Внезапно Хайди резко распахнула полу вывернутой куртки. Как будто хотела продемонстрировать Милгриму большую брошь: три серебристые ракеты, носами вниз, с красными хвостами. Одну из них Хайди оторвала и, развернувшись всем длинным телом, метнула туда, где они с Милгримом были две минуты назад.

Раздался нечеловеческий вопль, который звучал, не умолкая, пока Хайди, грубо, как полицейский, тащила Милгрима по лестнице к станции «Банк-Монумент».

51
К вам пришли

Холлис лежала на ложе арктического психоза, в уличной одежде на вышитом бархатном покрывале, и следила за качанием огромных теней от галогенных ламп в клетке-библиотеке, убавленных до самого тусклого свечения. В каком-то смысле она не понимала, где находится. В номере четвертом «Кабинета», безусловно, но если ее только что пытались похитить (а Фиона считала, что это так), то остался ли номер четвертый прежним местом? Вопрос контекста. Место прежнее, значение изменилось.

Фиона вместе с Холлис зашла в номер, заглянула в ванную и в одежный шкаф, в котором точно никто бы не поместился. Если бы боковины кровати не упирались в ковер, Фиона наверняка заглянула бы и под них. Запрись на цепочку, распорядилась Фиона, отправляясь на поиски Милгрима и Хайди. Она считала, что сумеет их найти, и сказала, что, насколько ей известно, у них все в порядке. Фиона не больше Холлис понимала, отчего те машины пытались поймать их в ловушку, но тоже узнала Фоли, их тень из «Салон дю вэнтаж». Как его назвал Бигенд? Фантазером? Каким образом он собирался проникнуть в суперпикап Олдоса? Холлис слышала от Олдоса, который обожал расписывать достоинства своей машины, что та запечатывается герметически. В ней есть баллоны со сжатым воздухом, так что она может проехать через облако слезоточивого, да и любого другого, газа. Даже под водой может ехать, выставив шноркель. Банковский сейф на колесах; «стекло» в окнах – израильский секретный наноматериал (Олдос особенно гордился, что Бигенд сумел его раздобыть). Неужели Фоли просто не разобрал, что в серебристом пикапе есть что-то особенное? В конце концов, на взгляд Холлис, он ничем не отличался от других пикапов похожего типа: длинный, четырехдверный, очень мужской, кузов укорочен за счет большого салона. Кузов покрывала рифленая крышка, покрашенная в цвет корпуса. Может, под ней и хранятся баллоны с воздухом? И что случилось с Фоли после их встречи в Париже? Попал под машину? Повредил голову?

В дверь постучали. Два резких, довольно сильных удара.

– Мисс Генри? – Мужской голос. – Это Роберт, мисс Генри.

Говорил вроде бы и впрямь Роберт. Холлис встала с кровати, подошла к двери.

– Да?

– Мисс Генри, к вам пришли.

Эти неожиданные из уст охранника слова были произнесены таким нехарактерно веселым тоном, что Холлис отступила назад, быстро глянула на ближайшую полку и схватила ту самую голову черного дерева, в которую Хайди сегодня так метко попала дротиком. Голова была приятно увесистой, а шипастая прическа превращала тупой тяжелый предмет в колющий.

Холлис приоткрыла дверь, не снимая цепочку, и выглянула в коридор. Там стоял улыбающийся Роберт. С высоты чуть больше половины его роста на Холлис смотрел Гаррет. Она ничего не понимала, пока не открыла дверь, хотя потом не могла вспомнить, как прикрывала ее и как снимала цепочку. Не помнила она и своих слов, только то, что от них Роберт просиял облегчением и еще шире расплылся в улыбке.

– Извини, что не ответил на твой звонок, – сказал Гаррет.

Конголезский фетиш со стуком упал на пол. Широкая спина Роберта исчезла за самозахлопывающейся дверью зеленого коридора.

Гаррет сидел в инвалидном кресле.

Даже не в кресле, поняла Холлис, когда он правой рукой двинул джойстик, а на электрическом трицикле, черном, на пневматических шинах: гибриде швейцарского офисного кресла и дорогой игрушки тридцатых годов. Когда Гаррет на нем переехал через порог, Холлис услышала свой голос: «Господи!»

– Не так страшно, как выглядит, – сказал Гаррет. – Пришлось разыграть карту «я ж инвалид», чтобы уломать твоего швейцара. Отчасти.

Он отцепил от трицикла черную трость, нажал кнопку. Раскрылась квадратная опора на четырех ножках с резиновыми наконечниками.

Опираясь на нее, Гаррет встал, морщась и не наступая на правую ногу.

И тут Холлис обняла его обеими руками, а он ее – одной. Прижалась к нему мокрым от слез лицом.

– Я думала, ты умер.

– Кто тебе такое сказал?

– Никто. Но мне сказали, ты прыгнул с того ужасного здания. И никто не знал, где ты…

– В Мюнхене, когда ты звонила. На близкой встрече с пятью нейрохирургами, тремя немецкими и двумя чешскими. Они пытались вернуть ноге чувствительность. Поэтому и не перезвонил. Мне не давали телефон.

– Операция помогла?

– Нога болит, – ответил Гаррет.

– Бедный!

– Вообще-то, в данном случае это хорошо. Может, закроешь дверь?

– Не хочу тебя отпускать.

– Лучше за закрытой дверью. – Он погладил ее по копчику.

Пока Холлис запирала дверь на цепочку, Гаррет спросил:

– Это для кого?

Холлис обернулась. Он смотрел на конголезский фетиш.

– Как-то связано с тем, во что ты вляпалась по самые помидоры, если верить твоей горластой подруге?

– Хайди?

– Она мне оставила голосовое сообщение. Примерно час назад.

– Как ты убедил Роберта тебя впустить?

– Показал ему видео прыжка с «Бурдж-Халифа», снятое налобной камерой. Вход для инвалидов с задней стороны здания. Твой швейцар помог мне заехать. Тебя не было, я сказал, что посижу в фойе, поработаю на ноутбуке. Он, естественно, скоро подошел меня проверить. Увидел видео, мы разговорились. Я объяснил, что я твой друг. – Он улыбнулся. – Это виски?

– Хочешь?

– Не могу. Обезболивающие. А вот тебе, наверное, стоит выпить. Ты чего-то бледная.

– Гаррет…

– Да?

– Я по тебе скучала.

Это прозвучало невероятно глупо.

– Взаимно. – Он уже не улыбался. – Я понял, что свалял дурака. Вообще-то, понял в то мгновение, когда на меня наехал «лотус».

– Тебе не надо было прыгать.

Гаррет помотал головой.

– Не надо было уходить. – Он, опираясь на четырехногую трость, медленно дошел до кровати, так же медленно повернулся и осторожно сел. – Сам шлет тебе поклоны.

Холлис не знала, сколько лет старику, но думала, что никак не меньше семидесяти.

– Как он?

– Не в восторге от того, что со мной. Вряд ли ему будет от меня польза. Скорее всего, он понимает, что мы оба отпрыгались.

Холлис плеснула себе на полдюйма виски в высокий стакан.

– Я так и не поняла, что им движет.

– Своего рода бурлящая свифтовская ярость, – ответил Гаррет, – которую он может выразить лишь извращенным, дьявольски сложным свершением, чем-то вроде сюрреалистского

жеста.

Он улыбнулся.

– И тогда, в Ванкувере, это был такой жест? – спросила Холлис.

– Очень удачный. И я встретил тебя.

– А потом занялся следующим, перед выборами?

– В ночь выборов, если быть совсем точным. Но то было другое дело. Мы просто хотели убедиться, что кое-что на этот раз *не произойдет*.

Виски обожгло горло так, что на глаза навернулись слезы. Холлис очень осторожно села рядом, боясь качнуть матрас и тем причинить Гаррету боль.

Он обнял ее за талию.

– Чувствую себя школьником в кино. С подружкой, которая не умеет пить виски.

– У тебя волосы длиннее, – сказала Холлис, гладя его голову.

– Отросли в больнице. Довольно долго пришлось там поваляться. Физиотерапевта пока еще не убил, но это был не последний шанс. – Он взял у нее стакан, понюхал. – Хайди сказала, ты вляпалась по самые помидоры. Суровая женщина. Рассказывай, во что вляпалась.

– Не знаю. Мы возвращались от Бигенда, и нам навстречу вылетела машина. Наш водитель свернул в проулок. Видимо, нападающие так и планировали, потому что в другом конце тоже появилась машина и поехала прямо на нас. Тот водитель был в балаклаве. Мы оказались зажаты между двумя машинами.

– И что случилось?

– Олдос, наш водитель, выдвинул машину перед нами из проулка, а потом еще и смял ей перед. Мы были на бронированной «тойоте», она как танк.

– «Хайлюкс», – сказал Гаррет. – С янкелевской броней.

– Откуда ты знаешь?

– Это их фишка. Чья машина?

– Бигенда.

– Ты вроде хотела держаться от него подальше.

– Хотела. И даже держалась. Несколько дней назад он снова прорезался, предложил работу, и я согласилась. Но все пошло наперекосяк.

– Да уж. А точнее?

– Его айтишник и спец по безопасности переметнулся к конкуренту. У него большие планы на военные заказы. В Соединенных Штатах.

– У айтишника?

– У Бигенда. Он хочет разрабатывать модную одежду. Для

военных. Говорит, это кризисоустойчиво.

Гаррет глянул на нее:

– Верно говорит. Знаешь ли ты, кто зажал вашу машину в проулке?

– Кто-то, кому Бигенд сильно досадил. Другой контрактор. Мне сегодня назвали фамилию, но я не запомнила. Американский торговец оружием, как я поняла.

– Кто тебе это рассказал?

– Милгрим. Он тоже работает на Бигенда. Даже не то что работает. У него это ближе к хобби.

– Темновато тут у вас, – сказал Гаррет, оглядывая номер.

Холлис осторожно встала, подошла к выключателю. Прибавила света в галогенных лампах.

– Кто-то много ходил по распродажам, – заметил Гаррет. – Настоящий Музей Человечества.

– Клуб. Инчмейл в нем состоит. Тут все номера такие.

Гаррет взглянул на китовую челюсть:

– Портобелло-роуд под кислотой.

Правая штанина его черных брюк была аккуратно распорота по внутреннему шву, снизу доверху, и заколота черными английскими булавками.

– Почему у тебя штанина заколота?

– Подался в готы. Трудно найти булавки, чтобы и черные, и маленькие. Сам меняю повязки. У меня для этого целая аптечка в инвалидном кресле. – Он улыбнулся. – Швы уже чешутся. – Потом нахмурился. – Зрелище, правда, не из приятных. Штаны лучше не снимать. – Он снова понюхал виски. Отпил крошечный глоток. Вздохнул. – Значит, вот в это ты вляпалась?

– Здесь было следящее устройство. – Холлис встала, взяла с ночного столика фигурку синего муравья. – Возможно, с Ванкувера, а может, его вставили позже. – Она открыла ящик, вынула «жучок» в прозрачной трубочке. – Бигенд? Слейт?

– Это кто?

– Айтишник Бигенда. Который переметнулся. Аджай оставил трубочку снаружи, когда Хайди заклеивала статуэтку. Сказал, так будет больше возможностей.

– Джай?

– А-джай. Любимый спарринг-партнер Хайди в ее новом спортзале, в Хэкни. Твой фанат. Совершенно от тебя без ума.

– Интересный поворот, – заметил Гаррет. Затем похлопал по кровати рядом с собой. – Садись обратно. Потешь старика.

52
Вопрос более подробно

Хайди сказала, что в лондонском метро мобильной связи нет, так что Милгрим не стал проверять, сработает ли модемчик. До «Мраморной Арки» доехали быстро. Милгрим сидел, Хайди стояла и постоянно зыркала по сторонам, высматривая в пассажирах признаки начинающегося фолиизма.

Куртка на ней была по-прежнему вывернута наизнанку. Поскольку Хайди то и дело поворачивалась вправо-влево, куртка все время распахивалась, и Милгрим разглядел то, что сперва принял за брошь. Это были дротики, дартс, в которые англичане играют в пабах. Милгрим даже видел соревнования, в гостинице по телевизору, настолько гипнотически нудные, что гольф по сравнению с ними казался контактным спортом. Но теперь он понял, что́ сделала Хайди. Из трех дротиков осталось два. Нехорошо. Он понимал, что, наверное, должен быть благодарен ей, и все равно это было нехорошо. Впрочем, он отметил, что не боится Хайди, хотя, безусловно, не хотел бы оказаться на месте ее врагов.

Возле выхода со станции был *KFC*, но закрытый. От него страшно несло фастфудом, и Милгрима внезапно накрыло сильнейшей ностальгией. Тоска по дому, подумал он, еще одно чувство, которое он заглушал наркотиками, загонял в невентилируемый подвал собственной души. Насколько бы абстрактным понятием ни был сам «дом».

И тут Фиона засигналила, дважды, с проезжей части, замахала ему рукой. Он подошел. Она как раз подняла щиток, под тем углом, при котором линия ее щеки как-то особенно пересекалась краем желтого шлема. И в этом было безымянное, но щемящее очарование.

– Поедешь со мной, – сказала она, протягивая ему черный шлем. Затем чуть задрала подбородок, чтобы поглядеть на Хайди. – За тобой я отправлю машину.

– Нафиг. Пешком дойду. Где Холлис?

– В «Кабинете». Я заберу Милгрима.

– Забирай.

Хайди взяла черный шлем и надела ему на голову. Запах лака для волос до сих пор не выветрился. Хайди на прощание стукнула по шлему костяшками пальцев. Милгрим перекинул ногу через седло и обнял Фиону, чувствуя девичье тело под броней. Заморгал от неожиданности нового ощущения. Обернулся

глянуть на Хайди через тусклый щиток. Она уже шла прочь.

Фиона стартанула с места.

> > >

– Последняя соломинка, – сказал Бигенд.

Он сидел за простым, белым икейским столом, на котором лежали каталоги с образцами тканей. Угол у стола был отколот.

– Простите?

Милгрим сидел напротив на нелепом лиловом табурете, обитом очень мягкой подушкой из дешевого материала.

– Пословица, – ответил Бигенд. – Последняя соломинка сломала хребет верблюду. Ладно, мой хребет так просто не сломать, но груз для меня стал неподъемным.

– Фоли, – сказал Милгрим. – Он был в машине впереди нас.

– Это я понял.

– Где Олдос?

– Отвечает на вопросы полицейских. Он это хорошо умеет.

– Его арестуют?

– Вряд ли. Но в Париже вы сказали Фионе, что пошли в «Галери Лафайет». Сказали, что Фоли, как вы и рассчитывали, отправился туда за вами, и вы, определив, что Слейт направляет Фоли с помощью вашего «нео», подбросили телефон, если не ошибаюсь, в детскую коляску.

– Эта была не совсем коляска в привычном смысле, – сказал Милгрим. – Что-то более современное.

– Почему вы выбрали ту конкретную коляску?

– Женщина, мать, была русская. Я подслушал ее разговор с подругой.

– И что, на ваш взгляд, это была за женщина?

– Жена олигарха…

– Или бандита?

Милгрим кивнул.

– В сопровождении, как я понимаю, по меньшей мере одного телохранителя?

Милгрим снова кивнул.

– Нехорошо. – Бигенд смотрел на него в упор.

– Мне стыдно, – сказал Милгрим.

– Само по себе то, что вы начали проявлять инициативу, могло бы скорее радовать. Но теперь я вижу, что вы поступили безответственно. Импульсивно.

– Вы тоже импульсивны, – неожиданно для себя ответил Милгрим.

– Мне *положено* быть импульсивным. Вам – нет. – Бигенд нахмурился. – Правильнее сказать, не то что именно вам не положено быть импульсивным, просто я по прошлому опыту от вас этого не ждал. Зачем вы так поступили?

– Я устал от Слейта. Он мне с самого начала не нравился.

– Он многим не нравится, – согласился Бигенд.

– И я никогда раньше не задумывался о том, что он следит за мной через «нео». Я был уверен, что он делает это по вашему поручению, но когда вы сказали, что не доверяете ему… – Милгрим пожал плечами. – Меня разобрала злость.

Бигенд изучающе смотрел на него. Катодная синева костюма через сетчатку вплывала Милгриму в мозг.

– Кажется, я понял. Вы меняетесь. Меня предупреждали, что так будет. Буду в дальнейшем учитывать этот фактор. – Бигенд вытащил из кармана айфон, сощурился, убрал его обратно. – Женщина в Севн-Дайлс. Федеральный агент. Я хочу знать об этом больше. Расскажите про нее все.

Милгрим прочистил горло, чего в таких ситуациях обычно старался не делать. Сумка с ноутбуком лежала у ног, и он пересилил желание на нее покоситься.

– Уинни, – сказал он. – Тун Уитакер.

– Почему на вас логотип «Сонни»? – спросил Бигенд.

– Хайди остановила уборщика и купила у него.

– Это китайский бренд, если тут можно сказать «бренд». Скорее логотип. Для африканского рынка.

– Мне он не показался африканцем. Ближе к славянскому типу.

– Дзюн! – позвал Бигенд. – Зайдите сюда.

Из темного торгового помещения вошел маленький японец в круглых золотых очках. Милгрим не видел его, когда заходил с улицы вместе с Фионой, только второго водителя, того, что брал у него анализы мочи.

– Да? – спросил японец.

– Милгриму нужна новая одежда. Подберите с ним вместе.

– Вас не затруднит встать? – спросил Дзюн.

У него были маленькие аккуратные усики. И британская охотничья кепка, вероятно канголовская, которая у Милгрима ассоциировалась с Бронксом совершенно другой эпохи.

Милгрим встал.

Дзюн обошел его и сказал:

– Талия тридцать два. Посадка тридцать два?

– Тридцать три.

Он взглянул на ботинки Милгрима.

– Восьмой номер?

– Девятый, – ответил Милгрим.

– Британский восьмой, – сказал Дзюн и вернулся в темный магазин, где, как догадывался Милгрим, по-прежнему сидел водитель с зонтом. Тот, что берет анализы мочи.

– Вы ее не интересуете, – начал Милгрим. – Она подозревала, что вы деловой партнер Грейси. В Миртл-Бич она еще не понимала, что происходит. Поэтому она отправилась за мной. И думаю…

– Да?

– Думаю, ей хотелось посмотреть Лондон.

Бигенд поднял бровь.

– Но лондонские полицейские не захотели ей насчет вас помогать. Она сказала, у вас связи. В полиции.

– Вот как?

– Но они спросили ее про вашу машину.

– Что именно?

– Просто любопытствовали.

– А что она хотела от вас?

– Она рассчитывала, получив сведения о вас, узнать больше про Грейси и Фоли. Но как только она поняла, что вы просто конкурент, тоже интересуетесь американскими военными заказами, она перестала вами заниматься.

– Это вы ей рассказали?

– Да. И она перестала вами заниматься.

Наступила пауза.

– Понимаю, о чем вы, – сказал Бигенд.

– Я не рассказывал ничего, кроме того, о чем она спрашивала. Отвечал на конкретные вопросы. Не вижу, как еще можно было поступить.

Вернулся Дзюн с ворохом одежды, которую положил на стол, сдвинув каталоги. Помимо прочего там была пара очень новых светло-коричневых ботинок.

– Встаньте, пожалуйста.

Милгрим встал.

– Снимите куртку.

Милгрим расстегнул молнию на «Сонни» и снял ее. Дзюн надел на него что-то из благоуханного твида, тут же снял и заменил на что-то другое, столь же благоуханное, обошел Милгрима, застегнул на нем пуговицы, кивнул.

– Но почему вы мне тогда ничего не сказали? – спросил Бигенд.

– Снимите, пожалуйста, брюки, – сказал Дзюн. – И рубашку.

– Я боялся, – ответил Милгрим. – У меня тревожный психоз.

Он сел на жуткий лиловый табурет и начал развязывать

шнурки. Потом встал, в носках, на пол и взялся за брюки, радуясь, что не должен сидеть и смотреть на Бигенда.

– Может, у вас и тревожный психоз, – заметил тот, – но вы определенно меняетесь.

– Снимите рубашку, пожалуйста, – повторил Дзюн.

Милгрим подчинился. Он стоял в черных носках и трусах из «Галери Лафайет» и чувствовал: что-то изменилось в эти минуты, хоть он и не мог бы сказать, что именно. Дзюн деловито расстегнул клетчатую рубашку, помог Милгриму ее надеть. У рубашки был воротник «визитка», а застегнув перед, Милгрим обнаружил, что манжеты доходят почти до локтя. На них было множество перламутровых пуговиц.

– Вы бывали во Флоренции? – спросил Бигенд, пока Милгрим возился со странными манжетами.

– Во Флоренции?

Дзюн подал ему габардиновые брюки.

– Тоскана в это время года очаровательна, – сказал Бигенд. – Дождь. Солнце более мягкое.

– Вы отправляете меня в Италию?

– Вместе с Холлис. Я предпочитаю, чтобы вы оба пока были там. Кто-то на вас зол. Внутри «Синего муравья» я создам видимость, что вы оба в Лос-Анджелесе. Возможно, это убедит Оливера.

Милгрим вспомнил крик у станции «Банк», набрал в грудь воздуха, но не нашел слов. Застегнул новые брюки. Они были с манжетами, непривычно узкие в щиколотках.

– Сядьте, пожалуйста, – сказал Дзюн, расшнуровывая коричневые ботинки: броги с более узким, чем у традиционных, носом, на толстой подошве.

Милгрим сел. Дзюн встал на колени, надел на него ботинки, подтянул и завязал шнурки. Милгрим встал, переступил с ноги на ногу. Ботинки вроде не жали, но были жесткие, тяжелые. Дзюн протянул узкий тяжелый ремень из кожи того же цвета с блестящей бронзовой пряжкой. Милгрим вдел его в брюки.

– Галстук. – Дзюн протянул ему шелковый галстук в огурцах.

– Спасибо, я их не ношу.

Дзюн положил галстук на стол, помог Милгриму надеть пиджак и убрал галстук ему во внутренний карман. Затем улыбнулся, потрепал Милгрима по плечу и вышел.

– Так-то лучше, – сказал Бигенд. – Для Флоренции. *Bella figura*[39].

– Я возвращаюсь в Кэмден?

– Нет, – ответил Бигенд. – Вот почему я попросил Фиону взять у вас ключи. Она соберет ваши вещи и выпишет вас из

гостиницы.

– Так куда мне ехать?

– Никуда. Будете ночевать здесь.

– Здесь?

– Поролоновый коврик и спальный мешок. Мы за углом от «Синего муравья», но там не знают.

– Что не знают?

– Что я Танки.

– Как это понимать?

– «Танки и Тодзё». Название магазина. Я – Танки, Дзюн – Тодзё. Он гений.

– Правда?

– У него восхитительно провокационное чутье на противоречия, – ответил Бигенд. – Вас он нарядил околосветским аферистом.

– Здесь есть вайфай?

– Нет, – ответил Бигенд.

– Она, Уинни Тун Уитакер, особенно настоятельно просила передать, что Грейси считает вас конкурентом. То есть для него вы враг.

– Я ему не враг, – сказал Бигенд.

– Вы поручили мне украсть модель его штанов.

– Сбор коммерческой информации. Если бы вы не натравили на Фоли русских телохранителей, все было бы куда проще. И не отвлекало бы меня от более важных вещей. Впрочем, я рад, что нам представился случай обсудить вопрос более подробно с глазу на глаз.

– Нечистый на руку полицейский – одно дело, – сказал Милгрим. – Нечистый на руку бывший майор спецвойск, который нелегально торгует оружием? Думаю, это совсем другое.

– Он *бизнесмен*. Как и я.

– По ее словам, он считает, что способен на все. Она сказала, его *учили*. В заведениях.

– Он не первый торговец оружием, с которым мне случалось иметь дело, – сказал Бигенд, вставая. Он оправил костюм, который, как заметил сейчас Милгрим, не мешало бы отутюжить. – А пока вы с Холлис сможете походить по музеям, попробовать еду. Она там превосходна.

– Еда?

– Поразительно, что с вами сделали в Базеле. Я поражен. И вижу теперь, что этому всему требовалось время, чтобы устояться.

– Кстати, вы мне напомнили.

– О чем?

– Я очень хочу есть.

– Бутерброды. – Бигенд указал на бумажный пакет. – Курица и ветчина. Зерновой хлеб. Я свяжусь с вами завтра, когда решится вопрос с вашей поездкой. Вас здесь запрут и активируют сигнализацию. Пожалуйста, не пытайтесь уйти. Дзюн придет в половину одиннадцатого или около того. Спокойной ночи.

Когда Бигенд ушел, Милгрим съел два бутерброда, тщательно вытер руки, потом снял новые ботинки, изучил логотип «Танки & Тодзё» на оранжевых кожаных стельках, понюхал их и поставил на белый стол. Серый линолеум сквозь носки холодил ноги. Дверь в помещение магазина, которую Бигенд, уходя, закрыл за собой, выглядела дешевой, пустотелой. Дилер по фамилии Фиш как-то на глазах у Милгрима оторвал тонкую внешнюю панель такой же двери. Внутри оказались пакеты с контрафактным мексиканским валиумом. Сейчас Милгрим приложил ухо к очень похожей панели. Затаил дыхание. Ничего.

Сидит ли там водитель с зонтом и запасом баночек для мочи? Милгрим предполагал, что нет, но все же счел за лучшее убедиться. Нашел выключатель, погасил свет. Постоял минуту в темноте, потом открыл дверь.

Магазин неярко освещали торшеры – цилиндры из белой бумаги. Витрина отсюда походила на большую фотографию в художественной галерее: кирпичная стена через улицу, бледный фрагмент граффити. Внезапно за окном прошел кто-то в черной толстовке с капюшоном. Милгрим сглотнул. Закрыл дверь. Снова включил свет.

Затем, уже не стараясь ступать тихо, прошел в дальний конец и открыл другую дверь, поменьше. За ней оказалась опрятная уборная с очень новыми унитазом и угловой раковиной. Больше дверей не было. Никакого черного хода.

Он отыскал девственно-белый поролон двуспальной ширины, в пять дюймов толщиной, скрученный в тугой цилиндр. Цилиндр был обвязан тремя полосами прозрачной упаковочной ленты с логотипом «Синего муравья». Рядом лежала толстая, неожиданно короткая сосиска из чего-то похожего на темный блестящий шелк и стояла литровая бутылка шотландской минеральной воды без газа.

В ящике стола обнаружились икейская инструкция по сборке и ножницы с прозрачными ручками. Два других ящика были пусты. Милгрим разрезал ножницами ленту и развернул рулон. Поролон распрямился не до конца, и Милгрим положил его вогнутой стороной на холодный линолеум, потом взялся за шелковую сосиску. На одной ее стороне было вышито «Монт-белл». Повозился с пластмассовым замочком, ослабил завязки и вытащил плотно умятое содержимое. Спальный мешок оказался

очень легким, очень тонким, эластичным, из такого же блестящего фиолетового материала, что и чехол. Милгрим расстегнул его и расстелил на поролоне. Взял бутылку воды, отнес ее на стол, рядом положил сумку. Придвинул кресло Бигенда, сел, вытащил из сумки мятую куртку. Удивленно глянул на твидовые лацканы нового пиджака, впервые их заметив. Хорошо хоть пиджак закрыл нелепые манжеты. Отложил старую куртку в сторону, достал макбук, зарядный провод, британский адаптер и красный модемчик Холлис.

Электричество в Британии – какой-то особой породы, вилки трехзубые, тяжелые, розетки на стенах – со своими отдельными маленькими выключателями. Какая-то избыточная предосторожность, все равно что надевать подтяжки с ремнем. «Лишняя соломинка», – пробормотал Милгрим, вставляя зарядный шнур в розетку и щелкая маленьким выключателем.

Он погуглил «Танки & Тодзё», узнал, что Дзюн, Дзюнё Марукава, владеет собственным магазином в Токио, что про «Танки & Тодзё» много пишут в сети и что в следующем году на Лафайет-стрит в СоХо открывается американское отделение. Фамилия Бигенда не упоминалась ни разу. Стиль Дзюна автор одной статьи назвал «шок + традиционность».

Милгрим вошел в твиттер, увидел, что от Уинни ничего нет, и начал сочинять сообщение в голове, попутно избавляясь от трех странных девиц с номерами вместо фамилий, которые почему-то хотели следить за его обновлениями.

53
Сверчок

Холлис проснулась от стрекота механического сверчка и не смогла вспомнить, действительно ли спала. Всю ночь она лежала рядом с Гарретом почти без сна: ей нужно было уверить себя, что он и вправду здесь. От него пахло больницами. Чем-то, чем он обрабатывал швы. Их Гаррет посмотреть не разрешил, сказав, что нога – «незавершенный проект».

Перебинтовывал он ее, сидя в кресле на черном мусорном пакете, который достал из рюкзака за спинкой инвалидного трицикла. Холлис он отправил в ванную. Она стояла, прислонившись к трубам-сушилкам, и слушала, как Гаррет нарочно фальшиво насвистывает, чтобы ее подразнить.

– Все! – крикнул он наконец. – На меня можно смотреть.

Холлис вышла из ванной. Гаррет застегивал последние булавки на штанине. Мусорный пакет, завязанный, лежал рядом на ковре.

– Больно это? – спросила Холлис.

– Вообще-то, нет. Вот остальное – восстановление, физиотерапия – удовольствие поменьше. Знаешь, что у меня теперь ротанговая бедренная кость? – Он ухмыльнулся.

– Какая?

– Ротанговая. Из того же, из чего плетут корзины и мебель. Его научились превращать в полный аналог человеческой кости.

– Ты меня подкалываешь.

– Только-только начали испытывать на людях. На мне, если совсем точно. На овцах получалось отлично.

– Из него нельзя сделать кость.

– Его запекают в печи. С кальцием и чем-то еще. Долго. Под давлением. И он становится почти как кость.

– Врешь.

– Надо было попросить их, чтобы сплели тебе корзинку. Жаль, не додумался. Вся прелесть в том, что из ротанга можно сделать кость *в точности* нужной формы. То есть гнут и обрабатывают ротанг. А потом уже делают его твердым. Идеальная замена кости. Даже чуть прочнее старой. Микроструктура позволяет кровеносным сосудам прорастать внутрь.

– Не пудри мне мозги.

– Расскажи мне подробнее о том, что Милгрим говорил мистеру Биг-Энду, – потребовал Гаррет. Он всегда произносил это

имя в два слова, как «Большой конец».

Все это было вчера. А сейчас Холлис нащупала трубку, еще более массивную в темноте.

– Я буду здесь через десять минут, – сказал Бигенд. – Ждите меня в гостиной.

– Который час?

– Восемь пятнадцать.

– Я сплю. Спала.

– Мне нужно с вами увидеться.

– Где Милгрим? И Хайди?

– О нем мы скоро поговорим. Хайди тут ни при чем.

Он повесил трубку.

Холлис сощурилась на полоски света по краю занавесок. Очень тихо положила трубку. Гаррет по-прежнему ровно дышал во сне.

Холлис осторожно села. Гаррет спал на спине, в брюках и носках. На его голой груди были новые шрамы, затянувшиеся, но все еще свежие, рядом со старыми, которые она могла бы нарисовать по памяти.

Холлис тихонько встала, вошла в ванную, закрыла за собой дверь и зажгла свет.

54
В сиянии экрана

– Фергюсон, – сказала Уинни Тун Уитакер. – Тот, что с «каскадом». Прилетел вместе с Грейси из Женевы.

Милгрим сидел за столом, накинув на плечи спальный мешок, в бледном сиянии экрана и подсвеченной клавиатуры. Он пробовал уснуть, но то и дело вставал проверять твиттер. На шестой или седьмой попытке там оказался ответ: номер Уинни в Соединенных Штатах. Милгрим достал ее карточку и понял, что номер сотовый. Под каталогами с образцами обнаружился бумажный телефонный справочник, в котором нашлись нужные цифры для набора американского номера.

– Который со штанами? – спросил Милгрим, надеясь услышать «нет».

– *Майк* Фергюсон. Видите? Я же вам говорила.

– Когда вы улетаете?

– Вообще-то, ваша история может потребовать ОВК.

– Что это?

– Отпуск в командировке. Последняя уловка, разрешенная федеральным агентам. Я здесь в командировке и с разрешения начальства могу взять двухдневный отпуск. Шестнадцать рабочих часов в год. Как только вы чирикнули, я сразу отправила мейл шефу. Расходы, правда, будут из моего кармана. – В голосе послышалось огорчение. – С другой стороны, мне правда дико интересно, а шеф не разделяет моего интереса настолько, чтобы и дальше платить мне суточные. Эта штука, которую вы откололи в Париже, – вот уж от вас не ждала. И чего теперь?

– Не знаю, – честно ответил Милгрим.

– Это был выпускник школы дизайна. Который воображает себя «зеленым беретом». И дебильное нападение на машину вашего босса – тоже он.

– Да, – сказал Милгрим. – Я его видел.

– В смысле не Грейси и не Фергюсон. Они в это время проходили паспортный контроль в Хитроу. Впрочем, сейчас они уже должны были узнать про всю эту историю. Интересно, как отреагировал Грейси. Если он хоть что-то соображает, то уволит дизайнера, от которого проку меньше, чем ноль. Не то что у Грейси нет мозгов. Мозгов у него много, только думает он другим местом. Вы сказали Бигенду?

– Да, – ответил Милгрим. – Думаю, я передал ему все, что вы просили.

– Вы сказали ему про меня?

– Я показал вашу карточку, – ответил Милгрим. Она сейчас лежала на столе рядом с компьютером.

– Опишите его реакцию.

– Он вроде бы не встревожился. Но я вообще не видел его встревоженным. Он сказал, ему случалось иметь дело с федеральными агентами.

– Скоро ему на голову свалится под двести килограмм тренированных *майков*, если считать обоих. Держите меня в курсе. Мобильный есть?

– Нет. Я оставил его в Париже.

– Тогда через твиттер. Или звоните по этому номеру.

– Я рад, что вы не уедете.

Милгрим поставил невесомую пластмассовую трубку в углубление базы, отчего на ней зажглась белая панель.

Он глянул на часы в верхнем правом углу экрана. До прихода Дзюна оставалось несколько часов. Светать еще не начинало.

Милгрим взял спальный мешок и снова лег на поролон.

55
Мистер Уилсон [40]

Бар «Кабинета» был почти пуст.

Молодой итальянец вместе с другим официантом отгораживал ширмами столик чуть в стороне от полки с нарвальими бивнями. Холлис и раньше видела, как здесь ставят ширмы для приватного делового завтрака. Она думала, они сделаны из очень старых гобеленов, выцветших до разных оттенков хаки, но сейчас разглядела на них сцены из диснеевской «Белоснежки». Хорошо хоть без порнографии. Холлис шла к привычному месту под витыми бивнями, когда итальянец ее заметил.

– Вам сюда, мисс Генри, – сказал он, указывая на ширмы.

На лестнице появился Бигенд. Он поднимался быстро, тренчкот был перекинут через руку, аура синего костюма почти била по глазам.

– Милгрим, – сказал он, дойдя до Холлис. Потом повернулся к официанту-итальянцу: – Кофе.

– Да, сэр.

Итальянец торопливо ушел.

– Что-то случилось с Милгримом? – спросила Холлис.

– С Милгримом ничего не случилось. Милгрим случился со мной.

Бигенд бросил тренчкот на спинку стула.

– В каком смысле?

– Он попытался ослепить так называемого Фоли. Вчера, перед станцией «Банк».

– Милгрим?!

– Мне он об этом не сообщил, – сказал Бигенд, садясь.

Холлис села напротив него.

– Расскажите мне, что произошло, – попросила она.

– Сегодня утром они пришли к Войтеку домой. Забрали Бобби.

– Бобби?

– Чомбо.

Холлис вспомнила Чомбо. Первую встречу в Лос-Анджелесе и вторую, при других обстоятельствах, в Ванкувере.

– Он здесь? Кто пришел?

– На Примроуз-Хилл. Вернее, был до сегодняшнего утра.

Бигенд яростно глянул на подошедшую с кофейником итальянку. Та налила кофе сперва Холлис, потом ему.

– Спасибо, ничего больше не надо, – сказала Холлис, чтобы поскорее отпустить девушку.

– Хорошо, – ответила та и выскользнула за диснеевскую ширму, которой на вид было не меньше четырехсот лет.

– Он математик? Программист? Я его забыла.

Холлис подумала, что Чомбо выпал у нее из памяти не без причины. Мало что сам по себе крайне неприятная личность, он был еще тесно связан с тем, что так пугало ее в знакомстве с Бигендом.

– Вроде бы мне в Ванкувере показалось, что вы его обхаживаете. Как раз когда я уходила.

– Феноменальный талант. Пугающе узкий, – сказал Бигенд с явным одобрением. – Полнейшая собранность.

– Задница он, – заметила Холлис.

– Это несущественно. Я уладил его дела, привез Бобби сюда и дал ему задачу, достойную его мозгов. Первую в его жизни. Я мог бы обеспечить ему любой образ жизни. Абсолютно любой.

– Хорошо быть задницей.

– Но поскольку он по сути паразит с постоянной эмоциональной потребностью раздражать хозяина и поскольку мне хотелось отделить этот проект от «Синего муравья», я попросил Войтека поселить его у себя. Дома. За плату, разумеется.

– Кто такой Войтек?

– Мой альтернативный айтишник. Тайный козырь против Слейта. Я не могу быть уверен, что Слейт про него не узнал. Но теперь понятно, что Слейт выведал, где я прячу Чомбо, пока тот работает над проектом.

– Что за проект?

– Тайна. – Бигенд чуть приподнял брови.

– А кто забрал Бобби?

– Трое. Американцы. Сказали Войтеку, что, если тот сообщит кому-нибудь раньше семи утра, они вернутся за ним, его женой и ребенком.

– Они угрожали его жене и ребенку?

– Войтек из Восточной Европы, и такие слова для него не пустой звук. Поверил им сразу. Позвонил мне в семь двадцать. Я тут же позвонил вам. Возможно, я попрошу вас помочь мне с Милгримом.

– Кто это был?

– Фоли, судя по описанию. Безостановочно говорил про Милгрима. Остальные двое, как я понял, Грейси, Милгримов торговец оружием, и кто-то еще. Грейси явно главный, спокойный, деловитый. У третьего, по словам Войтека, была

стрижка «каскад». Мне пришлось ее гуглить. Фоли, судя по всему, за последнюю неделю дважды побывал в больнице и винит за это лично Милгрима. Грейси же считает, что Милгрим исполнял приказы. Мои.

– Он сказал это Войтеку?

– Мне.

– Когда?

– Когда я ехал сюда. Слейт, видимо, дал ему мой личный номер.

– У него был злой голос?

– У него был голос программы для искажения речи. Никаких чувств не прочесть. Он объяснил, какой будет выкуп за Бобби и почему.

– Сколько?

– Милгрим.

– Сколько он хочет?

– Он хочет получить Милгрима. Ничего другого.

– Вот ты где, – сказал Гаррет из просвета между ширмами. – Могла бы записку оставить.

Бигенд взглянул на Гаррета с детской открытостью. Холлис видела это выражение лишь один или два раза и страшилась его.

– Это Гаррет, – сказала она.

– Уилсон, – добавил Гаррет, что было неправдой.

– Как я понимаю, мистер Уилсон, вы – друг Холлис? Тот, который недавно попал в автокатастрофу?

– Не так уж недавно, – ответил Гаррет.

– Я вижу, вы к нам, – сказал Бигенд.

Появился озабоченный официант-итальянец, и Бигенд сказал ему:

– Отодвиньте ширму, чтобы мистер Уилсон мог войти. Принесите ему стул.

– Спасибо, – сказал Гаррет.

– Не за что.

– Разве тебе можно ходить? – спросила Холлис, привставая.

Официант отодвинул ширму. Гаррет вошел, тяжело опираясь на трость с подставкой.

– Я ехал в инвалидном кресле, потом спустился на служебном лифте. – Он положил свободную руку ей на плечо. – Не вставай.

Итальянец помог ему сесть в кресло с высокой спинкой, принесенное от соседнего столика. Гаррет улыбнулся Бигенду.

– Губерт Бигенд, – представила Холлис.

– Очень приятно, мистер Биг-Энд.

Они над столом пожали друг другу руки.

– Зовите меня Губертом. Чашку мистеру Уилсону. –

Последние слова были обращены к официанту.

– Гаррет.

– Вы попали под машину здесь, в Лондоне?

– В Дубае.

– Ясно.

– Прошу меня извинить, – сказал Гаррет, – но я невольно услышал ваш разговор.

Бигенд чуть приподнял брови.

– Много?

– Основное, – ответил Гаррет. – Так вы думаете о том, чтобы отдать им Милгрима?

Бигенд перевел взгляд с Гаррета на Холлис, потом обратно.

– Не знаю, сколько еще вам известно о моих делах, но я довольно много вложил в здоровье и благополучие Милгрима. Все это случилось в очень сложное для меня время, поскольку я не могу доверять собственной службе безопасности. Идет борьба внутри компании, а к здешним охранным фирмам я обращаться не хочу. Все равно что нанимать вшивого ловить у вас на голове вшей, по моему прошлому опыту. Милгрим своими неосторожными действиями поставил под угрозу мой проект, наиболее для меня важный.

– Вы решили! – воскликнула Холлис. – Вы решили отдать им Милгрима!

– Я, безусловно, это сделаю, – сказал Бигенд, – если кто-нибудь не предложит мне более удачное решение. Все должно произойти не позднее завтрашнего утра.

– Тяните, – сказал Гаррет.

– Тянуть?

– Я, вероятно, что-нибудь придумаю, но мне нужно ближе к сорока восьми часам.

– Для меня это риск, – ответил Бигенд.

– Куда меньший риск, чем мой звонок в полицию, – сказала Холлис. – И в «Таймс», и в «Гардиан». Там ведь в «Гардиан» есть журналист, который вас особенно сильно не любит?

Бигенд вытаращил на нее глаза.

– Скажите им, что он исчез, – произнес Гаррет, – но что вы его разыщете. Я помогу вам в переговорах.

– Кто вы, мистер Уилсон?

– Хромой и очень голодный человек.

– Рекомендую полный английский завтрак.

56
Гений

Милгрим лежал на боку в спальном мешке на больничного вида поролоне. Усталость раз за разом медленно накатывала, но вместо того, чтобы затянуть в сон, перехлестывала через край и бросала его в состояние неопределенной тревоги, и так снова и снова, в порочном круге мучительной полудремы.

Психотерапевт в свое время объяснила ему, что это запаздывающий эффект стресса – страха и перевозбуждения. Ровно то, что было у него сейчас. И вот ведь подлость: нормальный человек снял бы это состояние одной таблеткой ативана. Однако Милгриму настойчиво повторяли: чтобы вылечиться, он должен строго воздерживаться от любимого препарата. Потому что, не уставала твердить психотерапевт, это не любовь, а потребность. И Милгрим знал, что на одной таблетке не остановится. Главное – не принять *первую* таблетку, говорил он себе в обманчивой полудреме, перебирая слова психотерапевта, как четки. Следующие таблетки – не проблема: если уберечься от первой, следующих не будет. Только эта первая таблетка всегда рядом, по крайней мере потенциально. Бац! Его снова выбросило в безотчетную тревогу. Перед глазами возникли искры от крыла, когда Олдос толкал машину Фоли по узкому проулку.

Милгрим попытался вспомнить, что знает о машинах, чтобы понять, из-за чего были искры. Современные машины в основном из пластика, внутри немного металла. Видимо, пластик ободрался до металла, посыпались искры, потом металл тоже стерся… Что ты мне очевидное рассказываешь, возмутился мозг.

Ему почудились какие-то голоса. Нет, не почудились. Милгрим открыл глаза. Комнату слабо озаряла пляска абстрактных фигур на экране макбука.

– Чомбо, – говорил Войтек, громко, раздраженно, с безошибочно узнаваемым акцентом. – Чомбо гений. Чомбо гениальный программист. Чомбо, я скажу тебе: Чомбо программирует, как старики трахаются.

– Милгрим! – позвала Фиона. – Ты где?

57
Домашняя заготовка

Неприятная история ничуть не отбила у Бигенда аппетит. Все трое заказали полный английский завтрак; теперь Бигенд планомерно налегал на еду, говорил в основном Гаррет.

– У вас обмен пленными. Один заложник на другого. Ваш красавчик полагает, и справедливо, что вы вряд ли обратитесь в полицию, – сказал он.

При этих словах Бигенд выразительно глянул на Холлис.

– Мы можем смело считать, что у него нет здесь разветвленной сети, – продолжал Гаррет. – Иначе бы он не послал за Милгримом идиота. Нет ее и у вас при теперешнем положении в фирме, и можно допустить, что он знает об этом через вашего крота.

– Можно ли быть кротом, работающим на самого себя? – спросил Бигенд. – Я бы предположил, что в той или иной степени все люди таковы.

Гаррет пропустил его слова мимо ушей.

– Ваш крот знает, что вы, по названным причинам, не склонны обращаться в постороннюю охранную фирму. Значит, и ваш красавчик это знает. Поскольку он в жизни не подписался бы на такой патентованный кретинизм, можно считать, что нападение на броневик организовал Фоли. Следовательно, вашего красавчика тут в это время не было или он находился не на связи. Скорее всего, уже ехал сюда, чувствуя, что Фоли может накосячить. И Фоли занялся самодеятельностью, чтобы успеть до приезда босса.

Холлис никогда не слышала, чтобы Гаррет разбирал так конкретную ситуацию, хотя что-то в интонациях напомнило ей, как он объяснял асимметричную войну – тему, остро его занимавшую. Он как-то сказал, что суть терроризма в брендинге и отчасти – в психологии лотереи, и Холлис тогда отчего-то подумала про Бигенда.

– Итак, – сказал Гаррет, – мы скорее всего имеем дело с импровизированным планом. Ваш красавчик выбрал обмен пленными. Дело, разумеется, изначально рискованное. Ваш красавчик безусловно это знает и знаком с возможными тактиками, включая ту, к которой я вероятнее всего прибегну.

– Что за тактика?

– Ваш Милгрим. Он непомерно толстый? Очень высокий? С характерной внешностью?

– Неприметный, – ответил Бигенд. – Среднего роста, худощавый.

– Отлично. – Гаррет начал намазывать масло на поджаренный хлеб. – Обмен пленными требует большого взаимного доверия. В этом и риск.

– Вы не отдадите им Милгрима, – сказала Холлис.

– Не сочтите за обиду, мистер Уилсон, но мне нужно знать подробности вашего плана, прежде чем я на него соглашусь. – Бигенд принялся вилкой нагребать бобы на хлеб.

– Бог в деталях, как говорят архитекторы. Но у вас тут более серьезная проблема. Контекстуально.

– Вы имеете в виду неуместную готовность Холлис сдать меня газетчикам?

– Грейси, – ответил Гаррет. – Полагаю, он затеял это все, поскольку решил, что вы успешно прищемили ему яйца. Он потребовал денег?

– Нет.

– Хочет ли денег ваш крот?

– Нимало в этом не сомневаюсь, – сказал Бигенд, – но вряд ли он может повлиять на этих людей. Полагаю, он искал контекст, в котором сумеет выгодно меня продать, и тут они сами на него вышли. Скорее всего, он их боится, и скорее всего, небезосновательно.

– Если вы отдадите им Милгрима и получите назад Бобби в целости и сохранности, они вернутся. Потому что у вас много денег. Майор, возможно, еще не думает в таких терминах, но ваш крот думает точно.

На лице Бигенда проступила нехарактерная задумчивость.

– Но если вы сделаете то, что хочу сделать я, – продолжал Гаррет, – то вы очень конкретно прищемите им яйца. И они придут уже не за деньгами, а по вашу душу.

– Тогда почему вы это предлагаете?

– Потому что отдать Милгрима – не вариант, – вставила Холлис.

– Дело в том, – сказал Гаррет, – что надо одновременно прищемить им яйца и вывести их из игры, причем всерьез и надолго.

Бигенд чуть подался вперед:

– И как вы намерены это сделать?

– Я не готов сейчас вам сказать, – ответил Гаррет.

– Вы не предлагаете уголовщину?

– В том смысле, какой вы вкладываете в это слово, нет.

– Я не представляю, что можно организовать нечто столь сложное за такое короткое время.

– Придется воспользоваться домашней заготовкой.

– Домашней заготовкой?

Но Гаррет уже вновь принялся за еду.

– Холлис, давно ли вы знакомы с мистером Уилсоном? – осведомился Бигенд тоном джейн-остиновской тетушки.

– Мы познакомились в Ванкувере.

– Вот как? У вас там было время на светскую жизнь?

– Мы встретились незадолго до моего отъезда.

– И вы уверены в его способности осуществить то, что он предлагает?

– Да. Но я связана словом, поэтому ничего больше сказать не могу.

– Люди, приписывающие себе такого рода способности, чаще всего – патологические лжецы. Впрочем, самое удивительное, по моему опыту, что хотя почти в каждом американском баре пьяный вам расскажет, что служил «морским котиком», иногда встречаются и бывшие «морские котики», в тех же самых барах, пьяные.

– Гаррет не «морской котик», Губерт. Я не знаю, как объяснить, кто он. В этом смысле он – как вы. Единственный в своем роде. Если он говорит вам: я считаю, что смогу вытащить Бобби и нейтрализовать угрозу для вас…

– Да?

– Значит он считает, что сможет.

– И что я должен буду сделать, если приму вашу помощь? – спросил Бигенд у Гаррета.

– Мне нужно знать, какие тактические ресурсы у вас остались в Лондоне, если остались. Мне нужен открытый бюджет. Мне придется нанять специалистов. Расходы.

– А сколько вы хотите для себя лично, мистер Уилсон?

– В деньгах – нисколько, – ответил Гаррет. – Если я добьюсь результата, который меня устроит, а, полагаю, в таком случае он устроит и вас, то вы отпустите Холлис. Освободите от того, что она для вас делает, заплатите столько, сколько, она скажет, вы ей должны, и оставите ее в покое. А если вы не согласны, советую обратиться за помощью к кому-нибудь другому.

Бигенд, подняв брови, перевел взгляд с Гаррета на Холлис:

– Вы с этим согласны?

– Для меня это предложение – абсолютная новость. – Она налила себе кофе, выгадывая время. – Вообще-то, я выдвину дополнительное условие.

Гаррет и Бигенд разом уставились на нее.

– Модельер «хаундсов», – сказала она. – Вы оставите ее в покое. Полностью. Перестанете ее искать. Отмените все поиски.

Навсегда.

Бигенд закусил губу.

– И, – продолжала Холлис, – вы найдете Мередит ее туфли. И отдадите их ей.

Наступила тишина. Бигенд смотрел в тарелку, уголки его губ были опущены.

– Ладно, – сказал он наконец, поднимая глаза. – Признаюсь, ничто из названного не показалось бы мне заманчивым до семи тридцати сегодняшнего утра, но теперь мы имеем, что имеем, не правда ли?

58
Похабень

Войтек на что-то очень досадовал, возможно, на то, от чего у него под глазом был большой разноцветный фингал. По большей части он злился на Чомбо, смурного молодого человека, которого Милгрим видел в магазине «Бирошек и сын», хотя трудно было вообразить, что Чомбо на кого-то поднял руку. Милгрим бы сказал, что ему зад поднять от стула и то непомерный труд.

Милгрим предпочел бы ехать на переднем сиденье рядом с Фионой, но она велела им с Войтеком сесть на полу в багажном отсеке микроавтобуса «субару». Отсек, площадью примерно с две стиральные машины, был частично занят черными пластмассовыми ящиками. У каждого на крышке было написано «ПЕЛИКАН», что явно означало марку производителя, а не содержимое. Войтек был в серых спортивных штанах с крупной надписью «B.U.M. EQUIPMENT»[41] через всю задницу и замызганными коленями, в толстых серых носках, серых фетровых тапках, которые Милгрим видел на нем прошлый раз, и голубой, очень старой и засаленной куртке с логотипом «Амстрад» на спине; буквы потрескались и облупились.

В «субару» имелись шторы, серые, на всех окнах, кроме лобового и передних боковых. Все задернутые, что радовало, поскольку значительная часть автомобиля была прозрачной, включая потолок, через который Милгрим видел верхние окна проносящихся домов. Он не знал, где они, в какую сторону свернули от «Танки & Тодзё» и куда едут. На встречу с Бигендом, наверное. Встречи с Бигендом стали постоянной частью его жизни: как анализы мочи, только чаще.

– Я не для того ехать в эту страну, чтобы меня терроризировали спецслужбы, – хрипло объявил Войтек. – Я не ехать в эту страну за *жопой*. Но жопа *ждет*. Всегда. Полицейское государство. Охранка. Оруэлл. Вы читали Оруэлла?

Милгрим, изо всех сил стараясь сохранять нейтральное выражение, кивнул. Колени новых габардиновых брюк упирались ему в подбородок. Он надеялся, что не растянет их.

– Оруэлловский сапог на лице – *вечно*[42], – произнес Войтек с глубокой торжественной горечью.

– Чего он тебя туда отправил? Не верит, что там чисто? – спросила Фиона, как будто речь идет об уборке офиса. Левой рукой она переключала передачу.

– Руки у него чешутся занять меня делом, – с отвращением

произнес Войтек. – Пока он пьет кровь трудового народа.

Последняя фраза ностальгически тронула Милгрима, и он повторил ее по-русски, мысленно перенесшись в университетскую аудиторию, где впервые ее услышал.

– Русский, – сказал Войтек, сузив глаза, как другой сказал бы «триппер».

– Извините, – машинально ответил Милгрим.

Войтек умолк, но было видно, что он кипит негодованием. Они ехали по прямому отрезку дороги, и Милгрим, подняв глаза, увидел, что зданий вокруг нет. Мост, решил он. Машина замедлилась, повернула. Снова замелькали здания, невысокие, обшарпанные. «Субару» подпрыгнула, переезжая через что-то, и остановилась. Фиона заглушила мотор и вылезла. Милгрим, отодвинув занавеску, увидел мотоциклетный двор Бенни. Тот как раз шел к машине. Фиона открыла заднюю дверь и взялась за пеликановский ящик Войтека.

– Осторожно, – сказал Войтек. – Хрупкий груз.

– Знаю, – ответила Фиона, передавая ящик Бенни.

Бенни сунул голову в машину, глянул на Войтека:

– Разногласия в рядах?

Войтек сурово глянул на Милгрима:

– Пьет мою кровь.

– Псих ненормальный, – заметил Бенни, взял второй ящик и пошел прочь.

Войтек проехался по ковровому покрытию надписью «B.U.M. EQUIPMENT», вылез из машины, взял два оставшихся ящика и пошел следом за Бенни.

Милгрим встал на негнущиеся после неудобной позы ноги, огляделся. Рядом никого не было.

– Как-то тихо, – заметил он.

– Перерыв, – сказала Фиона. – Это из магазина?

– Да, – ответил Милгрим.

– Даже и не стремно, – сказала она одобрительно, хоть и не без удивления. – Ты сумел обойтись без похабени.

– Правда?

– Ты бы не стал ходить с борсеткой. Или носить их шляпу.

– Это похабень?

– Выпендреж, – сказала Фиона, закрывая заднюю дверцу минивэна. – Нам понадобится твоя одежда.

Она обошла машину, открыла боковую дверцу, достала Милгриму его сумку, пакет из «Танки & Тодзё» с одеждой, которая была на нем вчера (без куртки «Сонни»), и утолканный в сосиску спальный мешок. Вытащила заново свернутый и заклеенный лентой поролон и черный мусорный пакет.

– Здесь твои вещи из гостиницы.

Милгрим вслед за ней пошел в захламленный гараж.

Когда они подходили к лас-вегасовскому кубу Бигенда, появился Бенни. Фиона протянула ему ключи от «субару».

– С карбами все отлично, – сказала она. – Саад молодец.

– Пасиб, – ответил Бенни, на ходу убирая ключи в карман.

Фиона вошла в куб, Милгрим за ней. Два ящика лежали на столе открытые, два, закрытые, стояли на полу. Войтек в больших черно-серебристых наушниках собирал что-то похоже на черную бадминтонную ракетку без сетки.

– Уйдите, – сказал Войтек, не удосуживаясь поднять глаза от работы. – Я пойду по стенам.

– Идем, – сказала Фиона, опуская на пол поролон и пакет с вещами Милгрима из гостиницы. – Без нас он быстрее управится.

Милгрим положил спальный мешок рядом с поролоном, но сумку оставлять не стал. Войтек шагнул к стене, держа ракетку двумя руками, словно некий священный предмет.

– Что он делает? – спросил Милгрим, когда они с Фионой вышли из комнаты.

– Ищет «жучков».

– Он их раньше находил?

– Здесь – нет. Но это место, насколько я знаю, тайное. В «Синем муравье» их находят каждую неделю. У Бигенда набралась уже целая коробка из-под конфет. Все обещает сделать мне из них ожерелье.

– И кто их ставит?

– Спецы по коммерческому шпионажу. Такие, каких он сам обычно не нанимает.

– И удается им так что-нибудь узнать?

Фиона пальцем тронула расколотый обтекатель мотоцикла так, что Милгрима кольнула зависть.

– Однажды он послал меня в чужой офис с тазером.

– Это электрошокер? – спросил Милгрим.

– Да.

– Он хотел, чтобы ты кого-то ударила током?

– К нему был приделан сетевой кабель. Я пришла якобы на интервью, устраиваться на работу. Выбрала момент, когда никто не смотрел, и вставила его в первую же сетевую розетку. Годилась любая. Тазер лежал у меня в сумочке. Я нажала кнопку. Всего один раз.

– И что случилось?

– Вырубилась вся система. Целиком. Стерлось все. Частично даже в соседних зданиях. Я стерла с тазера отпечатки пальцев, выкинула его в мусорную корзину и ушла.

– Люди из той фирмы что-то у него украли?

Фиона пожала плечами:

– Он назвал это лоботомией.

– Чисто, – угрюмым тоном объявил Войтек, выходя с двумя ящиками.

Милгрим теперь знал, что они вовсе не тяжелые, поскольку заполнены по большей части черным поролоном. Войтек поставил их на пол и вернулся за оставшимися двумя.

– Когда он приедет? – спросил Милгрим.

– Он сюда не собирался, – ответила Фиона. – Просто велел отвезти тебя в надежное место.

– Он не приедет?

– Наша задача – просто убить время. – Фиона улыбнулась.

Ее улыбки, такие редкие, всегда выглядели многозначительно.

– Я тебя научу управлять аэростатами, – сказала она. – У меня уже здорово получается.

59
Актерская магия

После обмена несколькими телефонными номерами (записанными и вбитыми в телефон) Бигенд ушел.

Гаррет потребовал также договориться о кодовых словах на случай, если кто-то из них будет говорить под нажимом или заподозрит, что разговор прослушивается. Холлис внезапно поняла, что очень проголодалась, и воспользовалась случаем налечь на еду. Гаррет принялся что-то писать в блокноте, не то стенографическими значками, не то ужасным почерком. Холлис так и не научилась отличать одно от другого.

– Ты правда считаешь, он выполнит свои обещания, если ты сумеешь сделать, что задумал? – спросила она, когда он надел на ручку колпачок.

– Думаю, поначалу будет выполнять, потом убедит себя, что обещал нечто иное, а мы неправильно его поняли. Значит, надо будет напоминать: и что он говорил, и как именно разрешилось его маленькое затруднение. И тут надо сделать все очень красиво, чтобы произвести на Бигенда впечатление. Отбить у него всякую охоту испытать что-то подобное на себе. И при этом без малейшего намека на угрозу, учти. Вот почему я попрошу тебя спрятать своего журналиста из «Гардиан» куда-нибудь подальше и больше не доставать. Если это тот, о ком я думаю, то мне хочется думать, что глобальное потепление не вызвано антропогенным фактором. Просто назло ему.

– Планируется ли участие твоего эксцентричного наставника?

– Если он и будет присутствовать, то лишь на заднем плане, и хорошо, что так. Сейчас с ним стало чуточку трудновато. При прежней администрации США он чувствовал себя лучше.

– Правда?

– Тогда было меньше неоднозначности. Мне потребуется его разрешение, чтобы воспользоваться материалами, приготовленными для другого проекта. Впрочем, Грейси в данном случае – идеальная мишень, поскольку старик особенно не любит тех, кто наживается на войне. Их, безусловно, меньше не стало, хотя масштабы в среднем несколько скромнее. Еще мне нужно, чтобы он связал меня с Чарли. Чудесный малый из Бирмингема. Гуркх[43].

– Гуркх?

– Совершеннейший лапочка. Я его обожаю.

– Офигеть! Беглый попрыгун нашелся!

Холлис обернулась на голос и увидела Хайди в просвете между ширмами. Из-за ее плеча выглядывал Аджай.

– Вы чего это, задумали прямо здесь трахнуться? – Хайди решительно толкнула раму красного дерева, так что закачалась вся ширма.

– Привет, Хайди, – улыбнулся Гаррет.

– Мне сказали, ты себе все кости расхерачил, – объявила Хайди. На ней были серые тренировочные и куртка тамбурмажоретки. – А по виду так вроде и не все.

– Что вчера сделал Милгрим? – спросила Холлис. – Бигенд сказал, он кому-то выбил глаз.

– Милгрим? Да он себе бы глаз не выбил при всем желании. Козел из машины шел за нами. Я это видела уже давно. – Она подняла руку и сделала движение, как будто бросает дротик. – Ну он и взвыл!

– Большая честь для меня, – сказал Аджай.

Он стоял у Хайди за спиной и восторженно пучил глаза. Хайди обняла его за талию и вытолкнула вперед.

– Аджай, – представила она. – Самый проворный спарринг-партнер на моей памяти. Сегодня утром мы были в Хэкни и отметелили друг друга так, что мама не горюй.

– Здравствуй, Аджай, – сказал Гаррет, протягивая руку.

– Поверить не могу, что это происходит на самом деле, – проговорил Аджай, с жаром отвечая на рукопожатие. – Страшно рад, что вы не так сильно пострадали, как нам говорили. Я скачал все ваши видео. Фантастика.

Холлис почти ждала, что он попросит автограф. Водопад черных волос на затылке взволнованно колыхался.

– Что за вид борьбы? – спросил Гаррет.

– Да так, всего помаленьку, – скромно ответил Аджай.

– Вообще-то, нам надо поговорить, – сказал Гаррет. – Так случилось, мне нужен ровно такой человек.

– Хорошо. – Аджай пригладил рукой черную шевелюру. – Хорошо.

Как ребенок, которому в июле абсолютно точно и официально объявили, что сейчас придет Дед Мороз с подарками.

> > >

– Не жалеешь, что не ушла до того, как запахло керосином? – спросила Хайди.

Они снова были у нее в номере. Холлис видела, что Хайди частично раскрасила Бюстохода, но еще не приступила к сборке.

В комнате попахивало аэрозольной краской.

Холлис мотнула головой.

Аджай взволнованно расхаживал перед окном.

– Харе психовать! – рявкнула на него Хайди. – Никуда твой Элвис не денется. Привыкай.

Гаррет попросил отвезти его в четвертый номер, где собирался поработать за ноутбуком и сделать несколько звонков. Чтобы поднять его вместе с креслом, пришлось пройти по коридору вглубь здания, к служебному лифту, который Холлис прежде не видела. Он был немецкий, бесшумный, быстрый и начисто лишенный стимпанковского шарма. Холлис понятия не имела, куда идти от него по этажу и как разобраться в лабиринте коридоров, но оказалось, что Гаррет прекрасно помнит дорогу.

– Чего это за козлы, которые на нас поперли? – спросила Хайди. – Забинтованный мудак – он кто?

– Модельер, – ответила Холлис.

– Уж их-то точно соплей перешибешь.

– Его босса не перешибешь. Отставной майор спецвойск Грейси.

– Грейси? А почему, блин, не Мейбл? Ты ведь мне заливаешь, да?

– Это не имя, а фамилия. А фамилия Гаррета, пока я не забыла, теперь Уилсон. Так он сказал Бигенду за завтраком. Грейси – торговец оружием. Бигенд шпионил за каким-то его бизнесом в Южной Каролине. Точнее, шпионил Милгрим по его приказу. По ходу дела Оливер Слейт, которого ты видела в Ванкувере, но вряд ли запомнила, Бигендов спец по компьютерной безопасности, переметнулся к этому Грейси…

– Но у тебя любовь, верно? – спросила Хайди.

– Да, – неожиданно для себя ответила Холлис.

– Отлично, что хоть с этим все хорошо, – сказала Хайди. – Все остальное фигня, верно? Аджаю придется нарушить свое антиобщественное поведение или как там это называется.

В дверь постучали.

– Кто приперся? – громко спросила Хайди.

– Гаррет, рыбонька.

– Ты ему нравишься, – восторженно заметил Аджай.

– Ты тоже, – сказала Хайди. – Так что не очень-то выпрыгивай при нем из штанов.

Она открыла дверь, подержала ее, давая Гаррету заехать в номер, потом закрыла, заперла на ключ и на цепочку.

– Все отлично, – сказал Гаррет. – Старик дал добро, звонит своему агенту насчет банка, звонит Чарли. – Он развернул кресло-трицикл к Аджаю. – Ты видел этого Милгрима?

– Нет.

– Милгрим и Аджай примерно одного роста?

Хайди подняла брови, задумалась.

– Примерно да, – сказала она.

– Телосложения?

– Милгрим – мозгляк тощий.

– Бигенд сказал, примерно шестьдесят пять килограммов. Но и Аджай не сказать что качок. Жилистый, сухой. Вся мускулатура внутри. Жилистый может сойти за тощего. Играл когда-нибудь на сцене, Аджай?

– В колледже, – радостно ответил Аджай. – Ислингтонский молодежный театр.

– Мне, как и тебе, еще только предстоит увидеть Милгрима. Раз так, можешь показать мне руперта?[44] Как руперт проводит смотр?

Аджай распрямил плечи, опустил большие пальцы по швам тренировочных штанов, принял заносчивое выражение и прошел мимо Хайди, наградив ее быстрым неодобрительным взглядом.

– Хорошо, – кивнул Гаррет.

– Милгрим типичный англосакс, – сказала Хайди. – Белый, как глиста.

– Так на то и актерская магия, – ответил Гаррет.

60
Скат

Милгрим, без ботинок и без пиджака, лежал на белом поролоне, целиком уйдя в новое восхитительное занятие. Над ним, под высоким потолком, освещенным большим итальянским торшером с абажуром-зонтиком, медленно и почти бесшумно кувыркался матово-черный скат – слышалось лишь мягкое шуршание наполненной гелием оболочки. Милгрим смотрел не на него, а на экран айфона, показывавший видео с камеры ската, раз за разом видя себя на белом поролоне и Фиону за столом (она что-то собирала из коробки, которую принес Бенни), потом белую стену, ярко освещенный потолок и снова себя. Ощущение было совершенно гипнотическое еще и потому, что он сам управлял кувырканием ската, водя большим пальцем по экрану айфона.

Скат плыл в воздухе. Созданный по подобию водного существа, черный «морской дьявол» с медленной жутковатой грацией колыхался над головой.

– На улице, наверно, еще лучше, – сказал Милгрим.

– Гораздо интереснее, но нам не разрешают. Если про них узнают, весь смысл пропадет. А они стоят чертову уйму денег, даже в стандартной комплектации. Когда мы только собрались покупать дроны, я предлагала что-нибудь такое. – Фиона имела в виду квадратный предмет, который собирала на столе. – Они быстрее и маневреннее. Но Губерт сказал, мы повторим историю воздухоплавания, начнем с аэростатов.

– Крылатых аэростатов ведь не было? – спросил Милгрим, по-прежнему целиком сосредоточенный на движении большого пальца.

– Не было, но о них мечтали. А эти штуки могут летать только совсем недолго. Аккумуляторы разряжаются.

– Он совсем не похож на вертолет. Скорее на кофейный столик для кукол.

– Восемь винтов, серьезная подъемная сила. И они в раме, так что он не ломается от первого же удара. Оставь пока ската и посмотри на коптер.

Милгрим с внезапной тревогой понял, что не знает, как выключить ската.

– Как его остановить?

– Просто оставь его в покое, программа все сделает сама.

Он глубоко вдохнул, убрал палец с экрана и посмотрел вверх. Скат опустил плавники (по их кончикам прошла странная дрожь)

и завис, чуть покачиваясь, под самым потолком.

Милгрим встал и подошел к столу. Никогда ему не было так хорошо, как сейчас с Фионой в лас-вегасовском кубе Бигенда; он вновь и вновь с удивлением ловил себя на этой неожиданной радости. Никаких дел: забавляйся дорогими немецкими игрушками Бигенда и разговаривай, причем и сами игрушки, и управление ими можно было обсуждать бесконечно. Фиона, строго говоря, работала, собирала новый дрон из деталей в двух коробках, но занятие это явно было ей в удовольствие. Она орудовала главным образом маленькими отверточками и разноцветными торцевыми ключиками, по видеоинструкции, которую смотрела на ноутбуке Милгрима через красный модемчик. Мичиганская компания, два брата-близнеца в одинаковых очках и джинсовых рубашках.

Дрон, несмотря на винты, ничуть не походил на вертолет. Он был сделан из черного пенопласта с бампером из какого-то другого черного материала по периметру и четырьмя круглыми отверстиями, в которых вращались винты. Четыре аккумулятора, заряжавшиеся сейчас от розетки, вставлялись по углам, для равновесия. Обтекаемый фюзеляж внизу вмещал камеру и электронику.

– Жалко, на улице не проверить, – сказала Фиона, откладывая отвертку. – А так готово. Но я – труп. Как насчет завалиться?

– Что-что?

– Завалиться на твой поролон. Он широкий, поместимся. Ты ночью спал?

– Да почти нет.

– Тогда давай устроим тихий час.

Милгрим посмотрел на одну белую стену, на другую, на черного ската и на серебристого пингвина.

– Давай, – сказал он наконец.

– Тогда выключи свой ноут.

Фиона встала из-за стола и, пока Милгрим выключал ноутбук, прикрутила яркость торшера.

– Я не могу спать в этих штанах, – сказала она. – Они кевларовые.

– Хорошо, – ответил Милгрим.

Захрустели липучки, затрещала «молния» – судя по звуку, с толстыми зубцами. Что-то зашуршало по полу – наверное, кевлар. Фиона, уже босая, вылезла из бронированных штанов и пошла к поролону, который как будто бы немножко светился в полутьме.

– Давай скорее, – сказала она. – У меня глаза слипаются.

– Хорошо.

– Ты не можешь спать в «Танки и Тодзё», – объявила Фиона.

– Да, конечно.

Милгрим начал снимать рубашку, у которой на каждом рукаве было слишком много пуговиц. Наконец он расстегнул все, повесил рубашку на спинку стула, поверх нового пиджака, и снял брюки.

Фиона, едва различимая в полутьме, вытаскивала спальный мешок. Милгриму хотелось не то запеть, не то разрыдаться. Он подошел к поролону и только сейчас заметил на себе черные носки из «Галери Лафайет». Они были как-то совсем не к месту. Он наклонился и снял их, чуть не упав.

– Забирайся сюда. – Фиона растянула расстегнутый спальный мешок на всю ширину. – Хорошо, что я всегда сплю без подушки.

– Я тоже, – соврал Милгрим.

Он сел, быстро спрятал носки под поролон и лег рядом с Фионой, вытянувшись по струнке.

– Ты и Хайди, – сказала Фиона, – она же не твоя девушка?

– Моя?! Нет, конечно!

Он лежал с широко открытыми глазами, дожидаясь, что Фиона ответит, пока не услышал ее тихое похрапывание.

61
Распознавание лиц

Они приняли душ в компании Герберта Уэллса и Франка, перевязанной ноги Гаррета, засунутой во что-то вроде великанского презерватива. Вытирая Гаррета, Холлис смогла немного разглядеть Франка, «Франкенштейна». Свидетельство экстремальной хирургии, так сказать. Франк походил на лоскутное одеяло, и Холлис подозревала, что его буквально собрали из лоскутков; на другой ляжке остались аккуратные шрамы на тех местах, где брали кусочки кожи для пересадки. И если Гаррет ее не подкалывал, внутри была новенькая ротанговая кость. Мышцы на Франке заметно атрофировались, но Гаррет рассчитывал это наверстать. Холлис верила в его энтузиазм. И в сильные чуткие руки, скользящие по ее телу.

Сейчас он лежал на ложе арктического психоза в небархатном кабинетовском халате. Франк был обернут в какую-то скользкую черную штуку на липучках, через которую аппарат, ностальгически похожий на чехол портативной пишущей машинки, очень быстро прокачивал ледяную воду. Хайди в последнем туре, когда у нее от бешеного драмминга болело запястье, лечилась чем-то в таком духе. Аппарат – подарок от старика – доставил курьер час назад.

Сейчас Гаррет говорил со стариком. Это отчасти напоминало разговор старой супружеской пары, у которой выработался свой жаргон, понятные только двоим шутки с долгой историей, что-то вроде языка близнецов, и незначительные слова наполнены глубоким смыслом. Гаррет был в наушниках и говорил по черному ноутбуку, стоящему рядом на вышитом бархатном покрывале, наверняка через какой-нибудь даркнет. Холлис знала, что есть такие отдельные интернеты, нелицензированные и неконтролируемые. Гаррет как-то сказал, что тут как с темной материей во Вселенной: если бы существовал способ оценить размеры даркнетов, возможно, оказалось бы, что они больше всей официальной сети.

Она не слушала их разговор. Стояла в теплой, наполненной паром ванной, сушила волосы.

Когда Холлис вышла, Гаррет смотрел на круглое дно клетки.

– Еще разговариваешь?

– Нет. – Он снял наушники.

– Все хорошо?

– Он сдался. Выходит из игры.

– В каком смысле? – Холлис подошла ближе.

– У него было нечто, о чем он мне никогда не говорил. Священный Грааль. Который он теперь отдает мне. Для нынешнего дела. А значит, все кончено.

– Что кончено?

– Его безумная карьера. Иначе он бы придержал это для себя.

– А что это вообще, если не секрет?

– Невидимость. Печать.

– Печать?

– Печать забвения.

– Ты себе мозги застудил этим промывальным автоматом.

Гаррет улыбнулся, хотя видно было, что утрата его печалит.

– Это очень большой подарок. Если твой красавчик узнает, что у нас такая штука есть, а у него нет, он будет срать кирпичами от зависти.

Холлис поняла, что речь о Бигенде, и ей стало страшно.

– А потом захочет прибрать эту вещь к рукам, – сказала она.

– Именно. Вот почему он не должен о ней знать. Я внушу ему, что Пеп не попал на камеры благодаря профессиональному мастерству.

– Пеп?

– Маленький сумасшедший каталонец. Несравненный угонщик автомобилей. – Гаррет глянул на черные наручные часы. – Прилетает из Гамбурга через двадцать минут.

Он как-то сказал Холлис, что людям, охраняющим королеву, запрещено носить обувь на резиновой подошве и часы с черными циферблатами. Почему? – спросила тогда Холлис. Табу, ответил он.

– Ты так стремительно все организовываешь и при этом находишь время мылить мне спинку и что там еще? Я не в упрек.

– Старик. Он сразу включился. Блочная сборка, ее мы наладили давно. Есть отработанные процедуры, есть люди. Мы научились действовать стремительно, поскольку удачные шансы всегда подворачиваются внезапно.

– Неужели правда можно стать невидимым? Или это снова лапша на уши, вроде твоей ротанговой кости?

– Не говори так, Франк обидится. Думай об этом как о заклинании забвения. Или, вернее, незапоминания. Система видит тебя, но тут же забывает.

– Какая система?

– Видела в Лондоне камеры? Заметила их?

– Ты можешь сделать, чтобы они тебя забыли?

Гаррет оперся на локоть, машинально потер холодную скользкую обертку на ноге и быстро вытер ладонь о вышитое

покрывало.

– Священный Грааль индустрии тотальной слежки – распознавание лиц. Разумеется, утверждают, что его еще нет. Но оно есть. Зачаточное. Неработающее. Не отличает чернокожего от европейца, может перепутать тебя со мной, но и в железе, и в софте заложен этот потенциал, ждущий апгрейда. Тут главное понять, что отснятый материал никто глазами не просматривает. Это цифровые данные. Они лежат на серверах. Не изображения, просто нули и единицы. Если что-то происходит и данные решают поднять, их переводят в картинку. Но… – он приподнялся и тронул дно клетки-библиотеки, – есть джентльменское соглашение.

– И кто эти джентльмены?

– Да как обычно. То ли индустрия, то ли правительство, то ли они вместе. Тот самый сверхприбыльный сектор, на которого у старика зуб.

– А в чем состоит соглашение?

– Допустим, ты отправляешь десантников вытащить из подвала мечети десяток джихадистов. Или профсоюзных лидеров, если их вдруг туда занесет. Просто для примера.

– Ага.

– И ты не хочешь, чтобы это осталось на записях с камер. Выключить камеры, разумеется, не вариант, потому что потом Би-би-си с тебя спросит по полной. Так что ты накладываешь на своих десантников печать невидимости…

– А именно?

– Распознавание лиц в конечном счете, верно?

– Ничего не поняла.

– Скоро увидишь. Едет сюда с курьером. Прощальный дар старика.

– Он так и сказал?

– Нет, – печально ответил Гаррет. – Но мы оба поняли.

62
Пробуждение

Когда Милгрим проснулся, нога Фионы, согнутая в колене, лежала поперек его ног, ее ляжка прижималась к его бедру. Она во сне повернулась на бок, лицом к нему, и уже не похрапывала, хотя он чувствовал ее дыхание на своем плече. Она по-прежнему спала.

Как долго она останется в этой удивительной позе, если лежать не шелохнувшись? Милгрим знал лишь, что готов проверить.

Тонкий, одновременно неровный и тягучий гитарный аккорд на фоне дождевой капели пальчиковых барабанов наполнил сумрак вегасовского куба. Милгрим сморгнул. Звук затих. Раздался снова.

Фиона тихонько застонала, обхватила рукой его грудь, прижалась плотнее. Аккорд повторялся, неумолимый, как прибой.

– Гад, – сказала Фиона, но не шевельнулась, пока дрожащий аккорд не прозвучал снова. Тогда она протянула руку, что-то нащупала. – Алло?

Милгрим воображал, что поролон – это плот. Мысленно отодвинул стены к горизонту. Но на их плоту Фиона принимала звонки.

– Уилсон? Хорошо. Да? Поняла. Давай его. – Теперь она сидела по-турецки на краю поролона. – Алло. Да. – Пауза. – Мне нужен будет зеленый жилет со светоотражающими полосами. – Пауза. – «Кавасаки». Джи-ти триста пятьдесят. Немножко обтрюханный, но если ящик новый, сойдет. Адрес сайта производителя есть? Ну или я могу его измерить. Уже собрала, еще не испытывала. – Более долгая пауза. – Донорские органы, плазма? Части трупов? – Пауза. – Пришли побольше упаковочного пенопласта из фотомагазина. Думаю, тряска ему не на пользу, но мы с Бенни что-нибудь сообразим. Да. Хорошо. Спасибо. Дай мне снова Бигенда, хорошо? Спасибо. – Она хмыкнула. – Придется покорячиться. Ящик Бенни приделает, но мне нужны новые амморты. Этот дрон, боюсь, хуже перенесет дорогу. Совсем другие движущиеся части. Да. Сказал. Точно. Пока.

– Губерт?

– И некий Уилсон. Что-то затевается.

– Что?

– Уилсон велел переоборудовать мой байк под медицинский курьерский. Ящик на заднее сиденье, дополнительные

отражатели, защитная экипировка. В нем поедет наш новый дрон.

– Кто такой Уилсон?

– Без понятия. Губерт сказал слушаться его во всем. Уж если Губерт делегирует полномочия, то делегирует. – Фиона пожала плечами, и Милгрим почувствовал ее движение. – Я классно выспалась. – Она потянулась. – А ты?

– Я тоже, – ответил Милгрим, стараясь копировать ее тон.

Фиона встала и пошла к своим бронированным штанам. Милгрим слышал, как она застегнула молнию, и еле удержал вздох.

– Кофе, – сказала она. – Я попрошу Бенни принести. С молоком?

– С молоком. – Милгрим сунул руку под поролон, нашарил носки. – И с сахаром. Что за музыка у тебя в телефоне?

– Забыла его имя. Сахарец. Обалденный. – Фиона натягивала высокие ботинки. – В детстве слушал Хендрикса и Джеймса Брауна по приемнику. У него дополнительные лады на гитаре[45].

Она вышла, не включив итальянский зонтик. За дверью был серый утренний свет. Потом Фиона закрыла ее за собой.

63
Мягкие вилки и медленная еда

Гаррет и Пеп, каталонский угонщик, горячо обсуждали мотор-колеса для велосипеда, и Холлис обрадовалась, что звонок Инчмейла избавил ее от необходимости их слушать. Она вообще не особо понимала, что такое мотор-колеса, но Пеп хотел два, для большей скорости, а Гаррет считал, что два – много. Если один заглохнет, доказывал Гаррет, лишний вес и привод генератора сведут на нет все преимущества оставшегося. А если мотор будет всего один и он откажет, Пеп сможет крутить педали, не тратя силы на лишний вес. Холлис удивлялась, что все запомнила, хотя ничего толком не поняла.

Пеп выглядел так, будто кто-то решил сделать яблочную куколку из Жерара Депардье: вымочил яблоко в соленом лимонном соке, запек и оставил сохнуть в темном прохладном месте, надеясь, что темная кожица не заплесневеет. Пеп не заплесневел, но заметно усох. Холлис решительно не могла определить его возраст. В одних ракурсах он выглядел хлебнувшим лиха подростком, в других – древним стариком. На тыльной стороне правой ладони был вытатуирован дракон с перепончатыми крыльями и фаллическим телом, похожий не столько на татуировку, сколько на средневековую гравюру. Ухоженные квадратные ногти блестели бесцветным лаком. Гаррет обрадовался Пепу, а вот Холлис в его присутствии было не по себе.

Инчмейл позвонил из кабинетовского бара; Холлис слышала в трубке голоса и звяканье посуды.

– Ты беременна? – спросил он.

– Ты рехнулся?

– Швейцар говорит о тебе «они». Я отметил множественное число.

– Я сейчас спущусь. В единственном числе.

Тем временем Гаррет отчитывал Пепа за то, что тот заказал какую-то хетчинскую раму для велосипеда, который через несколько часов, возможно, придется выкинуть в Темзу. Идя к двери, Холлис слышала возражения Пепа, что выкинуть, может, и не придется, а мягкие вилки – в любом случае отличная вещь. Говоря, Пеп поглядывал на свои ногти, и Холлис подумала, что это вообще характерный жест мужчин, делающих маникюр.

Инчмейл с Хайди сидели под нарвальими бивнями, Инчмейл разливал чай из фирменного кабинетовского чайника –

винтажного даултоновского с зайчиками – в такие же чашки.

– Добрый вечер, – сказал он. – Мы обсуждаем говно, в которое ты вляпалась, вопрос, насколько сильно оно пахнет керосином, плюс вероятность благотворных перемен в твоей личной жизни.

– И чем она, по-твоему, определяется? – спросила Холлис.

– В первую очередь – наличием человека, с которым эту личную жизнь строить, – ответил Инчмейл, ставя чайник. – Но я всегда считал, что он славный малый.

– Ты и про Фила Спектора[46] так говорил.

– Возраст, – сказал Инчмейл. – Стечение обстоятельств. Гений. Лимон?

Он узорчатыми серебряными щипчиками протянул ей ломтик лимона.

– Нет, спасибо. Что такое «мягкая вилка»?

– Что-то для волос.

– Я только что слышала эти слова от каталонского угонщика автомобилей.

– Он говорит по-английски? Может, он хотел сказать «мятая». Или «мятная».

– Нет. Какая-то деталь для велосипеда.

– Я бы все-таки поставил на штуку для волос. Ты знаешь, что Хайди запустила в человека рейнским дротиком?

– Рениевым, – поправила Хайди.

– Ах да, рейнское – это вино, я его, может быть, закажу чуть позже. А ты, – обратился он к Холлис, – кажется, устроилась в фирму на переломном этапе.

– И по чьей рекомендации?

– Я провидец? Ты знаешь за мной провидческий дар? – Он попробовал чай, поставил чашку на блюдце, добавил еще кусок сахара. – Анжелина говорит, лондонские пиарщики ведут себя, как собаки перед землетрясением, и каким-то образом все знают, хотя и не знают откуда, что это из-за Бигенда.

– В «Синем муравье» что-то происходит, – осторожно начала Холлис, – но я не могу тебе сказать, что именно. Вернее, не знаю, что именно. Однако Бигенд воспринимает это довольно спокойно.

– Он спокойно воспринимает то, что произошло вчера в Сити?

– Я не уверена, что одно с другим связано. Но об этом я говорить не могу.

– Ну да, конечно. Вступая в агентство, ты поклялась хранить молчание. Ритуал с черепом Джеронимо[47]. Однако тональность разговоров, которые ловит Анжелина, указывает не на трудности у Бигенда или «Синего муравья». Тональность намекает, что он становится *больше*. Пиарщики в таком понимают.

– Больше?

– Экспоненциально. На порядки. Что-то смещается, как тектонические плиты. Все на низком старте, готовы запрыгнуть в лодку Бигенда.

– Кто все?

– Всякие-разные… не к ночи будь помянуты.

Он вздохнул. Снова попробовал чай. Улыбнулся.

– Как у тебя с «Тумбами»? – спросила Холлис.

Улыбка исчезла.

– Думаю отвезти их в Тусон.

– Ха! – воскликнула Хайди. – Оригинальный шаг!

– Я совершенно серьезен, – сказал Инчмейл и отхлебнул чай.

– Мы знаем, – ответила Холлис. – Ты им сказал?

– Я сказал Джорджу. Он очень хорошо воспринял эту новость. Приятно для разнообразия поработать с исключительно умным человеком. Клэмми, разумеется, киснет.

– Клэмми – клизма, – сказала Хайди, серебряными щипчиками выжимая кружочек лимона над чашкой с чаем.

– Что произошло вчера, когда вы с Милгримом пошли пешком? – спросила Холлис.

– Они сели нам на хвост. Может, их подхватила та машина, которая загнала нас в проулок. Сообразили, куда мы идем, заехали вперед, высадили чувака с перевязанной башкой и еще одного. Они подождали и пошли следом. Бестолочи. Я остановилась и купила нам одежду, с понтом мы маскируемся.

– Какие-то магазины еще работали?

– *Уличную* одежду. Чтобы они думали, я их не вижу. Потом мы пошли в метро. И тут я поняла, что они нас в метро не пустят… – Она пожала плечами.

– Хайди…

– В *голову*. – Хайди пальцем постучала себя по лбу, словно отдавая честь. – Это *кость*. Голова у него, небось, и без того болела…

– Из-за Милгрима. Они винят его.

– Твой хахаль нанял Аджая. Чего там затевается?

– Это по поводу Милгрима. Сложная история.

– Аджай чокнулся от счастья. Ушел из вышибал.

– Из вышибал?

– Работал охранником в клубе у каких-то извращенцев. – Она оглядела бар, где уже собрался народ. – Теперь ходит весь из себя такой заяц-шпион в тылу врага и молчит. И ты тоже.

– Поехали с нами в Тусон, – сказал Инчмейл, внезапно отбрасывая то, что Холлис про себя называла его внешней говнистостью. – Там солнышко. Мексиканская еда. Поможешь в

студии. Джордж к тебе хорошо относится. Клэмми, удивительное дело, говорит о тебе без ненависти. Мне не нравится обстановка вокруг Бигенда. Поехали! Расходы берет на себя лейбл. Запишем тебя помощником продюсера. А Бигенд пусть достигает своей критической массы. Друга своего, разумеется, можешь взять с собой.

– Не могу. – Холлис перегнулась через пуфик и дружески стиснула худое колено Инчмейла. – Но все равно спасибо.

– Почему не можешь?

– Гаррет пытается для Бигенда уладить неприятности с Милгримом. У них договоренность, которая затрагивает и меня. Я останусь с Гарретом. Все будет хорошо.

– Как человек немолодой и более или менее здравомыслящий, должен предупредить, что все не обязательно будет хорошо.

– Знаю, Редж.

Инчмейл вздохнул:

– Переезжай к нам в Хэмпстед.

– Ты же собрался в Тусон.

– Решение принимаю я, – сказал Инчмейл, – и я его еще не принял. Кроме того, надо убедить Клэмми и остальных.

– Мередит здесь?

– Да, – ответил Инчмейл не слишком довольным тоном. – Она отвлекает Джорджа и думает исключительно о себе.

– Не хотела бы я в такое влипнуть, – заметила Хайди, глядя на Инчмейла. – Я бы не сумела это разрулить.

У Холлис зазвонил айфон, в левом кармане хаундсовской куртки.

– Алло?

– Ты в баре? – спросил Гаррет.

– Да. Что такое «мягкие вилки»?

– Что?

– «Мягкие вилки». Пеп сказал.

– Вилки. Задние и передние. В хетчинской раме, амортизирующие.

– Ладно.

– Можешь сделать доброе дело? Выйди на улицу и посмотри на фургон. На нем написано «Медленная еда»[48].

– «Медленная еда»?

– Верно. Посмотри на него.

– Зачем?

– Скажешь, нормальный ли он на твой взгляд.

– Что значит нормальный?

– Обычный. Заметишь ли ты его, запомнишь ли.

– Наверное, я запомню надпись.

– Это не страшно, – ответил Гаррет. – Вообще-то, люди думают, что за ними следят из тех фургонов, которые без надписей.

64
Управление угрозами

Туалет в бигендовском кубе был как в самолете, но гораздо симпатичнее: унитаз и угловая раковина из нержавейки, со скругленными углами, матовые ручки кранов. Шланги под раковиной напомнили Милгриму аквариумный фильтр.

Он побрился и теперь чистил зубы. Фиона с Бенни устанавливали на ее мотоцикл загадочный ящик. Периодически сквозь жужжание зубной щетки до Милгрима доносилось короткое энергичное гудение какого-то гидравлического механизма.

Что-то происходило. Что именно, Милгрим не знал и не хотел спрашивать Фиону, боясь разрушить то неведомое, что побудило ее во сне закинуть на него ногу. И не убрать, проснувшись (Милгрим на всякий случай еще раз проверил память – да, так и было). Сама она ничего не говорила, кроме того, что Бигенд делегировал полномочия кому-то по фамилии Уилсон, чьи приказы она сейчас исполняла, причем без всякого недовольства, скорее с энтузиазмом. Она выглядела слегка взбудораженной, но собранной.

Полотенец в Бигендовом туалете было маловато, зато все белые, швейцарские, мягкие и совершенно новые. Милгрим закончил чистить зубы, прополоскал рот холодной водой и вытер лицо. Гидравлический аппарат взвыл три раза подряд и умолк.

Милгрим открыл дверь-гармошку, вышел, закрыл ее за собой. Она практически сливалась с белой стеной.

Он положил зубную щетку и бритвенные принадлежности в сумку к другим вещам, которые Фиона забрала из гостиницы. Попробовал немного убраться: ровнее поставил стулья вокруг стола, расправил спальный мешок на случай, если Фиона вновь решит устроить тихий час, – но лучше не стало. Куб был слишком маленький, вещей – слишком много. Странный квадратный вертолет на столе, макбук, коробки, пенопласт, из которого Фиона вынимала детали дрона, его сумка, ее бронированная куртка, его твидовый пиджак из «Танки & Тодзё» на спинках стульев. Такое место, когда в нем живешь, пусть даже несколько часов, отчасти утрачивает стильность.

Милгрим вновь остановился взглядом на макбуке. Он сел за стол, вошел в твиттер. Там было сообщение от Уинни:

«отпуск получила позвоните»

«Нет телефона, – напечатал он, потом задумался, как описать,

где он и что делает. – Думаю, Б меня на время закрыл. Что-то происходит».

Текст выглядел глупо, но Милгрим все равно его отправил.

Обновил страницу. Ничего. Обновил снова.

«добудьте телефон»

«Хорошо». Отправил. Или твитнул, если это так называется. Кажется, Уинни говорила «чирикнуть». По крайней мере, она получила отпуск. Не уехала.

Милгрим почесал грудь, встал, надел рубашку, застегнул перед и по нескольку пуговиц на каждой манжете. В брюки заправлять не стал. Надел новые ботинки. Старые были удобнее, но не сочетались с габардином. Подошел к двери, потрогал ручку. Дверь оказалась не заперта; он, впрочем, и не думал, что она будет заперта.

Гидравлический аппарат взревел два раз подряд.

Милгрим открыл дверь, вышел и с удивлением обнаружил, что уже стемнело. Гараж Бенни, залитый ярким люминесцентным светом, был таким грязным и замусоренным, что куб по контрасту показался хирургически чистым. Фиона и Бенни смотрели на ее мотоцикл. На месте, где вчера сидел Милгрим, теперь стоял сверкающий белый ящик с чуть наклоненными внутрь бортами. Дорогой, солидный и все равно немного похожий на холодильник для пива. На боку было что-то написано аккуратными черными буквами.

– Красные кресты? – спросила Фиона.

В руках у Бенни был желтый электрический гайковерт, от которого тянулся красный резиновый шнур.

– Крест у «скорой». Тебя бы останавливали всякие ушибленные. А глазки от свежих трупов возят в таких. Скопировал с настоящего.

– Фамилия, номер?

– Все как там. Машина была из магазина реквизита в Сохо. – Он вытащил из-за уха сигарету, закурил. – Для кино и телевиденья. Вы этим занялись? Кино снимаете?

– Порнушку, – ответила Фиона. – Сааду понравится.

– А то, – согласился Бенни.

Фиона заметила Милгрима и обернулась:

– Привет.

– Можно попросить твой телефон? Мне надо позвонить.

Фиона запустила руку в карман мешковатых штанов, выудила айфон – не тот, с которого Милгрим управлял скатом, – протянула ему.

– Есть хочешь? У нас донер заказан.

– Донор?

– Донер. Кебаб.

– Я тоже созрел для карри, – объявил Бенни, сосредоточенно изучая кончик сигареты, как будто там могут появиться отзывы на карри.

– Мне только надо позвонить… – начал Милгрим.

И замер.

– Телефон… «Синего муравья»?

– Нет, – ответила Фиона. – Новехонький. И у Бенни тоже. Нам всем дали новые, а старые забрали.

– Спасибо, – сказал Милгрим и пошел обратно в лас-вегасовский куб. Нашел карточку Уинни, на которую выписал международные коды, и позвонил.

Она ответила со второго гудка.

– Это я, – сказал Милгрим.

– Где вы?

– В Сатеке. За рекой.

– Что делаете?

– У нас был тихий час.

– А сказку вам рассказали?

– Нет.

– Вы считаете, что-то происходит? Вы чирикнули.

Глагол прозвучал упреком, тем более что (Милгрим знал) не был развитием детсадовской темы.

– Да. Не знаю, что именно. Он нанял кого-то по фамилии Уилсон и делегировал. – Милгрим был рад, что запомнил слово.

– Управление угрозами, – заметила Уинни. – Он прибег к аутсорсингу. Значит, озабочен всерьез. Вы уже видели этого Уилсона?

– Нет.

– Что Уилсон поручил им делать?

– Они поставили на мотоцикл Фионы ящик. Такой, в каком возят глаза от трупов.

Наступила полная цифровая тишина, потом:

– Кто такая Фиона?

– Она ездит. Для Бигенда. На мотике.

– Отлично, – сказала Уинни. – Тогда начнем снова. Задание.

– Задание?

– Познакомьтесь с Уилсоном. Узнайте про него, что сможете. В первую очередь – название фирмы, на которую он работает.

– Он же вроде работает на Бигенда?

– Он работает на охранную фирму. Бигенд – клиент. Не спрашивайте его. Просто вызнайте. Тихой сапой. Инстинкт мне говорит, что вы это можете. Чей у вас телефон?

– Фионы.

– Я только что отправила номер мылом, и мне сказали, что *GPS*-координаты очень занятные. Если только вы не телепортируетесь в рандомные точки.

– Он новый. Она только что получила его от Бигенда.

– Значит, это Уилсон, его новый консультант по угрозам. Отрабатывает гонорар. Отлично. Вы получили задание. Приступайте. Звоните, чирикайте.

Она отключилась.

Комнату наполнил скрежещущий субхендриксовский аккорд. Милгрим бросился наружу, споткнулся о разобранный мотор, чуть не упал, но сумел отдать телефон Фионе. И тут же подумал, не Уинни ли это перезванивает.

– Алло? Да. Поставили. Очень правдоподобно. Теперь будем менять мне амморты. Да? Хорошо. Возьму мотик. Быстрый? Не за что. – Фиона улыбнулась. – В чем был вчера? – Она глянула на Милгрима. – Скажу ему.

Она спрятала телефон в карман штанов.

Милгрим вопросительно поднял брови.

– Уилсон, – сказала Фиона. – Требует тебя как можно скорее. Хочет познакомиться. И велел взять одежду, которая была на тебе вчера.

– Зачем?

– Считает, «Танки и Тодзё» тебе не идет.

Милгрим заморгал.

– Шутка! – Она легонько двинула его в плечо кулаком. – Ты круто выглядишь. Мне нужен быстрый мотик, пока Саад меняет амморты. Бенни, я возьму твой.

– Мля, – тихо проговорил Бенни тоном безысходного горя. – Не угробь его снова, ладно?

65
Леопардовая шкура в миниатюре

Холлис стояла у входа в «Кабинет», глядя на Портман-Сквер в неожиданном ночном освещении. За спиной у нее бдительно высился Роберт. Фургон с надписью «Медленная еда» только что отъехал. За рулем сидела молодая блондинка в кепи, неприятно похожем на то, что было у Фоли.

Стук теннисного мячика. У «Кабинета» был свой корт, и, видимо, кому-то вздумалось поиграть ночью, несмотря на мокрую погоду.

Когда Холлис вернулась, Инчмейл и Хайди были в фойе. Инчмейл застегивался в японский гортекс.

– Мы идем в студию слушать миксы. Давай с нами.

– Спасибо, но я нужна здесь.

– Оба предложения в силе. Тусон и Хэмпстед. Можешь пожить с Анжелиной.

– Спасибо, Редж. Я правда ценю твою заботу.

– Тихое упрямство, – сказал Инчмейл и глянул на Хайди. – Хуже буйного непокорства. – Снова повернулся к Холлис. – Логичнее, впрочем. Будь на связи.

– Хорошо.

Холлис пошла к лифту. К хорьку в витрине. Тихонько помолилась про себя, чтобы задуманное Гарретом, при всей хорьковатости неведомого ей плана, не привело бы к тому, что для конкретного хорька обернулось вечным сомнамбулическим стоянием за стеклом. Ни для Гаррета, ни для Милгрима, ни для кого-нибудь другого, кто ей дорог.

Зубы у хорька, казалось, еще выросли, хотя понятно было, что это невозможно. Холлис нажала кнопку, услышала наверху лязг стимпанковского механизма.

Она и не подозревала, что Милгрим ей дорог, пока Бигенд не сказал, что легко скормит его Фоли и компании, если таким образом сможет получить назад Бобби Чомбо. И при этом Бигенду нужен даже не сам Чомбо, а что-то, что Чомбо умеет делать. Все это ее тревожило, как и то, что Милгрим возродился или даже родился по прихоти Бигенда, из праздного желания узнать: выйдет или не выйдет? Сотворить такое, а потом отдать получившегося человека, возможно, на смерть, ради чего-то, что хочешь заполучить, пусть даже очень сильно… было в этом что-то очень дурное.

Пришел лифт. Холлис открыла дверь клетки, дверь лифта.

Вошла. Поднялась на этаж.

По пути к четвертому номеру она приметила, что на одном из пейзажей в коридоре теперь *два* архитектурных каприза, одинаковых, один дальше в холмах. Уж точно второе здание всегда было здесь, она просто раньше его не замечала. Холлис твердо решила больше об этом не думать.

Она постучалась, на случай если Гаррет с Пепом все еще обсуждают вилки.

– Это я.

– Заходи, – отозвался Гаррет.

Он полулежал в наушниках на ложе арктического психоза: на ноге черная обертка с проточной ледяной водой, на животе – раскрытый ноутбук.

– Занят?

– Нет. Только что говорил с Биг-Эндом. – Голос у Гаррета был усталый.

– И как?

– Ему звонил Грейси. Требует Милгрима сегодня вечером.

– Ты ведь еще не готов?

– Не готов, но я сразу знал, что так быстро не успею. Заранее отрепетировал с Бигендом нашу версию. Он сказал Грейси, что Милгрим сбежал, но все под контролем. Милгрима вернут. Не назвал конкретный срок, только добавил, что Милгрим точно в Англии. На случай, если Грейси может проверить движение американских паспортов. Думаю, все прошло хорошо, но твой Биг-Энд… – Он покачал головой.

– Что?

– Есть что-то, что ему позарез нужно, однако дело даже в другом. У меня чувство, что он выигрывал, всегда, и вдруг перед ним замаячил шанс реального крупного проигрыша. В случае, если он не получит Чомбо назад в рабочем состоянии. Вот почему Биг-Энд сейчас очень опасен. – Он поглядел на Холлис.

– Что он может сделать?

– Буквально что угодно, лишь бы заполучить Чомбо назад. Со мной это первый раз.

– Что первый раз?

– Работать на клиента. Гадать, не достался ли мне в клиенты черт с рогами.

Холлис села на кровать, положила руку на ту ногу Гаррета, которая и сейчас была такой же, как до Дубая.

– Старик говорит, насчет Биг-Энда ходят очень странные слухи, – сказал Гаррет. – И что в последнее время они усилились. Ничего пока толком не выяснил.

– Редж говорит то же самое. Со слов жены, а она узнаёт от

здешних пиарщиков. Говорит, они как собаки перед землетрясением. Не знают, в чем дело, только чуют, что это связано с ним. Но мне за тебя тревожно. У тебя вид вымотанный. Твои пять нейрохирургов ведь не такой режим тебе прописали?

Гаррет указал на черную обертку в мелких капельках конденсата:

– Франк отдыхает в холодке и тебе советует.

– Сказала бы, что жалею о звонке тебе, но это было бы неправдой. Но я за тебя боюсь. Не только за Франка. – Она тронула его лицо. – Извини.

Гаррет поцеловал ее руку. Улыбнулся:

– Я рад, что ты позвонила. И мне не понравилось, как Пеп на тебя глазел.

– И мне. Он вообще мне не понравился.

– Он как-то спас мою шею в Готическом районе Барселоны. Пеп. Хотя мог бы и не вмешиваться.

– Значит, Пеп – хороший.

– Ну, так далеко в оценках я бы не заходил. Но он может открыть все, что на колесах и с дверцами, быстрее владельца, и закрыть так же быстро. Как тебе мой бакалейный фургон?

– Новенький. Что-то пафосно-веганское.

– Арендован через агентство в Шеппертоне, прокат машин для кино и телевидения. «Медленная еда» еще не начала развозить заказы, так что охотно предоставила свой фургон на нужды искусства за очень приличную почасовую плату.

На прикроватном столике что-то лежало. Часть фюзеляжа от модели самолета: изогнутая, обтекаемая, сверху – желтая в коричневых пятнах. Холлис наклонилась посмотреть, увидела рисунок леопардовой шкуры на пластмассе.

– Не трогай, укусит, – сказал Гаррет.

– Что это?

– Тазер.

– Тазер?

– Хайди нечаянно привезла из Лос-Анджелеса в пакете с деталями для модельки. Сгребла вместе с ними со стола, будучи в изрядном подпитии.

– И при досмотре в аэропорту не заметили?

– Мне больно разрушать твои иллюзии, – преувеличенно скорбно сказал Гаррет, – но такие случаи известны. Понимаю, это *чудовищный* недосмотр…

– А Хайди-то как его раздобыла?

– В Америке? Вопреки рекламному лозунгу, не все, что происходит в Лас-Вегасе, остается в Лас-Вегасе. Кто-то в Лас-Вегасе подарил эту игрушку ее мужу. Вообще-то, специально для

нее. Поэтому и леопардовый рисунок. Дамская модель. Служба безопасности в американском аэропорту не заметила, таможня ее величества не заметила, но Аджай сегодня утром заметил. Хайди и не знала, что эта штука у нее. Не оправдание, если бы поймали, но дело, в общем-то, обычное.

– И зачем он тебе?

– Еще не решил. «Следуй за неожиданностями, бойся твердого плана»[49].

– Мне казалось, ты любишь планы.

– Люблю планировать. Это другое. Однако здравая доля импровизации необходима.

– Эта штука бьет людей током?

– Внутри конденсатор. Разряда хватит, чтобы тебя отключить. Два дротика с крючками, каждый на пятнадцатифутовом изолированном проводе. Выталкиваются сжатым газом.

– Ужасно.

– Всяко лучше, чем получить пулю. Хотя удовольствие ниже среднего. – Он взял тазер и, держа его двумя пальцами, снова откинулся на подушки.

– Положи его. Он мне не нравится. По-моему, тебе пора спать.

– Милгрим выехал сюда. И парикмахер-визажист. Придет Аджай. Будет имидж-сессия.

– Имидж-сессия?

– С мастер-классом по индийскому макияжу. – Он забросил тазер за экран ноутбука. Поднял. Задержал в воздухе. – Когда все начнется, Милгрим должен быть с нами, там, где Биг-Энд до него не дотянется, вне зависимости от того, что думает про это сам Биг-Энд. Мне нужен какой-то предлог, чтобы держать Милгрима при себе.

– Зачем?

– Если мой план накроется медным тазом, а такая возможность всегда есть, твой красавчик захочет очень быстро вручить Грейси Милгрима. Извиниться за наше поведение. Виноват, нанял каких-то идиотов, они устроили самодеятельность, но вот вам Милгрим, я забираю Чомбо и еще раз прошу простить за причиненные неудобства. Или, кстати, если Грейси нам подосрет.

Тазер в медленном бреющем полете прошел над клавиатурой.

– Как? – спросила Холлис.

– Мой план вместе с домашней заготовкой строится на том, что Грейси будет играть по-честному, обменяет пленных и заберет Милгрима, чтобы в свое удовольствие повырывать ему ногти…

– Не говори так!

– Извини. По крайней мере, такой была бы честная игра с точки зрения Биг-Энда. Мы знаем, что никто Милгрима не получит, но Грейси этого не знает. Если все пойдет по моему сценарию, Грейси и компании станет не до мести. Однако если Грейси решит играть против правил, мне почти нечем будет его порадовать. – Гаррет снова поднял тазер, сощурился. – Вообще-то, жалко, что она привезла всего один.

66
Молния

Цивильный мотик Бенни, как знал теперь Милгрим, был «Ямаха FZR 1000», 2006 года, черный с красным. Фиона сказала, что у него приспущены подвески, что бы это ни значило. Еще у него было что-то под названием «спондоновский маятник», позволяющее удлинить базу для дрегрейсинга. «Шустрый малыш», – одобрительно сказала Фиона.

Она снова была в полной броне, застегнута на липучки и на молнии, с желтым шлемом под мышкой. На Милгриме была нейлоново-кевларовая защита с чужого плеча, жесткая и непривычная, поверх твида и габардина; охристые носы брогов нелепо торчали из-под черных кордуровых штанов. Его сумку с ноутбуком и вчерашней одеждой Фиона примотала к бензобаку «ямахи», который выглядел так, будто изготовился к рывку между ног мотоциклиста. Впечатляющий образ, учитывая, что сейчас этим мотоциклистом была Фиона.

– Пришел Войтек лажать пингвина.

Они обернулись на звук его голоса. Войтек шел через пустой мотоциклетный двор, неся в каждой руке по пеликановскому ящику. Это были не те ящики, что в прошлый раз. Тяжелые.

– Не лажать, – поправила Фиона. – Налаживать.

– «Моя жалеть бедный иммигрант». Не ты. Боб Дилан[50].

– А чего ты вообще приехал? – спросила Фиона. – Парижский дельфин работал отлично, а этого мы только что подключили к айфону.

– Приказ Уилсона. Комиссара всей лажи.

Он прошел мимо них в лас-вегасовский куб и закрыл за собой дверь.

– А другого шлема нет? – спросил Милгрим.

На заднем сиденье «ямахи» лежал черный шлем миссис Бенни.

– Нет, к сожалению, – ответила Фиона. – И мне прочли лекцию по технике безопасности. Велели подтянуть тебе ремешок.

– Кто велел?

– Уилсон.

Она надела на Милгрима шлем, подтянула и застегнула ремешок. Запах лака с прошлого раза как будто еще усилился. Милгрим подозревал, что у него выработалась аллергия на этот лак.

Фиона натянула перчатки и оседлала блестящую «ямаху». Милгрим сел сзади. Мотор заурчал. Фиона, переступая ногами, вывела мотоцикл из двора, и он как будто ожил – совсем иное существо, чем ее большой серый. Они некоторое время кружили по улочкам Саутуарка, видимо убеждаясь, что нет хвоста, затем вылетели на мост Блекфрайерс – замелькали бело-красные перила. На другом берегу Милгрим сразу потерял направление, и когда Фиона остановила мотоцикл, это застало его врасплох.

Он торопливо расстегнул ремешок и снял шлем миссис Бенни.

– Где мы?

– «Кабинет». Вход со двора, – ответила Фиона, снимая желтый шлем.

Они были на мощеной улочке перед каменной стеной. Фиона слезла с мотоцикла, и Милгрим в очередной раз подивился плавной грациозности ее движений. Он тоже слез, без особой грациозности, и стал смотреть, как она достает из багажного кофра толстую цепь, чтобы пристегнуть мотоцикл.

Фиона двинулась к старинному навесу для экипажей, под которым оказалась очень современная стеклянная дверь. Там уже ждал Булавочные Полоски – он открыл раньше, чем Фиона успела позвонить.

– Сюда, пожалуйста, – сказал он и повел их к лифту.

Милгрим внезапно понял, что в мотоэкипировке чувствует себя крупнее, основательнее. В лифте он как будто занимал больше места. Стоял прямее обычного, держа шлем миссис Бенни перед собой с некоторой даже церемонностью.

– За мной, пожалуйста.

Булавочные Полоски провел их через несколько очень тяжелых самозакрывающихся дверей. Темно-зеленые стены, короткие коридоры, мрачные акварельные пейзажи в вычурных золоченых рамах. Он остановился перед дверью, выкрашенной еще более темно-зеленой, почти черной краской, с большой бронзовой цифрой «4», привинченной двумя медными болтами. Постучал по косяку бронзовым дверным молотком в виде женской руки, держащей сплюснутый шар. Один раз, уважительно.

– Да? – Голос Холлис.

– Это Роберт, мисс Генри. Они пришли.

Лязгнула цепочка. Холлис открыла дверь.

– Здравствуйте, Милгрим, Фиона. Заходите. Спасибо, Роберт.

– Не за что, мисс Генри. Доброй ночи.

Они вошли. Рука Фионы, без перчатки, скользнула по руке Милгрима.

Он заморгал. У него за спиной Холлис закрывала дверь на цепочку. Милгрим в жизни не видел такого гостиничного номера, и Холлис была в нем не одна. На очень странной кровати лежал мужчина, темноволосый, со взъерошенной короткой стрижкой. Его спокойно-сосредоточенный взгляд чуть не включил у Милгрима тот механизм распознавания полицейских, который среагировал на Уинни в Севн-Дайлс.

– Вы, стало быть, Милгрим. Я о вас наслышан. Меня зовут Гаррет. Уилсон. Извините, что не встаю. Нога побаливает. Приходится держать ее на весу.

Он полулежал на подушке, втиснутой в готическую арку из двух мамонтовых бивней – или не бивней, а чего-то костяного, изогнутого. Рядом стоял открытый ноутбук. Одна нога мужчины, который представился Гарретом, покоилась на трех дополнительных подушках. Над ним висела непомерно большая клетка, наполненная, если Милгрима не обманывали глаза, стопками книг и кукольными прожекторами.

– Гаррет, это Фиона, – сказала Холлис. – Она вывезла меня из Сити.

– Отличная работа. И наш оператор дрона в придачу, – добавил Гаррет.

Фиона улыбнулась:

– Привет.

– Я отправил Войтека модернизировать один из них.

– Мы его видели, – сказала Фиона.

– У него не было тазера, теперь будет.

– Тазера?

– Чтобы вооружить аэростат. – Гаррет пожал плечами, улыбнулся. – У нас очень кстати оказался под рукой.

– Какой вес?

– Семь унций.

– Думаю, это снизит высоту подъема.

– Безусловно. И скорость. Но производитель сказал, что летать все равно будет. Хотя и не так высоко. Он ведь серебристый, да? Майларовый?

– Да.

– Думаю, нужен деформирующий камуфляж. Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – ответила Фиона, хотя Милгрим ничего не понял. – Но ты ведь знаешь, что я буду управлять другим дроном?

– Знаю, конечно. Ящик поставили?

– Да. И у меня новые аморты.

– Что такое аморты? – спросил Милгрим.

– Амортизаторы, – ответила Фиона.

– Давайте я вам помогу, – сказала Холлис, забирая шлем сперва у него, затем у Фионы. – У вас красивый пиджак, – добавила она, когда Милгрим вылез из обтягивающей нейлоновой куртки.

– Спасибо.

– Садитесь, пожалуйста, – продолжала Холлис.

Напротив кровати стояли два полосатых кресла с высокой спинкой. Милгрим сел в одно, Фиона – в другое, Холлис – на кровать и взяла Гаррета за руку. Милгриму вспомнилось утро в Париже.

– Вы спрыгнули с самого высокого здания в мире, – сказал он.

– Да. Хотя, к сожалению, не с самого верха.

– Я рад, что все обошлось благополучно, – сказал Милгрим.

Холлис улыбнулась ему.

– Спасибо, – ответил Гаррет и сжал руку Холлис.

Кто-то дважды легонько постучал в дверь. Костяшками пальцев, не молоточком.

– Это мы, – произнес голос за дверью.

Холлис спустила ноги с кровати, встала и открыла дверь. Вошли двое: очень красивый молодой человек и не очень красивая девушка. В руках у нее была старомодная сумочка из черного кожзаменителя. Милгрим предположил, что они оба индийцы, хотя он довольно плохо в таком разбирался. Зато он точно видел, что девушка – готка. Ему до сих пор не случалось встречать готов с индийской внешностью, но уж если где такие и водятся, подумал он, то, конечно, в Лондоне.

– Чандра, моя двоюродная сестра, – сказал молодой человек.

На нем были очень узкие, замысловато протертые черные джинсы, черная рубашка поло и большая, по виду очень старая мотоциклетная куртка.

– Очень приятно, – ответила Холлис.

Чандра смущенно улыбнулась. У нее были прямые черные волосы, огромные карие глаза, разнообразный пирсинг в носу и ушах и черная губная помада. Наряд напоминал форму сестры милосердия девятисотых годов, только с черным фартуком вместо белого.

– Чандра и Аджай. Фиона и Милгрим, – представила Холлис. – Чандра, это Гаррет.

Аджай глянул на Милгрима.

– Трудновато будет, – с сомнением произнес он.

– Сбоку набрызгаем маскировочным спреем. Которым лысину прячут. У меня с собой есть. – Она глянула на Милгрима. – А вообще, Аджаю давно надо подстричься, так что спасибо вам.

Аджай провел руками по волосам, по-военному коротким на

висках, густым и пушистым от темени до затылка.

– Отрастут, – сказал Гаррет с кровати. – Милгрим, не могли бы вы снять штаны?

Милгрим глянул на Фиону, потом снова на Гаррета. Вспомнил Дзюна в «Танки & Тодзё».

– Верхние, – уточнил Гаррет. – Аджаю надо понять, как вы двигаетесь.

– Двигаюсь, – повторил Милгрим и встал.

Потом снова сел, нагнулся расшнуровать ботинки.

– Нет, нет, – сказала Фиона, поднимаясь с кресла. – Для этого молнии есть.

Она опустилась перед ним на колени, расстегнула футовые молнии по внутреннему шву бронированных штанов.

– Встань.

Он подчинился. Фиона расстегнула толстую пластмассовую молнию на его ширинке, с хрустом отлепила липучки и потянула штаны вниз. Милгрим почувствовал, что густо краснеет.

– А теперь просто вышагни из них, – сказала Фиона.

67
Раздавленная мышь

Аджай с выражением стоической муки на лице сидел на том, что Милгрим назвал бидермейеровским табуретом[51], в ярко освещенной кафельной ванной среди разложенных на полу полотенец. Чандра аккуратно состригала его густые темные волосы. Милгрим «двигался», как велено; Аджай, когда вспоминал, принимался изучать его походку. Чандра тоже периодически замирала с ножницами в руке, смотрела на Милгрима и вновь начинала стричь. Холлис ждала неизбежного вопроса.

– Что это?! – спросил Милгрим, видимо впервые заметив душ.

– Душ, – сказала Холлис.

– Двигайся, – скомандовал Аджай.

Милгрим сунул руки в карманы новых диковинных штанов.

– Ты правда ходишь руки в карманы? – спросил Аджай.

– Не двигайся, – приказала Чандра. Она держала ножницы на весу.

– Это мне? – спросил Милгрим.

– Аджаю, – ответила Чандра, стряхивая с черного платья мокрую черную прядь. В ярком свете ее черные губы казались еще чернее.

Холлис вновь глянула на Фиону. Та сидела в ногах кровати и внимательно слушала Гаррета, время от времени задавая вопросы и делая пометки в обклеенном стикерами кожаном блокноте.

Гаррет только что отвлекся на телефонный разговор с человеком, собирающим для Пепа электровелосипед. В итоге Пеп остался без рамы с мягкими вилками, поскольку для установки мотор-колеса ее пришлось бы гнуть. И Гаррет, и механик считали это святотатством, поэтому Гаррет остановился на карбоновой раме, но пришлось звонить Пепу, и тот выторговал себе второй мотор.

Холлис все происходящее напоминало режиссерскую подготовку к съемкам музыкального клипа. «Дозор» в основном сумел этого избежать, но Холлис видела такое позже, у групп, которые продюсировал Инчмейл, и каждый раз процесс оказывался интереснее готового продукта.

В данном случае она все еще не понимала, что затеял снимать Гаррет.

– А теперь выйди и закрой за собой дверь, – услышала она голос Чандры. – Будет вонять.

Холлис обернулась. Милгрим как раз вышел из ванной. Чандра встряхивала аэрозольный баллончик.

– Зажмурься, – сказала она Аджаю.

Милгрим закрыл за собой дверь.

– У вас все в порядке? – спросила Холлис. – Где вы были?

– В Саутуарке. С Фионой. – Таким тоном, будто говорит: «Отдыхал в спа-отеле». Непривычная быстрая улыбка.

– Мне жаль, что так получилось с Хайди, – сказала Холлис.

Милгрим заморгал:

– С ней что-то случилось?

– С ней все хорошо. Мне жаль, что она ранила Фоли, а у вас из-за этого неприятности.

– Я ей благодарен, – ответил Милгрим. – Иначе бы нам пришлось худо. Мне так точно.

На миг загадочное настороженное существо и отрешенный мечтатель слились в одно. Такого Милгрима – целостного, живущего в настоящем мгновении – Холлис еще не видела.

– И я бы не попал в Саутуарк, – сказал он. В следующую секунду перед ней был прежний Милгрим. – Душ какой-то… мне от него не по себе.

– Мне нравится.

– Никогда не видел в гостиницах таких интерьеров. – Он оглядел номер.

– Я тоже.

– Это все настоящее?

– Да, хотя часть – современные копии. Для каждой комнаты есть каталог.

– Можно его посмотреть?

Зазвонил ее айфон.

– Алло?

– Это Мередит. Я в фойе. Нам надо увидеться.

– У меня гости.

– Наедине. Куртяк захвати. Она хочет с тобой познакомиться.

– Я…

– Это не я предложила. Она сама захотела, когда я передала ей твои слова.

Холлис глянула на Гаррета. Он целиком ушел в разговор с Фионой.

Открылась дверь ванной, и вышел Аджай. По бокам головы у него торчали в разные стороны редкие синтетические волоски.

– Не очень, да? – спросил он.

– Похоже на лобковые волосы большой, реалистичной плюшевой игрушки, – с удовольствием заметил Гаррет.

– Спрей неподходящий, но у меня есть другой, – сказала

Чандра. – И следующий раз я нанесу лучше.

– Я спущусь через минуту, – сказала Холлис в айфон. – Мередит, – объяснила она Гаррету. – Я пойду с ней поговорить.

– Из гостиницы не уходи, – бросил Гаррет и вернулся к разговору с Фионой.

Холлис открыла рот, закрыла, нашла Милгриму переплетенный в кожу каталог экспонатов номера четвертого, взяла сумочку и хаундсовскую куртку, после чего вышла и закрыла за собой дверь.

Стараясь не смотреть на акварели, она миновала зеленый лабиринт. Лифт ждал на этаже, разговаривая сам с собой негромкими пощелкиваниями. По пути вниз Холлис пыталась осмыслить слова Мередит. По логике «она» означало модельера «хаундсов», но если так, Мередит вчера соврала?

В лифтовый закуток с хорьком лились по лестнице звуки веселья из бара. Мередит стояла на обычном месте Роберта, сам Роберт куда-то подевался. Поверх вчерашнего твидового жакета на ней была древняя куртка из вощеного хлопка, сплошь в прорехах и полупрозрачная от ветхости – платоновская противоположность инчмейловского гортекса.

– Ты говорила, что не знаешь, как с ней связаться, – начала Холлис. – И точно не упомянула, что она в Лондоне.

– Я и не знала ни того ни другого, – ответила Мередит. – Это Инчмейл. Клэмми в студии компостировал мне мозги, потому что ты обещала ему новый прикид, если он поможет тебе ее разыскать.

Холлис напрочь об этом позабыла.

– Да, – сказала она.

– Инчмейл рисовал эту свою схему, на донышке бумажного стаканчика из-под кофе. Он их составляет для каждой песни. Это на публику или на самом деле?

– На самом деле.

– И разумеется, он был сосредоточен или притворялся, что сосредоточен. И вдруг говорит: «Я знаю ее мужа». Сказал, он тоже музыкальный продюсер, очень хороший, в Чикаго. Они когда-то работали вместе. Назвал фамилию.

– И какая фамилия?

Мередит еще тверже посмотрела ей в глаза:

– Пусть она сама тебе скажет.

– Что еще говорил Редж?

– Ничего. Больше ни слова. Вернулся к цветным фломастерам и бумажному стаканчику. Но я, как только добралась до компьютера, загуглила фамилию. Поиск по изображениям, на третьей странице – она с ним. И все это было через несколько

часов после нашего с тобой разговора.

– У меня был занятный вечер.

– Ты уволилась?

– Не успела. Но по-прежнему собираюсь уволиться. Даже сильнее, чем раньше. Мне с Бигендом категорически не по пути, теперь особенно. Много чего произошло.

– Я почти весь вечер провисела на телефоне. Пыталась выйти на нее через мужа. Не смогла ему дозвониться. Бросилась в ноги Инчмейлу. Вернее, натравила на него Джорджа.

– И?

– Она позвонила мне. Она здесь. Уже несколько недель. Была в Нортгемптоне, выбирала обувную фабрику. Сапоги будет тачать. – Мередит быстро улыбнулась и тут же посерьезнела. – Сейчас здесь проездом, по пути домой.

Холлис хотела уточнить куда, но не стала.

– Я могу тебя к ней отвезти, – продолжала Мередит. – По ее просьбе.

– А почему…

– Лучше пусть она сама тебе скажет. Ты едешь или нет? Завтра она улетает.

– Далеко это?

– В Сохо. У Клэмми есть машина.

> > >

Машина у Клэмми была японская, миниатюрная; по отцовской линии она явно происходила от «ситроена дё-шво»[52], по материнской – от особы не столь прославленного рода, зато посещавшей школу дизайна. Заднего сиденья почти не было; Холлис, втиснутая боком за Клэмми и Мередит, смотрела, как маленькие, но решительные «дворники» смахивают дождь с заднего стекла. Крошечная ретромашинка – полная противоположность бронированному «хайлюксу». Не только машины – даже мотоциклы были больше нее. Клэмми через брокера выписал подержанную из Японии, поскольку в Англии такие не продаются. Она была того оттенка, который Инчмейл называл «раздавленная мышь» – темно-серого с примесью красноты. Оставалось только надеяться, что другие водители ее видят. Если только они не заодно с Фоли. Про него Холлис вспомнила, когда Клэмми свернул на Оксфорд-стрит; слова Гаррета не уходить из гостиницы сразу обрели другой смысл. Холлис поначалу не восприняла их всерьез. Она чувствовала себя наблюдательницей, помощницей, неопытной медсестрой. Сейчас

до нее внезапно дошло, что в новой экономике похищений она имеет немалую ценность. Если Фоли и команда захватят ее, то смогут шантажировать Гаррета. Впрочем, им вроде бы неоткуда было узнать про Гаррета. Если, конечно, нынешние ближайшие сотрудники Бигенда не подкуплены. Например, кто такая Фиона? Холлис ничего про нее не знала, кроме того, что она как-то особенно заботливо относится к Милгриму. И даже – внезапно поняла Холлис – неровно к нему дышит.

– Далеко еще? – спросила она.

68
Рука-глаз

Теперь на бидермейеровском табурете сидел Милгрим; бывшая шевелюра Аджая лежала прядками на разложенных вокруг полотенцах. Сам Аджай мылся в большом жутковатом душе Холлис: соскабливал аэрозольные волоски, которые Чандра приклеила ему по бокам головы. Она стояла спиной к душу, чтобы не смотреть на голого двоюродного брата, и электрической машинкой стригла Милгриму виски и затылок. Милгрим, глядя на Аджая, думал, что тот похож на профессионального танцора: сплошные мускулы, но гладкие, а не буграми, как у качков.

Идея состояла в том, чтобы теперь, когда Чандра запомнила старую прическу Милгрима, подстричь его по-новому. Милгрим представил парик из своих волос для Аджая и сам удивился неожиданности такой мысли.

Ванная наполнилась паром, но Аджай уже убавил, а затем и выключил душ. Вскоре он вышел в белом банном халате, обшитом по краю шнуром. Волосы у него были примерно как у Милгрима раньше, только черные, мокрые и короче по бокам. Собственные волосы Милгрима, неопределенно-русого цвета, падали на полотенца.

Аджай старательно завязывал пояс халата.

– Остается только верить, что это не шутка, – сказал он Чандре.

– Такими деньгами, какие отвалил мне твой приятель, не шутят, – ответила Чандра, перекрикивая жужжание машинки. – Я никогда волосы не напыляла. Посмотрела обучающее видео. Следующий раз сделаю лучше. Наклони голову, – это относилось к Милгриму. – Вообще-то, спреем маскируют лысину. Наносить столько по бокам было чересчур смело.

Она выключила машинку.

– Смелость – наш девиз, – объявил Аджай. – От смелого враг бежит.

Он принялся вытирать волосы.

– Эти люди знают, что ты клинический идиот? – спросила Чандра.

– Аджай! – позвал Гаррет из-за двери.

Аджай бросил полотенце в угол и вышел, закрыв за собой дверь.

– Он всегда был такой, – заметила Чандра (Милгрим не знал, какой именно «такой»). – Это не армия ему мозги отшибла.

Она несколько раз щелкнула ножницами, убирая лишние волоски, и сняла с шеи Милгрима полотенце.

– Встань. Посмотри.

Милгрим встал. Из запотевшего зеркала над двойной раковиной на него смотрел немного другой Милгрим – более молодой и странно похожий на военного. Чтобы волосы не попали за шиворот, он застегнул ворот новой рубашки, и это тоже добавляло непривычности. Застегнутый на все пуговицы незнакомец.

– Хорошо, – сказал Милгрим, не кривя душой. – Я бы сам до такого не додумался. Спасибо.

– Благодари своего друга вон там на кровати, – ответила Чандра. – Могу поспорить, такой дорогой стрижки у тебя в жизни не было.

– Милгрим! – позвал Гаррет. – Идите сюда. Фиона сказала, вы прирожденный оператор аэростатов.

– У меня хорошая координация рука-глаз, – сознался Милгрим. – Мне в Базеле сказали.

69
Раздача подарков

– Здесь? – Холлис узнала безымянный джинсовый магазинчик на Аппер-Джеймс-стрит. Темный, освещенный лишь трепетным пламенем свечей.

– У них будет поп-ап[53], – сказала Мередит.

– Начнут только через час, – объявил непривычно веселый Клэмми. – Но я первый.

– Для тебя это раздача подарков, – сказала ему Мередит. – После этого мы в расчете. Но никаких вопросов. И не вздумай приставать с ними к Бо. Если придешь сюда в другой день, она тебя не узнает.

– Понял, – ответил Клэмми, выстукивая пальцами на баранке сигнал радостного предвкушения.

– Кто такая Бо?

– Ты ее знаешь, – сказала Мередит. – Иди. Быстрее. Они ждут.

Она открыла дверцу со своей стороны, вылезла и сложила пассажирское сиденье. Холлис протиснулась наружу.

– У тебя будет немного времени до нашего прихода, – добавила Мередит, забираясь обратно в машину.

Она захлопнула дверцу. Крохотная машинка, вся в капельках дождя, отъехала прочь.

Звонить не пришлось: красивая седая женщина впустила Холлис и заперла за ней дверь.

– Вы Бо, – сказала Холлис.

Женщина кивнула.

– Я Холлис.

– Да, – ответила женщина.

Аромат ванили и чего-то еще отчасти забивал запах индиго. Свечи стояли на массивной деревянной плите, которую Холлис помнила по прошлым визитам: ароматические, в высоких цилиндрах явно дорогого стекла, с фитилями из тончайших щепочек, которые тихонько потрескивали при горении. На каждом цилиндре матовой гравировкой был нанесен логотип «Хаундс». Между свечами расположились одни сложенные джинсы, одни хлопковые штаны защитного цвета, одна сложенная рубашка из тонкой джинсовки и высокий черный полусапожек, чуть поблескивающий в свете свечей. Холлис тронула его пальцем.

– Следующий год, – сказала Бо. – Будут еще коричневые оксфорды, но образец не готов.

Холлис взяла сложенные джинсы. Они были чернильно-черные, невероятно тяжелые. Перевернула, увидела собаку с младенческой головой на кожаном лейбле.

– Они продаются? Сегодня?

– Придут друзья. Когда вы были тут прошлый раз, я не могла вам помочь. Надеюсь, вы понимаете.

– Да, – ответила Холлис, хотя на самом деле не понимала.

– За мной, пожалуйста.

Бо, нагнувшись, шагнула в дверной проем, частично скрытый темным норэном[54] с белой нарисованной рыбой. Маленькое, но не загроможденное помещение. Никаких икейских столов – та же строгая простота, что в магазине, те же чистые полы, те же свечи. Два непарных кухонных стула, старых и обшарпанных. На одном сидела женщина, водя пальцем по экрану айфона.

Она подняла голову, улыбнулась, встала.

– Здравствуйте, Холлис. Меня…

Холлис подняла руку:

– Не говорите мне, как вас зовут.

Женщина удивленно выгнула брови. Ее красивая стрижка была встрепана, каштановые волосы поблескивали в свете свечей.

– Я могла бы выяснить, исходя из того, что сказала Мередит. Или просто спросить Реджа. Но если вы мне не скажете и я не сделаю ни того ни другого, я смогу и дальше говорить Губерту, что не знаю вашего имени. – Холлис обернулась и увидела, что Бо вышла. – Я плохо умею врать.

– Я тоже. Прятаться умею, врать – нет. Садитесь, пожалуйста. Хотите вина? У нас есть.

Холлис опустилась на свободный стул.

– Нет, спасибо.

На женщине были такие же джинсы, как те, что лежали на столе. Того же абсолютно черного цвета. Голубая рубашка, мятая и незаправленная. Очень заношенные конверсовские кеды – резиновый край подошвы стерся до гладкости.

– Я не понимаю, почему вы захотели меня видеть, – сказала Холлис. – Учитывая обстоятельства.

Женщина улыбнулась:

– Я очень любила «Ночной дозор», но причина не в этом. – Она села. Глянула на светящийся экран айфона, потом снова на Холлис. – Думаю, дело в ощущении, что я когда-то была на вашем месте.

– В каком смысле?

– Я тоже работала на Бигенда. Такое же поручение, судя по тому, что рассказала мне Мере. Он хотел заполучить кое-что, недостающий кусок головоломки, и уговорил меня этим заняться.

– И вы нашли, что он хотел?

– Да. Хотя это оказалось вовсе не то, на что он рассчитывал. Со временем он как-то использовал то, что я ему отыскала. Для какого-то жуткого маркетингового хода. Я тоже раньше работала в маркетинге, но после общения с Бигендом ушла.

– А что вы делали в маркетинге?

– У меня был очень редкий и специфический талант, для меня самой непонятный. Потом он исчез, о чем я, впрочем, не жалею. Он происходил из своего рода аллергии, которая была у меня с детства.

– На что?

– На рекламу, – ответила женщина. – В частности, на логотипы. Эмблемы корпораций. Они меня, кстати, и сейчас раздражают, но не больше, чем некоторых раздражают, например, клоуны. Любое концентрированное графическое представление фирменного дизайна.

– Но теперь у вас есть свой?

Женщина глянула на айфон, провела пальцем по экрану.

– Да. Извините, что смотрю в телефон. Это я общаюсь с детьми. Трудно держать связь при такой разнице часовых поясов.

– Ваш логотип меня немного смутил.

– Это рисунок женщины, которую я искала для Бигенда. Она была кинорежиссер. Умерла через несколько лет после того, как я ее нашла.

Когда она говорила, все чувства отражались на лице, и эта открытость была, наверное, еще удивительнее ее редкой красоты.

– Как грустно, – сказала Холлис.

– Ее сестра прислала мне некоторые вещи покойной. Там был этот рисунок на листе с записями. Мы отдали записи в перевод – оказалось, они про гончих Гавриила.

– Я про них раньше не слышала.

– Я тоже. А когда начала шить свое, то хотела, чтобы не было ни имени бренда, ни логотипа, ничего. Я всегда срезала с одежды фирменные ярлыки, из-за аллергии. И меня раздражало все, в чем чувствовалось участие дизайнера. Потом я поняла: если я это чувствую, значит дизайн плохой. Но муж очень убедительно объяснил, что без бренда мой замысел не осуществить. И был этот рисунок на листе с записями. – Женщина взглянула на айфон и снова подняла глаза на Холлис. – Мой муж из Чикаго. Мы жили там, после того как познакомились, и я обнаружила поблизости реликты американского мелкого производства. Я одевалась в такие вещи много лет, выискивала их на складах, в секонд-хендах, но никогда не задумывалась, откуда они берутся.

– Ваши вещи потрясающе сделаны.

– Я видела, что американская рубашка, которая в тысяча девятьсот тридцать пятом году стоила двадцать центов, часто сшита лучше любой современной. Но чтобы сегодня воссоздать такую рубашку, надо ехать в Японию, и розничная цена выйдет долларов триста. Мне стали попадаться люди, которые помнят, как делать настоящие вещи. И я знала, что моя манера одеваться всегда привлекала внимание. Некоторым хотелось носить то, что ношу я. Апробированное мною, как сказал бы Бигенд.

– Сейчас он апробирует костюмы, опасные для сетчатки.

– Он начисто лишен вкуса, но ведет себя так, будто специально его ампутировал. Может, и правда ампутировал. Почему-то после того, чем я для него занималась, мой единственный профессиональный талант пропал. Я была еще своего рода кулхантером, до того, как появилось само слово, но теперь этих кулхантеров каждый второй. Подозреваю, это тоже как-то связано с Губертом. Своего рода глобальная зараза.

– И вы начали шить одежду, в Чикаго?

– У нас пошли дети. – Она улыбнулась, глянула на экран, провела по нему пальцем. – Так что у меня было не слишком много свободного времени. Однако у мужа дела на работе шли хорошо, поэтому я могла экспериментировать. И поняла, что мне нравится.

– На ваши вещи был спрос.

– Поначалу меня это испугало. Я всего лишь хотела осваивать процесс, учиться и чтобы меня никто не трогал. Потом я вспомнила Губерта, его идеи, его проекты. Партизанские маркетинговые стратегии. Странные выверты привычной логики. Японскую концепцию секретного бренда. Создание параллельных микроэкономик, в которых знание важнее денег. Решила: у меня будет бренд, но секретный. Сама брендовость будет заключаться в секретности. Никакой рекламы. Вообще. Ни прессы, ни показов. Я буду делать, что делаю, как можно более скрытно. А скрытной я быть умею, отец научил.

– И у вас получилось.

– Возможно, даже слишком хорошо. Потому что сейчас надо либо переходить на следующий уровень, либо закрываться. Он знает? Что это я?

– Вряд ли.

– Подозревает?

– Если да, то очень искусно скрывает свои подозрения. А в данную минуту он целиком занят чрезвычайной ситуацией, которая не связана ни с вами, ни со мной.

– Коли так, он в своей стихии.

– Был. Насчет сейчас не уверена. Но в любом случае ему пока

не до «Габриэль Хаундс».

– Довольно скоро он узнает, что это я. Мы отказываемся от секретности. Пришло время. Сегодняшний поп-ап – часть процесса.

– Он по-прежнему будет опасен.

– Именно это я хотела вам сказать. Со слов Мере я поняла, что вы уже имели дело с Бигендом и решили повторить.

– Я не собиралась этого делать.

– Разумеется. У него есть эта способность притягивать к себе. Надо увеличить расстояние. Знаю по опыту.

– Я уже предприняла шаги.

Женщина пристально взглянула на нее:

– Верю. И удачи вам. Сейчас начнется поп-ап, и я должна помогать Бо, но до тех пор хотела поблагодарить вас лично. Мере рассказала, что вы сделали, вернее, что отказались делать, и я вам очень признательна.

– Я всего лишь сделала, что должна была сделать. Точнее, не сделала того, чего не могла.

Они обе встали.

– Офигеть, блин, это прорыв! – раздался за норэном голос Клэмми.

70
Деформирующий камуфляж

От пингвина пахло крилоном, аэрозольной краской, которую нанесла на него Фиона. Милгрим, благодаря интересу Бигенда к военной форме, теперь знал о камуфляже невероятно много. Прежде он видел только два типа: из перетекающих пятен у американских солдат в его детстве и жутковато фотореалистичный, вроде охотничьего, у некоторых особо суровых наркодилеров в Нью-Джерси. Однако тот, про который рассказала Фиона, был для Милгрима новым. Она объяснила, что этот камуфляж изобрел художник, кубист[55]. Милгрим собирался его при случае загуглить. Фиона сказала, что от такой маскировки в их случае пользы мало, хотя все лучше, чем серебристый майлар. Впрочем, ей нравилось, что Гаррет предложил эту идею, которая, на взгляд Фионы, еще усиливала ощущение перформанса. По ее словам, она впервые видела, чтобы кто-нибудь действовал, как сейчас Гаррет, а тем более так стремительно.

На мотоциклетном дворе Фиона краской из баллончика нарисовала поверх серебристого майлара причудливые изогнутые линии с разбрызганными краями, как в граффити. У настоящего деформирующего камуфляжа были острые углы, объяснила она, но аэростат так не замаскируешь. Она сделала из картона трафарет, нанесла по нему кривые, потом еще раз прошлась тускло-серой краской по оставшимся серебристым участкам, а когда краска высохла, добавила по трафарету тусклых бежевых линий. Раскрашенный так пингвин не слился бы ни с каким фоном, и уж тем более с небом, но линии дробили его визуально, мешали определить как объект. И все же он оставался пингвином, пусть летающим, а теперь еще с тазером и дополнительной электроникой, которую Войтек прилепил ему на брюхо.

На айфоне появились элементы управления тазером, для большого и указательного пальца. Чтобы выстрелить, надо было нажать указательным пальцем другой руки. Милгрим раньше плохо представлял себе тазер, но теперь в основном понял. Если бы он случайно произвел выстрел здесь, в лас-вегасовском кубе, сжатый газ выбросил бы два зазубренных электрода на пятнадцатифутовых проводах. Выстрел можно произвести один, и только один. Если электроды вонзятся в безукоризненно белую стену, пингвин окажется привязанным к ней длинными проводами. И если снова нажать кружок на экране айфона, стена

получит удар током. Стена, разумеется, ничего не почувствует, но если крючки зацепятся за человека, для чего собственно и предназначены, его сильно тряхнет. Убить не убьет, но оглушит, свалит с ног. И в игрушечной кабине, которую Войтек закрепил под брюхом дельфина, было тока не на один разряд.

Фиона сказала, что это так, свистелки-перделки, которые Гаррет решил приделать, потому что ему под руку подвернулся тазер, и Милгрим может о них не думать. Примерно то же пробурчал Войтек, когда они вернулись на «ямахе» и столкнулись с ним в дверях.

Но сам Гаррет в гостиничном номере Холлис сказал Милгриму совсем иное. Он сказал, что, поскольку Фиона будет управлять другим дроном, вертолетиком, пингвина придется взять на себя ему, Милгриму. Чтобы приглядывать за местностью в целом. Когда Милгрим спросил, за какой именно местностью, Гаррет ответил, что пока не знает, но уверен, Милгрим отлично справится. Милгрим, вспомнив, как приятно было кувыркать черного ската, решил обойтись кивком. Мысль, что ему поручают чем-то управлять, была совершенно новой. Обычно управляли другие, а он наблюдал. Впрочем, по большому счету ему и поручили наблюдать, пусть через камеру в пингвине. А про тазер, как сказала Фиона, можно просто не думать.

Управлять пингвином в тесном лас-вегасовском кубе было труднее, чем кувыркать ската. Если он ударялся о стену, Фиона видела и сердилась, так что Милгрим старался быть как можно аккуратнее. Она сказала, механизм в плавниках очень хрупкий, и если сломается, пингвин не сможет летать. Вообще-то, пингвины не летают, и этот был надувной, так что на самом деле он не летал, а плыл в воздухе, как в воде, причем мог делать это самостоятельно. Сейчас Милгрим тщательно следил, чтобы пингвин ничего самостоятельно не делал. Очень хотелось вынести его наружу и запустить по-настоящему, как Фиона запускала своего в Париже, но она сказала, нельзя. Во-первых, люди увидят и возбудятся, во-вторых, Гаррет велел ей не выпускать Милгрима на улицу.

Сидеть в кубе с Фионой было замечательно, но теперь Милгрим вспоминал пугающий душ в номере Холлис не столько со страхом, сколько с чем-то вроде тоски.

– Жалко, здесь нет душа, – сказал он, замедляя боковой поворот пингвина.

В плавности, с которой двигался аэростат, было что-то удивительно приятное. Милгрим дождался, когда тазер окажется внизу, и остановил поворот.

– Как нет? Есть, – отозвалась Фиона, сидевшая за его

макбуком.

– Где? – спросил Милгрим с белого поролона. Он принялся оглядывать стены, думая, что не заметил еще одну дверь.

– У Бенни. Там мотоциклисты иногда моются. Он такой старый, что еще аппарат для приема монеток есть, только уже не работает. Я бы и сама сполоснулась.

Милгрим разом ощущал липкость под мышками и то действие, которое произвела в нем даже кратчайшая мысль о Фионе под душем.

– Тогда ты первая.

– У Бенни душ с придурью. То работает, то нет. Будем мыться вместе.

– Вместе, – повторил Милгрим и услышал свой голос, каким говорил только на допросах в полиции. Кашлянул.

– Свет включать не будем, – объявила Фиона и глянула на Милгрима с выражением, которое тот решительно не мог понять. – Мне велено не спускать с тебя глаз. Буквально. Он так сказал.

– Кто? – спросил Милгрим уже собственным голосом.

– Гаррет.

Фиона сидела на стильном бигендовском стуле в бронированных штанах с заниженной талией и белой футболке с круглой черной эмблемой, на которой сверху было написано RUDGE, снизу – COVENTRY[56]. Между ними помещалась красная геральдическая ладонь, словно воспрещавшая доступ к двум маленьким, но острым грудям под футболкой.

– Если ты ничего не имеешь против, – сказал Милгрим.

– Я же сама предложила, верно?

71
Безобразная футболка

– Ты где? Роберт сказал, ты ушла с какой-то девушкой.

Холлис вместе с Мередит и Клэмми выходила из джинсового магазинчика.

– В Сохо. Я ушла с Мередит. Уже еду назад.

– Надо было договориться с тобой о кодовых словах, как с твоим шефом.

– Нет. Все хорошо.

– Было бы лучше, если бы ты оставалась здесь.

– Очень надо было съездить.

– Но ты уже возвращаешься?

– Да. До скорого.

Она перевела взгляд с телефона у себя в руке на озаренную свечами витрину. Тени людей. Сейчас Бо впускала еще двоих. Мередит сказала, что видела замглавреда французского «Вог». Клэмми старательно не замечал двух-трех других музыкантов, чуть старше него, которых Холлис смутно знала в лицо. В остальном у нее не создалось впечатления модной тусовки. Это было что-то иное, хотя она не могла определить что. По всему получалось, что в то время, когда Бигенд поручил ей раскрыть секрет «Габриэль Хаундс», настоящего секрета уже не было. Как это понимать? Бигенд отстал от времени? Теряет хватку? Или был слишком занят проектом с участием Чомбо? Может быть, Слейт придерживал информацию?

Подъехала серая машинка. За рулем сидел мальчик, очень похожий на Клэмми. Тот не потрудился его представить. Мальчик вылез, отдал Клэмми ключи и ушел.

– Кто это? – спросила Холлис.

– Помощник, – рассеянно ответил Клэмми, открывая пассажирскую дверцу. В руке у него был коричневый бумажный пакет размером с небольшой чемодан. – Тебе придется это держать.

– Что там у тебя?

– Двое черных, двое хэбэ, две рубашки и куртка, как твоя.

– Для тебя там тоже кое-что есть, – сказала Мередит Холлис.

– Сверху лежит, – нетерпеливо произнес Клэмми. – Залезайте уже.

Холлис низко нагнулась, пролезла боком на заднее сиденье и кое-как забрала у Клэмми пакет. Сильный запах индиго.

Клэмми и Мередит сели, захлопнули дверцы.

– Это первое, что она сделала, – сказала Мередит, обернувшись к Холлис. – Еще до того, как основала «Хаундс».

Холлис нашла поверх толстой стопки джинсов что-то в коричневой оберточной бумаге. Развернула. Темный, гладкий, тяжелый трикотаж.

– Что это?

– Решай сама. Труба без швов. Я видела в качестве столы, в качестве вечернего платья разной длины и нескольких вариантов юбки. Ткань потрясающая. Эта последняя партия – с какой-то древней французской фабрики.

– Поблагодари ее, пожалуйста. И тебе спасибо. Вам обоим.

– У меня все круть, – сказал Клэмми, сворачивая на Оксфорд-стрит. – Главное, не помни́ мое шмотье.

> > >

Холлис вызвала лифт. Пришла кабина. В ней стоял низенький, пожилой, очень широкий азиат с зачесанными назад редкими седеющими волосами – стоял точно посредине кабины, расправив плечи, и держал в руках большой шотландский берет с помпоном. Холлис открыла дверь лифта, азиат с резким британским акцентом произнес: «Благодарю», кивнул, прошел мимо нее, круто повернулся и направился в фойе, на ходу надевая клетчатый берет.

Роберт открыл и придержал ему дверь.

Хорек по-прежнему был в витрине.

Добравшись до четвертого номера, Холлис вспомнила, что не взяла ключи. Она негромко постучала.

– Это я.

– Минуточку, – раздался из-за двери голос Гаррета.

Звякнула цепочка. Гаррет открыл дверь. Он опирался на четырехногую трость, а под мышкой у него было что-то, что Холлис приняла за блестящий черный конверт от виниловой пластинки.

– Что это? – спросила она.

– Самая безобразная футболка в мире, – ответил он и поцеловал ее в щеку.

– «Тумбы» огорчились бы, – сказала Холлис, входя и закрывая за собой дверь. – Я думала, самая безобразная – их, та, в которой я сплю.

– Она настолько безобразная, что цифровые камеры сразу стараются ее забыть.

– Так давай посмотрим?

– Пока не стоит. – Гаррет показал конверт: черный, пластиковый, с запаянными краями. – Мы можем загрязнить ее своими ДНК.

– Нет, вот этого, пожалуйста, не надо.

– Довольно одного случайного волоска. С такими материалами надо обходиться крайне осторожно, учитывая уровень современной криминалистики. Нельзя оставлять никаких указаний на себя. Ну да материала этого в природе всего ничего.

– Ее наденет Пеп?

– Да, и, вероятно, загрязнит каталонской ДНК. – Гаррет ухмыльнулся. – Но потом мы положим ее в пакет, запечатаем и сожжем вместе с пакетом. Ну и никаких фоточек, разумеется.

– Если камеры ее не видят, как ее можно сфотографировать?

– Камеры ее видят. Видят, но тут же забывают.

– Почему?

– Потому что программа велит им забыть и ее, и того, кто в ней. Камеры выбрасывают из памяти человека в безобразной футболке. Забывают голову над ней, ноги, руки. Все полностью стирается. То, что несет на себе печать забвения, камера удаляет безвозвратно. Но только если изображение запросят. Если ты запрашиваешь изображение с камеры пятьдесят три от седьмого июня, она извлекает то, что тогда видела. В процессе извлечения печать и человек за ней исчезают. Благодаря тайной программной архитектуре. Джентльменское соглашение.

– И они правда это делают?

– Чтобы ответить на твой вопрос, придется долго разбираться, кто такие «они». Думаю, сейчас буквально невозможно узнать, кто именно это делает. Довольно сказать, что это делается. Пока система в личиночной стадии, но работает вполне успешно. В культуре камер мы продвинулись достаточно далеко, хотя нам далеко до Дубая. Я до сих пор получаю по мейлу фрагменты моего блистательного выступления на автостраде. От одержимых друзей-компьютерщиков. Но смело могу держать пари, что никто из этих друзей не знает про безобразную футболку. На этот уровень секретности мне еще попадать не случалось. И это знание – опасное. Так что при любом исходе событий ты ничего не знаешь про безобразную футболку.

– Теперь мне правда захотелось ее увидеть.

– Увидишь. Мне и самому любопытно. Куда ты ездила?

– В тот магазинчик, куда первый раз приходила с вопросами про «Хаундс». – Она бросила подарок в кресло, сняла куртку, села рядом с Гарретом и положила руку ему на плечо. – Я с ней познакомилась. С модельером.

– Она здесь?

– Скоро уедет.

– Биг-Энд искал то, что было у него под самым носом?

– Думаю, тут был элемент игры, когда что-то прячется на виду, но ей эта игра нравилась. Она выполняла для Бигенда ту же работу, что и я, и для нее это больная тема.

– Нашла родственную душу?

– Я никогда не питала к нему такой острой ненависти. Мне кажется, весь ее путь во многом определился желанием быть как можно дальше от Бигенда.

– Моральные уроды достаточно титанического масштаба, – сказал Гаррет, – вполне могут стать объектами религиозного чувства. Антисвятыми. Их ненавидят со всей силой праведной злобы. Тратят жизнь на возжигание свечей. Я бы тебе не советовал.

– Знаю. Он не вызывает у меня отвращения, как у некоторых. В нем есть некая стихийная сила. Опасная для окружающих. Вроде волн-убийц, про которые ты рассказывал в Нью-Йорке. Сейчас он мне менее симпатичен, но, подозреваю, это из-за того, что в нем проявилась слабость, уязвимость. Ты знаешь, что там у него такое с Чомбо?

– Без понятия. А в целом согласен. Он уязвим. Грейси и Фоли, Милгрим и Хайди, ты и другие невольно подняли волну-убийцу, которую невозможно было предвидеть. У него, впрочем, есть одно большое преимущество.

– Какое?

– Он заранее убежден, что такое в порядке вещей. Покажи ему волну, и он попытается ее оседлать.

– Думаю, ты такой же. И это меня пугает. Мне кажется, ты сейчас как раз оседлал волну.

Гаррет заправил ей за ухо выбившуюся прядь.

– Потому что это касается тебя.

– Знаю, – ответила Холлис. – Но еще и потому, что тебе это по кайфу.

– Да. Поэтому. Но дальше так не будет. Я это понял, причем еще до твоего звонка. Прочел на больничном потолке. И то же со стариком. Мне все стало ясно, когда он прислал мне это. – Он похлопал по черному квадрату. – Вещь. Может быть, самая значительная в его жизни. Я даже понятия не имел, что такое бывает. Фантастический потенциал для некоего великого свершения. И старик отдал ее мне, чтобы я вытащил из беды свою девушку и ее ненормального шефа.

Холлис заметила на прикроватном столике, рядом с телефоном, фигурку синего муравья.

– А где *GPS* из него? Не хотелось бы его потерять.

Гаррет взглянул на часы:

– Должен сейчас приближаться к Амазонке. На корабле.

– К Амазонке?

Он улыбнулся, приобнял ее.

– Курьером. Медленно. Если за ним следит мистер Биг-Энд, он поймет шутку. Если кто другой, решит, что ты укатила на Амазонку.

– Кто-то положил его ко мне в сумку перед моим отъездом в Париж.

– Персонал.

– Здесь?

– Конечно.

– Мне уже страшно.

– Но я об этом подумал. И я постоянно в номере, что упрощает дело.

– Кто у тебя тут был?

– Чарли.

– Седой азиат в шотландском берете?

– Чарли.

– Он в ширину больше, чем я в высоту.

– Гуркх. Они часто с возрастом раздаются. Настоящее сокровище. Как ты можешь заниматься здесь чем-нибудь неприличным, когда все эти деревянные головы таращатся?

– Не знаю, не пробовала.

– Интересно, – заметил он.

72
Смитфилд

Милгрим вышел из душа в брогах «Танки и Тодзё» на мокрые босые ноги и драном махровом халате (некогда в яркую рыже-зеленую полосу, теперь – неопределенного цвета). За ним вышла Фиона, закутанная в спальный мешок. На ногах у нее были огромные мужские вьетнамки. Милгрим надеялся, что она не подцепит грибок. Что оба они не подцепят. Бетонный пол в душе был скользкий, в какой-то мерзкой слизи, вода лилась то ледяная, то кипяток. И свет действительно не горел, чему Милгрим только радовался. Ему страшно было думать, как он выглядит сейчас со спины, в халате и в брогах, освещенный тонким лучом яркого Фиониного фонарика. Полотенец в душе не было.

Они пробрались через минное поле пластмассовых стаканчиков и разобранных железяк в мастерской Бенни.

В лас-вегасовском кубе Милгрим забрал свою одежду и ушел переодеваться в микротуалет. Ушиб локоть, вытираясь халатом, от которого немножко пахло бензином.

– Вот, – сказал он, протягивая Фионе халат через чуть приоткрытую дверь. – Еще не совсем мокрый.

Он до сухости вытерся швейцарским полотенцем Бигенда и начал одеваться. Куб и уборную наполнил чуть скрежещущий сахарский призрак Джими Хендрикса.

– Алло? Да, сейчас. – Голая бледная рука Фионы передала ему айфон. – Тебя.

Милгрим взял телефон:

– Алло?

– Задание, – сказала Уинни.

Милгрим от растерянности не нашелся с ответом.

– Вы мне не отчитались.

– Я его видел.

– И?

– Не думаю, что он работает на такую фирму, про какую вы говорили. Мне показалось, он молодой человек Холлис.

– С какой стати Бигенду нанимать ее молчела?

– Это его манера, – сказал Милгрим уже увереннее. – Он предпочитает любителей. Я много раз от него слышал. – Ему по-прежнему было странно говорить кому-нибудь правду хоть о чем-нибудь. – Он не жалует… – тут пришлось напрячь память, – «спецов по коммерческому шпионажу».

– Нанять любителя в его положении – самоубийство. Вы

твердо уверены?

– Как я могу быть уверенным? Гаррет не показался мне сотрудником компании. Любителем, правда, тоже. Понимает, что делает, хотя я не знаю, что именно. Но я думаю, он спит с Холлис. Во всяком случае, кровать там одна.

Слово «кровать» заставило вспомнить поролон. И Фиону.

– Как он выглядит?

– Лет тридцать с чем-то. Шатен.

– Это вы. Подробнее.

– Британец. Есть что-то от полицейского. Хотя не полицейский. Военный? Тоже не совсем. Спортсмен? У него недавно был несчастный случай.

– Какой?

– Он спрыгнул с самого высокого здания в мире и попал под машину.

Молчание. Потом:

– Вот почему хорошо, что у нас был личный контакт.

– Холлис мне сказала. У него одна нога плохо работает. Ходит с тростью. Или ездит на инвалидном скутере.

– Нам нужен новый личный контакт. Сейчас.

Милгрим глядел на телефон и видел поверх него правительственную печать на ее визитной карточке.

– Когда?

– Я сказала когда.

– Мне придется спросить Фиону.

– Спрашивайте, – ответила Уинни и повесила трубку.

Милгрим положил телефон на край раковины и закончил одеваться.

Он вышел с телефоном в одной руке, ботинками и носками – в другой.

Фиона сидела за столом, в бронированных штанах и футболке RUDGE, и вытирала волосы халатом.

– Кто звонил? – спросила она, опуская халат. Волосы у нее торчали во все стороны.

– Уинни.

– Американка?

– Да.

Милгрим сел и принялся надевать носки и ботинки.

– Ты громко говорил, я все слышала.

Милгрим поднял голову.

– Так о чем ты собирался меня спросить?

– Секундочку.

Милгрим завязал шнурки, через стол притянул к себе сумку, порылся внутри, нашел карточку Уинни и отдал Фионе.

Она прочла. Нахмурилась:

– Следственный отдел *Минобороны*?

– СОГУМ, – кивнул Милгрим.

– Первый раз слышу.

– Она говорит, его почти никто не знает.

– Бигенду про это известно?

– Да. То есть не про сегодняшний звонок. Про предыдущий.

– Ты оттуда?

– Откуда?

– Из СОГУМа?

– Шутишь?

– А почему на нее работаешь?

– Сложная история.

– Ты чего-нибудь совершил? Преступление?

– Ничего такого, что бы ее интересовало. И не в последнее время. Она выслеживает Грейси.

– Это кто?

– Который похитил Чомбо. Грейси следил за Бигендом. Считал его конкурентом. В каком-то смысле правильно считал. Так что она начала следить за мной. И теперь мне надо с ней встретиться.

– Где?

– Думаю, мы решим. Не здесь.

– Само собой.

– Тебе обязательно сообщать Губерту? – спросил он.

Фиона поставила палец на карточку, подвигала ее, словно маленькую доску для спиритических сеансов. Как будто надеялась на озарение свыше.

– Мои отношения с Бигендом не чисто деловые. Мама работала у него, когда я была маленькой.

Милгрим кивнул, просто потому, что не мог придумать ничего другого.

– Она попытается остановить то, что Гаррет делает для Бигенда?

– Она хочет навешать Грейси люлей, – сказал Милгрим. – Но сама не может и надеется, Бигенд сделает это за нее.

Фиона склонила голову набок:

– Ты сейчас говоришь, как совсем другой человек.

– Просто это как сказала бы она сама. Но если речь только о том, чтобы с нею встретиться, я бы поехал, а Бигенду сказал позже.

– Лады, – сказала Фиона. – Ключи от «ямахи» все еще у меня. Звони. Я объясню, где она с нами встретится.

– Где?

– В Смитфилде.

> > >

На этот раз, сняв воняющий лаком шлем (с которым уже смирился как с неизбежной и, в общем-то, честной платой за езду с Фионой, так что даже начал находить в нем некую прелесть), Милгрим увидел над головой прозрачный, возможно, пластиковый навес, укрепленный вдоль очень длинного здания. Оно занимало целый квартал и на американский взгляд выглядело вычурным, хотя, вероятно, викторианские строители считали его сугубо утилитарным. Кирпичные секции чередовались с более узкими бетонными. Метрах в двадцати сидели на своих мотоциклах, больших «хондах», которые Фиона называла «опарышами», двое курьеров, курили и пили что-то из высоких банок.

– С мотика не слезай, – предупредила Фиона, тоже снимая шлем. – Может, придется отсюда рвануть. Тогда надевай шлем и держись крепко.

Милгрим опустил шлем.

Напротив рынка изгибалась довольно обычная лондонская улица, почти без машин; ближайшая к ним полоса была совсем пуста. Послышался звук приближающегося мотора. Фиона и Милгрим разом повернулись. Двухдверный седан, безымянный, скорее всего японский, какие на здешних улицах встречаются чаще других машин, проехал мимо, но Милгрим поймал взгляд водителя.

Машина замедлилась и остановилась метрах в десяти дальше. Курьеры посмотрели на нее, переглянулись, поставили высокие банки, надели шлемы, завели моторы и уехали. Открылась пассажирская дверца, и вылезла Уинни в бежевом плаще поверх черного брючного костюма. Она закрыла дверцу и пошла к Милгриму с Фионой. Милгрим впервые видел ее не в южнокаролинском свитерке. И вместо сумки с игрушками у нее была черная кожаная сумочка, в цвет туфель. Ее каблуки процокали мимо двух банок.

– Специальный агент Уитакер, – сказала она Фионе.

– Ага, – ответила Фиона.

Из машины вышел водитель. Постарше, в фетровой шляпе, плаще примерно того же бежевого цвета, черных слаксах и больших коричневых ботинках. Он закрыл дверцу и остался стоять, глядя на Уинни, Фиону и Милгрима.

– Мы с Милгримом поговорим в машине, – сказала Уинни. –

Он сядет за руль. Мой водитель будет ждать на расстоянии, там, где ты сможешь его видеть. Идет?

Фиона кивнула.

– Тогда пошли, – сказала Уинни Милгриму.

Он слез с мотоцикла, чувствуя себе неловко в бронированном нейлоновом костюме, положил воняющий лаком шлем на сиденье. Уинни двинулась к машине. Мимо банок – из-под какого-то яблочного сока, как видел теперь Милгрим. Значит, лондонские курьеры, хоть и курят, в целом придерживаются здорового образа жизни.

– Твоя подружка четко поставила свои условия, – сказала Уинни.

– Я слышал. Но у нее приказ не упускать меня из виду. И она согласилась привезти меня сюда.

Она открыла ему пассажирскую дверцу.

Милгрим, который больше десяти лет не водил машину, сел за руль. Внутри пахло освежителем, на приборной панели был закреплен большой образок святого Христофора. Уинни быстро обошла седан, села на пассажирское место, захлопнула дверцу и закинула ногу на ногу.

– Красивый костюм, – заметил Милгрим.

– Для меня это извращ.

– Правда?

– Стандарт – темно-синий и темно-серый. Приди федерал в подвенечном платье, скажут, была в черном костюме. В черном костюме и сунула значок вам под нос. На ней серый костюм «Брук Бразерс», она показала удостоверение медленно, уважительно, на уровне груди. А скажут, в черном и сунула под нос. Знаете, что самое глупое?

– Нет, – ответил Милгрим.

– Предъявлять удостоверение – мимо кассы. Визитные карточки куда лучше. Значок – что-то из ролевой игры, печать вековечного рока. Если твоя работа – устанавливать контакты и завязывать отношения, значок – смерть.

Милгрим посмотрел на нее внимательно:

– У вас такая работа?

– Вы же здесь, верно?

– Понимаю, о чем вы, – сказал Милгрим, подумав, и, чтобы сменить тему, спросил: – А кто это вас привез?

– Я снимаю у него комнату. Вообще-то, костюм – ради него. Я решила, раз он согласился меня отвезти, надо одеться профессионально в его понимании.

Человек, о котором они говорили, отошел чуть дальше и теперь стоял, руки в карманах, глядя на Милгрима, а может –

просто в сторону Сити. Милгрим повернулся и отыскал глазами Фиону. Она сидела на мотоцикле, встрепанная после шлема, как одуванчик.

– Что происходит? – спросила Уинни.

– Грейси и Фоли похитили кого-то, кто работал на Бигенда.

– Похитили? Для меня это очень конкретный термин. Похитили кого?

– Чомбо. Он работает на Бигенда. Пришли домой к человеку, у которого Чомбо живет. Подбили ему глаз, угрожали его жене и ребенку. Забрали Чомбо.

– И вы мне не сказали?

– Не успел, – ответил Милгрим, почти не кривя душой. – И мне самому не сказали, я собирал по крохам.

– Кто такой Чомбо?

– Он ведет какой-то исследовательский проект для Бигенда. Бигенд хочет его вернуть.

– Выкуп требуют?

– Меня.

– Что вас?

– Я – выкуп. Фиона мне сказала. Вычислила исходя из того, что поручил ей Гаррет.

– Продолжайте.

– Они хотят вместо меня отдать другого человека. Аджая. Стараются сделать его как можно более похожим на меня. Думаю, он военный. Или типа того.

Уинни присвистнула. Покачала головой.

– Пипец, – сказала она. – Что Гаррет хочет поручить Фионе? Вы знаете?

– Управлять видеодроном. Пока они будут это делать.

– Пока будут делать что?

– Не знаю. Возвращать Чомбо.

Уинни нахмурилась, побарабанила пальцами по колену, отвела взгляд и снова глянула на Милгрима.

– Слава богу, что я взяла отпуск.

– Извините, что не сказал вам раньше.

– Гаррет, – сказала она.

– Гаррет?

– Устройте мне разговор с ним. Чем скорее, тем лучше. Сегодня.

Милгрим глянул на святого Христофора.

– Могу попробовать. Но…

– Что но?

– Не берите его. – Милгрим, держа руку ниже приборной панели, указал на отставного детектива из Скотленд-Ярда.

– По телефону. И не по моему телефону. Это будет симка на один раз.

– Зачем вы хотите с ним поговорить? Он меня спросит.

– Он что-то организует. Для Грейси. Я не хочу знать, что именно. Даже намеком. Похищение дает делу сильно новый поворот.

– Почему?

– Думаю, Грейси пошел вразнос. Его потянуло на горяченькое. Кризис среднего возраста. Похищения для людей этого типа – вроде красного кабриолета. Бизнесмен в его положении не может себе такого позволить. От слова «совсем». Но в военных школах бизнесу не учат. Так что он не в курсе.

– Что мне сказать Гаррету?

– Скажите, это много времени не займет. Что я не прошу ничего мне говорить. Мне не надо никакой информации. Разговор записываться не будет. Он может использовать программу искажения речи. Которую так и так будет использовать, если только он не любитель, но в таком случае Майки вас поимеют во все дыры, и очень скоро, а я ничего сделать не смогу. Скажи, что у меня для него пасхалка. И то, что я ему дам, не мое. Абсолютно никаким боком ко мне.

– Почему вы думаете, что он вам поверит?

– Контекст. Если он профи, то выяснит, кто я и откуда. Чего он не узнает, так это что у меня на Грейси зуб. Тут уж ваша задача, объяснить. Что я просто очень лично на него зла. – Она улыбнулась, и ее улыбка Милгриму не понравилась. – Может, меня тоже потянуло на приключения.

– Хорошо, – ответил Милгрим, хотя ничего из услышанного ему не нравилось.

– Только скажите мне одно.

– Что?

– Если именно вас требуют в обмен на заложника, почему вы разъезжаете с девушкой на мотоцикле? Почему не сидите под замком и под охраной?

– Потому что у Бигенда почти не осталось людей, которым он может доверять.

– Полный пипец, – заметила она медленно и, как показалось Милгриму, с удовольствием. – Вперед. Вы получили приказ. Исполняйте.

Милгрим вылез из машины и, видя, что детектив в плаще приближается, оставил дверь открытой. Прошел мимо двух банок из-под сока, одиноких часовых Смитфилда, к Фионе, которая уже завела мотор.

73
Лоскутный бойфренд

Холлис лежала в темноте рядом с Гарретом, круглое дно клетки смутно вырисовывалось в свете индикаторов на его ноутбуке и многочисленных телефонах. Зеленые и красные огоньки в ночи, созвездие потенциальной беды.

Сегодня она наконец-то познакомилась с Франком и даже привыкла к его виду быстрее, чем ожидала, хотя поначалу немножко и всплакнула.

Франка стабилизировали в Сингапуре, затем долго восстанавливали в ходе оплаченной стариком хирургической одиссеи. Франк повидал секретные американские клиники – призрачные отделения обычных с виду военных госпиталей. В одной из этих клиник раздробленную кость заменили кальфицированным ротангом, который закрепили керамическими винтиками, близкими по составу к натуральной кости. В итоге получился Франк – лоскутное творение, больше швов, чем кожи. Плотная мозаика, похожая на дорогой склеенный фарфор.

Гаррет сказал, что поначалу был готов к ампутации, тем более что кое-что слышал о возможностях современных протезов: последние американские войны и все более высокий процент выживания раненых привели к невиданному прогрессу в этой области. Однако врачи, которых нашел старик, хотели попытать счастья. Гаррет сказал, его заразило их желание испробовать нечто новое на грани возможного. От этого Холлис снова заплакала, и Гаррет обнял ее и утешал шутками, пока она не успокоилась. Еще он объяснил, что ему самому было любопытно узнать про официально не существующие технологии, задействованные в операциях. В частности, некоторые нервы пришлось временно перерезать (и это была самая неприятная часть процесса), а недавно в Германии их срастили заново, так что теперь он все в большей мере чувствует то, что чувствует Франк.

При каждой следующей перевязке Гаррет наматывал все меньше бинтов. Видимый Франк походил на лоскутное одеяло канзасских полей с самолета. По крайней мере, он сохранял форму ноги, пусть и с заметно атрофированной мускулатурой.

Животные, сказал Гаррет абсолютно серьезным тоном, предпочитают билатерально симметричных партнеров, настолько, что в природе несимметричные особи становятся париями, и он не обидится, если ей противно на него смотреть. Холлис

ответила, что ей противно смотреть на тех, кто говорит глупости, и поцеловала его. Потом они снова целовались, и не только, и Холлис снова плакала и снова смеялась.

Теперь она лежала в слабом мерцании красных и зеленых индикаторов и желала тишины, отсутствия новостей, пустой папки «Входящие» – то есть покоя здесь, на ложе арктического безумия, которое для нее уже не было безумным, и даже китовая челюсть на стене отчасти наводила на мысли о брачной постели. Впрочем, Холлис всячески их гнала.

Но пока все было хорошо. Пока. Его дыхание рядом с ней.

Под подушкой завибрировал айфон. Холлис вытащила его, хотела дать отбой, но не осмелилась: вдруг что-нибудь важное?

– Алло, – шепотом сказала она.

– Что-то случилось? – Голос Милгрима.

– Гаррет спит.

– Извините, – прошептал Милгрим.

– А что у вас?

– Сложное дело. Кое-кому надо поговорить с Гарретом.

– Кому?

– Пожалуйста, не подумайте чего-нибудь плохого, – прошептал Милгрим, – но она американский федеральный агент.

– Ничего хуже я и придумать не могла. – Холлис от волнения забыла понизить голос.

– Что там? – спросил Гаррет.

– Милгрим.

– Дай его мне.

Холлис прикрыла телефон рукой и тут же сообразила, что не знает, где у него микрофон и насколько это поможет.

– Он предлагает тебе поговорить с американским агентом.

– А, – сказал Гаррет, – началось. Локальная зона высокой концентрации нехороших явлений порождает флуктуации. Как всегда. Дай телефон.

– Я боюсь.

– Ничего удивительного. – Он ободряюще стиснул ее руку. – Телефон, пожалуйста.

Она отдала ему телефон.

– Милгрим? Завязываем контакты, да? Не так быстро. У нее есть имя?

Заскрипела ручка. Гаррет очень хорошо умел писать в темноте.

– Вот как? Правда? Сама так сказала?

Холлис почувствовала, как Гаррет приподнялся на подушке. Открыл ноутбук. Свет от экрана был светом какой-то чужой, вещей луны. Счастливой, надеялась Холлис. Застучали клавиши.

Гаррет что-то печатал одной рукой, задавая Милгриму короткие вопросы и выслушивая длинные ответы.

74
Карта, местность

Каблуки брогов «Танки и Тодзё» чуть не касались брусчатки крохотной площади. Милгрим сидел на высоком заднем сиденье «ямахи» и смотрел на собственные ноги. Они напоминали рисунок из его детского томика «Дон Кихота», хотя были то ноги рыцаря или Санчо Пансы, Милгрим не помнил. Фиона сидела перед ним, ниже, упираясь подошвами в брусчатку. Милгрим держал в руках ее айфон и видел ровно то место, где стоял их мотоцикл, в ярком окошечке приложения, которое она показала ему вчера. Двигаясь глазами вдоль узкой улочки, он отыскал Фаррингдон и прямую улицу к мосту, Саутуарку, вегасовскому кубу. Впервые понял, как они ехали.

Милгрим позвонил Уинни из этого скверика, продиктовал номер, который дал ему Гаррет. Номер он записал на оборотной стороне ее визитной карточки, теперь уже мягкой, скруглившейся по углам. Уинни повторила номер, заставила Милгрима проверить.

– Отлично, – сказала она. – Будьте наготове на случай, если я ему не дозвонюсь.

С тех пор прошло восемь минут, и она, видимо, уже говорила по телефону с Гарретом.

Желтый Фионин шлем повернулся.

– Закончил? – раздался приглушенный щитком голос.

Он взглянул на экран, на светящуюся карту. Увидел ее как окошко в тайные недра города. Как будто в руках у него что-то, из чего вынули брусочек Лондона, оставив яркую подложку компьютерного кода. Хотя на самом деле все, наверное, наоборот: город – подложка карты? Насчет этого было какое-то выражение, которое Милгрим не мог вспомнить. Местность – не карта?

– Да, – ответил он, возвращая Фионе телефон.

Та выключила его и убрала в карман. Милгрим тем временем надевал шлем миссис Бенни и застегивал ремешок, почти не замечая лака для волос.

Он поставил ноги на подножки и, прижавшись к Фиониной спине, стал смотреть на фактуру камня и кирпича, возникающих в свете фары. Мотор «ямахи» рычал так, будто мотоцикл спешил оказаться на мосту.

«О чем разговаривают Уинни и Гаррет?» – гадал Милгрим, пока Фиона выезжала из скверика на улочку, ведущую к Фаррингдон-роуд.

75
В даркнетах

Глядя, как Гаррет в наушниках разговаривает с американским агентом, Холлис гадала, что та говорит.

Перед этим он достал новый телефон из запаянного пластикового пакета, вставил симку из черного нейлонового портмоне, в котором их лежало штук двадцать-тридцать, словно очень скучная коллекция марок в кляссере. Поставил новый телефон на зарядку и другим проводом подсоединил к черной коробочке поменьше. Когда этот новый мобильный зазвонил, сигнал у него оказался, как у дискового телефона. Холлис обычно ставила себе такой же.

Теперь Гаррет слушал, иногда кивая, и смотрел на экран ноутбука – указательный палец прыгал, точно сам по себе, с клавиш на тачпад и обратно. Холлис знала, что Гаррет снова в даркнетах, общается со стариком или с кем-то еще. В даркнетах не было рекламы и почти не было цвета, хотя, возможно, просто потому, что он в основном читал документы.

Тут появилась цветная фотография. Женщина, китаянка, лет тридцати с небольшим, волосы расчесаны на прямой пробор, лицо без выражения, словно с фотографии для биометрического паспорта. Гаррет чуть подался вперед, как будто хотел лучше ее рассмотреть, и что-то записал в блокноте.

– Вообще-то, вряд ли он нам пригодится. У меня самого есть номера получше. – Он снова замолчал, слушая, открывая вкладки на экране. – Нет. Это у меня есть. Боюсь, вы ничем особо не сумеете мне помочь. Очень жаль, учитывая ваше желание быть полезной. Я бы не отказался от ребят покруче, тем более там будет кое-что как раз по их части. Думаю, дело так или иначе дойдет до них, но крутые ребята сразу были бы очень кстати. – Гаррет снова замолчал. – Да. Конечно. Пожалуйста. Доброй ночи.

Он снова тронул клавиатуру, фотография исчезла. Глянул на Холлис:

– Нежданчик.

– Это была она, на фотографии?

– Скорее всего.

– Чего она хочет?

– Она кое-что предложила. Того, чего мне бы особенно хотелось, у нее нет, но, возможно, она сумеет добыть.

– Ты мне не скажешь?

– Только потому, что тебе безопаснее этого не знать. – Он

отвел ее волосы с лица. – Ты знаешь, что взяла бы с собой, если бы уходила отсюда навсегда? Не больше, чем сможешь нести бегом.

– Навсегда?

– Вероятно, нет. Но лучше на всякий случай считать, что ты сюда не вернешься.

– Авторские экземпляры точно не возьму. – Она показала на коробки.

– Правильно. А если серьезно, давай собирайся.

– Я никуда без тебя не пойду.

– Мы уходим вместе. Собирайся, пожалуйста.

– Этот вели́к? – (Показывая свой чемодан на колесиках.)

– В самый раз, только тяжело не нагружай.

– Это как-то связано с тем, что она тебе сказала?

– Нет, – ответил он. – Это потому, что я думаю, время поджимает. Собирайся.

Холлис поставила пустой чемодан на ближайшее кресло, расстегнула и начала выбирать вещи из ящиков гардероба. Положила трикотажную трубу – подарок модельера «хаундсов». Пошла в ванную, забрала вещи с раковины.

– Как Франк? – спросила она, возвращаясь.

– Жалуется, но пусть привыкает.

На столике у кровати стояла фигурка синего муравья. Холлис взяла его. «Ты со мной», – сказала она мысленно, к собственному удивлению, и отнесла его вместе с косметикой и зубной пастой к чемодану.

– Франку не нужны какие-нибудь контрольные осмотры после нейрохирургии?

– Женщина на Харли-стрит, – ответил Гаррет, – как только найду время.

– И когда это будет?

– Когда все закончится.

Зазвонил телефон. Еще один вариант «старого звонка». Не ее. Гаррет вынул телефон из кармана, поглядел на экран. Ответил после третьего сигнала.

– Да? С этой минуты? Место? Нет? Критично.

Он нажал отбой.

– Кто?

– Биг-Энд.

– Что?

– Начинаем. Девяносто минут.

– Что критично?

– Мы не знаем, где это будет. Нам нужна открытая местность без людей. Но им это тоже важно. Готова?

– Насколько возможно.

– Надень свитер. Фургон неотапливаемый. – Он достал второй телефон. – Отправить всем. – Нажал несколько крохотных клавиш.

Телефон пикнул.

Холлис оглядела четвертый номер. Обои с насекомыми, полки с бюстами и головами. Увидит ли она его снова?

– Ты поедешь на скутере?

– Только до двери. – Гаррет, опираясь на трость, поднялся с кровати. Скривился. – Теперь очередь Франка.

Холлис натягивала свитер.

– Ты себя нормально чувствуешь?

– Вообще-то, да. Будь другом, возьми из комода безобразную футболку. И другой пакетик, поменьше.

– Что там?

– Почти ничего. И очень крупные неприятности кое для кого. Быстрее. Нас ждет веганский фургон.

– Чо еще за херня? – спросил голос Хайди из-за двери.

Холлис пошла открывать.

Хайди стояла, сверкая глазами, в распахнутой куртке тамбурмажоретки поверх израильского лифчика.

– Аджай получил эсэмэс и умчался как ошпаренный, сказал, ему нужно к двоюродной сестре. – Она увидела Гаррета. – Это ты его сдернул?

– Да, – ответил Гаррет. – А ты идешь с нами.

– Чего бы за хрень ты ни замутил, я иду с…

– Нами, – перебил Гаррет, – но только если не будешь нас тормозить. И надень рубашку. Кеды, не сапоги. На случай, если придется бежать.

Хайди открыла было рот, но тут же закрыла.

– Пора идти, – сказала Холлис, закрывая чемодан.

– Но не без подарочков, – ответил Гаррет.

76
Ушедшая девушка

Милгрим стоял, чувствуя себя потерянным. Ему еще чудился затихающий рев Фиониного «кавасаки».

Она получила эсэмэс от Гаррета и убежала, оставив на столе недоеденный сэндвич с курицей и ветчиной, но прежде привязала кусок прозрачной нейлоновой лески к колечкам, переднему и заднему, на раскрашенном пингвине. Милгрим помог ей провести пингвина в дверь, и она заякорила его над красным ящиком с инструментами, положив на леску молоток. Потом быстро вернулась в куб и дала Милгриму айфон для управления пингвином.

– Куда ты едешь?

– Не знаю, – застегивая куртку.

– Я поеду туда же?

– Это как Гаррет скажет, – ответила Фиона, и Милгриму на миг показалось, что она его сейчас поцелует, может, просто в щеку. Но только показалось. – Береги себя.

– И ты.

Через минуту она уже вышла за дверь.

Милгрим аккуратно завернул ее сэндвич в пленку и убрал в огромный боковой карман нейлоновой куртки, которую так и не снял после поездки. Надо будет отдать ей, если они встретятся. Тут он заметил на столе черный шлем миссис Бенни и понял, что сегодня ему, видимо, с Фионой не ездить. Взял шлем, понюхал подкладку, надеясь почувствовать запах лака, но тот уже улетучился.

Потом повесил на плечо сумку с ноутбуком, прикрутил итальянский зонтик и вышел, закрыв за собой дверь. Как ее запереть, ему не объяснили. А может, она и вовсе не запиралась.

Он отцепил пингвина от ящика с инструментами и вышел во двор, сжимая леску в поднятом кулаке, как если бы держался за петлю в метро.

– Гулять идешь? – спросил Бенни.

Милгрим и не знал, что он здесь. До какого часа работает Бенни? Или он тоже винтик в плане Гаррета?

– Меня заберут на машине, – ответил Милгрим.

– Удачно прокатиться, – сказал Бенни, словно не замечая пингвина. – Я запру лавочку.

Тут подъехал японский минивэн с занавесками и открытым люком на крыше. Водитель опустил стекло. Японский мини-

водитель, на вид лет пятнадцати, в крахмальной белой рубашке.

– Куда мы едем?

– Пока не сказали, но велели поторапливаться.

77
Зеленый экран

Как только Холлис покатила чемодан по коридору к черному ходу, сломанное колесико проснулось и защелкало, словно некий зловеще точный измерительный инструмент. Она ходила попрощаться с хорьком, хотя едва ли могла бы объяснить свои мотивы. Гаррет, у которого были собственные методы борьбы со страхами, наверное, понял бы.

У стеклянной двери стоял пустой инвалидный скутер, рядом ждал Роберт.

– Мои поздравления, мисс Генри, – проговорил он с какой-то особой теплотой, придерживая ей дверь.

По пути к лифту она вновь заметила, что архитектурный каприз на акварелях, очевидно, размножается почкованием, к тому же минуту назад общалась с хорьком, поэтому не стала углубляться в еще одну пограничную область, пытаясь объяснить себе неожиданную фразу Роберта, а просто поблагодарила его, кивнула, вышла на каретное крыльцо, построенное когда-то для настоящих карет, и пошла к высокому фургону «Медленной еды». Большой фургон был свежевыкрашен в цвет баклажана, с надписью и виньетками тусклой бронзой, как будто сама королева – веганка, а концепция «Медленной еды» строится на веганстве и любви к Обри Бердслею.

– Здравствуйте, – сказала симпатичная брюнетка норвежского типа в кепи, как у Фоли. Профессиональный водитель грузовика и одновременно актриса. Холлис это знала, поскольку слышала, как Гаррет ее нанимал через кого-то еще. Тогда она не поняла, о чем речь, но поняла сейчас. – За дверями две переборки, обе застегиваются на молнию, – сказала водитель, указывая на задние двери фургона. – Я открою первую и закрою за вами, а вы откроете вторую и закроете за собой. Это чтобы свет изнутри точно не пробивался. Понятно?

Девушка улыбнулась, и Холлис невольно улыбнулась в ответ. Она знала, что обязанности у той двоякие: не только вести фургон, но и уболтать полицию, если потом возникнут сложности из-за парковки.

Сейчас девушка распахнула задние двери. За ними была плотная, туго натянутая черная ткань, как будто из арсенала фокусника. Девушка залезла по алюминиевой лесенке в три крепкие ступени и расстегнула вертикальную молнию.

– Давайте чемодан.

Холлис подняла ей чемодан.

Девушка просунула его в щель и спустилась. Холлис поднялась по лесенке, пролезла в щель – пластмассовые зубья молнии проскребли по руке, – повернулась и опустила «собачку» молнии почти донизу. Водитель застегнула молнию до конца, и Холлис осталась в полной темноте.

Позади вжикнула другая молния, впустив яркий свет. Холлис обернулась и увидела Гаррета, а за ним Пепа в – у нее даже сомнений не возникло – безобразной футболке.

– Я не думала, что она буквально настолько безобразна, – сказала Холлис, проходя за вторую молнию.

Футболка на Пепе, надетая поверх велосипедок, и впрямь была самая большая и безобразная, какую Холлис случалось видеть: из какого-то дешевого жидкого хлопка цвета калоприемника – обобщенно-теоретического цвета европеоидной кожи. На высоте груди два асимметричных глаза тусклой черной краской, на уровне паха – угрюмый рот. Позже Холлис не могла вспомнить, почему это было настолько безобразно, кроме общего ощущения, что это за пределами панка, за пределами искусства и почему-то оскорбительно. Полосы шли от краев на бока и переходили на короткие свободные рукава. Пеп ухмыльнулся – а может, просто взглянул на нее, – надел через голову лямку темно-зеленой курьерской сумки и сунул в нее пакет, в котором Холлис узнала второй «подарочек» Гаррета.

– Не забудь потом снять сумку, – сказал Гаррет. Он сидел на черном офисном стуле, приклеенном к блестящему баклажановому полу. – Иначе программа не поймет.

Пеп ухмыльнулся – а может, просто улыбнулся в ответ – и прошел мимо Холлис в открытую молнию второй тканевой переборки. На спине футболки повторялся тот же безобразный рисунок. Пеп нагнулся, переставил ее чемодан внутрь и застегнул молнию. Холлис слышала, как расстегнулась и застегнулась другая молния, хлопнули дверцы.

Она повернулась к Гаррету, но тот прилаживал свой ноутбук на какое-то крепление, отходящее от каркаса из черных пластмассовых труб. Каркас, похожий на геометрическую модель прямоугольного параллелепипеда, охватывал почти всю внутреннюю часть фургона и, как стул, был приклеен к стенам неотражающей черной лентой для кинодекораций. На трубах были закреплены два плазменных экрана, один над другим, провода, розетки и несколько очень стильных светодиодных ламп.

– Куда мы едем? – спросила Хайди непривычно тихим голосом. Она сидела на полу, спиной к другому черному

полотнищу в передней части фургона.

– Скоро узнаем, – ответил Гаррет. Он уже установил ноутбук и теперь сидел как бы за невидимым компьютерным столом.

– Куда рванул Аджай?

– Туда же, куда едем мы, – сказал Гаррет. – Но с Чарли.

Все внутри пахло герметиком и новой электроникой.

Снаружи захлопнулась дверца водительской кабины.

– Садись рядом с Хайди, – распорядился Гаррет. – Там поролон.

Холлис села.

– Ошизеть, – сказала Хайди. – Клаустрофобия.

– Что клаустрофобия?

– У меня.

Водитель завела мотор, и фургон поехал прочь от «Кабинета».

«Идет», – безмолвно сказала Холлис хорьку. До этой секунды она не знала, что заключила с ним сделку.

– Ты никогда не говорила, что у тебя клаустрофобия.

– Фудзивара сказал, это из-за муйла. Я ведь потому к нему и пришла. Думала, мне просто хочется избить кого-нибудь в котлету, представляешь?

– А на самом деле не хотелось?

– Когда он научил меня клеить модельки, я успокоилась, и тогда он объяснил, что я просто не хочу ощущать себя взаперти.

– Ты доклеила Бюстохода? – Холлис подумала, что Хайди за разговором будет легче перенести замкнутое пространство.

– Деталек маловато, – скорбно ответила та.

– ОВП[57] есть? – спросил кого-то Гаррет. Его наушники были воткнуты в черную коробочку, подключенную к осьминожьей галактике телефонов, и он говорил с несколькими людьми на лаконичном языке полушифра.

– А у нас? – спросила Хайди.

– Тише. Не отвлекай его.

– Ты понимаешь, что он делает?

– Нет. Но что-то сложное.

– Сестра Аджая сделала из него белого клоуна. Выемку в носу исправила актерской замазкой. Высветлила волосы в цвет поноса и таких же налепила по бокам.

– Гаррет хочет, чтобы Аджая приняли за Милгрима.

– Это я поняла. Зачем?

– Похитили звездного программиста, который что-то делал для Бигенда. В обмен требуют Милгрима.

– На кой он им?

– Вообще-то, – сказала Холлис, – это из-за того, что ты запустила дротиком в их человека, после того как Милгрим уже

устроил ему какую-то пакость.

Минуту Хайди сидела, сцепив на коленях белые пальцы с обломанными черными ногтями и очень серьезно глядя на Холлис.

– Прикалываешься?

– Нет.

– Они что, мудильеры?

Холлис, придумывая ответ, увидела, что Хайди с трудом сдерживает смех, и тихонько ткнула ее кулаком в бок.

– Ура, – объявил Гаррет, приглушая все телефоны. – Скрабс[58]. Модель работает. Оптимальное место. Если ветра не будет.

– Какая модель? – спросила Холлис.

– В Университете Колорадо нам составили модель. Скрабс – идеален. Извини меня.

Он убрал руку с коммутатора и принялся что-то печатать. Фургон замедлился, посигналил, перестроился в другой ряд, немного постоял, снова поехал.

– Что происходит? – спросила Хайди.

– Думаю, условились о месте обмена, – ответила Холлис. – И я так поняла, нам оно нравится.

– И они получат уродскую версию болливудского хахаля, – пожала плечами Хайди.

– Ты же вроде старалась не вляпаться?

– Старалась.

– Тебе лучше?

– Ага. – Хайди запустила руку под куртку и потерла ребра, – но если я не вылезу нахер из этой душегубки, накатит снова.

– Мы сейчас куда-то приедем, – сказала Холлис.

– Нет пока, – говорил кому-то Гаррет. – Но она в воздухе.

Он что-то произнес на незнакомом Холлис языке и умолк.

– Что это был за язык? – спросила она, когда фургон снова поворачивал.

– Каталанский, – ответил Гаррет.

– Не знала, что ты на нем говоришь.

– Я могу сказать только очень грубые слова про его матушку. – Гаррет выпрямился. – Извини. – Некоторое время молчал. – По плану, – сказал он наконец. – Пока оптимально. – Снова помолчал. – Ценю ваше предложение, но спасибо, нет. Держите их подальше. Вне района действий. У меня там много всего. Ваши будут только мешаться под ногами. Нет, не обсуждается. – Он заглушил звук. – Козел.

– Кто?

– Говорит, заказал частную «скорую помощь». На Харли-стрит

дежурят врачи, на случай, если с Чомбо что-нибудь случится.

– Я об этом не подумала.

– А я подумал. У нас наготове свои медики. У Биг-Энда в «скорой» были бы не только врачи, но и команда, чтобы скрутить Милгрима.

– Он знает, где все будет?

– Они сначала звонили ему.

– Насколько это плохо?

– Не знаю, – ответил Гаррет. Он снял руку с черной коробочки и тут же улыбнулся. – Молодчина. Отлично. Над ней. Дай мне координаты. Четверо? Идут от нее? Сдай назад, спустись. Приближайся в двух футах от земли, так чтобы тебя закрывала машина. Мне нужны номер, марка, модель. Убедись, что внутри никого нет. Но без ИК, а то отразится от стекла, и они увидят.

– Инфракрасный, – перевела Хайди.

Верхний плазменный экран зажегся осциллоскопическим зеленым. Гаррет убавил яркость.

Холлис и Хайди сдвинулись на поролоне, чтобы лучше видеть экран. Картинка с движущейся камеры, абстрактная, нечитаемая. Затем появился британский номерной знак, словно записанный роботом на морском дне.

– Умничка. Теперь приподнимись и дай нам заглянуть внутрь. Потом за ними. Тот, что со свертком, – Грейси. Найди его и не выпускай из виду. – Гаррет снова тронул коробочку, повернулся. – Сверток нам не нравится, – сказал он Фионе и вновь стал смотреть на зеленый экран.

78
Эль Лисицкий

– Хотите минеральной воды? Или фруктов? – спросил мальчик-водитель. – Корзинка рядом с вами.

Милгрим, сидевший на полу за пассажирским сиденьем, только сейчас заметил корзинку. Он наблюдал, как пингвин бьется о люк в крыше, и гадал, что будет, если тазер сработает сам по себе.

– Там есть круассан? – спросил он, наклоняясь над корзиной.

– Нет, к сожалению. Яблоко, банан. Креветочные галеты.

– Спасибо, – ответил Милгрим и положил банан в карман куртки.

Вообще-то, ему хотелось спросить водителя, куда они едут, в ночь, с пингвином, наполненным гелием и раскрашенным аэрозольной краской. Однако он не спросил, поскольку подозревал, что водитель понятия не имеет. И более того, что это входит в его обязанности: очень хорошо вести машину, знать город, быть вежливым и понятия не иметь, куда они едут. Так что Милгрим не стал ничего спрашивать. Куда бы они ни ехали, это место, которое выбрал Гаррет, и возможно, там будет Фиона.

На круговой развязке пингвин немного наклонился набок. Милгрим чувствовал, что юноша ведет очень аккуратно, ничего не нарушает и, вероятно, едет на скорости ровно на два километра меньше разрешенного максимума. На памяти Милгрима так ездили на наркосделки люди, от которых он совершенно не ждал аккуратной езды. Собственно, все сегодня напоминало такую сделку, хотя прежде при этом ему не предлагали фрукты и минералку.

Наушники на юноше больше всего походили на деталь пинбольной машины, причем лапка, которая в пинболе толкает шарик, служила микрофоном. Он иногда тихонько в него говорил, правда чаще всего отвечал «да» или «нет» либо повторял названия улиц, которые Милгрим тут же забывал. Из этого Милгрим заключил, что юноша теперь знает, куда им ехать.

И внезапно, без всякого предупреждения, оказалось, что они на месте.

– Где мы? – спросил Милгрим.

– Уормвуд-Скрабс.

– Тюрьма?!

– Литл-Уормвуд-Скрабс, – пояснил водитель. – Прямо отсюда переходите дорогу, идете прямо в заросли. Он просил вам

сказать, она будет под камуфляжной тканью, так что, возможно, сразу не разглядите.

– Фиона?

– Он не сказал, – ответил юноша строго, словно не желая иметь с этим больше никакого дела. Потом встал, быстро обошел машину и открыл Милгриму дверцу.

Милгрим притянул пингвина пониже и боком выбрался из машины, думая про себя, как все-таки радостно держать за веревочку летающего пингвина. Замечательное открытие – газы легче воздуха. Интересно, из чего делали первые аэростаты. Из лакированного шелка, наверное, решил он и почему-то вспомнил дворик в «Салон дю вэнтаж».

Пока Милгрим вылезал из машины, водитель держал пингвина. Его рубашка призрачно белела в свете ближайшего фонаря. Милгрим ощущал вокруг большое открытое пространство, совершенно аномальное для Лондона. Другая сторона дороги была темна и пуста.

– Парк? – спросил он.

– Не совсем. Идите прямо через дорогу. – Водитель махнул рукой. – Не сворачивайте. Там найдете ее.

Он вручил Милгриму петлю на нейлоновой леске, к которой был привязан пингвин.

– Спасибо. И за банан тоже.

– На здоровье.

Милгрим перешел дорогу, слыша, как фургон у него за спиной завелся и уехал. Он продолжал идти. Через траву, через асфальтовую дорожку, снова по траве. Все странное, заброшенное, трава разной высоты. Никакой ландшафтной архитектуры городских парков. Пустырь. Трава была мокрая, хотя он не помнил дождя. Роса, наверное. Милгрим чувствовал ее через носки. И все равно броги «Танки и Тодзё» были лучше обычных ботинок приспособлены для ходьбы по траве. Он представил, как идет куда-нибудь с Фионой, по такому же открытому, но менее страшному месту. Интересно, понравилось бы ей? Любят ли мотоциклисты ходить пешком? А он сам? Милгрим остановился и посмотрел на лондонское небо: светящееся, чуть лиловатое. Все огни самого большого города Европы озаряли ночь, затмевая звезды, кроме нескольких самых ярких. Он поглядел назад, на обыденную геометрию многоквартирных домов за ярко освещенным шоссе, и снова на пустырь. Ему подумалось, что здесь можно затариться. Не верилось, чтобы в таком большом городе в таком месте не торговали наркотиками.

Рядом тихо свистнули.

– Я здесь. Залезай ко мне, – тихо позвала Фиона.

Она сидела под пленкой с эзотерическим новым камуфляжем из тех, что интересовали Бигенда. Милгрим не помнил названия, но видел, что рисунок и впрямь сливается с травой.

– Только без пингвина. Доставай пульт. Быстро.

Фиона сидела по-турецки, говорила тихо, айфон светился зеленым у нее на коленях. Она потянула пингвина вниз, отцепила леску с обоих концов, отпустила. Он начал подниматься – медленно, из-за тяжелого тазера. Милгрим вытащил из кармана пингвиний айфон, сел рядом с Фионой на корточки и накрыл их обоих пленкой, оставив снаружи только руки и плечи.

– Давай, – сказала она. – Подними его, отведи от дороги. Я не могу говорить, сама работаю.

Милгрим увидел на ней маленькие наушники.

– Ты ищешь высокого человека в плаще, – продолжала она. – Без шляпы. Волосы короткие, возможно седые. В руке длинный бумажный сверток.

– Где?

– Потеряла его. Нажми зеленый кружок, если нужно ночное зрение, но с пингвином это не поможет, если ты не прямо над нужным местом.

Милгрим включил айфон, увидел пустой светящийся экран, потом сообразил, что пингвин смотрит в пустое небо. Тут гораздо приятнее, подумал он. Не нужно бояться, что врежешься в стену или в потолок. Пингвин плыл выше, вольнее.

– У этого типа что, фуфайка с нарисованным лицом? – спросила Фиона, показывая ему свой экран.

Там был кто-то в большом пуловере с гротескной физиономией на спине.

– Что-то конструктивистское, – сказал Милгрим. – Эль Лисицкий?[59] Он взламывает машину?

Человек стоял близко к черному седану, спиной к камере в Фионином коптере.

– Запирает ее. Уже взломал, теперь запирает.

Она пробежала пальцами по экрану, изображение размылось. Коптер, по сравнению с пингвином, двигался фантастически быстро.

– Куда мы? – спросил Милгрим, имея в виду коптер.

– Надо найти остальных троих. Потом посажу его, чтобы поберечь аккумулятор. Он в воздухе, сколько я здесь. Ищешь человека со свертком?

– Да, – ответил Милгрим и опустил пингвина в относительную темноту. – А кто остальные трое?

– Один Чомбо. Еще один из машины, которая пыталась

затереть вас в Сити.

– Фоли.

– Еще один регбист, с металлической прической.

– Металлической?

– Ближе к каскаду. Здоровенный.

79
Мастер игры

Холлис стояла у него за спиной, стараясь убедить себя, что наблюдает за игрой, невероятно сложной и нудной, на нескольких экранах. За чем-то решительно не важным, ни на что не влияющим.

Если так, то игра была очень убогой – без музыки, без звуковых эффектов. Гаррет, как мастер игры, назначал квесты, ставил задачи, раздавал золотые и серебряные печати невидимости.

Думать так было куда спокойнее, но Холлис не надеялась, что сумеет удержать иллюзию. Она стояла, прислонившись к баклажановой стене, и смотрела видео с Фиониного дрона.

Дрон мог нестись стремительно, как колибри, мгновенно зависать и оставаться на месте, но мог еще и подниматься-опускаться, как лифт. И все это в зеленом монохроме ночного видения. Камеры у нее были лучше, чем у Милгрима. Холлис не знала, как выглядит дрон, и воображала огромную стрекозу, тело размером с французский багет, пульсирующие прозрачные крылышки.

Дрон, зависнув, наблюдал, как четверо мужчин вышли из черного седана. Прокатный «мерседес», объявил Гаррет, как-то узнав это по номерам.

Двое были высокие, широкоплечие, крепкие. Один, поменьше ростом (почти наверняка Фоли), сильно хромал. Четвертый – Холлис узнала его угрюмую сутулость по Лос-Анджелесу и Ванкуверу – был Бобби Чомбо, ручной математик Бигенда. Та же раздражающая прическа, половина худого лица занавешена длинной грязной челкой. Он стоял под Фионией стрекозой, как на бледно-зеленой гравюре, одетый не то в мантию, не то в банный халат. Неврастеник, с удовольствием называл его Инчмейл. Он говорил, неврастения возвращается, и Бобби опережает тренд.

Гаррет не сомневался, что один из высоких мужчин, тот, что в темном плаще и с прямоугольным свертком, – Грейси. Это основывалось, как поняла Холлис, на том, что у другого была прическа, как у давнишних рок-музыкантов. Такая была у одного детройтского барабанщика, наркомана из числа приятелей Джимми.

Когда все четверо отошли от машины (Фоли вроде бы вел Чомбо), Гаррет велел Фионе спуститься и прочесть номера, а

потом заглянуть в окно на случай, если кого-нибудь оставили сторожить. В таком случае, как поняла Холлис, от Пепа потребовалось бы сделать что-то еще, не очень хорошее. Машина оказалась пуста, и Фиона, поднявшись, легко нашла Чомбо и остальных, но без Грейси – тот куда-то исчез вместе со свертком. Фиона не могла его искать, потому что нужна была Гаррету рядом с машиной, чтобы проследить за появлением Пепа и взломом, который был осуществлен через пассажирскую дверцу и вместе с запиранием занял ровно сорок шесть секунд.

Пеп, по указанию Гаррета, был без сумки, и Холлис догадывалась, что второй неведомый подарочек он оставил в машине, по плану. Затем он укатил на бесшумном электровелосипеде с двумя моторами, способном развивать скорость шестьдесят миль в час, не пересекая фокальные конусы камер, показанных на экране Гарретова ноутбука. В противном случае, сказал Гаррет, итоговая картинка велосипеда без седока испортила бы всю затею.

Схема камер на его ноутбуке была в оттенках серого, конусы зрения камер – красные, слабеющие по краям. Иногда какой-нибудь из них поворачивался, когда настоящая камера поворачивалась на оси. Холлис не знала, из каких даркнетов Гаррет извлек схему, и радовалась, что не знает.

Экран, на котором шло видео Милгрима, казался совершенно не связанным с операцией, и, может быть, поэтому Холлис часто поглядывала на него, хотя там ничего интересного не происходило. Грейси по-прежнему был неизвестно где, и она чувствовала, что Гаррет нервничает. Он предпочел бы толкового помощника и второй дрон, как у Фионы.

То, чем управлял Милгрим, было неторопливое почти до комичности, хоть и могло совершать длительные рывки. Получив через Фиону указание прочесывать местность в поисках Грейси, Милгрим начал облет. Гаррет сказал, что он держится слишком высоко, Милгрим опустился почти к самой траве, и Гаррет, по всей видимости, перестал обращать на него внимание. Впрочем, Холлис знала, что от Милгрима и его дрона особой пользы не ждали. Ему дали работу, чтобы выцарапать его из лап Бигенда.

Долгий звук открываемой длинной молнии. Холлис глянула вправо и увидела Хайди. Та поднесла палец к губам.

– Наши двое, – сказал Гаррет в микрофон, – выдвигаются к точке. Зависни примерно в двадцати метрах западнее. Будем экономить аккумуляторы.

Пока он отдавал указания Фионе, Хайди проскользнула за молнию и медленно опустила ее за собой.

Холлис знала, что «точка» означает *GPS*-координаты места, в

котором Грейси назначил обмен.

Камера Фионы опустилась до уровня человеческих колен и понеслась над темной размытой травой, как будто они смотрят глазами сверхбыстрого ребенка.

Милгрим добрался до конца зарослей и медленно разворачивался.

«Надеюсь, она просто вышла пописать», – подумала Холлис, оглядываясь на длинную пластмассовую молнию.

80
Фигуры в пейзаже

– Смотри, – сказала Фиона, – это ты.

Гаррет вновь велел ей подняться. Теперь она показывала Милгриму свой айфон. Камуфляжная пленка шуршала у них на плечах.

– Это Аджай?

Две фигуры на маленьком экране, сплющенные ракурсом, гравюра на светлой зелени. Один понуро волочил ноги, голова опущена, плечи чересчур широки для Милгримова пиджака. Второй был коренастый, с чем-то круглым и плоским на голове. Аджай держал руки вместе, чуть выше паха, как будто от стыдливости. Наручники.

Фиона зависла, поймала их в кадр. Милгрим подумал, что Аджай хорошо передает обреченность, но в целом сходства не видел. Волосы Чандра и впрямь наклеила куда лучше, чем в первый раз.

Второй человек выглядел как далай-лама, долго живший на планете с гравитацией заметно больше земной. Низенький, очень плотный, неопределенного возраста. И в надвинутом на лоб берете с помпоном.

Они вышли из кадра. Фиона задвигала пальцами, разворачивая коптер, и Милгрим вспомнил, что надо смотреть на свой айфон. Пингвин по-прежнему плыл над травой и низкими кустами.

Когда Милгрим вновь взглянул на экран Фионы, та уже отыскала троих подходящих к пустырю.

Один из них был Чомбо в тонком плаще-халате, более убедительно несчастный, чем Милгрим Аджая. Слева от Чомбо шел Фоли, заметно хромая, в штанах темнее тех, за которые получил свое прозвище. Впрочем, он по-прежнему был в кепи и темной парижской куртке. Справа от Чомбо Милгрим, к своему ужасу, узнал человека из семейного ресторана «Предместье», второго Майка, о котором говорила Уинни, того, что с ножом в кармане «тотерсов» и «каскадом» на голове.

– Он велит тебе сюда, – сказала Фиона, имея в виду место, где был ее дрон. – Искать высокого седого. Давай.

Милгрим вновь сосредоточился на ярком прямоугольнике, поле зрения пингвина. Развернул аэростат, поднял чуть выше в воздух.

У Фиониного дрона ночное зрение было куда лучше, чем у

пингвина, страдавшего своего рода инфракрасной близорукостью: чем темнее был объект, тем ближе ему надо было подобраться и тем ярче Милгриму приходилось включать инфракрасные светодиоды, по словам Фионы изначально недостаточно яркие. Трава внизу казалась монохромным пуантилистским полотном, чуть зеленоватым, лишенным подробностей. Хотя если бы там кто-нибудь был, Милгрим бы его увидел.

Тут он отыскал Чомбо, и Фоли, и человека из семейного ресторана «Предместье». Они по-прежнему шли.

Пингвин плыл на автопилоте. Милгрим перевел управление на себя, выровнял плавники и двинулся по инерции, описывая плавную дугу за счет изгиба хвоста, что у него получалось лучше всего.

Что-то на траве.

Яма? Большой камень. Милгрим попробовал замедлиться, подгребая плавниками в обратную сторону, но от этого пингвин перевернулся на спину и показал пустой экран светящегося неба. Милгрим выровнялся, не увидел ничего внизу. Начал снижаться, управляя плавниками вручную.

Человек сидел на траве по-турецки, на коленях у него лежало что-то прямоугольное. Темный плащ, короткие светлые волосы. Он мелькнул и пропал: пингвин, несмотря на все старания Милгрима, уплыл дальше.

Фиона уже дважды сказала, как им повезло, что сегодня нет ветра, над всей долиной Темзы штиль, и все же Милгрим не мог направить пингвина так, чтобы увидеть человека внизу. Он глубоко вдохнул, убрал пальцы с экрана. Пусть все успокоится. Пусть пингвин побудет просто аэростатом в недвижном воздухе. Потом можно будет начать снова.

– Двадцать футов от точки, – прошептала Фиона, – и сближаемся.

81
На месте

– Я его видела, – сказала Холлис, едва веря себе. – Мне кажется, Милгрим тоже видел, но уже потерял.

– Знаю, – ответил Гаррет, – но мы начинаем.

Фионин дрон завис в воздухе. Три человека ждали, двое – Аджай и Чарли – шли к ним. Чарли взял Аджая за локоть. Тот остановился, понуро глядя в землю.

Фоли вывел Чомбо вперед. Чомбо дергался и вертел головой; в какое-то мгновение Холлис увидела его широко раскрытый рот. Фоли кулаком двинул ему под ребра.

Гаррет тронул коммутатор.

– Давай, – сказал он.

Аджай размазался или телепортировался через пространство, отделяющее его от Фоли. То, что случилось при этом с Фоли, было таким же незримо стремительным, но вроде бы Аджай развернулся и схватил Чомбо еще до того, как Фоли грохнулся на траву.

Чарли, толстый коротышка в клетчатом берете, как-то оказался между ними и высоким парнем с прической «каскад».

Холлис не видела самого ножа, только занесенную руку; в следующее мгновение парень упал, хотя Чарли вроде бы только отступил на шаг. Парень перекатился, вскочил – движения были такие же быстрые, как у Аджая, когда тот атаковал Фоли, – выбросил руку, упал.

– Чарли как-то пытался меня этому научить, – заметил Гаррет, – но я не смог проникнуться должным уровнем суеверия.

Парень снова лежал на земле, хотя Чарли, насколько видела Холлис, его даже не коснулся.

– Почему он все время падает?

– Какая-то гуркхская обратная связь. Но твой Фоли не встает. Надеюсь, Аджай не перестарался.

Холлис глянула на экран Милгрима. Седой мужчина. Ружье. *У него ружье…*

– Фиона, – сказал Гаррет. – Тазер. Под пингвином. Быстро.

82
Колесо обозрения

Медленно вращая пингвина чуть вправо, чуть влево за счет движения плавников, Милгрим наконец сумел развернуть его на сто восемьдесят градусов… и увидел *Ruchnoy Pulemyot Kalashnikova* — мгновенно узнаваемый культовый силуэт, для которого у него внезапно не осталось английских слов.

«Калашников» лежал у Грейси на коленях. Металлический приклад был откинут, и Грейси прилаживал магазин, небольшую деталь, про которую Милгрим за время госслужбы узнал непомерно много. Русскую терминологию для каждого механизма, задействованного в производстве: штамп-машина, аппарат точечной сварки и еще много другого. С тех пор он примечал эти магазины в телевизоре: они попадались во всех горячих точках и не сулили ничего хорошего.

– Сука, – проговорила рядом Фиона чуть-чуть резче обычного. – Вдарь ему.

Грейси оттянул что-то на боку автомата назад, подался вперед, поднял колени и уперся похожим на костыль прикладом в плечо.

Пингвин стремительно пошел вниз, словно по собственной воле. Грейси припал щекой к прикладу. Дуло чуть повернулось…

И дернулось, оттого что под ним пронеслось что-то черное и прямоугольное. Фионин дрон.

Грейси посмотрел вверх. Через пингвина прямо на Милгрима. Который, видимо, проделал то, что показала ему Фиона в лас-вегасовском кубе, хотя потом решительно не мог вспомнить, как нажимал на кружок.

Что-то бросило Грейси вбок и вниз, какая-то рука невидимого придурковатого великана, пингвин дернулся, изображение расплылось. Милгрим так и не увидел пятнадцатифутовых проводов, – наверное, они были очень тонкие.

Милгрим снова нажал на экран. Грейси перекатился на спину и забился в судорогах. «Гальванизм», – вспомнилось из школьной биологии. Грейси ухватился за невидимые провода. Милгрим опять коснулся экрана. Грейси дернулся. Замер.

– Прекрати! – крикнула Фиона. – Гаррет велел!

– Почему?

– Прекрати!!!

Милгрим убрал оба больших пальца с экрана, в ужасе, что совершил что-то непоправимое.

Грейси сел, схватился за шею, яростно рванул невидимую проволоку. Изображение вновь расплылось.

Пингвин медленно начал уходить вверх. Милгрим попытался взять управление плавниками. Ничего не произошло. Он попробовал двинуть хвост, включить автопилот. Никакого отклика. Пингвин по-прежнему уходил выше. Милгрим видел, как Грейси встал, покачнулся и побежал. В следующий миг он уже исчез за краем кадра. Пингвин, свободный от непривычного бремени тазера, медленно поднимался в предрассветный воздух долины Темзы.

Милгрим вроде бы успел заметить Лондонское колесо обозрения за секунду до того, как Фиона выставила вперед собственный айфон.

83
Пожалуйста

– Что это было? – спросила Холлис.

– Милгрим, – ответил Гаррет, качая головой. – Всадил в Грейси заряд из тазера. Хорошо, что я ухожу на пенсию. Милгрим только что спас наши задницы.

– У *Милгрима* был тазер?

– На аэростате. Алло? Лапуля? – Это уже в микрофон. – Покажи нам машину. И побыстрее, аккумуляторы садятся.

– В кого Грейси собирался стрелять?

– Думаю, для начала в Чомбо. Чтобы по максимуму нагадить Биг-Энду. Либо потому, что увидел нашу подставу, либо планировал изначально. Вообще-то, я надеялся, что он будет честно играть по местным правилам, не выкатит нам полный американский вариант, в Лондоне, в общественном месте, среди ночи. В общем, он чокнулся. Милгримов агент считает, это кризис среднего возраста. Если бы Грейси выстрелил, тут через минуту было бы не пройти от полиции. Нехилой такой полиции. Грейси бы забрали, чего мы собственно и хотим, но, скорее всего, прихватили бы и нас.

– Он торговец оружием. Ты не думал, что у него будет автомат?

– Торговцы оружием – бизнесмены. По большей части – чинные пожилые джентльмены. Я догадывался, что ковбойский потенциал у них есть, – Гаррет пожал плечами, – но мне почти нечем было подстраховаться. Состряпал кое-что на скорую руку. – Он ухмыльнулся. – Но Милгрим шибанул его током так, что Грейси драпанул без автомата. Полагаю, сейчас хочет оказаться от него как можно дальше.

Он поднял руку, наклонил голову, прислушался.

– Нет! Да. Черт!

– Что такое?

– Аджай потянул щиколотку. В песочнице. Чомбо убежал. – Гаррет набрал в грудь воздуха, медленно выдохнул. – Мне не удалось блеснуть перед тобой своей гениальностью, да?

Что-то стукнуло о борт фургона.

– Стоять! – рявкнула Хайди.

Стальные двери и два слоя полотна не могли полностью заглушить ее голос.

Гаррет глянул на Холлис:

– Она снаружи.

– Знаю, – ответила Холлис. – Не стала тебя отвлекать. Надеялась, она просто пописать.

Длинная молния расстегнулась, и в щель втолкнули заплаканного Бобби Чомбо. Он, рыдая, упал на баклажановый пол. Следом в щели возникло лицо Хайди.

– Это тот чувак, да?

– Хайди, я когда-нибудь говорил тебе, как восхищаюсь твоей красотой? – спросил Гаррет.

– Он обмочился со страху, – сообщила Хайди.

– Не он один, поверь, – сказал Гаррет, качая головой.

– Где Аджай? – хмуро спросила Хайди.

– Едет на закорках у Чарли. Как раз мечтал ближе с ним познакомиться. – Гаррет снова повернулся к экранам.

Милгримов был пуст, вернее, светился нежнейшей тёрнеровской гаммой: розовато-серой, уже без всякой примеси зеленого.

На Фионином экране люди забирались в машину.

– Поезжай, – сказал Гаррет машине на экране и сделал движение рукой, словно подталкивая ее. – Пожалуйста.

Машина выехала из кадра.

– Я попрошу вас всех на минуту выйти, – сказал Гаррет.

– Зачем? – спросила бестелесная голова Хайди.

– Потому что мне надо сделать кое-что очень гадкое, – объявил Гаррет, доставая телефон, по которому говорил с американским агентом, – и я не хочу, чтобы он, – кивок в сторону Чомбо, – рыдал на заднем плане. Могут неправильно понять.

Холлис встала рядом с Чомбо на колени.

– Бобби? Я – Холлис Генри. Мы встречались в Лос-Анджелесе. Помнишь?

Бобби зажмурился и затряс головой.

Холлис пропела первые строки «Такой быть сложно» – впервые за последние лет десять. Затем повторила – если не совсем верно, но, по крайней мере, ближе.

Бобби помолчал, передернулся, открыл глаза.

– У тебя случайно нет, блин, сигаретки?

– Извини, – ответила Холлис, – я…

– У меня есть, – сказала Хайди. – Снаружи.

– Я с тобой никуда не пойду.

– Я тоже с тобой выйду, – сказала Холлис.

– Можешь забрать всю пачку. – Хайди белой рукой с черными ногтями расстегнула черную молнию.

Чомбо уже был на ногах и кутался в тонкий трикотажный халат. Он глянул на Холлис, затем опасливо шагнул в ощетиненную пластмассовыми зубами щель.

Холлис последовала за ним.

84
Новый

Почти сразу после того, как Фоли и остальные уехали на черной машине, у Фионiного дрона сели аккумуляторы, и он рухнул камнем. Милгрим сложил камуфляжную пленку и спрятал в карман. Он же разыскал дрон, правда только когда наступил на него, раздавив кожух винта. Фиона, ничуть не расстроившись, сунула дрон под мышку, словно пустой поднос, и быстро повела Милгрима к своему «кавасаки».

– Отправим его «Федексом» назад в Айову, там починят, – сказала она, вероятно, просто чтобы остановить извинения Милгрима.

Теперь он держал коптер, а Фиона рылась в медицинском ящике на заднем сиденье. Милгрим осторожно встряхнул коптер. Внутри что-то брякнуло.

– Вот, – сказала Фиона, доставая очень блестящий черный шлем, запаянный в прозрачную пленку. Содрала полиэтилен, забрала дрон и протянула Милгриму шлем. Убрала дрон в ящик, захлопнула крышку. – Тот, что от миссис Бенни, тебя уже достал.

Милгрим не удержался: перевернул шлем и понюхал подкладку. От нее пахло новой пластмассой, больше ничем.

– Спасибо. – Он глянул на «кавасаки». – Где я сяду?

– По сути, я буду у тебя на коленях.

Фиона взяла ремень сумки, перекинула ему через голову, наискось, и поцеловала его в губы – быстро, но крепко.

– Садись, – сказала она. – Он велел отсюда уезжать.

– Да. – И Милгрим, задохнувшись от счастья, надел новый шлем.

85
Не ухватишь

– В Корнуолле круто, – сказала Хайди по айфону Холлис. – Еще не придумала, где развеять маму и Джимми, но это клевый повод кататься на машине.

– Как у Аджая со щиколоткой?

Холлис смотрела на Гаррета: тот, лежа на кровати, упражнял Франка с помощью желтого резинового шнура. В открытое окно влетал ветерок и звук вечернего транспорта. Номер был больше того, в котором она жила две недели назад, двойной, но с теми же кроваво-красными стенами в псевдокитайских монограммах.

– Хорошо. Но он по-прежнему ходит с той хитрой палкой, которую дал ему твой хахаль. Чудо, что руки с тех пор помыл.

– Он успокоился?

Аджай страшно переживал, что упустил Чомбо и не успел двинуть тому, что с «каскадом». Он говорил, убогого Фоли кто угодно уложил бы одной левой, хоть Холлис; ему вообще надо было в больнице лежать, а не на дело ехать. Более того, Грейси, вооруженного автоматом, обезвредил и вовсе Милгрим. С другой стороны, Аджай вроде бы подружился с Чарли и намеревался по возвращении из Корнуолла научиться, как ронять противника, словно к нему и не притрагиваясь. Гаррет, насколько поняла Холлис, сомневался в успехе затеи, но Аджаю не говорил.

– По счастью, он не может так долго держать в голове одну мысль, – сказала Хайди. – Где Милгрим?

– В Исландии, – ответила Холлис. – Или на пути туда. С Губертом и обеими Доттир. Он звонил утром. Я не поняла, он на корабле или на самолете. Сказал, это самолет, но почти без крыльев и практически не летает.

– Ты счастлива?

– Да, – сказала Холлис, глядя, как Франк сгибается и разгибается в мягком парижском свете. – До жути.

– Береги себя. Я отключаюсь. Аджай вернулся.

– И ты себя береги. Пока.

Милгрим и Хайди, сказал Гаррет, спасли его задницу. Милгрим – тем, что вырубил Грейси, который, вопреки расчетам Гаррета, приехал с огнестрелом, а Хайди (она вылезла из машины пробежаться, чтобы прогнать клаустрофобию) – тем, что заметила Чомбо, уходившего в сторону Ислингтона, и силком приволокла к фургону.

Холлис помнила, как они стояли перед фургоном. Бобби ныл,

чтобы ему разрешили выкурить еще сигаретку, а хорошенькая норвежка-водитель требовала быстро и тихо забираться в фургон. Тут подъехал Пеп на бесшумном велосипеде, вручил Холлис потрепанный пакет из супермаркета, ухмыльнулся и укатил прочь. Когда она прошла через две черные молнии, Гаррет, уронив плечи, сидел в кресле перед пустыми экранами.

– Ты себя нормально чувствуешь? – спросила она, стискивая его плечо.

– Отходняк, – сказал Гаррет. – Обычное дело.

Но через несколько минут, когда фургон уже ехал, Гаррет вновь встрепенулся.

– Сколько? – спросил он кого-то в микрофон. Улыбнулся. – Одиннадцать машин без опознавательных знаков, – минутой позже шепнул он Холлис. – Бронежилеты, австрийские автоматы, несколько человек в костюмах химзащиты. Серьезные ребята.

Холлис чуть было не спросила, о чем речь, но Гаррет улыбкой и взглядом попросил ее молчать. Она протянула ему потрепанный пакет. Гаррет заглянул внутрь, и на Холлис глянул один чудовищный глаз самой безобразной футболки в мире.

– Что за самолет без крыльев? – спросил он сейчас, опуская Франка.

Комплекс упражнений был завершен.

– Милгрим на борту чего-то, что Бигенд не то построил, не то восстановил. Сказал, это что-то русское.

– Экраноплан, – сказал Гаррет. – Судно на динамической воздушной подушке. Он псих.

– Милгрим говорит, интерьеры заказали «Гермесу».

– Богатый псих.

– Что это были за полицейские, которые забрали Фоли и остальных?

– Очень серьезные ребята. Абсолютно секретное подразделение. Старик кое-что о них знает, но не все рассказывает.

– Ты их вызвал, после того как отправил нас наружу?

– Ага, стукнул в полицию. Пока я ждал тебя в фургоне за кабинетом, снова позвонила Милгримова американка. Дала номер и кодовое слово. При первом звонке не сказала. Только номера, которые я уже знал. Я попросил чего-нибудь покруче. И она добыла этот номер. Я позвонил, назвал цвет и регистрационный номер. Бабах.

– Почему она так сделала?

– Потому что она такая крутая, если верить Милгриму. – Он улыбнулся. – И, думаю, потому что это никак не смогут связать с ней, ее ведомством, ее правительством.

– Как она добыла этот номер?

– Понятия не имею. Позвонила знакомому в Вашингтон? Я вообще не перестаю удивляться, какие неожиданные вещи иногда всплывают.

– И Грейси с его дружками арестовали?

Гаррет сел, сложил желтый резиновый жгут пополам перед грудью, медленно развел кулаки.

– И, полагаю, допрашивают в очень специфическом месте.

– В новостях ничего не было.

– Не было, – ответил Гаррет, продолжая растягивать резинку.

– Пеп что-то подбросил им в машину. Потом снова ее запер.

– Да.

Резиновый жгут был сейчас растянут на полную длину и дрожал от напряжения.

– Второй подарочек, – сказала Холлис.

Гаррет позволил жгуту свести его кулаки обратно.

– Да.

– Что это было?

– Молекулы. Такие, которые лучше не совать под нос собакам, вынюхивающим бомбы. От конкретной партии «Семтекса», которой активно пользовалась ИРА. Пластиковая взрывчатка. Отчетливая химическая подпись. Несколько тонн по-прежнему где-то гуляют. И карточка из цифрового фотоаппарата. Фотографии мечетей по всей Британии. Даты на снимках с давностью несколько месяцев, но не чрезмерно просроченные.

– Ты сказал, что пустишь в дело «домашнюю заготовку»?

– Да.

– Для кого она изначально предназначалась?

– Теперь уже не важно. Незачем знать. Когда я, придурочный, спрыгнул с Бурджа, я закрыл то конкретное окно возможностей. А потом моя девушка попала в беду. Пришлось импровизировать из того, что оказалось под рукой.

– Я не в претензии. Но как насчет Грейси? Он не сообщит полиции о нас?

– Главная прелесть, – ответил Гаррет, упираясь рукой в бок, – что он о нас не знает. Разве что о тебе немного, через Слейта. Но теперь, когда Грейси – тайный гость ее величества, Слейт будет держаться от него как можно дальше. А по словам старика, все еще лучше.

– Это как?

– Оказалось, американские госструктуры сильно не любят Грейси. Они много чего со своей стороны накопали. Им заинтересовались сразу несколько ведомств. Думаю, наши в конце концов сообразят, что он стал жертвой розыгрыша, но

после этого его ждут неприятности дома. Очень серьезные, надеюсь. Сам бы я в дальней перспективе больше опасался Биг-Энда.

– Почему?

– Что-то тут происходит. Такое большое, что не ухватишь. Но старик говорит, это именно так и есть: Биг-Энд стал настолько большим, что не ухватишь. Может быть, это значит, что он теперь непобедим.

– Он нашел Мередит ее туфли, последний сезон. В Такоме. Выкупил и отдал ей. Через какое-то свое новое подразделение, которое ищет таланты и оказывает им помощь.

– Я бы приглядывал за жертвами «помощи».

– И он заплатил мне. Сегодня звонил мой бухгалтер. У меня какое-то неспокойное чувство.

– Почему?

– Губерт заплатил ровно столько же, сколько я получила за песню «Дозора» от китайской компании. Это очень большие деньги.

– Ну и нормально.

– Тебе легко говорить. Я не хочу быть у него в долгу.

– Ты и не в долгу. Если бы не ты, он бы не получил назад Чомбо, потому что не вышел бы на меня. А если бы он выменял Чомбо на Милгрима, то не отделался бы от Слейта и Грейси. Я его не просто так стращал, и он это знает. Ты получила вознаграждение за то, что он добился желаемого.

– И летит в Исландию.

– Пусть его. Как у тебя насчет кухонь?

– Насчет готовки? Минимальные навыки.

– Насчет дизайна и планировки. У меня есть квартира в Берлине. В восточной части, новый дом, старый был насквозь асбестовый, его снесли. Одна большая комната и санузел. Кухни нет, только из пола, примерно посередине, торчат трубы и провода. Надо этим заняться, если мы собираемся там жить.

– Ты хочешь жить в Берлине?

– Да, но только если ты согласна.

Она посмотрела на него:

– Когда я вслед за тобой выходила к фургону «Медленной еды», Роберт меня поздравил. Я не спросила с чем, просто поблагодарила. Он вообще с твоего появления вел себя странно. Не знаешь, в чем дело?

– А. Да. В первом разговоре, когда ждал тебя, я упомянул, что собираюсь сделать тебе предложение.

Холлис уставилась на него:

– Ты ему соврал.

– Ничего подобного. Просто случая не было. Полагаю, он думает, что мы помолвлены.

– А на самом деле?

– По традиции, ответ за тобой, – сказал он, откладывая резинку.

86
Салфеточки

Фиона ушла стричься.

Милгрим остался в каюте. Он дочитал книгу Холлис, потом зарылся еще глубже в архивные подвалы кабинетовского сайта, где узнал, например, что акварели в коридорах, ведущих к номеру Холлис, написаны в двадцатом веке эксцентричным американцем по имени Доран Ламли. «Кабинет» владеет тридцатью его работами и экспонирует их поочередно, заменяя на регулярной основе.

Он осмотрел убранство каюты, вспомнил номер Холлис в «Кабинете» и как ему там все понравилось. Декораторы из «Гермеса» оформили каюты в стиле немецких довоенных дирижаблей, чего, правда, почти никто не заметил. Матовый алюминий, ламинированный бамбук, коричневато-зеленая замша и страусовая кожа очень странного оранжевого оттенка. Три круглых окна, вернее сказать, иллюминатора, за которыми Милгрим, поднимая голову, видел море, бронзовое в закатном свете.

Экраноплан напоминал Милгриму летающую лодку «Хьюз Н-4 Геркулес»[60], на которой он в студенческие годы побывал с экскурсией. Только с почти ампутированными крыльями. Странные советские гибриды, экранопланы: они летали с огромной скоростью, примерно в пятнадцати футах над водой и не могли набрать бóльшую высоту. Их сконструировали, чтобы перевозить тонны солдат или груза через Черное или Балтийское море. Этот конкретный экраноплан, А-90 «Орленок», был, как и все остальные, построен на судостроительном заводе «Волга», в Нижнем Новгороде. Милгрим уже знал про экранопланы больше, чем ему хотелось, поскольку, по официальной версии, переводил для Бигенда четырехдюймовую стопку исторической и технической документации. Правда, поскольку рядом была Фиона, работа почти не двигалась.

Милгрим пытался переводить в самом маленьком из четырех салонов на верхней палубе, сразу за кабиной экипажа. Там обычно никого не бывало, и он мог устроиться с бумагами и ноутбуком. Однако на судне был превосходный вайфай, так что Милгрим больше копался в гугле, ел круассаны, пил кофе. Тогда-то он и обнаружил сайт «Кабинета».

– Это ведь «Кабинет»? – спросила молодая итальянка, наливая ему кофе. – Вы там останавливались?

– Нет, – ответил Милгрим. – Но бывал.

– Я там работала, – с улыбкой сказала девушка и ушла в сторону камбуза.

На ней были очень ладные блузка и юбка от Дзюна Марукавы. Фиона сказала, что Бигенд с гермесовским экранопланом стал уже совершенно джеймс-бондовским злодеем и что форма команды – как глазурь на торте. Однако нельзя было отрицать, что итальянке «Марукава» идет.

Когда Милгрим наконец взялся за перевод очень дурно написанного текста, из кабины экипажа вышел Бигенд в свежеотглаженном костюме цвета «Международный синий Кляйна».

Он сел за маленький круглый стол, напротив Милгрима (костюм мучительно контрастировал с оранжевой кожаной обивкой), и, по своему обыкновению без предисловий, начал рассказывать историю автомата, брошенного Грейси в Литл-Уормвуд-Скрабс. Как уже знал Милгрим, автомат нашел на рассвете человек, вышедший погулять с собакой. Он немедленно позвонил в полицию. Милгрим уже знал и другое: в Уормвуд-Скрабс находили и более странные предметы, в том числе неразорвавшиеся снаряды, в относительно недавнее время.

На вызов приехала обычная полиция, так что серийный номер автомата попал, пусть ненадолго, в обычные полицейские компьютеры. После загадочного вмешательства сверху номер из компьютеров исчез, но за это недолгое время Бигенд каким-то образом сумел его выведать и теперь знал, что автомат, китайского производства, был захвачен в Афганистане два года назад и должным образом занесен в реестр. Дальше в истории следовал перерыв до тех пор, пока Грейси не появился с оружием на лондонском пустыре. Бигенда автомат беспокоил. Согласно его теории (или «нарративу», как сказала бы психотерапевт в Базеле), Грейси получил «калашников» от британского коллеги, который контрабандой вывез его в Англию, уничтожив соответствующие записи. Бигенда тревожило, насколько близок к Грейси был гипотетический коллега. Возможно ли, что у Грейси есть британский партнер, человек со сходными наклонностями? Кто-то, кого не замели вызванные Гарретом суперполицейские?

Милгрим так не думал.

– Думаю, все из-за автомата, – сказал он.

– В каком смысле «из-за»?

– Вокруг оружия много чего происходит. В данном случае многое произошло из-за того, что автомат вообще был. Вы сказали, что не понимаете, для чего Грейси прихватил на встречу автомат. Что такое не вяжется с вашими представлениями о нем и

его роде занятий. Что это было глупо. Чересчур. Не по-деловому.

– Вот именно.

– Он так поступил, потому что у него был «калашников». Автомат захватили британские военные. Кто-то переправил его сюда. Это не торговля оружием, а нелегальный сувенир. Однако Грейси *увидел* автомат. И *заполучил*. И все произошло, потому что автомат просто был. Но тот, от кого он попал к Грейси, захочет быть от всей этой истории как можно дальше.

Бигенд посмотрел на него внимательно.

– Потрясающе, – сказал он наконец, – как вам такое удается.

– Я всего лишь рассуждаю как преступник, – ответил Милгрим.

– И снова я ваш должник.

Должник Уинни, подумал Милгрим, хотя Бигенд этого не знал. Узнав от Холлис подробности, Милгрим через твиттер написал ей: «Как вы это сделали?» Ответный твит – последний, который он от нее получил, хотя по-прежнему регулярно проверял, нет ли новых, – состоял из одного слова: «салфеточки».

– Так, значит, поток ордеров?

Милгрим сам удивился своему вопросу. Он не думал об этом, вопрос вырвался сам по себе. Психотерапевт говорила ему, что идеи в человеческих отношениях живут собственной жизнью. В каком-то смысле автономны.

– Конечно, – ответил Бигенд.

– Чомбо искал поток ордеров.

– И нашел за неделю до похищения. Но вся его работа на данном этапе была бы бесполезна. Я хочу сказать, без него.

– И весь биржевой рынок больше не реален? Потому что вы знаете будущее?

– Очень тонкий слой будущего. Пленочку. Минуты.

– Сколько?

Бигенд оглядел пустой салон:

– Семнадцать на сегодняшний день.

– Этого довольно?

– Вполне хватило бы и семи. В большинстве случаев – семи секунд.

> > >

Платье Фионы представляло собой бесшовную трубу из черного блестящего трикотажа. Она загнула верх, так что на груди получилась полоса, плечи оставались голыми. Мамин подарок, объяснила Фиона, а маме платье досталось от

замглавреда французского «Вог». Милгрим ничего не знал про ее мать, только что у той был когда-то роман с Бигендом, но мысль, что у его девушки есть родители, с молодости казалась ему пугающей.

Сам он был в свежевычищенном твидовом пиджаке и габардиновых брюках, но в хакеттовской рубашке без лишних пуговиц на манжетах.

Коктейли подавали в так называемом бальном зале, который в остальное время служил общей столовой. Псевдоконструктивистские фрески по стенам изображали экранопланы, очень похожие на американские пассажирские гидросамолеты сороковых годов. Милгрим подозревал, что они и есть гидросамолеты, только с обрезанными крыльями и странными соплами поддува.

Идя вместе с Фионой по витой лестнице, Милгрим заметил двух высоких чернокожих красавцев – Олдоса и второго водителя – среди других пассажиров, из которых многих сейчас видел впервые, поскольку они с Фионой почти все время проводили в каюте. Был здесь и Рауш, в помятом черном костюме. Матовый ершик его волос напомнил Милгриму состав, который Чандра напылила на голову Аджаю.

Как только они спустились, к ним подошел Олдос.

– Здравствуйте, – сказал Милгрим (он видел Олдоса впервые после происшествия в Сити). – Спасибо, что спасли нас тогда. Надеюсь, вам потом пришлось не слишком тяжело.

– Бигендов доктор, – ответил Олдос, изящно пожимая плечами (Милгрим знал, что «доктор» означает адвоката). – И курьер. – Он подмигнул Фионе.

– Привет, Олдос, – проговорила она с улыбкой и тут же повернулась, чтобы поздороваться с кем-то, кого Милгрим не знал.

– Я вот хотел спросить… – Милгрим понизил голос и глянул через зал на бритую голову второго водителя, – про анализы. Давно не было.

– Какие анализы?

– Мочи.

– Думаю, их отменили. В списке заданий больше нет. Да вообще все переменилось.

– В «Синем муравье»?

Олдос кивнул.

– Новая метла, – торжественно произнес он, затем кивнул кому-то у себя в наушнике и бесшумно ускользнул прочь.

– Мы нашли вашу жидкость для полоскания, – сказал Рауш. – В Нью-Йорке. Вам отнесут в каюту.

Он с кислым видом глянул на Милгрима. Впрочем, как всегда.

– Олдос говорит, в «Синем муравье» все меняется. Новая метла, – заметил Милгрим.

Рауш поднял плечи.

– Все, кто имеет значение, кто прошел отбор, летят на этом самолете.

– Это не самолет, – сказал Милгрим.

– Не важно, – с раздражением ответил Рауш.

– Вы знаете, когда мы доберемся до Исландии?

– Завтра утром. Пока в основном просто его обкатывали.

– У меня почти закончилось лекарство.

– Последние три месяца это было плацебо. То есть витамины и добавки, наверное настоящие. – Рауш внимательно смотрел на Милгрима, смакуя его реакцию.

– Почему вы рассказали мне сейчас?

– Бигенд велел всем обходиться с вами как с полноценным человеком. Цитирую. Извините. – И он метнулся в толпу.

Милгрим сунул руку в карман, нащупал почти пустую упаковку. Не будет больше бисерных инструкций лиловыми чернилами. «Но мне *нравилось* плацебо», – сказал он себе, и тут грянули аплодисменты.

По толстым ступеням матового стекла спускались обе Доттир вместе со своим неприятным отцом. От Фионы Милгрим знал, что их альбом на днях попал в какой-то там топ. Сияя горностаевым мехом волос, они сошли с лестницы по обе стороны угрюмого Доттир-папы. Который, по словам Фионы, теперь на паях с Бигендом владел значительной частью Исландии, в каком-то очень сложном и практически неотслеживаемом смысле. Именно Бигенд, объяснила она, убедил молодых исландских финансовых лихачей заняться интернет-банкингом. «Подсадил их на это дело, точно зная, чем все закончится, – сказала она в каюте, лежа в объятиях Милгрима. – Они уже и без того были помешаны на интернете, что помогло».

Разливали шампанское. Милгрим поспешил отыскать Фиону и свой бокал воды «Перье».

Как раз когда он взял Фиону за руку, мимо, направляясь к Бигенду, быстро прошла Памела Мэйнуоринг.

– Привет, мам, – сказала Фиона.

Памела улыбнулась, кивнула, на долю секунды встретилась с Милгримом глазами и прошла дальше.

87
По другую сторону

Во сне, по часовой стрелке: изогнутая мраморная лестница восемнадцатого века, вытертый камень неравномерно желтоватый, как мокрота курильщика, ступени тщательно залатаны чем-то неживым, вроде пластика. Как лоскутный узор на ноге любимого, вернувшегося издалека: операция, несчастье, подъем по лестнице много выше этой. Лестница – слева, изгибается над фойе, над рубашкой Роберта (тонкая полоска), над степлером с головой турка, над жеребячьими любовными играми среди резных виноградных лоз.

Она поднимается на этаж, про который прежде не знала, что он тут есть. Вытертый цветастый ковер под голыми лампочками с архаическими нитями накаливания. По стенам – пугающе разные пейзажи, без людей, и на каждом, хоть намеком, призрачная игла «Бурдж-Халифа».

И в дальнем конце длинного (быть может, бесконечного) помещения озерцо теплого света и сидящая фигура в костюме цвета «Международный синий Кляйна». Фигура оборачивается: бледный мех, накрашенные губы и нос, лакированные деревянные зубы…

Она просыпается в темном номере, под одеялом, и слышит рядом мерное дыхание Гаррета.

Благодарности

Моя жена Дебора и дочь Клер были, как всегда, первыми читателями и чуткими критиками.

Сьюзен Аллисон, которой посвящена эта книга и которая в том или ином смысле была моим редактором с первых лет писательства, разумеется, не подвела и в этот раз.

Как и Марта Миллард, мой литературный агент с тех пор, как у меня возникла нужда в агенте.

Джек Уомак и Пол Макоули читали страницы почти ежедневно, причем Пол особо следил за топографией Лондона. С прибытием Милгрима в Париж для сходной цели был завербован Луи Лапран.

Кори Доктороу обеспечил Слейта телефоном «нео» для Милгрима.

Йохан Кугельберг любезно пригласил меня остановиться в клубе, ставшем примерной основой для «Кабинета» и почти таком же странном.

Шон Крофорд следил за правдоподобием Уинни.

Ларри Лунн на просьбу о макгаффине космических масштабов подарил мне поток ордеров. Не знаю, кто бы еще это смог.

Клайв Уилсон любезно обеспечил пешеходную топографию Мельбурна и веганскую ветчину.

Дуглас Коупленд познакомил меня с концепцией вегасовского куба, показав мне, много лет назад, такой куб, который устроил, чтобы писать в нем книги.

Брюс Стерлинг, получив по электронной почте исключительно глупый вопрос про камеры видеонаблюдения, в одном из своих характерных, дьявольски сконцентрированных импульсов фантазии без сколько-нибудь заметного усилия выдал концепцию безобразной футболки.

Микаэла Сахенбахер и Эрролсон Хью познакомили меня с архитектурой «секретного» бренда и кипящими вокруг страстями.

Все, что я знаю о жизни манекенщицы в XXI веке, почерпнуто из удивительных мемуаров Дженны Соерс, опубликованных в журнале «Джезебель», «Я – безымянная манекенщица» («I Am the Anonymous Model»). На них основана карьера Мередит. Легко находятся гуглом.

Так же легко находится очень информативная статья Марка Гардинера «Artful Dodgers» из журнала «Мотоциклист» (февраль 2009), из которой я почерпнул все свои познания о лондонских курьерах.

Линия обуви Мередит основана на бренде *Callous*, который Томас Феннинг и Томоаки Кобаяси запустили в 2003-м и который, насколько я понимаю, постигла сходная участь.

Спасибо вам всем.

Ванкувер, июнь 2010

notes

Примечания

1

Эдит Луиза *Ситуэлл* (1887–1964) – английская поэтесса, прозаик, литературный критик. «Английские эксцентрики» (1933) – книга ее исторических повестей и очерков. *Джеффри* Эдвард *Хаусхолд* (1900–1988) – британский автор детективных романов, из которых самый известный – «Одинокий волк» (1939). Книгу экранизировали дважды: в 1941 и 1976 гг.; в 2017-м должна выйти новая версия с Бенедиктом Камбербетчем. (*Здесь и далее – примеч. перев.*)

2

Садовые жокеи – фигурки в жокейских костюмах, которые устанавливаются перед домом, вроде садовых гномов. В руке фигурка обычно держит кольцо для привязывания лошадей. Традиционный садовый жокей – негр, что неоднократно было поводом для обвинений в расизме.

3

В начале 2000-х гг. компания «Форд» приняла стратегию (впоследствии ее признали неудачной), согласно которой все ее пассажирские автомобили должны носить названия, начинающиеся с F. Согласно этой стратегии, представленный в 2005 г. полноразмерный кроссовер получил название *Ford Freestyle*; в 2008 г. его переименовали в *Taurus X*. В «форде-фристайл» впервые была применена бесступенчатая коробка передач.

4

Роман «Машина времени» (1895) первоначально публиковался отдельными выпусками в журнале «Нью Ревью»; книжный вариант заметно переработан по сравнению с журнальным.

5

Хотя классический габардиновый тренчкот появился только в 1901 г., военный плащ такого фасона был создан раньше: для британских офицеров во время Крымской войны.

6

Ив *Кляйн* (1928–1962) – французский художник-авангардист. Создавал монохромные полотна: сначала оранжевые, розовые и другие, потом – только синие. Для них он разработал и запатентовал особый ультрамариново-синий цвет, похожий на тот, что использовался в средневековой живописи: «Международный синий цвет Кляйна».

7

Майкл *Фиш* (р. 1940) – легендарный британский кутюрье, создавший многие заметные образы британской моды шестидесятых и семидесятых годов. После инсульта, с 2004 г., находится в клинике.

8

Корпорация «*Энрон*» – крупнейшая американская энергетическая компания – обанкротилась в 2001 г. с громким скандалом, при котором были выявлены факты умышленной фальсификации финансовых документов и коррупции в высшем руководстве.

9

Триллер канадского режиссера Дэвида Кроненберга «Порок на экспорт» (*Eastern Promises*, 2007, в главной роли – Вигго Мортенсен) рассказывает о русских ворах в законе в Лондоне.

10

Вес джинсовой ткани измеряется в унциях на квадратный ярд и обычно составляет от 13 до 14,5 унции.

11

Слабби – разновидность денима с непропрядками – мохнатыми утолщениями на нити, которые раньше считались дефектом, а в наше время служат отличительной особенностью культовых японских джинсов из очень грубой и тяжелой ткани. Слабби-деним делают небольшими партиями на винтажных станках конца XIX – начала XX в.

12

В случае куртки складка-гольф – открытая боковая складка, начинающаяся у плечевого шва или кокетки и зашитая на поясе у талии.

13

Секретный бренд – не рекламируемая открыто и не несущая лейблов продукция некоторых компаний (например, *Muji*). Обычно это высококачественные товары, рассчитанные на узкий круг фанатичных ценителей. При этом особенности вещей порой не улучшают их потребительских качеств и никому, кроме посвященных, не заметны.

14

Jankel – британская фирма, специализирующаяся на выпуске лимузинов и бронезащите военных и правительственных автомобилей.

15

Скандал Профьюмо произошел в 1964 г., когда Джона Профьюмо, тогдашнего военного министра Великобритании, уличили в связи с танцовщицей, другим любовником которой был советский военно-морской атташе (и по совместительству шпион) Евгений Иванов.

16

На самом деле (*нем.*).

17

Андре *Курреж* (1923–2016) – французский дизайнер-авангардист, прославившийся в 1960-е гг. футуристическими моделями одежды.

18

«Нажми на тормоза» («Draw Your Brakes») – песня с культового регги-саундтрека к ямайскому фильму «The Harder They Come» (1972). Исполнялась не группой *Toots and The Maytals* (которая на этой пластинке тоже фигурирует), а певцом и диджеем Скотти (Дэвид Скотт, 1951–2003) и представляет собой даб-обработку песни 1965 г. «Stop That Train» ямайской группы *Spanishtonians*, вернее, рокстеди-версии этой песни, записанной в 1967 г. дуэтом *Keith & Tex*.

19

Прозвище Джорджа происходит от места Олдувай-гордж, ущелья в Африке, где найдены многочисленные останки гоминид, в том числе человека умелого.

20

Американская финансовая компания, занимающаяся сбором данных о гражданах США для продажи правительственным и частным структурам.

21

Район в центре Багдада, где до войны располагались виллы правительственных чиновников и несколько дворцов Хусейна; с 2003 г. – особо охраняемый район иностранного присутствия.

22

Философия, политика, экономика – междисциплинарный курс в Баллиол-колледже Оксфордского университета; готовит главным образом государственных служащих и политиков.

23

Доктор Сьюз (Теодор Сьюз Гейзель, 1904–1991) – знаменитый американский детский писатель и мультипликатор.

Да (*фр*.).

25

Район в Токио, где расположены магазины самых известных западных и японских модельеров.

26

Les Editeurs («Издатели») – довольно дорогой литературный ресторан, где проходят многие книжные мероприятия.

27

Нет. Мадленки (*фр.*).

28

«*People*» и «*Us Weekly*» – еженедельные американские журналы о жизни знаменитостей.

29

«There but for fortune, go you or I» («На этом месте запросто можем оказаться я или ты») – песня американского музыканта Фила Оукса, впервые записанная в 1963 г. и ставшая два года спустя хитом в исполнении Джоан Баэз. Общий смысл песни: от тюрьмы, сумы и войны не зарекайся. Название песни восходит к высказыванию английского проповедника и мученика за веру Джона Бредфорда (ок. 1510–1555), который, глядя, как преступников ведут на эшафот, сказал: «There but for the grace of God, goes John Bradford» («С ними, если бы не милость Божья, шел бы Джон Бредфорд»).

30

Гандамы – боевые роботы из одноименной аниме-франшизы, одной из самых популярных в Японии и в мире. Исключительное право на выпуск их моделей принадлежит фирме «Бандай». Гальвионы – роботы из куда менее известного аниме-сериала «Супербыстрый гальвион»; их выпускает фирма «Арии».

31

Британская компания – производитель электроники. В 1980-х гг. лидировала на рынке домашних компьютеров. Тогда же она купила компанию «Синклер» и некоторое время выпускала компьютеры ZX.

32

Танки и Тодзё – прославленные английские десантники времен Второй мировой войны: Гарольд Челленор, прозванный Танки из-за службы в танковых войсках, и Томас Уэддерберн, получивший прозвище Тодзё («япошка») за маленький рост и очки. Танки и Тодзё взрывали поезда в немецком тылу; после войны Танки стал следователем Скотленд-Ярда и прославился второй раз – борьбой с рекетирами, наркоторговцами и сутенерами, однако в конечном счете его отстранили от работы «за недопустимые методы».

33

Интернет-мем, пошедший от вымышленного комического персонажа, фаната оружия и военного снаряжения, который среди прочего писал о себе: «Я работаю в магазине ниндзя на полставки и сейчас осваиваю навыки эскалаторного боя».

34

Уолтер Митти – герой рассказа Джеймса Тёрбера и фильма «Тайная жизнь Уолтера Митти» (1947; римейк 2013 г. ко времени разговора Бигенда и Холлис еще не вышел), трусоватый сотрудник издательства, воображающий себя то капитаном, то военным летчиком.

35

Грейсленд – поместье Элвиса Пресли в пригороде Мемфиса, ныне – музей.

36

Система сбора дополнительной информации о пассажирах, действующая в США и ряде других стран.

37

Гидравлическое устройство, которым спасатели раздвигают искореженные в автокатастрофе части автомобиля, чтобы добраться до пострадавших.

38

Диана Арбус (1923–1971) – великий американский фотограф. «Ребенок с игрушечной гранатой в Центральном парке» (1962) – одна из самых известных ее фотографий: тощий мальчик, крепко сжимая в правой руке игрушечную гранату, устало и зло смотрит в объектив.

39

Приятное впечатление (*ит.*).

40

«Mr. Wilson» – песня Джона Кейла с альбома «Slow Dazzle» (1975), посвященная Брайану Уилсону из *Beach Boys*.

41

Популярная американская марка молодежной одежды с довольно провокационным названием, поскольку B.U.M. можно прочесть как З.А.Д.

42

«Если вам нужен образ будущего, вообразите сапог, топчущий лицо человека – вечно» (Дж. Оруэлл, «1984», перев. В. Голышева).

43

Гуркхи – непальские добровольцы, составляющие отдельную бригаду в Британской армии. Гуркхские полки были созданы в колониальный период, но сохранились и после того, как Индия получила независимость: гуркхи считаются не наемниками, а британскими военнослужащими. С 2009 г. они могут по окончании срока службы получить британское гражданство.

44

«Руперт» на британском армейском жаргоне – офицер-сноб из высшего класса, выпускник престижного учебного заведения.

45

Музыкант, имя которого забыла Фиона, – электрогитарист Груп Дуэй из Западной Сахары (Марокко). Вместе с женой и другом играет национальную берберскую музыку с элементами рока.

46

Харви Филип Спектор (р. 1939) – прославленный музыкальный продюсер; в 2009 г. был осужден за убийство актрисы.

47

Джеронимо (1829–1909) – предводитель племени апачей, который в течение двадцати пяти лет героически сражался с американцами за земли предков. По легенде, в 1918 г. несколько студентов Йельского университета (в том числе будущий отец президента Буша-старшего), принадлежащих к тайной организации «Череп и кости», похитили череп Джеронимо. В 2009 г., под конец президентского срока Буша-младшего, против общества «Череп и кости» был подан иск с требованием вернуть череп; расследование, впрочем, не смогло подтвердить легенду.

48

«*Медленная еда*» («слоуфуд» в противоположность фастфуду) – движение за здоровое питание, экологичные продукты, сохранение национальной кухни и традиций застолья, часть движения «Медленная жизнь». Первые такие рестораны возникли в Италии в 1990-е годы и быстро распространились по всему миру.

49

Джон Фаулз, «Заметки о неоконченном романе».

50

Войтек нарочито коверкает название песни Боба Дилана «I Pity the Poor Immigrant» («Мне жаль беднягу-иммигранта») с альбома «John Wesley Harding» (1968).

51

Бидермейер – немецко-австрийский стиль первой половины XIX в., мещанская смесь ампира и романтизма. Для мебели этого стиля характерны плавные изогнутые формы.

52

Citroën 2CV (*Deux chevaux* – две лошадки) – французский малолитражный автомобиль, выпускавшийся с 1949 по 1990 г.; поначалу сверхдешевый и непрестижный, он со временем приобрел культовый статус.

53

Pop-up магазин – модная форма розничных продаж, рассчитанная на привлечение внимания. Магазин открывается на срок от одного дня до нескольких недель; это может быть фургончик на улице или недорого, но оригинально оформленное пространство, так что торговля становится праздничным действом, а покупатели – его участниками.

54

Норэн – традиционный японский занавес, который может висеть в двери, на окне или делить помещение на части.

55

Деформирующий (другое название – ослепляющий) камуфляж был разработан для флота в Первую мировую войну английским художником Норманом Уилкинсоном, предложившим раскрашивать корабли абстрактными зебровыми полосами, создавая оптические иллюзии, благодаря которым суда трудно было различить или определить на расстоянии.

56

Дэниел Радж (1840–1880) – британский изобретатель, создавший в Ковентри одну из первых компаний, выпускающих автомобили. С 1910-х гг. компания, носящая его имя, начала выпускать и мотоциклы, в том числе знаменитые гоночные. Она просуществовала до начала 1940-х гг.

Ожидаемое время прибытия.

58

Скрабс (полностью – Уормвуд-Скрабс, Полынные заросли) – общинный луг площадью 80 га на северо-востоке Лондона. Здесь расположены несколько стадионов, школа верховой езды, очень известная мужская тюрьма Уормвуд-Скрабс и больница, однако значительная часть представляет собой обычную пустошь.

59

Эль Лисицкий (Лисицкий Лазарь Мордухович, 1890–1941) – советский художник и архитектор, представитель супрематизма.

60

«*Хьюз Н-4 Геркулес*» – 136-тонный самолет, самая большая летающая лодка в мире. Его начали строить во время Второй мировой войны, но закончили только в 1947-м, и он совершил единственный испытательный перелет длиной 2 км. С тех пор находится в музее.